Шкафъ 1
Полка 4
№ 593

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

[illegible]

№ 5 и 6 Годъ XXII

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

Принято 1940 г.

МАЙ-ІЮНЬ

1890

ИМПЕРАТОРСКАГО
Историческій Кабинетъ
С.-Петербургск. Университета

ТОМЪ V.

Государственный университет
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890

Содержаніе майско-іюньской книги.

Стран.

I. О ЦѢЛЯХЪ НАКАЗАНІЯ ПО УЗАКОНЕНІЯМЪ ПЕТРОВСКАГО ЦАРСТВОВАНІЯ. **А. Н. Филиппова.** 3

II. ФОРМАЛЬНАЯ ТЕОРІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ. **А Блукста** . . . 42

III. ОБЩИННОЕ И ПОДВОРНО-НАСЛѢДСТВЕННОЕ ВЛАДѢНІЕ ПРІУСАДЕБНЫМИ ЗЕМЛЯМИ ПО ЗАКОНУ И ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. **М. А. Плотникова.** 61

IV. ВЫЗОВЪ И ДОПРОСЪ СВИДѢТЕЛЕЙ ПО УГОЛОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ, РАЗСМАТРИВАЕМЫМЪ ВЪ МИРОВЫХЪ СЪѢЗДАХЪ. Уставъ уголовнаго судопроизводства, ст. 159, 165, 194 и 197 (*окончаніе*). **И. Острикова** 73

V. ОБЫЧНОЕ ПРАВО У КИРГИЗЪ. Судоустройство и судопроизводство. **А. Леонтьева.** 114

VI. ЛЕРУА-БОЛЬЕ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ВМѢШАТЕЛЬСТВѢ. *Leroy - Beaulieu.* L' état moderne et ses fonctions. **В. А. Гольцева.** 140

VII. ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ КУСТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО. **А. Исаева.** 149

VIII. ПРОЕКТЪ УСТАВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ 1888 ГОДА. Докладъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 12 марта 1890 г. **Н. И. Ржондковскаго.** 155

IX. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОХРАНА ДѢТЕЙ, РАБОТАЮЩИХЪ ВЪ МАСТЕРСКИХЪ, И ВОПРОСЫ ЕЯ БЛИЖАЙШАГО БУДУЩАГО. **П. Н. Обнинскаго.** 179

X. АРТЕЛИ ОЛОНЕЦКИХЪ РЫБАКОВЪ. **Г. И. Куликовскаго** . . 189

XI. БИБЛІОГРАФІЯ. *В. Е. Якушкинъ.* Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в. Выпускъ первый. XVIII-й вѣкъ. Москва 1890. **В. Н. Ст—ва.** — *А. А. Кауфманъ.* Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Ишимскаго округа, Тобольской губ. Изданіе Министерства государственныхъ имуществъ. Вып. 3 и 5. СПБ. 1889. **Н. А.** — Сборникъ законоположеній и распоряженій правительства о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, съ присоединеніемъ всѣхъ относящихся къ нимъ статей свода законовъ. Составленъ *Е. П. Щировскимъ* и *І. Н. Епанчинымъ.* Харьковъ 227

XII. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. О «земцохъ» **В. Н. Сторожева.** — Публичность въ новыхъ административно-судебныхъ законахъ. **А. Тютрюмова.** — Интересы землевладѣльческаго и крестьянскаго населенія передъ судомъ Орловскаго земства. **И. П. Бѣлоконскаго** 241

54976

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1890

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Томъ V

КНИГА ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

(Май—Іюнь)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1890

О ЦѢЛЯХЪ НАКАЗАНІЯ ПО УЗАКОНЕНІЯМЪ ПЕТРОВСКАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

«Сохрани меня, Боже, похвалить сіи безчелокѣчные законы, которые наказуютъ смертною казнію и самыя малѣйшія преступленія; *понеже надлежитъ имѣть почтеніе къ человѣчеству*»...

Изъ «Разсужденія о правленіи» — князя *М. М. Щербатова.*

Раскрытіе, на основаніи данныхъ *указной практики* царствованія Петра Великаго, *общихъ понятій* о наказаніи представляетъ, несомнѣнно, нѣкоторыя трудности. Указная практика, по существу ея у насъ въ XVII—XVIII в., является не чѣмъ инымъ, какъ разрѣшеніемъ отдѣльныхъ вопросовъ права отъ случая къ случаю. Въ то время, какъ въ кодексѣ законодатель самъ *обобщаетъ* въ законоположеніяхъ тѣ или иные взгляды свои на вопросъ, въ практикѣ указовъ онъ по большей части только хочетъ такъ или иначе совладать съ отдѣльнымъ затрудненіемъ, рѣшить его, глядя по временнымъ и случайнымъ обстоятельствамъ дѣла. Конечно, и эта волнующаяся и мало, повидимому, устойчивая поверхность отрывочной, случайной законодательной работы даетъ большой матеріалъ *для обобщеній*, особенно когда мы изучаемъ ее на большомъ, сравнительно, пространствѣ времени, на многомъ множествѣ случаевъ проявленія, притомъ тогда, когда главнымъ творцемъ закона является такая цѣльная и оригинальная личность, всюду вносящая нѣчто свое, какъ Петръ Великій. Но трудность состоитъ здѣсь въ томъ, что изслѣдователю самому приходится извлекать эту *общую* мысль законодателя изъ массы его разнородныхъ указовъ и уставовъ, не имѣя притомъ

иногда опоры въ ясно выраженныхъ мотивахъ законовъ. При такомъ извлеченіи возможны невольныя ошибки въ освѣщеніи того или инаго взгляда и дѣйствій законодателя. Общій уголовный кодексъ, дѣйствующій и при Петрѣ Великомъ рядомъ съ этими сепаратными указами, могъ бы въ значительной мѣрѣ облегчить подобную работу, но, конечно, подъ условіемъ, что самъ этотъ кодексъ являлся бы, въ общемъ, не чѣмъ инымъ, какъ сведеніемъ воедино предшествующей сепаратной практики указовъ. Тогда послѣдующая практика являлась бы естественнымъ продолженіемъ началъ кодекса, которое если бы и видоизмѣняло въ томъ или иномъ направленіи его постановленія, то было бы во всякомъ случаѣ въ извѣстномъ *органическомъ* къ нему отношеніи. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать объ дѣйствующихъ при Петрѣ Великомъ Воинскихъ артикулахъ, такъ какъ послѣдніе, будучи кодексомъ, созданнымъ по *иноземнымъ* источникамъ, ничего не взяли изъ предъидущаго нашего праворазвитія и хотя вліяли на послѣдующее, но ничего или слишкомъ мало объясняли въ этомъ послѣдующемъ, поскольку оно развивалось самостоятельно. Такимъ образомъ, оба источника уголовныхъ законовъ, Воинскіе артикулы и сепаратные указы, могутъ изучаться параллельно съ цѣлію общаго изслѣдованія ученія о наказаніи тѣхъ и другихъ въ данную эпоху, но изслѣдованіе общихъ началъ указной практики мало найдетъ для себя объяснительнаго матеріала въ Воинскихъ артикулахъ и должно поэтому производиться отдѣльно и самостоятельно. Въ послѣдующемъ очеркѣ мы сдѣлаемъ попытку такого изслѣдованія, остановившись прежде всего на вопросѣ о цѣляхъ наказанія.

Общею и конечною цѣлію наказанія всегда и вездѣ была защита извѣстнаго общественнаго порядка и спокойствія отъ чьихъ либо правонарушеній. Но такъ какъ по эпохамъ постоянно измѣнялся какъ характеръ этихъ правонарушеній, такъ и относительная цѣнность тѣхъ благъ, на которыя дѣлались тѣ или иныя нападенія, то *ближайшія цѣли* наказанія претерпѣвали серьезныя измѣненія въ своихъ основаніяхъ и въ нихъ по временамъ выдвигалась на первый планъ то одна, то другая задача возмездія, на осуществленіе коей органы общественной власти полагали наибольшія усилія. То такою задачею было истребленіе «лихихъ людей», нарушавшихъ спокойствіе общества; то устрашеніе какъ ихъ, такъ и мирныхъ гражданъ угрозами тяжкихъ каръ отъ совершенія или повторенія преступленій; то, наконецъ, организація каръ съ цѣлію достиженія обществомъ безопасности отъ безпокойныхъ элементовъ и т. д. Всѣ эти цѣли иногда раздѣлялись, чаще же сливались вмѣстѣ въ той или иной организаціи мѣръ наказанія; къ

нимъ въ отдѣльныя болѣе позднія, конечно, эпохи праворазвитія примѣшивались, какъ переживанія, древнія начала мести [1]) и, какъ начала будущаго, цѣли исправленія и пр. Затѣмъ наряду съ этими основными цѣлями нерѣдко выступали *побочныя*, нисколько не вытекавшія изъ идеи наказанія, какъ таковаго, но, однако, преслѣдовавшіяся законодателемъ, когда это было возможно, не менѣе энергично, чѣмъ и первыя. Таковы, напримѣръ, цѣли эксплоатаціи личныхъ силъ и имущественныхъ достатковъ преступниковъ въ пользу государства. Въ Петровскихъ узаконеніяхъ всѣ эти задачи наказанія осуществлялись не менѣе настойчиво, чѣмъ и въ предшествующій историческій періодъ [2]). Особый, *боевой* характеръ эпохи сказывается, на нашъ взглядъ, въ вопросѣ о наказаніи въ томъ, что начало *устрашенія*, какъ цѣль наказанія, является здѣсь, однако, преобладающимъ. Имъ пользуется законодатель не только какъ средствомъ для борьбы съ обыкновенными, не менѣе, чѣмъ предшествующей эпохѣ, свойственными проявленіями злой воли человѣка, *но и какъ средствомъ для проведенія въ жизнь своихъ нововведеній*. Указы Петра Великаго сохранили намъ непререкаемый матеріалъ для наглядnаго изученія той борьбы, того протеста, какой встрѣчали въ обществѣ его новшества. Общество, дурно или хорошо, но во всякомъ случаѣ энергично защищало свои нравы, обычаи и вѣрованія; законодатель столь же энергично, чтобъ не сказать больше, отстаивалъ свои взгляды, свои требованія, избравъ себѣ для этого, если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ самыхъ сильныхъ орудій—наказаніе, какъ устрашеніе. Мечъ уголовнаго правосудія былъ въ его рукахъ не только мечомъ карающимъ, но и мечемъ, которымъ онъ расчищалъ, хотя и не всегда удачно, путь для воспріятія обществомъ его требованій. Не удивительно поэтому, что цѣль устрашенія, проводимая не только со строгостью, но даже жестокостью, отличаетъ едва ли не большую часть Петровскихъ узаконеній, идя рука объ руку съ необычайно твердымъ, часто ничѣмъ не сокрушимымъ отпоромъ, со стороны какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ общества. Изучая эти узаконенія, долженствующія устрашить общество то жестокостью, то позоромъ тѣхъ каръ, какія въ нихъ

---

[1]) Это начало имѣетъ мѣсто даже въ воинскихъ артикулахъ Петра Великаго, какъ это, напр., видно изъ 154 арт.: «кто кого волею или нарочно безъ нужды и безъ смертнаго страха умертвитъ или убьетъ его тако, что отъ того умретъ, *онаго кровь паки отмститъ*».

[2]) О цѣляхъ наказанія въ XVII в. см. въ кн. Н. Д. Сергѣевскаго «Наказаніе въ р. правѣ XVII в.», стр. 2 сл.

возводятся въ цѣлую систему, видишь, что если исключительная энергія законодателя, слишкомъ, можетъ быть, скоро хотѣвшаго прямолинейнаго проведенія своихъ взглядовъ въ народную жизнь, и имѣла здѣсь извѣстное мѣсто, то съ другой стороны общественная инерція, пассивная реакція, отстаивавшая свой покой, свою жизнь такою, какова она есть, были таковы, что законодатель какъ бы былъ вынужденъ идти на крайности въ примѣненіи исключительныхъ мѣръ устрашенія. Мало этого — иногда стѣна этого отпора была такъ крѣпка, о нее такъ легко разбивались всѣ кары уголовнаго возмездія, что законодатель какъ бы терялся, переходя отъ мѣръ жестокихъ къ мягкимъ, отъ угрозъ къ полному забвенію и прощенію содѣяннаго, лишь бы только вызвать со стороны общества исполненіе своихъ требованій. Но, какъ выражается не разъ Петръ Великій — «презиратели» указовъ являлись постоянно, шли непрерывнымъ строемъ, толпами, не пугаясь ни угрозами жестокихъ наказаній, ни примѣрами уже лицъ наказанныхъ. Чѣмъ объяснить это постоянно встрѣчавшееся неисполненіе указовъ, вызывавшее усиленную реакцію со стороны законодателя въ видѣ устрашающихъ каръ, жестокихъ наказаній? Причины этого были сложны. Прежде всего, во многихъ случаяхъ, они коренились въ привычкахъ стараго времени, находившихъ себѣ поддержку и въ современномъ строѣ, почему борьба съ такимъ изстариннымъ зломъ, какъ, напримѣръ, поголовное стремленіе избыть, убѣжать отъ тяжелой службы,—съ такими привычками, какъ лихоимство, взяточничество, произволъ и самовластіе во всевозможныхъ видахъ—не могла быть успѣшна, не могла дать сразу быстрыхъ и осязательныхъ результатовъ, какъ бы ни энергичны были усилія законодателя. Современникамъ Петра Великаго, какъ и ему самому, казалось, что эти мѣры строгости и даже жестокости *необходимы*, что они сами по себѣ являются средствомъ, съ корнемъ вырывающимъ старое зло. Такъ, напримѣръ, Посошковъ, говоря о томъ, что если «судей малыхъ и великихъ *не казнить и великими штрафы ихъ не штрафовать*, то и правое изложеніе (уложеніе?) учиня правды и праваго суда установить будетъ невозможно. А аще ради установленія правды правителей судебныхъ *и много падетъ* быть ужъ такъ. А безъ урону, я не чаю, установитися правдѣ, а прямо рещи—и невозможно правому суду установитися, аще *сто другое судей не падетъ*: понеже у насъ на Руси неправда вельми застарѣла. *А не такимъ страхомъ не чаю я того* злаго коренія истребить: аще бо коя и земля вельми задернеетъ и дондеже того тернія огнемъ не выжгутъ, то не можно на ней пшеницы сѣяти: тако и въ народѣ *злую заста-*

рѣлость злома надлежитъ и истребляти. А еще не тако, то, по моему мнѣнію, не только въ судѣхъ, но и во всякомъ правленіи правды не будетъ». [3])... Такъ смотрѣлъ на дѣло и другой выдающійся человѣкъ XVIII в., извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ. Въ знаменитой его «бесѣдѣ» — «о порокахъ и самовластіи Петра Великаго» [4]) онъ ставитъ вопросъ о томъ, могла ли бы Россія, «хотя не толь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпѣвъ ущерба»... быть приведена не только въ то состояніе, въ какомъ она находилась послѣ Петра, но и въ «вящшее *добротою*», если бы Петръ Великій «не употребилъ самовластія», и отвѣчаетъ отрицательно. Разсказавъ, между прочимъ, о «множествѣ охулительныхъ жестокостей» при усмиреніи стрѣльцовъ, когда «семь тысячъ человѣкъ вдругъ смерти предаются, когда «самъ монархъ обагряетъ недостойнымъ себѣ дѣяніемъ священныя руки кровію своихъ подданныхъ и среди палачей зрится» [5]), Щербатовъ находитъ, что задумывая «великія перемѣны, не могъ Петръ Великій надѣяться до сего достигнуть, пока хотя малое число сихъ безпокойныхъ людей въ живыхъ останется, чего ради и рѣшился на толь суровое дѣло» (какъ казни)... «Все сіе оправданіе, я признаюся», искренно добавляетъ Щербатовъ, «что есть весьма слабо, въ разсужденіи оказанной жестокости; но отнесемъ при томъ сіе къ тѣмъ суровымъ временамъ, отнесемъ къ худому воспитанію, отнесемъ къ привычкѣ къ крови»... Такъ смотрѣли на дѣло устрашенія казнями лучшіе современники и, конечно, такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ Петръ Великій, истребляя «злую застарѣлость» страхомъ каръ, хотя, какъ это мы увидимъ далѣе, и мало достигая здѣсь положительныхъ результатовъ. *Вторую* причину безуспѣшности жестокой борьбы противъ «презирателей» указовъ надо искать въ томъ, что часть распоряженій шла противъ исконныхъ привычекъ и обычаевъ общества, разстаться съ которыми было и трудно и часто обидно, такъ какъ сила ихъ держалась на вѣрѣ, что все это «не нами повелось, не нами и кончится», что жили же раньше предки такъ, привыкли къ такой жизни, зачѣмъ же повертывать, да еще такъ круто и вдругъ, отъ прадѣдовскихъ чтимыхъ устоевъ къ новымъ, относительная цѣнность которыхъ для порядливой жизни еще неизвѣдана. Наконецъ, *третьею* причиною, внѣшнею, но не менѣе другихъ дѣйствительною надо считать то, что хотя указы Петровскаго времени постоянно требуютъ

[3]) Сочиненія Ив. Посошкова, изд. М. П. Погодина (М. 1842 г.), стр. 84 сл.

[4]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. 1860, кн. I, стр. 11 сл.

[5]) Фактическія данныя, относящіяся къ вопросу о стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 г., у Устрялова. «Исторія царст. Петра Великаго, т. III, стр. 153 сл., 218 сл.

«дабы никто впредь невѣдѣніемъ не отговаривался» [6]), почему общіе кодексы, какъ, напримѣръ, Воинскій Уставъ, разсылаются въ большомъ количествѣ по канцеляріямъ (V, № 3010), а затѣмъ и устанавливается общее правило объ обязательности исполненія *публикованныхъ* законовъ [7]), какъ объ этомъ гласитъ указъ 9 февраля

---

[6]) Вотъ одинъ изъ характерныхъ и притомъ общихъ распоряженій Петра Великаго по поводу такого «невѣдѣнія», обнаруженнаго самимъ сенатомъ: «надлежитъ обрѣтающимся въ сенатѣ, синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего государства *вѣдать всѣ уставы государственные* и важность ихъ. И *дабы впредь никто невѣдѣніемъ* о государственныхъ уставахъ *не отговаривался* (*какъ учинилось отъ нѣкоторыхъ изъ сената*, въ прошломъ 1722 г. въ 31 день октября, въ сенатѣ, въ дѣлѣ Шафирова, что *невѣдѣніемъ про указъ нашъ*, который имъ тогда оберъ-прокуроръ читалъ, а они не вняли и учинили противность въ сенатѣ, которымъ *не помогло-жъ то невѣдѣніе*, но штрафованы отнятіемъ чиновъ на время и арестомъ и деньгами); и для того отъ нынѣ, ежели о какомъ указѣ гдѣ при какомъ дѣлѣ помянуто будетъ, а кто въ то время не возьметъ того указа смотрѣть и пренебрежетъ, а *станетъ невѣдѣніемъ послѣ отговариваться*: такихъ наказывать въ первые отнятіемъ чина на время и штрафу, годъ жалованья, въ другой разъ третьею долею всего движимаго и недвижимаго имѣнія, въ третій разъ лишеніемъ всего имѣнія и чина вовсе» (указъ 22 января 1724 г. NCS. VII, № 4436). Если такіе случаи возможны были въ сенатѣ, а указъ предполагалъ ихъ возможными и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, то, конечно, они могли еще чаще имѣть мѣсто среди населенія, малограмотнаго, немогшаго слѣдить за массою появлявшихся узаконеній. Объ этомъ невѣдѣніи и свидѣтельствуютъ многіе Петровскіе указы.

[7]) «В. Государь указалъ объявить всенародно: въ минувшихъ годахъ, которые Его В. указа о разныхъ дѣлахъ *публикованы*, и впредь *публиковаться* будутъ въ народъ, чтобъ по онымъ исполненіе чинили, какъ въ тѣхъ указахъ предложено будетъ». Поэтому преступающему указы, вѣдая или не вѣдая о нихъ, законъ грозитъ за дѣяніе или даже неизвѣщеніе о дѣяніи другаго тѣмъ, что онъ «будетъ безъ пощады казненъ или наказанъ... не ставя то ему во оправданіе, что смотря на другаго чинилъ, чего для надлежитъ всякому поступать по указамъ и охранить оные, и *чтобъ впредь никто невѣдѣніемъ не отговаривался*» (VI, № 3510). Эта мысль объ обязательности «указовъ» всенародно напечатанныхъ и повсюду объявленныхъ нѣсколько разъ и настойчиво повторяется Петромъ Великимъ (указъ 15 октября 1719, V, 3435; VI, 1720 г. 21 мая, № 3586 и др.). Указъ 1723 г. 25 сентября грозитъ, напр., смертною казнею, ссылкою на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей и лишеніемъ всего имѣнія тѣмъ, кто «указовъ *печатныхъ* разсылать и въ народъ публиковать или въ церквахъ попы читать не будутъ» (VII, 1723 г. 25 сентября, № 4311); дѣло идетъ о сборѣ восьмигривенной подушной подати, о которой повелѣно «въ городахъ и въ уѣздахъ въ народъ публиковать и по селамъ отдавать попамъ съ росписками, а имъ въ церквахъ оные указы по вся праздники и воскресные дни для вѣдома прихожанамъ *читать*, чтобъ всякъ о томъ сборѣ подлинно былъ свѣдомъ и никомубъ нельзя было *прибавить или убавить*».

1720 года., однако, это невѣдѣніе несомнѣнно вліяло, какъ одинъ изъ факторовъ, на вопросъ о непримѣняемости указовъ и распоряженій. Законодатель раздражался, если позволительно такъ выразиться, видя еще эту лишнюю причину невыполненія со стороны населенія законовъ, усиливалъ свои кары, устрашалъ строгостью наказаній, повторялъ свои требованія, но не всегда успѣвалъ въ своихъ планахъ и задачахъ, наталкиваясь на цѣлый радъ неудачъ. Обращаемся къ фактамъ для подтвержденія всего сказаннаго.

II.

Что устрашеніе, какъ *цѣль* наказанія, играло важную, если не преобладающую роль въ петровскихъ узаконеніяхъ — это наглядно доказывается уже самимъ языкомъ этихъ узаконеній. «Объявить указами подъ жестокимъ штрафомъ и подъ каторжнымъ съ раззореніемъ домовъ истязаніемъ»... «надлежитъ особымъ утвердить *страхомъ*». (V, 1713 г., № 2635, 6 п.)—«*подъ жестокимъ страхомъ*» (ib., № 2646),—«*подъ жестокимъ* его Государевымъ *гнѣвомъ* и раззореніемъ (ib., 1719 г., № 3287); «*подъ* жестокимъ наказаніемъ» (VII, 1724, № 4618; 1725, № 4640), «*подъ опасеніемъ* жестокаго наказанія» (VII, 1724, № 4578); «сіе чинить *подъ такимъ страхомъ*, что оный, кто отвѣтствовать не будетъ сенату на его указы, тотъ подлежать будетъ, яко преступникъ указа и ослушатель, раззоренью, наказанію и ссылки или и лишенію живота» (V, 1719, № 3333); «*подъ страхомъ* жестокаго наказанія» (1721, VI, № 3882); «тѣ дѣла вершить (въ коллегіяхъ) потомужъ въ недѣлю *подъ наказаніемъ* смертнымъ, или ссылкою на галеры и лишеніемъ всего имѣнія»... (ген. регл. коллегіямъ, VI, № 3534); «Его Царское Величество указалъ объявить, *на удержаніе оныхъ злыхъ вымысловъ* и лукавыхъ корыстей»... что «у такихъ злодѣевъ имѣніе ихъ движимое и недвижимое отписывать на Великаго Государя и ихъ казнить смертію» (V, 1713 г., № 2707); «а которые (недоросли) изъ бѣговъ не явятся, и потомъ будутъ пойманы, тѣхъ *безо всякой пощады* повелѣно будетъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную работу на каторги» (VI, 1720, № 3631); исполнить «*подъ опасеніемъ* за неисправленіе неотмѣннаго истязанія по указамъ» (V, 1719, № 3294); «чинить подъ лишеніемъ живота и чести» (VI, 1721, № 3720); «предлагаемыя въ посылаемыхъ указахъ *угроженія* штрафовъ, когда кто по тѣмъ угроженіямъ не исправенъ пребудетъ, за вины производить во экзекуцію»... (VII, 1724, № 4608)—вотъ немногіе только

примѣры изъ многихъ—того языка, тѣхъ устрашающихъ «угроженій» какими говоритъ законодатель, стремясь удержать преступника и мирныхъ гражданъ отъ совершенія запрещенныхъ дѣяній. Цѣль наказанія здѣсь та же, что̀ и въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, когда оно наказываетъ, «чтобъ на то смотря другимъ неповадно было» (Уложеніе III, 1, 9; X, 20 и др.); «чтобы имъ и инымъ такимъ впредь неповадно было» (ib., X, 19); «чтобъ на то смотря, иные такого беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали»... (XXII, 26); «чтобъ всякимъ людямъ у себя воровъ... держать было неповадно» (XXI, 62) и многія другія. Интересно, что само выраженіе «чтобъ неповадно было» продолжаетъ встрѣчаться и въ петровскихъ и послѣ Петра Великаго появлявшихся узаконеніяхъ, ясно знаменуя тѣмъ, что старая работа устрашенія продолжалась и въ XVIII вѣкѣ. Такъ, напримѣръ, указъ 19 января 1721 г. предписываетъ «всѣмъ бѣглымъ при отдачѣ (ихъ прежнимъ помѣщикамъ) чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ, дабы впредь на то смотря другимъ никому бѣгать было *неповадно*» (VI, № 3743; тоже указъ 1724 г., VII, № 4609 и др.) [8]). Иногда таже мысль объ устрашеніи передается въ другихъ выраженіяхъ—«учинить... наказанье бить батоги, вмѣсто кнута (подъячихъ за нерадѣніе и лѣность) нещадно, чтобъ на то смотря, впредь таковые другіе лѣнивы и нерадѣтельны не были» (V, 1715, № 2912). Еще съ бо́льшею, можетъ быть, яркостью, чѣмъ въ словѣ, идея устрашенія сказывается въ тѣхъ *осрамительныхъ* наказаніяхъ, какія частію берутся въ наслѣдіе у XVII вѣка [9]), а еще чаще изобрѣтаются въ самыхъ прихотливыхъ, а иногда и ужасающихъ формахъ

---

[8]) Въ одной грамотѣ 1701 г. енисейскому воеводѣ предписывается нѣкоему Ивану Перваго съ товарищи, если онъ сообщилъ невѣрныя «сказки» о моровомъ повѣтріи, «учинить наказаніе, снявъ рубахи, при многихъ людехъ, бить батога нещадно, чтобъ и инымъ такихъ сказокъ давать было неповадно» (Памятники Сибир. Исторіи, т. I, стр. 129). Несомнѣнно, что и указы позднѣйшаго времени проводятъ ту же мысль. Напр., сенатъ приказалъ въ 1726 году коммиссаровъ Арцибашева, Баранова и подъячаго Волоцкаго, обвиненныхъ въ похищеніи казны и взяткахъ въ бытность ихъ на службѣ въ Обонежской пятинѣ—«повѣсить въ той Обонежской пятинѣ, и написать вины ихъ на жести, прибить къ тѣмъ висѣлицамъ и тѣлъ ихъ съ тѣхъ висѣлицъ не снимать»; экстрактъ о этой казни, напечатавъ, «велѣть для всенароднаго извѣстія публиковать, и какъ въ городахъ и въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, прибить листы, *дабы другіе сборщики и прочіе такъ чинить не дерзали*» (VII, № 4826); указомъ 1727 г. повелѣно нѣчто о взысканіи недоимокъ «*на предбудущій судьямъ страхъ и опасеніе*» (указъ 1732, VIII, № 5983) и т. д.

[9]) О нихъ въ соч. Н. Д. Сергѣевскаго «О наказаніи» стр. 147 сл.; Ступинъ—Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Владикавказъ, 1887, стр. 11 сл.

уже въ XVIII вѣкѣ. Таковы нѣкоторые виды смертной казни, разсчитанные на устрашеніе толпы. Такъ, напримѣръ, въ 1701 г. извѣстный Талицкій, обвиненный въ томъ, что «писалъ письма плевальныя и ложныя о пришествіи Антихристовѣ» и т. д. былъ осужденъ на казнь «копченіемъ творимую» (VI, 1722, № 389); такъ въ 1698 г. стрѣльцы подвергались массами колесованію, колесованію и повѣшанію (Устряловъ, ib., стр. 235 сл.), а затѣмъ тѣла ихъ выставлялись надолго «на позорище» передъ народомъ [10]). Такъ иногда устрашающая, страшная казнь не щадила и мертвыхъ: тѣло «московскаго Кромвеля», Ивана Милославскаго, какъ говоритъ одинъ современникъ, черезъ 13 лѣтъ было вырыто и трупъ былъ «везенъ на телѣжкѣ о шести чудскихъ свиньяхъ со сбереженіемъ палаческимъ и по привозѣ въ приказъ (Преображенскій) оный... на части разсѣченъ» [11]) и т. д. Такъ далѣе въ исключительныхъ случаяхъ, каковы, напримѣръ, моровыя повѣтрія, разбои и грабежи и т. д., правительство проявляло идею устрашенія въ самыхъ наглядныхъ и страшныхъ формахъ. Такъ, напримѣръ, въ Инструкціи гвардіи капитану Горохову, отправленному въ Кіевскую и Азовскую губерніи по случаю моровой язвы, предписывалось озаботиться тѣмъ, чтобъ мѣстныя власти «тѣ мѣста, въ которыхъ повѣтріе явилось, отовсюду въ пристойныхъ мѣстахъ крѣпкими утвердить заставами» и «публиковать указами, подъ смертною казнію, чтобъ отнюдь никто ни тайнаго, ни явнаго проѣзда и прохода *мимо тѣхъ заставъ* чинить не дерзали»... Принявъ нужныя мѣры, въ заключеніе повелѣвалось—«*для большаго страха*, по знатнымъ дорогамъ, гдѣ проѣздъ бываетъ, *велѣть поставить висѣлицы*; и ежели, кто, презрѣвъ сей указъ, мимо тѣхъ заставъ покрадется и будутъ пойманы: то тѣхъ *вѣшать не описывался*» (т. V, 1718 г., № 3237; тоже въ Инструкціяхъ 1720 г., VI, № 3687 и № 3702 и др.). Та же идея устрашенія высказывается и въ мѣрахъ, предпринимавшихся для «всеконечнаго истребленія воровъ, разбойниковъ и становщиковъ» (V, 1719 г., № 3415)—«тѣмъ ворамъ и разбойникамъ и становщикамъ... чинить по воинскому артикулу, а вящихъ разбойниковъ... вѣшать за ребра, а иныхъ колесовать (инструкція 1719 г., V, № 3477) и т. д.; также въ мѣрахъ

---

10) Ср. описанія иностранцевъ «зрѣлища отвратительнаго», какъ выражается одинъ изъ нихъ, колесованія, повѣшанія за ребра—Дневникъ к.-юнк. Берхгольца (М. 1860, ч. 2, стр. 283), Казни стрѣльцовъ—Перри, «Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ». М. 1871, стр. 119 сл. и др.

11) Записки русскихъ людей. Спб. 1841. Записки Андрея Артам. Матвѣева, стр. 66 сл.

противъ различнаго рода бѣглецовъ, самовольно уходившихъ отъ разнаго рода службъ и селившихся гдѣ было поудобнѣе. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ, по наказанію, одинъ указъ сената отъ 3 декабря 1724 г. Въ слободахъ на рѣчкѣ Карамышѣ поселились въ числѣ 600 человѣкъ «бѣглые ясачные крестьяне изъ Пензенскаго уѣзда и другіе люди, которые въ подушную подать на прежнихъ мѣстахъ записаны». Правительствующій сенатъ, между прочимъ, приказалъ: «бѣглымъ людямъ и крестьянамъ, кои на прежнихъ жилищахъ въ подушный окладъ написаны или хотя за укрывательствомъ ихъ и не написаны, по томужъ (какъ и другихъ), учиня наказаніе, бивъ въ тѣхъ же мѣстахъ кнутомъ же, дабы впредь другимъ бѣгать *было неповадно*, выслать на прежнія ихъ жилища съ ихъ пожитки и съ скотомъ...; *а вышеупомянутый ихъ новопостроенной городокъ и всѣ жилища разорить до основанія*», подтвердивъ, чтобъ у Царицынской линіи селились и впредь только «черкасы» (малороссы), а «великороссіанъ... отнюдь не принимать *подъ страхомъ жестокаго наказанія*»... (VII, № 4609) [12]). Если въ XVII в. устрашать должны были батоги, кнутъ и другія осрамительныя наказанія, производившіяся торжественно и публично, то въ XVIII в. къ нимъ прибавились кошки, сажаніе на цѣпь подъ караулъ, разнаго рода шельмованіе и т. д. Такъ перекупщикамъ хлѣба на рынкахъ, мѣшающимъ своими продѣлками торгу, повышающимъ ему цѣну и пр. «учинено будетъ», какъ говоритъ сенатскій указъ отъ 14 января 1725 г., «*на рынкахъ* наказаніе, биты будутъ морскими кошками, смотря по винѣ (VII, № 4633, п. 4). Такъ, далѣе, Петръ Великій выйдя изъ

[12]) Очень характеренъ, съ точки зрѣнія *идеи устрашенія* въ него вложенной, еще слѣдующій именной указъ Петра Великаго. Императору «учинилось вѣдомо, что не только въ городахъ, въ селахъ и деревняхъ, но и въ Москвѣ при продажѣ соли цѣловальники воруютъ такимъ образомъ: ежели кому случится купить пудъ или больше, и съ таковыхъ, имая нѣкоторые взятки, продаютъ; а которые подлые люди имѣютъ только по малому числу..... и таковыхъ оные цѣловальники воровствомъ своимъ отсылая другъ къ другу, продажи не чинятъ, чего для оныя возвращаются въ домы безъ соли».... Петръ Великій, приказавъ кому слѣдуетъ, «смотрѣть накрѣпко», чтобъ «такого впредь воровства отъ приставленныхъ къ той соли не было», въ заключеніи повелѣваетъ слѣдующее: «И ежели по чьему доношенію таковые воры впредь явятся, какъ выше писано, и таковыхъ, по подлинному свидѣтельству, не мѣшкая ни малаго времени, казнить смертію, *повѣсить, дабы впредь могло оное воровство искорениться*» (указъ 11 мая 1722 г. VI, № 4007). Здѣсь страхъ позорной смерти долженъ, по мнѣнію Петра Великаго, вести къ искорененію «воровства», отъ котораго, какъ выражается тотъ же указъ, «многіе бѣдные въ неизцѣльные болѣзни впадаютъ»...

себя постояннымъ неисполненіемъ его предписаній, грозитъ посадить «подъ караулъ» и даже «на цѣпь» всѣхъ, кто въ теченіе ряда лѣтъ отличался упорнымъ непослушаніемъ. Въ виду упорной неприсылки изъ губерній, несмотря на многіе указы и подтвержденія «денежной казны» и «мѣсячныхъ и годовыхъ въ каммеръ-коллегію и штатсъ-контору рапортовъ», предписывается «виновныхъ, какъ губернаторовъ и воеводъ, также оберъ и унтеръ-офицеровъ *держать за карауломъ* и писать о томъ въ сенатъ» (VII, 1723, № 4247); но и сама камеръ-коллегія не подавала «вѣрные рапорты» о сборѣ денегъ сенату, почему послѣдній предписываетъ «взять той коллегіи изъ членовъ и держать при сенатѣ подъ карауломъ» (VII, 1724, № 4546, № 4580 и др.). Другой случай еще характернѣе. Такъ, именнымъ указомъ 24 марта 1719 г. кіевскому губернатору предписывается вновь, въ подтвержденіе прежнихъ указовъ, прислать къ данному сроку вѣдомости за нѣсколько лѣтъ объ окладныхъ и неокладныхъ приходахъ и расходахъ, угрожая, что «если сего перваго въ Маіѣ не исполните, то имѣетъ сей посланной (лейбъ-гвардіи поручикъ Карабановъ) указъ всѣхъ тѣхъ, на комъ у тебя положено правленіе оной губерніи и прочихъ подчиненныхъ, которые до сего касаются, *сковать за ноги и на шею положить цѣпь и держать въ приказѣ потомѣсть, пока вышеписанное исполнится*» (V, № 3341). Въ слѣдующемъ году сенатъ въ указѣ 23 сентября сознается (ib., № 3647), что исполненія по предыдущему требованію вездѣ «чинится» мало или даже вовсе «не учинили», а потому вновь подтверждаетъ, что, «если губернаторы, вице-губернаторы и другіе управители во отправленіи тѣхъ вѣдомостей будутъ мѣшкать... и таковые наказаны будутъ, яко преступники указовъ, жестоко по указу». Угрозы, однако, не дѣйствовали, какъ это видно изъ подтвержденій... Въ дорогомъ для Петра Великаго корабельномъ дѣлѣ, царь-реформаторъ распространяетъ эту угрозу наказанія даже на потомковъ (именной указъ 7 февраля 1722 г. переяславскимъ воеводамъ): «надлежитъ вамъ беречь остатки кораблей, яхтъ и галеръ; а буде опустите: то взыскано будетъ *на васъ и на потомкахъ вашихъ*, яко пренебрегшіи сей указъ»—(VI, № 3903), а въ знаменитомъ указѣ 11 января 1722 г., въ которомъ констатируется, что не смотря на многіе указы, коими повелѣвалось «дабы шляхетство всякаго званія и отставные офицеры... для нашего осмотра были въ Москву» къ опредѣленнымъ срокамъ, «но и по нынѣ явились не всѣ, преступая оные наши указы», Царь угрожаетъ ослушникамъ указа такимъ безпримѣрнымъ шельмованіемъ, что передъ нимъ блѣднѣютъ всѣ предшествовавшія мѣры угрозъ — «а

ежели кто изъ оныхъ до того срока, и на тотъ срокъ пріѣзда своего не запишетъ, и на смотръ не явится: и таковые будутъ шельмованы, и съ добрыми людьми ни въ какое дѣло причтены быть не могутъ, *и ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у нихъ отъиметъ и у такихъ, а ежели и до смерти убьетъ, о такихъ челобитья не принимать, и суда имъ не давать, а движимое и недвижимое ихъ имѣнія отписаны будутъ на насъ безповоротно...* и по прошествіи вышеписанныхъ сроковъ всѣхъ *нѣтчиковъ имена будутъ особо напечатаны, и для публики прибиты къ висѣлицамъ на площади*, дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и равнымъ измѣнникамъ» (VI, № 3874). Дальше въ угрозахъ грядущими карами идти уже было некуда, такъ какъ здѣсь «нѣтчикъ» не только публично осрамлялся, но и уподоблялся какъ бы древнему *wargus'y* [13]), человѣку-волку, лишавшемуся всякой защиты со стороны возставшей на него общины [14]). Справедливость требуетъ замѣтить, что Петръ Великій дошелъ до этихъ крайнихъ элементовъ устрашенія не сразу, а послѣ цѣлаго непрерывнаго ряда разныхъ мѣръ борьбы противъ шляхетскаго непослушанія и «огурства», какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, къ его указамъ о службѣ.

Приведенные примѣры узаконеній петровскаго времени, проводившіе начало устрашенія, всѣ почти относились къ тѣмъ *обычнымъ* правонарушеніямъ, которые и до Петра Великаго и послѣ него вызывали въ той или иной мѣрѣ кару закона. Но, какъ я уже говорилъ выше, устрашающія наказанія являлись для Петра Великаго нѣкоторымъ орудіемъ для проведенія его новшествъ, а потому и постигали дѣянія съ моральной точки зрѣнія не представлявшія въ себѣ ничего злаго и дурнаго, а лишь считавшіяся преступными потому,

---

13) *Grimm*, «Deutsche Rechtsalterthümer» (Götting. 1828, стр. 396).

14) Введенное Петромъ Великимъ шельмованіе или лишеніе чести вообще должно было играть, какъ наказаніе, *устрашающую* роль. Въ генеральномъ регламентѣ коллегіямъ говорится объ этомъ слѣдующее: «никакое воздаяніе такъ людей не приводитъ въ добру, какъ любленіе чести, равнымъ же образомъ *никакая такъ казнь не страшитъ, какъ лишеніе оной* (т. е., чести). Того ради всякаго неточію шельмованнаго, но и того, который на публичномъ мѣстѣ наказанъ, или обнаженъ былъ, отчуждаться и якобы мерзить имъ надлежитъ, а не точію къ дѣлу какому допускать, посѣщать, или компанію съ нимъ имѣть подъ штрафомъ... дабы нарушенія чести въ вящшую казнь люди имѣли *и тѣмъ бы себя болше отъ худыхъ дѣлъ воздерживали*: ибо когда хотябъ что кому и учинено было, а увидитъ, что онъ съ своею братьею въ равенствѣ, *то скоро забудетъ все, что ему учинено* и такое наказаніе не въ наказаніе будетъ» (VI, 1720 г., № 3534, глава LIII, толкованіе къ 3 пункту).

что ихъ запрещалъ *законъ*, въ лицѣ требованій, исходившихъ главнымъ образомъ отъ самого реформатора. Съ юридической точки зрѣнія ничего нельзя, конечно, возразить противъ этого, тѣмъ болѣе, что именно самъ Петръ Великій въ своихъ указахъ настойчиво и постоянно проводилъ мысль *о безусловной* обязательности для всѣхъ и каждаго тѣхъ нормъ, какія исходили отъ него, какъ субъекта верховной законодательной власти [15]). Проводя эту мысль, Петръ В. постоянно требовалъ, какъ это мы видѣли: во 1-хъ, чтобъ «никто невѣдѣніемъ закона не отговаривался»; а во 2-хъ, предпринималъ рядъ энергичныхъ мѣръ, чтобъ законъ, дѣйствительно, былъ *общеизвѣстною* нормою для населенія. Вотъ почему приказывается читать указы въ церквахъ священникамъ, прибивать на видныхъ мѣстахъ (VII, № 4,311), «публиковать (въ Петербургѣ) по многіе дни, съ барабаннымъ боемъ, дабы впредь невѣдѣніемъ никто не отговаривался» (VII, № 4264); «въ Тобольску и въ городахъ Сибирской губерніи и въ дистриктахъ и въ селахъ и въ знатныхъ деревняхъ публиковались неоднократно съ барабаннымъ боемъ» (Памятн. Сиб. ист., II т., стр. 409) и т. д. Но уже само повтореніе указовъ ясно знаменуетъ, что это требованіе объ *общеизвѣстности* закона нелегко прививалось къ народу и онъ невсегда могъ знать всѣ повелѣнія законодателя [16]), а потому и часто преступалъ ихъ просто по невѣ-

---

[15]) Выше приводились указы, настаивавшіе на этомъ. Приведемъ еще знаменитый указъ 17 апрѣля 1722 г., который велѣно «начавъ отъ сената, даже до послѣднихъ судныхъ мѣстъ имѣть на столѣ, яко зерцало передъ очми судящихся». Здѣсь законодатель, высказавъ ту великую мысль, что «понеже ничто такъ ко управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить», говоритъ, что «того ради симъ указомъ, яко печатью всѣ уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзалъ *инымъ образомъ всякія дѣла вершить и располагать не противъ регламентовъ* и не точію рѣшить, ниже въ докладъ выписывать, то что уже напечатано... не отговариваясь въ томъ ни чѣмъ, ниже толкуя инаго. Буде же въ тѣхъ регламентахъ что покажется темно, или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено: такіе дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ сенатъ выписки о томъ; гдѣ повинны сенатъ собрать всѣ коллегіи и объ ономъ мыслить и опредѣлять, но положа напримѣръ свое мнѣніе, *объявлять намъ, и когда опредѣлимъ и* подпишемъ, *тогда оное напечатать и приложить* къ регламентамъ, и потомъ въ дѣйство по оному производить» (VI, № 3970).

[16]) Интересно, что въ слѣдующемъ году у Петра Великаго вырывается такое откровенное признаніе относительно сепаратныхъ указовъ, признаніе во всякомъ случаѣ показывающее, что выполненіе воли законодателя и знаніе всѣхъ его повелѣній не было дѣломъ легкимъ уже и по нижеслѣдующему, а именно въ 1723 г. 6 ноября дается сенату такое именное повелѣніе: «понеже въ прошедшія

дѣнію. Какъ бы то ни было, но такъ какъ преступно было *все то*, что запрещалъ законъ, то «ослушатель» закона и терпѣлъ за это кару наказанія. Нельзя при этомъ не отмѣтить, какъ весьма оригинальной черты петровскаго времени, того именно, что теперь законъ запрещалъ (а, слѣдовательно, и каралъ за нарушеніе) очень много такого, что являлось *совершенно безразличнымъ* съ нравственной точки зрѣнія. Если по с. уложенію преступникомъ былъ тотъ, кто «забывъ страхъ Божій и презрѣвъ царское «повелѣніе» (гл. I, ст. 9), или «забывъ страхъ Божій и государево крестное цѣлованіе» (гл. X, ст. 186), или тотъ «кто не бояся Бога и не опасаяся государскіе опалы и казни» (XXII, 10) «забывъ страхъ Божій и христіанскій законъ» (XXII, 25) и т. д. и т. д. совершилъ злодѣяніе, то по петровскимъ указамъ, преступникъ *только* «нарушитель государственныхъ правъ» (VII, № 4344), «преступникъ указу» (V, № 3149), «призиратель указовъ» (VI, № 3872), «ослушатель» ихъ (V, № 3333) и т. д. и какъ таковой, именно и подлежитъ наказанію [17]). Съ точки зрѣнія раздѣленія морали и права это большой успѣхъ, сравнительно съ тѣми эпохами, когда «преступникъ въ глазахъ законодателя былъ не столько ослушникомъ, сколько *лихимъ человѣкомъ*» (XV—XVI в.) [18]), или по сравненію даже со временемъ с. уложенія, гдѣ преступники, какъ это показываютъ приведенные примѣры, если и «ослушатели», царской воли, то въ то же время и «забыватели закона Божія», какъ называютъ ихъ даже позднѣйшіе акты (доп. къ акт. ист., V, № 62, память воеводѣ 1667 г.). XVII в., впрочемъ, уже даетъ понятію преступленія именно эту преобладающую черту—*ослушаніе* (примѣры у Чеб.-Дмитріева, стр. 191 сл.)—«оставался», говоритъ тотъ же почтенный изслѣдователь, «еще одинъ шагъ, который и былъ сдѣланъ законодательствомъ Петра I: преступленіемъ стало называться *всякое* нарушеніе и неисполненіе *какого бы то ни было* положительнаго закона»... Тотъ же цитуемый авторъ, между прочимъ, бросаетъ еще слѣ-

---

времена за настоящею тогда войною недосужное время имѣлъ, *и на многія дѣла дѣланы въ разныя времена разныя указы объ одномъ дѣлѣ*; того ради нынѣ оные указы *разобрать* (которые не временные, но въ регламентъ надлежатъ) и на которое одно дѣло не одинъ указъ, снесть въ одинъ и что доведется перемѣнить, убавить или прибавить мнѣніе свое, приписать и предложить, и когда отъ насъ апробовано будетъ, оные печатать... (VII, № 4347).

17) Въ воинскихъ артикулахъ этотъ взглядъ выраженъ такъ: «всѣ указы, которые объявятся, имѣетъ каждые *необходимо* исполнять. А кто тому явится противенъ и преслушенъ, оный достойна себя при семъ помянутаго наказанія сочинить» (гл. III, ар. 35).

18) Чебышевъ-Дмитріевъ «О преступномъ дѣйствіи», стр. 190.

дующее замѣчаніе, вполнѣ оправдывающееся на петровскихъ указахъ— «какъ ошибочно оспаривать справедливость истинъ *nulla poena sine lege*, *nullum crimen sine poena legali*, точно также ошибочно выводить отсюда, что дѣйствіе становится преступнымъ *въ силу одного запрещенія закона*» (ib., стр. 195). Но въ петровскихъ указахъ оно именно и становилось такимъ и становилось постоянно, при чемъ трагизмъ положенія лицъ, безразличныя дѣйствія коихъ теперь часто признавались *преступными*, не только заключался въ томъ, что за нихъ страшно-жестоко каралъ законодатель, но и въ особенности въ томъ, что кары наказанія направлялись на обычаи, привычки, изстари сдѣлавшіяся священными, отъ которыхъ отрѣшиться нельзя было не только за страхъ, но и за совѣсть. Это и оправдалось на дѣлѣ. Если устрашеніе, лежавшее въ основѣ наказанія, вообще мало останавливало злую волю человѣка, какъ это мы уже отчасти видѣли выше и какъ еще будетъ указано ниже, то еще меньше оно могло воздѣйствовать на волю добрую, ничего дурнаго, съ точки зрѣнія своей морали, не дѣлавшую и лишь отстаивавшую *свои взгляды* на жизнь. Обращаемся къ фактамъ.

Факты эти не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что идея устрашенія, положенная въ основу петровскихъ узаконеній, должна была играть служебную роль орудія, посредствомъ котораго *насильно* принуждалось населеніе слѣдовать за реформаторскими повѣствами Петра Великаго въ разныхъ случаяхъ примѣненія послѣднихъ къ русской жизни. Этого не отрицали и лучшіе люди XVIII в., какъ, напримѣръ, тотъ же князь Щербатовъ [19]), находя

---

[19]) Такъ кн. Щербатовъ говоритъ объ вопросѣ этомъ слѣдующее: «Глаголятъ противники сего великаго монарха: онъ былъ строгъ непомѣрно, любилъ казни и пролитіе крови и, не разбирая ни роду, ни чиновъ, уподлялъ себя біеніемъ окружающихъ его; онъ сына своего смерти предалъ; онъ въ любострастіе и въ роскошь ввергался; онъ самовластіе до крайности распростиралъ.

Се ваши хулы! Разсмотримъ же непристрастнымъ окомъ всѣ сіи пороки, о коихъ не могу отречись, чтобъ много ли, иль мало ихъ въ немъ не было. Но разсмотримъ, сообразя съ обстоятельствами временъ, какъ въ разсужденіи тогдашнихъ умоначертанія россіянъ, въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ и нравовъ, такъ и въ разсужденіи намѣреній Петра Великаго.

Россія, не очень давно освободившаяся отъ раздоровъ и бунтовъ, сохраняла еще ту жестокость, которая отъ междоусобій рождается. Казни смертныя, пытки, убійства были обыкновенны въ Россіи. Петръ Великій при таковомъ умоначертаніи воспитанъ былъ и насилу началъ познавать самъ себя, — се новые бунты въ Россіи возгорѣлись. Самая жизнь юнаго государя къ опасности подвергнута была въ первый бунтъ стрѣлецкій, и младыя его очи, начинающія съ разсудкомъ вокругъ себя обозрѣвать, зрили льющеюся кровь своихъ род-

лишь, что Петръ иначе, безъ этого «неумѣреннаго самовластія» не могъ быть бы и «*достигнутъ до намѣряемыхъ имъ поправленій*» Россіи. Не будемъ возбуждать здѣсь теперь вопроса, о томъ «могъ или не могъ». Фактъ во всякомъ тотъ, что наказаніе, за положенное во многихъ указахъ Петра Великаго за неповиновеніе его повѣствамъ было *такъ сурово, даже жестоко*, что не оставляло сомнѣнія какъ въ томъ, что законодатель предвидѣлъ отпоръ себѣ, такъ и въ томъ, что онъ хотѣлъ побороть этотъ отпоръ страхомъ жестокихъ каръ. Какъ самые обыкновенные и безобидные народные привычки, обычаи, не нравившіеся Петру Великому почему либо, изгонялись подъ угрозою каторжныхъ работъ, осрамительныхъ наказаній, такъ самые обыкновенные полицейскіе проступки и нарушенія влекли за собою галеры, конфискаціи и даже смертную казнь. Трудно даже повѣрить, чтобъ всѣ эти устрашающія человѣка наказанія *могли* примѣняться въ полномъ объемѣ на дѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ въ своихъ законахъ реформаторъ разсыпалъ ихъ въ изумительномъ изобиліи, безъ соразмѣренія съ виною, съ трудностью выполненія предписаннаго и пр.... «Ежели кто учнетъ русскимъ какимъ платьемъ и сапогами торговать или какъ русское платье и бороды носить, и за такое ихъ преступленье учинено имъ будетъ *жестокое наказаніе и сосланы будутъ на каторгу, а имѣніе ихъ движимое и недвижимое взяты будутъ* на Великаго Государя безъ всякія пощады» говоритъ именной указъ отъ 29 д. 1714 г. [20]) (V. № 2874); «Великій Государь

ственниковъ и вѣрныхъ слугъ Нарышкиныхъ, Матвѣева, Языкова и другихъ; остатокъ времени его младенчества въ таковыхъ же страхахъ и кровавыхъ позорищахъ было препровождено: то сіе и самому мягкосердному человѣку не вложитъ ли нѣкоторую суровость, и среди токовъ крови принужденный жити человѣкъ не пріучитъ ли себя безъ трепету на нихъ взирать? Увы! се есть судьба рода человѣческаго, что привычка многое надъ нимъ дѣйствіе имѣетъ. То не сумнительно есть, что таковыя обстоятельства вложили въ сердце младаго государя *нѣкоторый духъ суровости*, который, примѣшавшись къ твердому его желанію уставить правосудіе, къ горячему правосудію докончить имъ начатое полезное иногда могъ изъ мѣры выходить. (Ibidem, стр. 9—10).

Наконецъ обвиненіе его *въ неумѣренномъ самовластіи* видъ истины имѣетъ. Онъ перемѣнилъ всѣ порядки; принудилъ одѣваться инако, нежель прежде былъ обычай; принудилъ выбрить бороды; наложилъ налоги, записалъ дворянъ въ службу не по срокамъ, но навсегда; взявъ дѣтей, послалъ учиться разнымъ наукамъ и мастерствамъ. Вотъ сильные знаки самовластія. Но да воззрятъ охуляющіе въ семъ Петра Великаго—тѣ, кои отъ самовластія сего получили и самое то довольное просвѣщеніе, чтобы самовластіе сіе охулять: *возмогъ ли Петръ Великій достигнутъ до намѣряемыхъ имъ поправленій безъ оказанія самовластія?* (стр. 19).

[20]) Указъ этотъ изданъ, какъ въ немъ это самомъ сказано, *въ подтверж-*

указалъ въ Санктпетербургѣ публиковать Свой Великаго Государя указъ, чтобъ съ сего времени впредь скобами и гвоздями, чѣмъ сапоги и башмаки мужскіе и женскіе подбивали, *никто не торговалъ* и у себя ихъ не имѣлъ; также и никто какогобъ чину кто ни былъ съ такихъ подбоевъ сапоговъ и башмаковъ *не носили*», гласитъ указъ 1 сент. 1715 г. (V, № 2929); «а ежели у кого съ такимъ подбоемъ явятся сапоги или башмаки, и тѣ *жестоко будутъ штрафованы*, а купецкіе люди, которыя такія скобы и гвозди держать будутъ, *сосланы будутъ на каторгу*, *а имѣніе ихъ взято будетъ на Его В. Государя*»;—«чтобъ съ будущаго 1719 г. ни въ домахъ, ни въ рядахъ кожей и обувей не осталось стараго дѣла *съ дегтемъ*» (указъ предписываетъ: «а дѣлали бъ съ ворваннымъ саломъ»); а кто сей указъ престунитъ, тотъ будетъ *лишенъ всего* своего имѣнія и сосланъ будетъ съ наказаніемъ *на вѣчную* работу на галеры, о чемъ фискаламъ накрѣпко смотрѣть самимъ, подъ такимъ же наказаніемъ» (V, 17 январ. 1718 г., № 3141; подтв. 28 янв. 1720, № 3496).

Если такими мѣрами [21]) достигались измѣненія во внѣшнемъ видѣ русскаго человѣка, то онѣ же устанавливались, когда дѣло шло о измѣненіяхъ его обычаевъ, прививкѣ къ нему новыхъ взглядовъ въ той или иной сторонѣ его жизни. Извѣстно, напр., какимъ почетомъ пользовались нищіе въ древней Руси [22]). Народъ, помогая нищимъ чѣмъ могъ, тѣмъ по своей силѣ и возможности разрѣшалъ, какъ умѣлъ, мудреный вопросъ объ общественной помощи бѣднымъ. Вся мораль предшествующихъ вѣковъ ставила въ непремѣнную обязанность каждому эту помощь. Теперь это запрещается подъ большими штрафами [23]), а само нищенство жестоко, хотя и мало успѣшно,

---

денге указа отъ 17 декабря 1713 г. (такого въ П. С. Законовъ не имѣется) и интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ констатируется прямо, что угроза вышепоказанныхъ наказаній *была выполнена*, хотя, впрочемъ, и не вполнѣ, а именно здѣсь говорится слѣдующее: «Понеже за тѣми его Великаго Государя указы, презирая ихъ, при Санктпетербургѣ торговые люди такимъ русскимъ платьемъ и сапогами торговали, *за то имъ, по розыску въ нынѣшнемъ 714 году учинено наказаніе биты кнутомъ* (кнутъ = жестокому наказанію) *и сосланы на каторгу*».

[21]) Другіе указы, подтверждающіе требованія о ссылкѣ бородачей, взятыхъ не въ указномъ платьѣ, 1722 г. 28 іюня, VI, № 4041; 1723 г. 28 іюня, VII, № 256 и др.

[22]) Н. Прыжовъ—«Нищіе на Руси». М. 1862, стр. 1—83.

[23]) Указъ 1718 г. 25 февраля говоритъ: «а буде которые люди станутъ такимъ нищимъ милыстыню подавать, презрѣвъ сей Его Великаго Государя именной указъ и ихъ присмотря по томуже приводить въ монастырскій приказъ и имать на нихъ штрафу первой по 5, другой по 10 руб. (V, № 3172).

преслѣдуется. Такъ, напр., указъ 20 іюня 1718 г., констатируя, что нищенство не смотря на предъидущія запрещенія «*паки умножилось*», предписываетъ «ежели который впервые будетъ пойманъ, такихъ бить нещадно батожьемъ, и отдавать или отсылать по прежнему указу въ прежнія ихъ мѣста...; а буде такіе въ другой разъ, или въ третій поиманы будутъ, а такихъ, *бивъ на площади кнутомъ, посылать* въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаусъ; а ребятъ, бивъ батоги, посылать на суконный дворъ и къ прочимъ мануфактурамъ»... (V, № 3213) «Древнерусское общество», говоритъ Прыжовъ, «заступаясь за нищихъ, возстало противъ Петра, но не за жестокія мѣры—они были въ духѣ древней Руси, а за невѣріе въ нищихъ» (ib., стр. 84). Можно, конечно, согласиться съ мнѣніемъ, что жестокія мѣры были наслѣдіемъ старины, но вопросъ здѣсь въ томъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и другихъ, онѣ обращались *на исконные дорогіе обычаи*— чего ранѣе почти не было,—а потому и были особенно тягостны для народа.

Другимъ древнимъ обычаемъ, дававшимъ въ результатѣ большую жизненность древне-русскому законодательству—былъ обычай непосредственнаго обращенія къ царю отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ съ челобитьями о своихъ нуждахъ и интересахъ[24]). Петръ Великій, несомнѣнно, много сдѣлалъ полезнаго, преобразуя органы государственнаго управленія, въ цѣляхъ упорядоченія дѣлъ этого управленія; много сдѣлалъ онъ и для того, чтобъ созданіемъ *инстанцій* между учрежденіями, достигнуть закономѣрности въ движеніи частныхъ и общихъ жалобъ населенія. Но потому ли, что населеніе плохо освоивалось съ этимъ *сложнымъ* механизмомъ новаго управленія, потому ли, что въ немъ еще жили старые взгляды на отношенія свои къ носителю верховной власти, но населеніе продолжало осаждать Петра Великаго всякими, и дѣльными и вздорными, челобитьями. То же, что Петръ Великій, повидимому, испытывалъ, и Іоаннъ Грозный, когда говорилъ въ одной изъ своихъ грамотъ по поводу этого непрерывнаго немолчнаго тока челобитій къ нему, что «намъ отъ крестьянъ *челобитья великія и докука была безпрестанная*». Эта «докука» надоѣдала и великому царю реформатору, отвлекая его отъ великихъ думъ и дѣлъ его. Но онъ не былъ склоненъ только жаловаться на эту «докуку», а отучалъ отъ нея, какъ и отъ

---

24) Факты, относящіеся къ вопросу, см., напр., въ ст. И. И. Дитятина «Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства». «Р. Мысль», 1880, кн. V.

многаго другаго, угрозами страшныхъ наказаній. Изъ многихъ указовъ, запрещавшихъ челобитья, кажется, наиболѣе замѣчателенъ по своему содержанію именной указъ 6 апрѣля 1722 г. Въ немъ Императоръ упоминая о цѣломъ рядѣ указовъ, отъ 1714 по 1722 г., въ которыхъ требовалось, чтобъ «челобитчики Его Величеству никто *мимо тѣхъ опредѣленныхъ судовъ* коллегій и сената (суды и лица эти, напр., генералъ-рекетмейстеръ перечисляются въ указѣ подробно) прошеній своихъ подавать, *подъ жестокимъ прещеніемъ*, не дерзали», сознается, что «не взирая» на эти указы, челобитчики «продерзостью своею вездѣ *докучаютъ* и прошенія свои приносятъ Его Величеству самому, *не дая нигдѣ покою*». Петръ Великій вновь требуетъ «Его Величеству не бить челомъ же»; иначе—челобитчики «*хотя и о правомъ дѣлѣ будутъ бить челомъ*, за продерзость и за презрѣніе указовъ, конечно, по прежнему указу публично *жестоко наказаны и въ каторжную работу посланы будутъ*» (VI, № 3947). Но обычай народный, исторически сложившійся, плохо поддавался уничтоженію, почему кары закона долго еще ведутъ съ нимъ борьбу...

Воздѣйствіе *страхомъ* тяжкихъ каръ на ту или иную сторону народной жизни живописуется петровскимъ законодательствомъ до безконечности. То запрещается подъ угрозою конфискаціи и каторги «старымъ манеромъ судовъ, а наипаче со скобками не дѣлать, а дѣлать бы новымъ манеромъ эверсы, шкуты и прочіе имъ подобные» (т. VI, № 3666, ук. 1720 года, подтвержденный указъ 1715 года, V, № 2956; ихъ подтвержденіе въ ук. 1722 г., VI, № 4058; № 4085, № 4118 и др.); то назначаются штрафы [25]) тому, «кто разговоры съ кѣмъ учнетъ имѣть въ церкви или стоять неблагочинно» (1718 г. V, № 3250); то штрафы грозятъ за первую вину, а галеры за вторую тѣмъ, кто строитъ или перестраиваетъ «челинѣйно» домъ; строитъ въ кремлѣ или китай-городѣ не каменное, а деревянное строеніе, покрывая его «не черепицею или гонтомъ» и т. д. (инструкція московскому оберъ-полицеймейстеру, 9 іюля 1722 года VI, № 4047, п. 1, 2 и 5); то «кошки» за первую вину, каторга за вторую угрожаетъ извощикамъ и всѣмъ, кто ѣздитъ «на невзнузданныхъ лошадяхъ» (VI, № 3683,

[25]) Штрафы вообще назначаются при всякихъ случаяхъ. Такъ 30 іюля 1722 г. изданъ былъ указъ Петра Великаго генералъ-полицеймейстеру о томъ, чтобъ съ жителей Петербурга, не бывшихъ на своихъ баржахъ во время водяной ассамблеи, было взыскано по 50 руб. штрафу, при чемъ указъ обѣщаетъ на слѣдующій разъ строгое наказаніе, если кто не явится для *увеселеній по сигналу* (цитуемъ этотъ указъ по «Архиву Правит. Сената», т. I, Спб. 1272, стр. III, № 1263).

1720 г.); то подъ жестокимъ штрафомъ и подъ каторжнымъ съ разореніемъ домовъ истязаніемъ требуется, «чтобъ на продажу пеньку трепали и въ тюки вязали противъ того, какъ въ предложеніи русскихъ купцовъ... объявлено» (V, № 2635, 1713 г.); то, наконецъ, смертная жизнь назначается «за многую заповѣдныхъ лѣсовъ посѣчку» (VI, ук. 1703 г., № 1950) и т. д. и т. д. Не продолжая дальше этого тяжелаго перечня [26]), замѣтимъ, что борьба путемъ устрашенія со многими изъ указаннаго, была очень неуспѣшна, почему законодатель въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ предписывалъ одно и то же, то усиливая, то смягчая и измѣняя характеръ наказанія. Такъ, напримѣръ, запрещеніе строенія «староманерныхъ судовъ» началось еще въ 1715 г. (V, № 2956) и продолжалось до 1725 г. (VII, № 4753)— срокъ очень долгій, если принять во вниманіе ту энергію, съ которой первоначально принялись за дѣло. Такъ, въ первомъ изъ названныхъ указовъ говорится, что «буде кто преступитъ сей указъ и станетъ по старому манеру дѣлать суда со скобами и на тѣхъ за первую вину брать штрафу за каждое судно по 200 р., а за другую— брать всѣ пожитки и *сослать на каторгу на 10 лѣтъ*»; черезъ 5 лѣтъ въ 1720 г. указъ констатируетъ, что, несмотря на неоднократныя подтвержденія, «многіе обыватели тѣмъ указамъ учинились противны и дѣлаютъ суда еще и по нынѣ старымъ манеромъ», почему указъ не только подтверждаетъ наказаніе, назначенное въ предыдущемъ, но и предписываетъ «гдѣ найдутся суда стараго манера, старые или вновь зачатые, и оные *рубить*, *чъибъ оныге ни были*». Черезъ два года, а именно, 18 іюля 1722 года, самъ Петръ Великій пишетъ сенату слѣдующее: «о стругахъ, чтобъ съ скобами не дѣлать, указы давно посланы, по которымъ только на Окѣ не дѣлали, какъ я видѣлъ, потому, что ѣздилъ по тѣмъ мѣстамъ комендантъ московскій Измайловъ *и чинилъ наказаніе*, а отъ Нижняго по Волгѣ вверхъ и внизъ, до самой Астрахани всѣ суда со скобами, отъ чего въ нынѣшнемъ нашемъ главномъ походѣ, много судовъ пропало: того

---

26) Приведемъ, впрочемъ, еще одно мѣсто изъ указа св. синода, весьма характерное для доказательства, какъ далеко простирала идея устрашенія свое дѣйствіе. Св. Синодъ нашелъ необходимымъ для «учрежденія въ дѣвичьихъ монастыряхъ приличнаго монахинямъ художества» прислать къ нимъ изъ села Покровскаго «мастерицъ пряденія». Послѣднимъ дается рядъ правилъ о томъ, какъ вести себя, причемъ пунктомъ 7-мъ предписывается слѣдующее: «наипаче въ томъ имъ мастерицамъ воздержаннымъ себя имѣть, *дабы не точію смѣха* или мерзкихъ и скверныхъ словъ и подозрительныхъ рѣчей не употреблять, *но и смѣхотворства* никакимъ видомъ не дѣлать, *подъ страхомъ жестокаго наказанія*» (указъ 1722 г. 11 сентября, VI, № 4089).

для велите взять сказки у управителей тѣхъ городовъ, гдѣ такія суда дѣланы, *для чего они попустили* имъ то дѣлать чрезъ указъ; и оные кто въ чемъ будетъ виноватъ, судите по достоинству ихъ». (VI, № 4058). Такимъ образомъ указъ, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ, что требованіе нигдѣ не исполнялось, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ посланный комендантъ «чинилъ наказаніе». а съ другой—наказаніе обращается теперь уже не на хозяевъ судовъ, а на «управителей». Что же касается хозяевъ, то указъ уже вовсе и не упоминаетъ о наказаніи ихъ, а лишь предписываетъ сенату «послать указы, дабы всѣ суда со скобами, которые нынѣ съ товарами возвратятся къ пристанямъ, гдѣ имъ зимовать, чтобъ они *изрублены были*; развѣ хозяева захотятъ ихъ передѣлать такимъ образомъ... (идетъ описаніе, какъ должна быть сдѣлана передѣлка), такимъ позволить, а не рубить». Сравнивъ приведенный указъ съ указомъ 1715 г., мы видимъ, что законодатель, какъ бы убѣдившись въ безплодности борьбы, мѣняетъ свое отношеніе къ вопросу, и уже не грозитъ наказаніемъ въ томъ видѣ, въ какомъ эту угрозу онъ не разъ повторялъ раньше. Въ концѣ того же года, Петръ Великій указомъ отъ 8-го сентября вновь нѣсколько видоизмѣняетъ предыдущее рѣшеніе [27]), а 26 октября пріостанавливаетъ на время борьбу съ этими «староманерными» судами, велитъ отдавать ихъ хозяевамъ и «для вѣдома публиковать, что тѣ стараго дѣла суда больше ходить не будутъ, какъ *одно будущее лѣто*, прибавляя, что «съ 1724 года, *конечно, староманерныя суда съ скобками ходить не будутъ*» (VI, № 4118) [28]). Но Великій Императоръ, какъ во многихъ другихъ важныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь въ этомъ, сравнительно ничтожномъ случаѣ борьбы со старыми порядками, ошибался, когда надѣялся на быстрое разрѣшеніе того или инаго вопроса. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его кончины, его преемница даетъ еще три года отсрочки на пользованіе «староманерными судами» (VII, 1725 г. 7 іюля, № 4753). Такихъ отсрочекъ и даже полнаго погашенія многихъ обязательствъ, возло-

[27]) Напомнивъ сенату, что по указу 18 іюля велѣно суда со скобками рубить, Петръ Великій продолжаетъ—«но по полученіи сего пошлите новые.... указы, чтобъ тѣ суда, которыя велѣно рубить, нынѣшнею весною... (хозяева ихъ) выслали въ Астрахань... и чтобъ они вѣдали, что тѣ суда назадъ *уже не возвратятся*, но употребятся въ дѣло, и вмѣсто ихъ, чтобъ они по указу дѣлали новыя, какія имъ велѣно (VI, № 4085).

[28]) Указъ этотъ даетъ, между прочимъ, объясненіе, почему исполненіе требованій о новой стройкѣ судовъ откладывается; объясненіе это, чисто техническое, интересно потому, что показываетъ, какъ иногда быстрое выполненіе указовъ было просто невозможно.

женныхъ царемъ-реформаторомъ на своихъ подданныхъ, можно указать многое множество... Ограничимся пока указанными примѣрами.

III.

Всего сказаннаго, думаемъ, вполнѣ достаточно, чтобъ согласиться, что *устрашеніе* было основною цѣлью узаконеній петровскаго времени о наказаніи [29]), при чемъ эта цѣль достигалась то жестокостью каръ, то ихъ осрамительнымъ характеромъ. Въ исключительныхъ случаяхъ эта цѣль переходила въ *истребленіе* преступниковъ, что случалось тогда, когда законодатель, испробовавъ всѣ мѣры страха и угрозъ, думалъ лишь о томъ, какъ бы скорѣе и рѣшительнѣе покончить со зломъ [30]). Еще болѣе рѣдко и исключительно преслѣдовалась наказаніемъ, кажется, цѣль *исправленія*. Эта цѣль, несомнѣнно, была впервые ясно и смѣло проложена въ наказаніи христіанскою церковью и на идеѣ этого исправленія, главнымъ образомъ, было построено каноническое законодательство церкви вселенской, какъ это доказывается пр. Н. С. Суворовымъ въ указанной уже нами его книгѣ «О церковныхъ наказаніяхъ» (стр. 24 сл.). Идея эта перешла съ принятіемъ христіанства и къ намъ, получивъ здѣсь рядъ модификацій, явившихся результатомъ особаго положенія самой церкви

[29]) Мы говоримъ объ «*узаконеніяхъ*» петровскаго времени, а не объ однихъ *указахъ* Петра Великаго потому, что эту же цѣль проводили и органы его законодательства, какъ св. синодъ и сенатъ. Такъ въ извѣстной книгѣ «О церковныхъ наказаніяхъ» пр. Н. С. Суворова (Спб. 1876, стр. 147) доказывается, что «XVIII вѣкъ «духовной команды» и духовныхъ командировъ» представляетъ еще болѣе (чѣмъ въ XVII в.) усиленное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ церковной практикѣ. Тогда въ полномъ смыслѣ, какъ говоритъ авторъ «Исторіи Москов. епарх. управленія», *господствовала теорія устрашенія*; въ опредѣленіяхъ дикастеріи всего чаще встрѣчаются выраженія: «учинить нещадное плетьми наказаніе, чтобъ на то, смотря и другимъ чинить такихъ продерзостей было неповадно» и приговоры эти имѣли мѣсто не только въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ, но и свѣтскимъ, т. е., лицамъ другихъ вѣдомствъ.». Уже изъ приведенныхъ мною выше указовъ, въ которыхъ проводилась идея устрашенія, нѣкоторые принадлежали Сенату. Напечатанные теперь «доклады и приговоры сената» (Спб. 1880, 82, 83, 87 и 88) удостовѣряютъ это еще яснѣе (см. т. I, стр. 7, 22, 40 — «быть въ его великомъ государѣ гнѣвѣ и въ жестокомъ истязаніи»; т. II, ч. I, стр. 152, 153, 37; ч. II, 332, 354, 377 и др.; т. III, ч. I, стр. 27, 57, 227 и др.; часть II, 568, 679, 767 и мн. др.).

[30]) Таковъ былъ иногда характеръ борьбы съ грабежами и разбоями, и въ особенности со стрѣльцами и другими политическими противниками Петра Великаго и пр.

въ русскомъ государствѣ и той борьбы, какую византійскія начала вели здѣсь за свое вліяніе. Въ то время, какъ въ церкви греческой, доказываетъ тотъ же почтенный авторъ, «практиковались почти исключительно два наказанія, отлученіе и церковное покаяніе», въ русской церкви явились новые виды «церковнаго орудія»—денежныя взысканія и тѣлесныя наказанія, а наказанія церкви вселенской—отлученіе и покаяніе потерпѣли многія измѣненія въ своемъ характерѣ (стр. 28 сл.). Для насъ важно отмѣтить, хотя кратко, тѣ выводы, къ какимъ пришелъ авторъ относительно «покаянной системы» наказанія, такъ какъ именно въ этой системѣ и отразилась болѣе всего идея исправленія. Если въ первой половинѣ XVII вѣка русская церковь «еще сохраняла черты древней восточной покаянной системы», то «во второй половинѣ XVI и особенно въ XVII вѣкахъ открытое церковное покаяніе, обыкновенно, являлось въ формѣ монастырскаго подначальства, которое, въ свою очередь, весьма часто переходило въ такъ называемое «смиреніе» (стр. 178 сл.). Если такимъ сдѣлалось уже покаяніе въ московской Руси, то въ царствованіе Петра Великаго оно должно было претерпѣть еще большія измѣненія. Къ такимъ измѣненіямъ пр. Суворовъ относитъ прежде всего «назначеніе свѣтскимъ законодательствомъ (воинскимъ уставомъ) церковнаго покаянія за уголовныя преступленія, наряду съ другими репрессивными мѣрами, въ собственномъ смыслѣ уголовными», а во 2-хъ, то, что «бывъ поставлено наряду съ уголовно-карательными мѣрами, оно должно было воспріять тѣ же уголовно-карательныя черты. Здѣсь уже нѣтъ вопроса о томъ, *кается* преступникъ или нѣтъ—для законодателя это безразлично: фактъ совершился—преступленіе существуетъ, необходимо должно существовать и возмездіе» (ib., стр. 182 и 184). Такимъ образомъ и та почва, на которой идея исправленія, какъ цѣль наказанія, могла бы дать наибольшіе результаты, въ XVIII вѣкѣ оказывается мало пригодною и церковное наказаніе, какъ и свѣтское, проникается одинаково идеею устрашенія. Нечего говорить поэтому, что въ карательныхъ мѣрахъ XVIII вѣка исправленіе является лишь случайно и если иногда достигается нѣкоторыми видами наказанія, то едва ли часто можетъ быть поставлено на счетъ сознательной дѣятельности государства. Это въ особенности надо сказать о времени царствованія Петра Великаго. Та лихорадочная дѣятельность во всѣхъ сторонахъ народной жизни, которую возбуждалъ самъ Петръ Великій, требовала быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ борьбы и не могла, конечно, брать факторомъ для воздѣйствія такого медленно дѣйствующаго и трудно организуемаго начала, какъ прин-

ципъ исправленія. Конечно, этотъ принципъ, какъ обезпечивающее отъ преступленій средство, превосходитъ всѣ остальные, особенно въ мирномъ теченіи гражданской жизни. Но въ боевую эпоху реформъ и реформъ, встрѣчающихъ въ обществѣ зачастую сопротивленіе—исправленіе слишкомъ малопригодное дѣло. Законодатель и не берется за него и организуетъ наказаніе, съ одной стороны, такъ, чтобъ оно *устрашало* протестантовъ, а съ другой—такъ, чтобъ *обезпечивало* впредь отъ преступленій, разъ угроза жестокихъ каръ мало дѣйствовала и у законодателя являлось подозрѣніе въ возможности *рецидива*. Обезпечивающія мѣры частію были тѣ же, какія практиковались и для цѣлей устрашенія, каковы, напримѣръ, смертная казнь, наиболѣе тяжелыя формы тѣлесныхъ наказаній, заключеніе, ссылка и пр., а частію выдвигались самою цѣлью безопасности. Такъ, при ненадежномъ устройствѣ въ то время мѣстъ заключенія, при легкости укрыться отъ властей въ безбрежныхъ равнинахъ и непроходимыхъ лѣсахъ тогдашней Россіи и т. д., было въ высшей степени важно прежде всего разъ навсегда положить на человѣкѣ отмѣтку, по которой онъ могъ бы быть узнанъ при встрѣчѣ съ перваго же раза. Эта цѣль въ XVII вѣкѣ достигалась, говоритъ пр. Н. Д. Сергѣевскій («Наказаніе» и пр., стр. 13) «какъ посредствомъ отнятія органовъ тѣла, необходимыхъ вообще для совершенія преступныхъ дѣяній», такъ и «наложеніемъ на тѣло преступника неизгладимыхъ знаковъ, которые навсегда могли бы служить предупрежденіемъ для всѣхъ и каждаго». Указы Петра Великаго достигаютъ этой цѣли обезпеченія тѣми же старомосковскими средствами, прибавляя къ нимъ нѣкоторыя свои. Что касается первыхъ, то между ними рванье ноздрей, отрѣзаніе носа, ушей, вырѣзаніе языка и пр., наконецъ, клейменіе продолжаетъ играть прежнюю роль. Въ одномъ изъ указовъ Петра Великаго сенату говорится о «вынутіи ноздрей» слѣдующее: «Его Императорское Величество усмотрѣть соизволили, что у каторжныхъ невольниковъ, которые присланы въ вѣчную работу, *ноздри вынуты малознатны;* того ради Его Императорское Величество указалъ: «во всѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ въ каторжную работу присылаются, *вынимать ноздри до кости, дабы* когда случится такимъ сбѣжать, чтобы вездѣ *утаиться было не можно и для лучшей поимки были знатны;* также, которые нынѣ есть при каторжныхъ дворахъ такіе жь невольники, учинить тожъ» (ук. 15 января 1723 г. VII, № 4417). Въ другомъ указѣ, явившемся въ концѣ XVII вѣка, но уже въ царствованіе Петра Великаго, цѣль «пятнанія» или клейменія объясняется такъ: «да смотрѣть по дорогамъ и рѣкамъ того накрѣпко... ссыльныхъ же бѣг-

лыхъ и буде гдѣ у кого бѣглый или ссылной человѣкъ явится, а по осмотру на комъ на спинѣ объявится, что онъ пытанъ *или приложно пятно*, и такихъ пытаныхъ и *запятнаныхъ* съ тѣми проѣзжими людми не пропускать и задерживать»..... (Акты истор. V, № 280, 9 іюля 1698 г. царская грамота въ Иркутскъ). Извѣстно отношеніе раскольниковъ къ реформамъ Петра Великаго. Законодатель не разъ долженъ былъ изобрѣтать мѣры, чтобъ по крайней мѣрѣ *знать* своихъ враговъ, умѣть отличить ихъ отъ остальныхъ подданныхъ—«не малая бо польза *вѣдать о семъ*» говоритъ его духовный регламентъ—«ибо многіе раскольщики, *подъ одеждою* православія крыющіеся, вмѣсто того, чтобы боялися, еще сами воздвизаютъ гоненіе на церковь» (VI, № 3718, 24 января 1721 г. стр. 341). Регламентъ, указавъ на то, что «долженъ всякъ христіанинъ и часто, а хотя бы единожды въ годъ причащатися св. Евхаристіи», между прочимъ добавляетъ, что «еще который христіанинъ покажется, что онъ весьма отъ святаго причастія удаляется, тѣмъ самымъ являетъ себе, что не есть въ тѣлѣ Христовѣ; сіестъ не есть сообщникъ церкви, *но раскольщикъ. И нѣсть лучшаго знаменія, почему познать раскольщика*». (ib.) Поэтому какъ духовный регламентъ, такъ и многіе указы Петра Великаго настойчиво требуютъ, чтобы «священници приходскіе по вся годы о своихъ прихожанахъ доносили, кто изъ нихъ не причащался черезъ годъ, кто жъ и черезъ два—и кто никогда же» (ib.) и налагаютъ штрафы за нехожденіе къ исповѣди [31]) и причастію. Но этихъ мѣръ духовнаго, такъ сказать характера было, повидимому, недостаточно для борьбы съ раскольниками, тѣмъ болѣе, что раскольники, какъ говоритъ одинъ изъ болѣе раннихъ указовъ Петра Великаго—«не хотя расколъ свой объявить и двойнаго оклада платить...

---

31) Напр., резолюція Петра Великаго 12 апрѣля 1722 г. (VI, № 3963) на докладные пункты св. синода гласитъ: «кто не исповѣдывается на такихъ перво брать штрафъ, въ другой разъ вдвое, въ третій разъ присылать къ гражданскому наказанію» (къ гражданскому суду также отсылаются и непричащающіеся, когда не исправятся). Немного раньше, именно въ указѣ 7 марта того же года, св. синодъ, напоминая, что «по именнымъ Его Императорскаго Величества указамъ велѣно съ неисповѣдавшихся *брать штрафы*; а гдѣ явятся раскольники переписать и обложить въ окладъ противъ платежа ихъ вдвое», говоритъ, что «нынѣ въ доношеніи протоинквизитора и іеродіакона Паѳнутія написано: какъ де видно, что по онымъ указамъ *дѣйствуется только* въ Москвѣ, въ Новгородской, во Псковской, въ Нижегородской епархіахъ, а въ другихъ мѣстахъ *дѣйствія не видно*». Св. синодъ требуетъ выполненія указа и предписываетъ присылать къ нему вѣдомости и штрафныя деньги «въ самой скорости» (VI, № 3914).

исповѣдываются *подлогомъ*, а не истиннымъ покаяніемъ» (VI, № 3547, 14 марта 1720 г.); надо было искать другихъ средствъ борьбы, и Петръ Великій, угрожая «жестокимъ гражданскимъ наказаніемъ» тому, «кто вѣдая сей указъ во обращеніе ко святѣй церкви самовольно не придетъ или за расколъ въ платежѣ двойнаго оклада къ запискѣ не явится» (ib.), приходитъ къ убѣжденію въ необходимости и *внѣшне* даже отмѣтить пребывающихъ въ расколѣ, чтобы видѣть открыто своихъ враговъ и обезопасить этимъ и себя и общество отъ нихъ. Этого именно и хочетъ достигнуть указъ отъ 6 апрѣля 1722 г., гласящій слѣдующее (VI, № 3944): «Его Императорское Величество будучи въ сенатѣ... указалъ подтвердить накрѣпко старый указъ о бородахъ, чтобъ платили по 50 рублей на годъ и къ тому, чтобы оные бородачи и раскольщики никакого инаго платья не носили, какъ старое, а именно: зипунъ съ стоячимъ клеенымъ козыремъ, ферези и однорядку съ лежачимъ ожерельемъ. *Только раскольщикамъ носить у оныхъ козыри краснаго сукна, чего для платья имъ краснымъ цвѣтомъ не носить.* И если кто съ бородою придетъ о чемъ бить челомъ *не въ томъ платьѣ*: то не принимать у нихъ челобитенъ ни о чемъ, и сверхъ того доправить вышеписанную дачу, не выпуская изъ Приказа, хотя бъ оной годовую и платилъ. Также кто увидитъ кого съ бородою *безъ такого платья*, чтобъ приводили къ комендантамъ или воеводамъ и приказнымъ, и тамъ *оный штрафъ на нихъ правили*, изъ чего половина въ казну, а другая приводчику, да сверхъ того его платье. Сіе всѣмъ чинамъ мірскимъ безъ выемки (т. е. безъ исключенія), кромѣ крестьянъ подлинныхъ пашенныхъ, а не промышленникамъ». Здѣсь, очевидно, идея осрамленія, положенная въ основу даннаго наказанія, должна была служить и цѣлямъ *безопасности* новаго государства отъ людей стараго консервативнаго образа мыслей. Такихъ людей, какъ раскольники, подобно другимъ «преступателямъ» указовъ надо было *или выдѣлить* отъ другихъ, сдѣлать внѣшне отличными отъ всѣхъ *или удалить* отъ сообщества съ другими. Первой цѣли достигали какъ осрамительныя, такъ и разнаго рода *членовредительныя* наказанія, въ родѣ указанныхъ выше или такихъ, какія назначались Воинскими артикулами, какъ прожженіе языка, отсѣченіе руки или пальцевъ, отрѣзаніе ушей, пробитія руки подъ висѣлицею гвоздемъ или ножемъ и т. д.; второй—должна была удовлетворить извѣстная организація ссылки, тюремнаго заключенія и т. д. Нѣкоторые указы Петра Великаго сохранили для потомства ясныя свидѣтельства именно этой цѣли въ организаціи мѣръ наказанія. Такъ, напримѣръ, въ борьбѣ своей съ тѣмъ же расколомъ Петръ Великій иногда пред-

принималъ спѣшно такія мѣры, которыя не только не обезпечивали его отъ враждебныхъ силъ этихъ людей, державшихся за старую вѣру и обычаи, но, наоборотъ, способствовали распространенію взглядовъ послѣднихъ въ народную массу. Такъ, напримѣръ, указъ, данный сенату 1722 г. 15 октября, гласитъ слѣдующее: «писалъ къ намъ нижегородскій епископъ Питиримъ, что пріѣхалъ въ Нижній изъ С.-Петербурга капитанъ Сверчковъ съ каторжными невольниками, не обратившимися раскольниками, *которыхъ велѣно ему отвезть въ Сибирь*... и что многіе раскольники жъ, описанные и неописанные, *бѣгутъ и селятся въ сибирскихъ городахъ*: того для велите тѣхъ раскольщиковъ, которые посланы въ Сибирь съ помянутымъ капитаномъ, *поворотить и послать въ вѣчную работу въ Рогервикъ* (Балтійскій портъ). И впредь раскольщиковъ отнюдь въ Сибирь посылать не велите, *ибо тамъ и безъ нихъ раскольщиковъ много*, а велите ихъ послать въ Рогервикъ, гдѣ дѣлаютъ новую гавань» (VI, № 4109). Такимъ образомъ мы видимъ, что ссылка раскольниковъ въ Сибирь съ цѣлію удаленія изъ центральныхъ мѣстностей враждебныхъ Петру Великому элементовъ не достигала своей цѣли и, наоборотъ, заставляла законодателя опасаться, что расколъ еще болѣе укрѣпится, если не вблизи, то въ дебряхъ далекой Сибири. Позднѣе нѣсколько, по тѣмъ же мотивамъ, запрещается ссылка или поселеніе раскольниковъ «на Украйнѣ, при украинской линіи» — «для того, что около тѣхъ мѣстъ находятся казаки донскихъ мѣстъ, изъ которыхъ многіе склонны къ расколу, отчего опасно, дабы тѣ, вновь поселившіеся раскольники, не могли тѣхъ казаковъ паче въ расколъ привесть» (IX, ук. 1737 г., № 6802). Тотъ же характеръ мѣры безопасности принимала иногда ссылка для политическихъ преступниковъ и особенно ихъ родственниковъ и т. д. Нечего и говорить, что еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ ссылка, цѣлямъ безопасности должна была служить тюрьма. Если въ XVII вѣкѣ, какъ это доказано пр. Сергѣевскимъ «устройство тюремныхъ зданій приспособлялось къ единственной цѣли: чтобъ преступникъ не бѣжалъ» («О наказаніи», стр. 178 сл.), то ту же цѣль преслѣдовалъ и XVIII вѣкъ [32]). Тюрьма и держаніе въ ней людей имѣли въ XVII и XVIII вѣкахъ весьма широкое распространеніе не только потому, что примѣнялись къ лицамъ, попадавшимъ въ нее уже за совершенное преступленіе, но и потому, что личное задержаніе разсматривалось, «какъ полицейская мѣра бе-

32) См. описаніе документовъ Сыскнаго приказа 1730 — 1763 г. (Описаніе докум. и бум. М. Арх. Мин. Юст. Спб 1872, кн. II, стр. 64 сл., стр. 66 сл.).

зопасности». «На эту именно мѣру законодательство, говоритъ изслѣдователь этого вопроса, пр. Тарасовъ [33]), возлагало, повидимому, особое упованіе, тѣмъ болѣе, что для широчайшаго примѣненія ея не было какихъ либо принципіальныхъ затрудненій, въ виду малой цѣны, которую имѣла личная свобода, отнимавшаяся не только по поводу какого либо преступленія или проступка, или для цѣлей безопасности вообще, но и тогда и для такихъ цѣлей, когда къ ограниченію или лишенію личной свободы не осмѣлились бы прибѣгнуть, еслибъ сколько нибудь цѣнили и уважали». Не удивительно поэтому, что личнымъ задержаніемъ пользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не только агенты правительства, но и сами частныя лица, сажавшія въ тюрьмы своихъ должниковъ. Правительство, дозволяя это, заботилось лишь о томъ, чтобъ ему самому не пришлось бы кормить этихъ «колодниковъ», да люди должниковъ не держались бы по напрасну въ тюрьмѣ. Такъ, напримѣръ, указъ 12 декабря 1720 г. говоритъ: «а которые сажаются колодники по челобитью, тѣхъ надлежитъ кормить *челобитчикамъ*, а именно: на Москвѣ копейка на день, а здѣсь двѣ. Которые должны кому, а имѣютъ чѣмъ заплатить: чтобъ ихъ людей не держать, ни на правежѣ не бить, но *изъ пожитковъ* его или деревень платить» (VI, № 3685). Указъ повторялся нѣсколько разъ и потомъ—такъ въ 1722 г. предписывается: «а которые колодники... держатся *въ истцовыхъ искахъ* (т. е. по частнымъ жалобамъ) и тѣхъ... на связки (для прошенія милостыни) не отпускать, а кормить ихъ истцамъ» (VI, № 4094) и др.

Таковы *основныя* цѣли наказанія по законодательнымъ актамъ нашей эпохи реформъ. Эти цѣли не всегда являлись въ этихъ актахъ строго раздѣленными; наоборотъ, они обыкновенно перемѣшивались другъ съ другомъ—наглядным доказательствомъ чего служитъ уже та *сложность* мѣръ наказанія, которая прилагалась, обыкновенно, къ одному лицу, совершившему данное дѣяніе. Часто, впрочемъ, и въ этой сложности мѣръ видно было, что извѣстная *отдѣльная* цѣль завладѣвала всѣмъ вниманіемъ законодателя, и онъ преслѣдуетъ ее, мало или вовсе не обращая вниманія на другія цѣли, которыя, если и достигались попутно данными мѣрами, то во всякомъ случаѣ не составляли прямой задачи наказанія, иногда эти многообразныя цѣли наказанія смѣшивались и лишь изрѣдка проводились рѣзко—раз-

[33]) «Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности». Часть II, Ярославль, 1886, стр. 21 сл. Тамъ же примѣры примѣненія ссылки и тюрьмы, какъ мѣръ безопасности. О примѣненіи этихъ же мѣръ въ XVII в. см. у Сергѣевскаго, стр. 174 сл., стр. 217 сл.

дѣльно въ одномъ какомъ-либо родѣ наказанія. Многочисленные примѣры, приводившіеся выше, достаточно иллюстрируютъ сказанный выводъ.

IV.

Указанныя нами выше *основныя* цѣли наказанія не были единственными, какія стремилось достигнуть законодательство Петра Великаго, организуя тѣ или иныя мѣры воздѣйствія противъ настоящихъ и будущихъ нарушителей закона. На ряду съ ними преслѣдовались *цѣли побочныя*, нисколько не вытекавшія изъ пониманія наказанія, какъ реакціи со стороны власти противъ нарушителей ея велѣній, но, однако, достаточно сильныя и занимавшія серьозно мысль законодателя при созиданіи отдѣльныхъ видовъ наказанія. Наказывая, чтобъ отмстить, истребить или устрашить; наконецъ, чтобъ обезопасить себя, свою реформу или интересы общества отъ нападеній, законодатель въ то же время организовывалъ (когда это было возможно, конечно) наказаніе *такъ*, чтобы оно было бы могучимъ средствомъ для полученія отъ «презирателей указовъ» разнаго рода важныхъ *выгодъ* на пользу государства. Понятно поэтому, что личный трудъ преступника съ одной стороны, его имущественные достатки—съ другой, были элементами, которыя являлись составными частями тѣхъ сложныхъ наказаній, какія любило законодательство вѣка. Кажется надо признать, что эта организація наказанія была не только согласна съ юридическими взглядами эпохи, но и примиряла съ собою нравственно человѣка, попавшаго въ разрядъ несчастныхъ преступниковъ закона, такъ какъ, благодаря этой организаціи, человѣкъ не обрекался на безплодную, никому ненужную кару безцѣльныхъ мученій, а дѣлалъ вмѣстѣ съ другими общую работу, хотя и въ видѣ «каторжнаго», но нужнаго государству и обществу труда. Замѣтимъ при этомъ, что «это *извлеченіе выгодъ* матеріальныхъ изъ наказанія и изъ личности преступника», какъ выражается проф. Сергѣевскій, говоря объ указанныхъ цѣляхъ наказанія въ XVII в. («О наказаніи», стр. 15 сл.) не было новостью для эпохи преобразованія, такъ какъ предшествующая эпоха знала объ этой цѣли, когда организовывала въ широкихъ размѣрахъ имущественныя наказанія съ одной стороны, эксплоатацію личнаго труда преступника съ другой. Но кипучая эпоха преобразованія, съ ея великимъ и «вѣчнымъ работникомъ на тронѣ», съ ея милліонами людей, то вольно, а еще болѣе—подневольно участвующихъ въ его громадной реформаторской дѣятельности, придала осо-

бенно яркій жизненный колоритъ этому *закрѣпощенію* личнаго труда и имущественныхъ достатковъ всѣхъ и каждаго на службу государству. Если позднѣе, со второй половины вѣка, начиная съ дворянства, постепенно растетъ и укрѣпляется въ законодательствѣ *раскрѣпощеніе* отдѣльныхъ сословій отъ того или инаго вида государственнаго тягла, то при Петрѣ Великомъ это тягло одинаково крѣпко и тяжело для всѣхъ, и его не избѣгаетъ ни первый вельможа государства, ни послѣдній «холопъ» или «вольный гулящій человѣкъ». Тоже закрѣпощеніе на службу государству, въ трудѣ вѣчномъ и каторжномъ, постигаетъ и этихъ «презирателей и ослушателей указовъ», какъ, обыкновенно, называютъ законодательные акты преступниковъ закона, столь широко распространяющаго теперь свое «прещеніе». Указы, организующіе въ томъ или иномъ видѣ эксплоатацію труда «преступниковъ», живо возстановляютъ предъ нами, съ одной стороны, тотъ фактъ, что реформаторъ страшно нуждался въ рабочихъ рукахъ и бралъ ихъ вездѣ, гдѣ только могъ, а съ другой—тотъ, что въ наказаніи онъ избѣгалъ безполезныхъ, съ государственной точки зрѣнія, мѣръ, почему безцѣльно жестокое, мучащее физически и нравственно человѣка, не часто входило, сознательно, въ задачи, которыя преслѣдовались мѣрами его наказанія. Это не значитъ, конечно, что элементъ мученій и жестокости здѣсь отсутствовалъ; напротивъ, мы не разъ открываемъ, какъ это видно уже изъ вышеприводившихся примѣровъ, его то тамъ, то здѣсь, частію какъ наслѣдіе старины, частію какъ выраженіе нетерпѣнія, озлобленія и иныхъ чувствъ, руководившихъ Петромъ въ борьбѣ съ тѣмъ или инымъ элементомъ противленія его планамъ. Но, въ общемъ, Петръ Великій былъ слишкомъ практиченъ, былъ слишкомъ занятъ проведеніемъ въ жизнь своихъ плановъ, чтобы жить абстракціями, и, наоборотъ, отличался умѣньемъ и враговъ своего дѣла дѣлать орудіемъ послѣдняго, обращая ихъ трудъ на проведеніе своихъ плановъ въ исполненіе.

Переходя къ фактамъ, доказывающимъ все сказанное, остановимся первоначально на тѣхъ мѣрахъ наказанія, которыми эксплоатировался на пользу государства *личный трудъ* преступниковъ. Этотъ трудъ организовывался при Петрѣ Великомъ какъ на мѣстѣ, такъ и въ ссылкѣ, въ видѣ работъ на «каторгахъ» и на галерахъ, а также при постройкѣ новой столицы, вновь возникавшихъ гаваней и крѣпостей; при разработкѣ минеральныхъ богатствъ, занятіяхъ на заводахъ и мануфактурахъ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только требовались рабочія руки, а достать ихъ среди остальнаго населенія было трудно, почему и приходилось прибѣгать къ труду подневольному, принуди-

тельному, «каторжному», какъ его стали вообще называть въ XVIII вѣкѣ. Поэтому, совершенно вѣрнымъ представляется выводъ проф. Фойницкаго [34]), что «въ первой половинѣ XVIII вѣка каторга была у насъ не только и даже не столько уголовнымъ наказаніемъ, сколько мѣстомъ нужнаго правительству принудительнаго труда. Сюда стекались, кромѣ осужденныхъ преступниковъ, несостоятельные къ уплатѣ государственныхъ повинностей и частныхъ долговъ для отработки ихъ, тутъ же находились и люди, приписанные къ даннымъ работамъ, каковы адмиралтейскіе служители, артиллерійскіе служители и заводскіе рабочіе». Такимъ образомъ, всѣ и преступники и ни въ чемъ не провинившіеся предъ государствомъ граждане *одинаково* здѣсь, какъ и вездѣ, несли тяжелый каторжный трудъ, пополняя ряды работниковъ общаго великаго дѣла. «Велите послать раскольниковъ... которые посланы въ Сибирь... въ Рогервикъ, *гдѣ дѣлаютъ новый* гавань» — гласитъ одинъ указъ Петра Великаго (VI, 1722 г., № 4109); «каторжныхъ не употреблять въ мелкія и разныя работы, но на тѣ, кои на одномъ мѣстѣ, а именно: сваи бить и прочія тому подобныя» — говоритъ другой (V, № 2939, 1715 г.), «ссылать на разные тамошніе заводы *на работу* (VI, 1722, № 4041); «которые въ государевыхъ долгахъ за доимочныя деньги также въ истцовыхъ дѣлахъ сосланы на каторгу, и велѣно имъ зачитать по 12 р. въ годъ и какъ... въ каторной работѣ *заработаютъ*, оныхъ освобождать» (VI, 1721, № 3751); «винныхъ (т. е. виновныхъ) бабъ и дѣвокъ, которыя смертныя казни будутъ не подлежать... отсылать въ опредѣленный прядильный дворъ (для работы — V, 1719 года, № 3306); «ссылать въ галерную работу вѣчно» (VI, 1721 года, № 3743, п. 4); или — «которые нынѣ освобождены отъ каторжной работы и опредѣлены послать въ Сибирь въ дальные города» — повелѣваетъ Петръ, по предложенію Берггъ-Коллегіи президента Брюса, очевидно, нуждающагося въ рабочихъ рукахъ — «*оныхъ послать и впредь таковыхъ посылать съ женами и съ дѣтьми* въ Дауры на серебряные заводы» (VI, 1722 г., № 3955)—говорятъ третій и многіе другіе указы, вездѣ организуя наказаніе въ видѣ той или иной работы. Мало этого—государство, пользуясь трудомъ преступниковъ для себя, находитъ возможнымъ отдавать этотъ трудъ частнымъ лицамъ. Напримѣръ, указъ сенату отъ 26 февраля 1719 г. говоритъ слѣдующее: «господа сенатъ! Били челомъ намъ Московскіе полот-

34) И. Я. Фойницкій—Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ (Спб. 1889 г.), стр. 268, 269 и сл.

нянаго завода компанейщики Андрей Турка съ товарищами, чтобъ для умноженія полотняной фабрики тонкихъ полотенъ отсылать къ нимъ для пряжи льну бабъ и дѣвокъ такихъ, которыя будутъ... по дѣламъ *за вины свои наказаны*, а пропитаніе имъ давать они станутъ отъ себя». Царь предписываетъ сенату исполнить просьбу компанейщиковъ, отослать къ нимъ въ работу «виноватыхъ бабъ и дѣвокъ», написавъ лишь «сколько которой лѣтъ въ той работѣ быть, или *по смертъ*, усматривая по ихъ винамъ» и давъ «для караула къ тѣмъ бабамъ, чтобъ они не бѣгали... къ компанію изъ отставныхъ солдатъ, сколько человѣкъ заблагоразсудите, и чтобъ они пропитаніе имъ давали отъ себяжъ» (V, № 3313; другой подобный указъ объ отдачѣ «виновныхъ бабъ и дѣвокъ» въ мануфактурную компанію бар. Шафирова—Ib. № 3336 и другіе). Сообразно нуждѣ въ рабочихъ рукахъ мѣнялись и мѣста для каторжныхъ работъ. Такъ въ концѣ XVII вѣка, напримѣръ, такимъ мѣстомъ служилъ Азовъ (III, 1696 г., № 1552, 1690, 1695); при Петрѣ Великомъ—Рогервикъ, о которомъ постоянно упоминается въ указахъ, не говоря о многихъ другихъ городахъ и поселеніяхъ Европейской Россіи и Сибири.

Сообразно этой нуждѣ, далѣе, законодательство Петра Великаго заботится о томъ, чтобъ колодники не держались праздно въ тюрьмахъ, а отсылались бы скорѣе на работы. Такъ, напр., сенатскій указъ 18 сент. 1722 г. напоминаетъ, что еще именнымъ указомъ 18 янв. 1718 г. повелѣно «за исправленіе государственныхъ долговъ далѣе не давать третьева сроку, какъ на полгода, и то съ поруки, а буде порукъ нѣтъ, то безсрочно, и посылать всѣхъ мужеска пола *на галеру*, а женъ въ прядильный домъ въ Петербургѣ, и зачитались въ тѣ долги на мѣсяцъ по рублю, а кормъ давать равно съ каторжными, и по оному указу исполняется ль, о томъ въ сенатѣ извѣстія не имѣется. А Его Величеству извѣстно, что такіе должники многіе долговременно держатся, а по упомянутому указу *въ галерную работу не посланы*: того ради апрѣля 6 нынѣшняго 1722 года въ указѣ Его же Императорскаго Величества о долгахъ опредѣленіе крѣпко учинить подъ великимъ денежнымъ штрафомъ... чтобъ должниковъ недержали, а кому не чѣмъ платить, тѣхъ посылали бъ *заработывать на галеру*, а на правежѣ отнюдь не бить» (VI, № 4013). Сенатъ подъ страхомъ большихъ штрафовъ и наказаній, предписываетъ подлежащимъ лицамъ строго слѣдить за выполненіемъ указа. Эти работы обязательны, какъ гласитъ, напр., другой указъ сената отъ 20 сентября того же года, и для тѣхъ «колодниковъ, которые въ Москвѣ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и въ надворномъ судѣ *до вер-*

шенія дѣла содержатся въ государевыхъ дѣлахъ» и «которые изъ оныхъ за карауломъ сидя, прокормить себя не могутъ (ib, № 4094). Такихъ колодниковъ мужескаго пола указъ предписываетъ отсылать «для казенныхъ работъ», а «бабъ и дѣвокъ»—«для работъ на мануфактурные прядильные дворы». Если на работу, такимъ образомъ, высылались люди изъ тюремъ, то организація ссылки вся была построена на принципѣ эксплоатаціи труда преступниковъ въ пользу государства—это была задача еще успѣшно преслѣдовавшаяся въ XVII в. на Москвѣ [35]) и еще болѣе развитая при Петрѣ Великомъ. Такъ еще въ 1668 г. извѣстный Андрей Виніусъ, предлагая построить для Каспійскаго моря особыя гребныя суда или «*каторги*» [36]), говоритъ, что «всякихъ воровъ и бусурманскихъ полоняниковъ мочно на каторги сажать для гребли на цѣпяхъ, чтобъ не разбѣжались и зла не учинили; *и чѣмъ* такимъ ворамъ и полоняникомъ, которыхъ по тюрьмамъ бываетъ много, *хлѣбъ тунъ давать, и они бъ на катаргахъ хлѣбъ зарабатовали*» (ib. п. 5). Мысль объ этой каторжной работѣ проникаетъ все законодательство Петра Великаго о ссыльныхъ и организуется то въ видѣ работы на галерахъ, о которыхъ постоянно упоминаютъ указы о наказаніи, то въ видѣ всякаго рода другихъ занятій. Такъ, однихъ преступниковъ приказано «отдать», какъ гласитъ указъ 1700 г., «въ пашенную работу мужикамъ, по смерть и велѣть имъ себя питать работою земляною и скотопаствомъ» («Памятники Сибирск. Ист.» т. I. Спб. 1882, стр. 44); то приказывается «завести въ Тобольску кирпичные великіе заводы и въ тѣхъ *ссыльными* и иными людьми дѣлать кирпичъ, чтобъ повсюды надѣлать самое многое число» (ib., стр. 67); то управляющихъ заводами спрашиваютъ, «какимъ порядкомъ оные крестьяна и *ссыльные* на тѣхъ заводахъ работаютъ» (тоже «Памятники» т. II, стр. 234, указъ 1721 г.); то правительству доносятъ, «что у того де руднаго дѣла работаютъ охочіе люди изъ найма..., *а ссыльные* люди работаютъ у того дѣла... когда бываетъ прибылая работа и въ то время дается имъ кормъ, запасъ и мясо (ib., стр. 215 наказъ 1720 г.). Не удивительно поэтому, что въ наказахъ сибирскимъ воеводамъ предписывается верстать въ службу... *ссыльныхъ* опальныхъ людей на выбылыя мѣста» (Акт.

---

[35]) О ссылкѣ въ XVII в. см. у Сергѣевскаго «О наказаніи», стр. 216 сл.

[36]) Изъ описанія, представленнаго Виніусомъ въ посольскій приказъ, гдѣ онъ служилъ тогда переводчикомъ, видно, что «катарга»—гребное судно, съ которымъ «мочно угрести» во время бури легче, чѣмъ съ кораблемъ»; что съ нею «во время противнаго вѣтра или безвѣтрія спѣшно мочно впередъ плыти» (Доп. къ. А. Ист. V, № 86, п. 1, 2).

Ист., IV, 240, 1694 г., стр. 437), заботиться о томъ, чтобъ одно-лично *всякой ссыльной у того дѣла былъ и въ томъ мѣстѣ жилъ, гдѣ кому и у кого дѣла быть велѣно* и бѣжать бы на старину не мыслилъ (ib., 1697, № 271, стр. 494: а еслибъ такой ссыльный «ушелъ, не хотя въ Сибири жить и былъ бы пойманъ—«такихъ послѣ пытки обрѣзавъ уши ссылать *въ тѣжъ мѣста*, отколь кто ушелъ»... добавляетъ та же царская грамота); стараться о томъ, «какъ бы Великаго Государя *казнь не въ большой расходъ*, а людямъ не въ тягость» было сдѣлать то или иное нужное дѣло, напр., «по малу собравъ къ тому потребному дѣлу запасовъ надобныхъ не малое число, работными *наемными или ссыльными и въ тюрьмѣ винными людьми вмѣсто наказанія*, изъ корму небольшаго, чѣмъ мочно сыту быть, заставить тотъ камень возить»... какъ говоритъ еще одна грамота Нерчинскому воеводѣ о постройкѣ въ городѣ каменнаго гостиннаго двора (ib. 1699 года, № 287, стр. 520). Вездѣ работа ссыльныхъ стоитъ на первомъ мѣстѣ, и что всего характернѣе—«каторжный» трудъ по исполненію ея они раздѣляютъ одинаково *съ остальными* гражданами—по крайней мѣрѣ, указы не даютъ почти никакихъ данныхъ для того, чтобъ заключить о разницѣ въ качествѣ работъ ссыльныхъ и вольнонаемныхъ людей. Поэтому вполнѣ вѣрнымъ представляется взглядъ проф. Фойницкаго, что «работы для каторжныхъ назначались тѣ, которыя требовались и смотря по человѣку; тяжесть работъ не имѣла еще карательнаго значенія» («Ученіе о наказаніи» и пр., стр. 269). Нельзя не замѣтить еще, что, какъ бы согласно идеѣ *вѣчнаго* безсрочнаго закрѣпощенія цѣлыхъ классовъ населенія на личную службу государству, особенно ярко выражавшейся въ организаціи тогдашняго войска, и ссылка,—когда это соотвѣтствовало, конечно, тяжести преступленія, — легко организировалась въ видѣ «вѣчной работы» (V, № 2823, VI, № 3,847, 4,109 и др.), «вѣчной ссылкѣ на галеру« (VI, № 3648, № 3709 и др.) въ «вѣчную каторжную работу» (VI, № 3628) и т. д. Послѣдній изъ названныхъ указовъ, отъ 16 авг. 1720 г., очень характерно рисуетъ эту вѣчную работу — «къ каторжнымъ невольникамъ, которые посланы на *урочные годы*, женамъ и дѣтямъ ходить невозбранно; а которые сосланы *въ вѣчную* каторжную работу тѣхъ женамъ, которыя похотятъ идти замужъ, или постричься, или въ своихъ приданныхъ деревняхъ жить, и въ томъ дать имъ свободу, понеже мужья отлучены вѣчно, *подобно якобы умре*».

Уже изъ приводившихся выше указовъ видно, что конфискація имуществъ преступниковъ, съ одной стороны, штрафы и иныя денеж-

ныя взысканія съ другой, какъ, напр., вычеты изъ жалованья, играли важную роль въ числѣ мѣръ наказанія петровскаго времени. Если довольно часто эти штрафы и взысканія являлись самостоятельными видами наказаній, назначаемыми за незначительные проступки, то еще чаще они были *дополнительными* наказаніями, которыя присоединялись къ другимъ, болѣе тяжкимъ, и смотря по роду преступленія, начинаясь съ небольшаго, доходили затѣмъ до «лишенія всего имѣнія», «разоренья», отписи или взятія «на государя имѣнія ихъ движимаго и недвижимаго» и т. д. Иногда эти категоріи денежныхъ взысканій обозначались въ одномъ указѣ—такъ, напр., фискаламъ запрещается «самимъ ни въ чѣмъ ни до кого, также и въ дѣла гласъ о себѣ имѣющія отнюдь... не касаться подъ жестокимъ *штрафомъ*, *или раззоренiемъ* и ссылкою (смотря по дѣламъ чего будетъ достоинъ» — V, 1714, № 2786); такъ далѣе, если «о какомъ указѣ гдѣ при какомъ дѣлѣ помянуто будетъ, а кто въ то время не возметъ того указа смотрѣть, а станетъ невѣденіемъ послѣ отговариваться: *такихъ наказывать* въ первые отнятіемъ чина на время и штрафа, *годъ жалованья*, въ другой рядъ *третьею долею* всего движимаго и недвижимаго имѣнія, въ третій разъ лишеніемъ *всего имѣнія* и чина вовсе» (VII, 1724 г., № 4436). Или, устанавливая въ 1723 г. 5 ноября знаменитую «форму суда», законодатель заканчиваетъ ее такъ: «а ежели что въ оной (кто изъ чиновниковъ) пренебрегать будетъ или слабо поступать: то въ первые 500 руб., въ другой разъ 1000, въ третіе *половины* движимаго и недвижимаго и чина лишенъ будетъ» (VII, 1723 г., № 4344). На оборотъ, нерѣдко эти штрафы обозначались весьма неопредѣленными выраженіями «наложены будутъ жестокіе штрафы» (VI, 1720 г., № 3493) «будутъ штрафованы (ib., 1722 г., № 4134), «подъ опасеніемъ жестокаго штрафа» (V, 1714 г., № 2812) и т. д., иногда же, напротивъ—въ видѣ весьма точно опредѣленной *пени* и это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда характеръ проступка или преступленія поддается извѣстной, хотя и произвольной, но точной оцѣнкѣ—«кто разговоры учнетъ съ кѣмъ имѣть въ церкви или стоять неблагочинно и съ таковыхъ... по рублю съ человѣка» (V, 1718, № 3250); «на тѣхъ людяхъ (которые не ходятъ на исповѣдь «повсягодно») класть штрафы противъ дохода съ него *вдвое*» (V, 1716, № 2991); «съ такихъ помѣщиковъ (которые приведутъ или отъ которыхъ «является хотя собою» бѣглые рекруты, ихъ крестьяне) штрафъ... по 20 рублей за человѣка брать для того что они работали на тѣхъ помѣщиковъ»... (VII, 1823, № 4243) и т. д. Какъ вообще бываетъ въ петровскихъ указахъ, имущественное наказаніе

является иногда въ самой прихотливой формѣ, невольно останавливающей на себѣ вниманіе. Такъ въ одномъ указѣ Св. Синоду, Петръ Великій, говоря, «что вѣдомо намъ учинилось», что «на монастырскомъ приказѣ... великая сумма въ положенныя мѣста не дослана»... предписываетъ «того для, *пока недосланная сумма въ опредѣленныя мѣста отъ васъ выплатится, по то время денежнаго жалованья* какъ себѣ, такъ и прочимъ вашимъ чернцамъ (также и на строеніе) *давать запрещается*, кромѣ хлѣба и прочихъ нужныхъ необходимыхъ потребъ, что̀ къ пропитанію надлежитъ»... (VII, 1723 г., № 4152) Характерно, что такая угроза обращается къ самимъ членамъ Синода, а не только къ низшимъ и подчиненнымъ ему лицамъ.

Какъ ясно, конечно, уже изъ приведенныхъ примѣровъ, эти взысканія, обращенныя на имущество преступника, являлись не только въ видѣ и теперь практикуемыхъ пеней и штрафовъ, но и въ видѣ конфискаціи всего или бо̀льшей части имущества преступника, т. е. именно въ томъ своемъ видѣ, который «нынѣ, со временъ французской революціи, не примѣняется ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ,» какъ это доказывается проф. Фойницкимъ («Ученіе о наказаніи», стр. 183). У насъ, какъ и вездѣ, въ старину [37]) именно этотъ видъ имущественныхъ наказаній былъ, наоборотъ, очень распространенъ и лишь во второй половинѣ XVIII в. Екатерина II высказывается противъ конфискацій, справедливо замѣчая, что больше всего при конфискаціяхъ терпятъ лица, неповинныя въ преступленіи, какъ жена, дѣти и т. д. Свой взглядъ на вопросъ она впервые примѣняетъ къ дворянству, а именно по жалованной грамотѣ дворянству опредѣлено (§ 23), что наслѣдственное имѣніе благороднаго, въ случаѣ осужденія его за преступленіе, отдается его наслѣдникамъ. Но при Петрѣ Великомъ, а также при ближайшихъ его преемникахъ, конфискація имуществъ, особенно когда дѣло шло о преступленіяхъ политическихъ, играетъ громадную роль: благодаря ей то возникаютъ новыя состоянія, то безслѣдно изчезаютъ старыя [38]). И частныя лица, и государственныя учрежденія обогащались отъ этихъ «разореній» и «штрафовъ», постигавшихъ преступника. Не удивительно поэтому, что указы сохранили для насъ, съ одной стороны, черты особой заботливости правительства по собиранію штрафовъ, съ другой—какъ бы борьбу учрежденій за пользованіе ими. Въ послѣднемъ отношеніи очень интере-

---

[37]) Для XVII в. см. у Сергѣевскаго «Наказаніе», стр. 259 сл.

[38]) Интересныя данныя по вопросу въ книгѣ Е. П. Карновича «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи». Спб. 1885, 2-е изд.

сенъ, напр., одинъ изъ докладныхъ пунктовъ св. Синода, восходившихъ на разрѣшеніе Петра Великаго. Именно Синодъ проситъ у Императора слѣдующаго: «*пожитки и прочее* что случится у такихъ духовныхъ персонъ, которыя являются по дѣламъ тайной канцеляріи, лишены чиновъ или и живота, *берутся* въ тайную канцелярію, а по правиламъ надлежатъ до церкви, и того ради Синодъ проситъ, *дабы оное имѣніе повелѣно было имать въ Синодъ*» (VI, 12 апрѣля 1722 г., № 3963, п. 2). Петръ Великій даетъ резолюцію: «давать въ гошпитали лѣчебные». Указы, заботясь о сборѣ штрафныхъ денегъ [39]), въ то же время опредѣляютъ, куда онѣ должны идти, такъ какъ, повидимому, у учрежденій, ихъ собиравшихъ, было стремленіе ими пользоваться. Такъ, напр., въ указѣ изъ юстицъ-коллегіи петербурскаго Надворнаго суда вице-президенту говорится слѣдующее: «о собранныхъ по тѣмъ дѣламъ (фискальнымъ) штрафныхъ деньгахъ, которыя нынѣ есть на лицо, и впредь въ казну взяты будутъ, присылать мѣсячныя вѣдомости въ государ. юстицъ-коллегію... *а въ расходъ или на какія издержки, безъ указа юстицъ-коллегіи тѣхъ фискальныхъ денегъ отнюдъ не употреблять и въ рентерею не отдавать*, а содержать ихъ въ надворныхъ и въ прочихъ нижнихъ судахъ особо» (VI, 28 іюня 1720 г., № 3602). Государство само распредѣляетъ этотъ важный доходъ своего казначейства—такъ, напр., указъ 19 мая 1721 г. предписываетъ «положенныя деньги съ тѣхъ раскольщиковъ, которыя будутъ собираться по окладу *вдвое*: тѣ отсылать въ штатсъ-конторъ-коллегію, а штрафы по духовнымъ дѣламъ имѣть въ правительствующій духовный Синодъ» (VI, № 3785); такъ далѣе въ приведенной выше резолюціи Петра Великаго имѣніе «духовныхъ персонъ» идетъ въ «гошпитали лѣчебные»; туда же идутъ, по другой его резолюціи, деньги съ имущества, движимаго и недвижимаго, бѣжавшихъ раскольниковъ—эти имѣнія берутся на Государя, затѣмъ продаются и деньги расходуются на больницы (ib., № 3962, п. 3) и т. д. Государство не прощаетъ, по крайней мѣрѣ въ законѣ, этихъ штрафовъ даже неимущимъ, почему въ указахъ и встрѣчаются, напр., такія общія постановленія: » а ежели кто штрафованъ будетъ денежнымъ штрафомъ, *а платить будетъ ему нечѣмъ*, того отослать въ

[39]) Указъ 1 декабря 1724 г. (VII, № 4608) требуетъ, напр. «угроженія штрафовъ» непремѣнно «*производить во экзекуцію*, дабы такое штрафами угроженіе не исполняемое большія въ послушаніи подчиненныхъ слабости не дѣлало». О дѣятельности сената по взысканію штрафовъ см. «доклады и приговоры сената». Т. I, т. II, кн. 2, т. III, кн. 2 алфавитный указатель подъ сл. «штрафъ» и «наказаніе».

галерную работу, зачитая по 10 руб. на годъ» (генеральный Реглам. VI, № 3534, гл. LII); или, напр., предписывается бородачей, которые «взяты не въ указномъ платьѣ... а бороды брить не хотятъ и штрафу платить имъ будетъ *нечѣмъ, такихъ посылать* для заработыванія въ Ревель»... (VII, № 4256) и т. д. — Иначе говоря, имущественное наказаніе переходитъ въ личное, эксплоатирующее трудъ преступника.

Что конфискаціи были явленіемъ обычнымъ, это указывается въ общемъ не только часто повторяемыми угрозами «разореній» въ законѣ и той мобилизаціею недвижимости и движимости, какая развивалась подъ вліяніемъ практики судовъ, но въ частности и тѣмъ, что существовали цѣлыя учрежденія, спеціально занятыя распродажею конфискованныхъ имуществъ. Такъ въ 1723 г. 12 ноября сенатъ даетъ магистрату общую инструкцію о продажѣ «описныхъ пожитковъ и товаровъ, которые изъ коллегій и канцелярій присланы и впредь присылаться будутъ». Инструкція эта вызвана доношеніемъ магистрата, «что де изъ коллегій и канцелярій прислано въ тотъ магистратъ, *для продажи, отписныхъ за вины пожитковъ немалое число*» и магистратъ встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія на практикѣ по выполненію этой «публичной продажи» (VII, № 4358). Раньше еще, въ 1706 г., относительно недвижимыхъ имуществъ, дается указъ о томъ, что они должны были вѣдаться «въ ижерской канцеляріи», т. е. «въ приказной палатѣ», по объясненію пр. Андреевскаго, «учрежденной въ 1700 г. для собиранія различныхъ спеціальныхъ сборовъ, не порученныхъ другимъ финансовымъ учрежденіямъ». Затѣмъ съ 1712 г. завѣдываніе конфискованными имѣніями, дворами и пр. сосредоточивается въ канцеляріи сената, въ рукахъ оберъ-фискала. Но такъ какъ дѣятельность сената въ этомъ отношеніи не давала должныхъ, съ фискальной точки зрѣнія, результатовъ, то въ 1727 г. открыта была при верх. тайномъ совѣтѣ такъ называемая «доимочная канцелярія», черезъ 2 года преобразованная въ «канцелярію конфискаціи», которая и дѣйствовала до конца 1780 г. [40]). Всѣ эти факты съ ясностью свидѣтельствуютъ, какъ разрослась еще въ началѣ XVIII вѣка система *имущественныхъ наказаній*, являвшихся то въ видѣ дополнительныхъ, то самостоятельныхъ мѣръ взысканія, и какъ правительство было озабочено правильной хозяйствен-

---

[40]) Всѣ относящіяся къ вопросу въ высшей степени интересныя свѣдѣнія, разработанныя по архивнымъ матеріаламъ, см. въ ст. И. Е. Андреевскаго «Канцелярія конфискаціи». Русская Старина, 1881, іюнь, стр. 167 сл.

ной эксплуатаціею все болѣе и болѣе увеличивающейся массы этихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, взятыхъ у опальныхъ или преступныхъ гражданъ. Эта масса конфискацій и штрафовъ невольно наводитъ на мысль, что пополненіе казны было главною цѣлію въ организаціи мѣръ имущественныхъ взысканій, хотя далеко и не единственною. Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, при государственныхъ преступленіяхъ, «разоряя» преступника, правительство имѣло въ виду обезсилить тѣмъ своихъ враговъ, а штрафуя — сломить упрямство или небрежность въ исполненіи указовъ, мало поддающіяся другимъ мѣрамъ наказанія и т. д.

Таковы наиболѣе общія и наиболѣе поддающіяся наблюденію цѣли наказанія по узаконеніямъ петровскаго времени...

Александръ Филипповъ.

ФОРМАЛЬНАЯ ТЕОРІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ.

Законъ,—какъ паутина, шмель проскочетъ, а муха увязнетъ. (Рус. нар. посл. и притчи, изд. Снегиревымъ, 1848, стр. 132).

I.

Вопросъ объ уголовныхъ доказательствахъ является ядромъ всего процессуальнаго изслѣдованія. На это обстоятельство указывалъ Бентамъ; главнымъ образомъ, ученію объ уголовныхъ доказательствахъ посвящаетъ свои силы наша профессура въ университетскомъ преподаваніи уголовнаго судопроизводства. И развѣ такое воззрѣніе не справедливо? развѣ оно не скрывается въ задачѣ отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій? Рѣшеніе вопросовъ о томъ, совершилось ли преступленіе, совершилъ ли его подсудимый и виновенъ ли онъ, стоитъ въ прямой зависимости отъ того или другаго взгляда на уголовныя доказательства. Такимъ образомъ, построеніе почти всѣхъ частей процесса связано съ однимъ центромъ, и этотъ центръ—тотъ или другой способъ изысканія истины. (Это не значитъ, что организація суда зависитъ *исключительно* отъ той или другой принятой теоріи уголовныхъ доказательствъ; мы констатируемъ лишь связь, зависимость извѣстную и этимъ ограничивается, въ данномъ случаѣ, наша цѣль). Далѣе, совершенно различные результаты получатся въ концѣ процессуальнаго изслѣдованія, смотря по тому, какой взглядъ законодательства на уголовныя доказательства. Такъ какъ эти два вышеуказанныя положенія существенно затрогиваютъ нашъ вопросъ, то мы воздерживаемся пока, въ интересахъ стройности и послѣдовательности работы, отъ аргументированія ихъ и принимаемъ пока, какъ

доказанное обстоятельство—существенное значеніе теоріи уголовныхъ доказательствъ. Если таково значеніе ученія объ уголовныхъ доказательствахъ, то мы смѣло, съ сознаніемъ важности избранной задачи, беремся за обсужденіе формальной теоріи доказательствъ. На порогѣ обсужденія ея стоитъ существенный вопросъ: что такое формальная теорія доказательствъ, какъ ее можно опредѣлить. Но тутъ мы наталкиваемся на вопросъ: а предустановленное доказательство—то же ли, что формальное, противорѣчитъ ли оно матеріальному? Въ литературѣ [1]) былъ высказанъ такой взглядъ, что предустановленное доказательство—то же, что формальное, и что оно противорѣчитъ матеріальному. Съ другой стороны, хоть и не всегда послѣдовательно, однако, въ одномъ мѣстѣ своего курса уголовнаго судопроизводства проф. Фойницкій категорически высказывается, что гражданскій судъ, судъ, имѣющій, именно, дѣло съ предустановленными доказательствами, стремится къ матеріальной истинѣ такъ же, какъ уголовный. Гдѣ же правда?

Начнемъ съ разбора понятія предустановленнаго доказательства. Терминъ «предустановленное доказательство» введенъ былъ, какъ извѣстно, Бентамомъ; у Бентама, однако, мы не находимъ рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Проф. Владиміровъ опредѣляетъ предустановленное доказательство такъ: это — доказательство, которое установляется законодательствомъ напередъ, какъ единственное допустимое доказательство извѣстнаго факта. Въ этомъ опредѣленіи мы считаемъ необходимымъ ввести, прежде всего, признакъ: «письменное доказательство»; тогда сфера предустановленныхъ доказательствъ значительно сокращается, ибо любое доказательство могло бы подойти подъ опредѣленіе, данное проф. Владиміровымъ; достаточно себѣ только представить положеніе вещей при формальной теоріи доказательствъ; въ то же время, и самъ создатель этого термина и послѣдующіе юристы вводятъ въ понятіе предустановленнаго доказательства признаки «письменности». Далѣе, если мы примемъ во вниманіе, въ силу чего законодательствомъ дана такая сила предустановленнымъ доказательствамъ, то мы, обязательно, должны ввести еще одинъ признакъ, что эти письменныя доказательства должны быть завѣрены общественною властью. Такимъ образомъ, предустановленныя доказательства — письменныя доказательства, которыя, разъ представлены на судѣ и удовлетворяютъ законнымъ условіямъ—завѣрены общественною властью, не могутъ быть оспариваемы другими доказательствами. Такъ, напримѣръ, существованіе договора для ходатайства по дѣлу, продажа движимаго имущества въ кредитъ, договоръ

заклада движимаго имущества, уплата по займу, продажа недвижимаго имущества и пр., могутъ быть удостовѣрены у насъ на судѣ только письменными актами (кассац. рѣш. 1867 г., № 232, 400, 212, 140), согласно 409 ст. уст. гражд. судопроизводства и соотвѣтствующимъ статьямъ т. X, ч. I. Вообще же, согласно 409 ст. уст. гражд. судопроизводства, свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ, по закону, не требуется письменнаго удостовѣренія. Исключенія изъ этого общаго правила поименованы въ этой же статьѣ. Послѣ всего вышеуказаннаго ясно, что домашніе акты, вслѣдствіе составленія ихъ безъ участія общественной власти, могутъ быть опровергаемы свидѣтельскими показаніями. Мы оставляемъ, конечно, въ сторонѣ вопросы о подлогѣ, объ обязательствахъ, сопровождавшихъ совершеніе сдѣлки, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ мы не имѣемъ настоящаго явочнаго или крѣпостнаго акта. Установленіе предустановленныхъ доказательствъ вытекаетъ не изъ произвола законодательнаго; сама жизнь требуетъ ихъ. Гражданскія отношенія разсчитаны на десятки, сотни лѣтъ; при такихъ условіяхъ ихъ надо закрѣпить, дать имъ устойчивость, благодаря которымъ всегда можно было бы указать собственника и несобственника, праваго и виноватаго, и вообще констатировать на продолжительный промежутокъ времени извѣстное statu quo. Это закрѣпленіе, оформленіе извѣстнаго правоваго отношенія путемъ письменнаго акта совершается, конечно, за тѣмъ, кто имѣетъ на него право. Разъ онъ пожелаетъ подвергнуть вновь измѣненію это правовое положеніе, онъ долженъ идти тѣмъ же путемъ, т. е. извѣстное право закрѣпится за другимъ лицомъ. Благодаря предустановленнымъ доказательствамъ, достигается точность внѣшнихъ признаковъ гражданскихъ отношеній; при отсутствіи этихъ доказательствъ, потребовались бы спеціальныя изслѣдованія, часто весьма сложныя и сомнительныя по результатамъ. Въ первомъ случаѣ мы достигаемъ уменьшенія процессовъ, во второмъ, вслѣдствіе запутанности гражданскихъ отношеній — увеличеніе количества процессовъ [2]). Послѣ всего вышесказаннаго мы можемъ принять, какъ общее правило, что предустановленныя доказательства соотвѣтствуютъ настоящему положенію вещей, т. е. ведутъ къ отысканію матеріальной, а не формальной истины. Какъ уголовный, такъ и гражданскій судъ одинаково стремятся къ отысканію матеріальной истины, говоритъ проф. Фойницкій. Гражданскій судъ оцѣниваетъ имѣющіяся въ дѣлѣ доказательства такъ же, какъ уголовный, независимо отъ сторонъ; далѣе, истина въ исходѣ того и другаго процессуальнаго

изслѣдованія, въ большинствѣ случаевъ, не безусловна; она ниже математической очевидности, приближается только къ вѣроятности; наконецъ, рѣшеніе о фактической сторонѣ дѣла постановляется по внутреннему убѣжденію судей какъ въ уголовномъ, такъ равно и въ гражданскомъ судѣ (129 ст. уст. гражданскаго судопроизводства). Итакъ, несомнѣнно, что предустановленныя доказательства вовсе не формальны въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ это о доказательствахъ, существовавшихъ при формальной теоріи. Ихъ можно назвать формальными развѣ въ томъ лишь смыслѣ, что они облечены въ извѣстную форму и что гражданскій процессъ, гдѣ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, объ этихъ доказательствахъ, стоитъ на строго-юридической почвѣ, не касаясь вопросовъ чести, долга, признательности, великодушія и другихъ нравственныхъ стимуловъ; въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ замѣчаніе г. Кони [3]); однако, на основаніи этой лишь черты я не рѣшаюсь провести знакъ равенства между доказательствами формальными и предустановленными.

Что же такое формальная теорія доказательствъ? Формальная теорія доказательствъ ведетъ свое начало далеко, далеко въ глубокой старинѣ. Тамъ, она выражалась въ формѣ обычаевъ. При грубости воззрѣній того времени, при господствѣ религіозныхъ предразсудковъ, самыя доказательства носили на себѣ тотъ же характеръ. Доказательства были направлены на пораженіе противника. Дѣло рѣшается судомъ божіимъ—водою или желѣзомъ. Естественно, что никто не могъ отказаться отъ такого способа рѣшенія вопроса о виновности, ссылаясь на возможность съ помощью свидѣтелей или иначе выяснить этотъ вопросъ. Въ этомъ и проявляется формализмъ уголовныхъ доказательствъ, фигурировавшихъ въ то время. Съ теченіемъ времени грубый взглядъ на способы доказыванія уголовныхъ процессуальныхъ вопросовъ даетъ мало по малу мѣсто болѣе логическому. Такъ, въ Италіи мы встрѣчаемъ общее изслѣдованіе и спеціальное; задача перваго — констатировать фактъ преступленія, задача втораго—собрать доказательства, для уличенія виновника. Такимъ образомъ, начинаютъ не удовлетворяться прежними формальными доказательствами, начинаютъ брать ихъ изъ самаго существа преступленія: свидѣтельскія показанія, вещественныя доказательства и т. д. Но, при отсутствіи здравыхъ понятій о характерѣ уголовныхъ доказательствъ и истины, которую можно отыскать съ помощью ихъ, при абсолютизмѣ высшей власти [4]) и недовѣріи въ столь важныхъ, какъ судебные, вопросахъ, при ея стремленіи все регламентировать, указать мѣрку дѣйствій—на континентѣ происходитъ пе-

реходъ отъ прежней грубой, обычной, такъ сказать, формальной теоріи доказательствъ не къ постановленію приговоровъ на основаніи внутренняго убѣжденія, а лишь къ болѣе утонченной ааконодательной формальной теоріи доказательствъ. Сомнѣваемся, чтобы можно было оспаривать ту мысль, что существовавшія въ древности доказательства можно приравнять къ доказательствамъ формальной теоріи. Намъ могутъ возразить въ противовѣсъ этому взгляду, что это особыя доказательства — ордаліи, или что формальныя доказательства должны быть выражены писаннымъ закономъ, или что эти доказательства—незначительны, что тутъ нѣтъ еще теоріи ихъ. Вотъ все, что можно сказать. Но, очевидно, что вводя понятіе объ ордаліяхъ, мы не устраняемъ понятія о формальности ихъ, такъ же, какъ и относительно свидѣтельскихъ показаній, вещественныхъ доказательствъ и т. д.; второе опроверженіе слишкомъ грубо и на него можно замѣтить: почему же формальныя доказательства должны быть обязательно писаны и не могутъ существовать въ сознаніи народа и примѣняться путемъ обычая, разъ существо понятія этого сохраняется; что касается третьяго замѣчанія, то и общепризнанныя, вѣдь, формальныя теоріи доказательствъ различаются по характеру своему другъ отъ друга; обычная формальная теорія доказательствъ была таковой по воззрѣніямъ того времени. Моментомъ перехода къ законодательной формальной теоріи доказательствъ является установленіе слѣдственнаго процесса вмѣсто обвинительнаго. Гёттингенскій проф. Цахаріэ старался доказать, что формальная теорія доказательствъ ведетъ свое начало отъ обвинительнаго процесса, слѣдственнымъ же процессомъ была лишь воспринята. Доказательство тому онъ видитъ въ томъ, что уже римскій процессъ, построенный на обвинительномъ принципѣ, имѣлъ зачатки законной формальной теоріи доказательствъ, которая позже была лишь развита другими народами. Вся ошибочность его взгляда вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія принципа внутренняго убѣжденія и фальшиваго, въ силу этого, толкованія ст. 342 code d'instruction crim. и нѣкоторыхъ непослѣдовательностей римскаго процесса. Римскій процессъ, какъ говорятъ Миттермайеръ, Бинеръ, Гейеръ, въ періодъ процвѣтанія своего, не былъ связанъ никакой формальной теоріей доказательствъ; исключенія вытекали отчасти изъ недостатка психологическихъ познаній, отчасти изъ односторонняго развитія обвинительнаго принципа; такъ, признаніе подсудимаго считалось доказательствомъ, независимо отъ внутренняго существа его, т. е. согласія содержанія его съ обстоятельствами преступленія. Въ извѣстномъ рескриптѣ Адріана ясно установливается принципъ

внутренняго убѣжденія; такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Ты скорѣе можешь узнать, какого довѣрія заслуживаютъ свидѣтели, на какомъ они счету, какого достоинства и кто изъ нихъ говоритъ чистосердечно, смотря по тому, кто изъ нихъ говоритъ заученное заранѣе, подготовленное показаніе, а кто отвѣчаетъ правдоподобное немедленно на предлагаемые вопросы». Еще яснѣе выражена та же мысль въ другомъ рескриптѣ его же: «Совершенно нельзя указать точно, какія доказательства, какимъ образомъ представленныя и для разрѣшенія какого вопроса, являются достаточными. Въ общемъ могу лишь посовѣтовать тебѣ не связывать себя крѣпко какимъ либо однимъ доказательствомъ, но спросить себя въ душѣ, заслуживаетъ ли что либо довѣрія или является мало доказаннымъ [5]). Въ концѣ третьяго столѣтія впервые было установлено законодательнымъ путемъ положеніе, что показаніе одного свидѣтеля — недостаточно [6]). Канонисты, цивилисты и италіанскіе криминалисты пошли еще дальше, и въ простыхъ указаніяхъ, совѣтахъ юристовъ и римскихъ имераторовъ они вычитали, говоритъ проф. Гейеръ, полную формальную теорію доказательствъ, связывающую по рукамъ судей. Абсолютизмъ власти того времени провелъ эти положенія въ законы. Установляя судъ коронnаго чиновника, правительство не рѣшалось дать свободу судьямъ въ оцѣнкѣ доказательствъ и создало преграду, въ видѣ законодательныхъ доказательственныхъ формулъ.

Надо было имѣть небольшую долю наблюдательности, чтобы замѣтить, что извѣстнаго характера, положимъ, свидѣтельскія показанія, въ большинствѣ случаевъ, доказываютъ извѣстный фактъ. Этому обстоятельству придали, однако, абсолютный характеръ и приравняли понятіе «обыкновенно» понятію «всегда». Совершивъ такой логическій прыжокъ, законодательства предписали эти правила несчастному роду человѣческому, который на своихъ плечахъ долженъ былъ вынести послѣдствіе такого логическаго абсурда.

II.

Вся формальная теорія представляетъ положенія, разгруппированныя въ нѣсколькихъ отдѣлахъ. Одни изъ этихъ положеній отличаются положительнымъ характеромъ, другія—отрицательнымъ. Отсюда установляется дѣленіе формальной теоріи на два вида: на положительную и отрицательную теоріи. Положительная формальная теорія доказательствъ—теорія, предписывающая судьѣ признать фактъ достовѣрнымъ, при существованіи извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ пред-

положеній. Отрицательная формальная теорія доказательствъ—теорія, воспрещавшая признавать фактъ достовѣрнымъ, если нѣтъ закономъ опредѣленнаго minimum'а доказательствъ [7]). Какъ положительная, такъ и отрицательная формальныя теоріи доказательствъ въ различныя времена и у различныхъ народовъ различаются по полнотѣ своихъ положеній. Тѣ общія правила, которыя были установлены по законодательному сборнику Ману, выразились уже полнѣе въ индійской книгѣ законовъ—Нарадѣ. На европейскомъ континентѣ формальная теорія доказательствъ вдалась въ установленіе подробностей, въ разложеніе, такъ сказать, тѣхъ общихъ началъ, которыя выражены были въ болѣе раннихъ законодательствахъ. Этимъ мы не говоримъ, что восточное законодательство послужило прямымъ образцомъ для европейскаго, но проводимъ только общее сравненіе въ содержаніи того и другого. Дальнѣйшей характерной чертой европейскаго законодательства, которой придаютъ въ затронутомъ нами вопросѣ первенствующее значеніе [8]), является научное доказываніе фактовъ на судебно-медицинскомъ основаніи; въ Нарадѣ встрѣчаются лишь попытки установить судебно-медицинскіе признаки нѣкоторыхъ фактовъ. Такъ, согласно Нарадѣ, крѣпкое тѣлосложеніе и импотенція констатируются по слѣдующимъ признакамъ: «Если экскременты мужчины не тонутъ, а держатся на поверхности воды, если его сѣмя и моча пѣнятся, онъ имѣетъ характеристическіе признаки мужской силы; въ противномъ случаѣ онъ—импотентъ» (XII, 11).

Формальная теорія доказательствъ выразилась, въ свое время, какъ въ уголовныхъ процессуальныхъ положеніяхъ, такъ и въ гражданскихъ. И это обстоятельство вполнѣ понятно: оно вытекало изъ существовавшаго тогда взгляда на формальную теорію; напротивъ, странно и необъяснимо было бы, если бы въ то время, какъ въ уголовномъ процессѣ примѣнялась формальная теорія доказательствъ, гражданскій процессъ опирался бы на предустановленныя доказательства и теорію внутренняго убѣжденія. Содержаніе формальной теоріи, примѣнявшейся въ нашемъ гражданскомъ процессѣ, изложено въ I ч. т. X, изд. 42 г. (статьи 2292, 2322, 2402—2407). Формальная теорія доказательствъ не могла выразиться такъ полно въ гражданскихъ законахъ, въ виду существованія въ нихъ предустановленныхъ доказательствъ; въ уголовныхъ законахъ, напротивъ, формальная теорія получила широкое развитіе. Уголовная формальная теорія доказательствъ въ различныя фазы своего развитія не одинаково взглянула на основной процессуальный вопросъ, а именно, какого рода истина достижима въ уголовномъ процессѣ. Восточное законодательство не

сказало ничего по этому вопросу прямо, но, судя по тому, какъ категорически оно дѣлаетъ выводы изъ различныхъ законодательствъ, мы думаемъ, что оно признавало, вообще, возможнымъ отысканіе въ уголовномъ процессѣ достовѣрности. Изъ европейскихъ формальныхъ теорій—нашъ XV т. св. зак. ясно указываетъ на то, что уголовный судъ присуждаетъ къ наказанію при точныхъ доказательствахъ или явныхъ уликахъ, когда *исключается всякая возможность* къ показанію невинности подсудимаго (ст. 304 и 305 кн. II). Вюртембергское уголовное судопроизводство, 22 іюня 1843 г., допускаетъ постановленіе судебнаго приговора «при простой возможности противоположнаго» (285 ст.), т. е. признаетъ *вѣроятность*, неправильно называя истину, добытую при такихъ условіяхъ, достовѣрностью (ст. 284). Эта истина достигалась съ помощью прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ. Восточное законодательство признавало только два вида доказательствъ—письменныя доказательства и свидѣтельскія показанія [9]). Европейское законодательство значительно расширило кругъ ихъ; такъ, согласно XV т. св. зак., «по уголовнымъ дѣламъ пріемлются доказательства: 1) собственное признаніе; 2) письменные доводы; 3) личный осмотръ слѣдовъ преступленія, вещей, обличающихъ совершеніе онаго; 4) показанія свѣдущихъ людей; 5) показанія свидѣтелей; 6) повальный обыскъ; 7) очныя ставки и оговоръ» (ст. 198, 1857 г.). Въ Вюртембергскомъ уголовномъ судопроизводствѣ доказательства поименованы тѣ же (ст. 286). Оцѣнка этихъ доказательствъ, въ общемъ, какъ мы видѣли, должна достигать или извѣстной степени вѣроятности или несомнѣнной достовѣрности; оцѣнка оправдательныхъ доказательствъ должна достигать простой возможности противоположнаго, т. е. незначительнаго сомнѣнія, по XV т. св. зак., и разумнаго сомнѣнія—по Вюртемб. кодексу; въ этомъ отношеніи, конечно, Вюртемб. кодексъ стоитъ на высотѣ современныхъ понятій; не возможность, предположенія и догадки составляютъ разумное сомнѣніе, а совокупность обстоятельствъ, вытекающихъ изъ представленныхъ на судѣ доказательствъ (ст. 285, 290). Этотъ favor defensionis доходилъ по Вюртемб. кодексу до того, что даже формальные недостатки не отнимали у оправдательнаго доказательства его силы. Въ этомъ смыслѣ внѣсудебныя признанія, свидѣтельскія показанія, данныя безъ присяги или не предъ надлежащимъ судебнымъ составомъ, могли быть приняты въ качествѣ дѣйствительныхъ (ст. 289).

Обходя изложеніе формальной теоріи доказательствъ, которое можно найти въ соотвѣтствующихъ кодексахъ, отчасти изложенныхъ въ сочиненіи проф. Владимірова «Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ»,

мы переходимъ къ общему разсмотрѣнію этихъ постановленій. Вглядываясь въ правила формальной теоріи, мы видимъ, что это—правила, отчасти выведенныя изъ многолѣтняго опыта, отчасти логическія соображенія, правильныя или неправильныя. Первымъ обстоятельствомъ и объясняется, почему Австрійскій кодексъ употребляетъ во многихъ статьяхъ слово «обыкновенно». По существу своему данныя опытныя могутъ достигать или степени достовѣрности, дать, такимъ образомъ, въ результатѣ законъ причинности, или—стоять лишь на степени приблизительныхъ обобщеній. Правила формальной теоріи—лишь приблизительныя обобщенія. Но, очевидно, что отношеніе наше не одинаково будетъ къ такимъ даннымъ, при наличности которыхъ мы можемъ заранѣе положительно опредѣлить результатъ, и къ такимъ, при наличности которыхъ мы вообще, большею частью, обыкновенно въ правѣ ожидать опредѣленнаго результата, но не всегда, не во всѣхъ случаяхъ. И формальная теорія не могла, конечно, выставить какія либо другія положенія, помимо приблизительныхъ, ибо ихъ нѣтъ въ дѣйствительности: самое свойство уголовной истины—таково, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ она основывается лишь на приблизительныхъ обобщеніяхъ. Эти приблизительныя обобщенія можно вполнѣ основательно сравнить съ пословицами. Аналогія между тѣми и другими была подмѣчена еще Mascardus'омъ. Въ своемъ сочиненіи «De probationibus» онъ говоритъ [10]): «предположенія, относящіяся къ уголовнымъ дѣламъ, представляютъ тѣ естественныя и общечеловѣческія догадки, которыя суть не что иное, какъ наблюденія, обращенныя въ правила, подобно пословицамъ и поговоркамъ». Беремъ, для примѣра, нѣсколько пословицъ нѣмецкихъ, приведенныхъ въ сочиненіи проф. Владимірова (Уч. объ уг. док.) изъ сборника нѣмецкихъ пословицъ Графа: Одного свидѣтеля при народной молвѣ достаточно; одинъ свидѣтель—не свидѣтель, два—какъ десять; въ устахъ трехъ свидѣтелей—истина; бѣдный человѣкъ не можетъ быть свидѣтелемъ. Возьмемъ, далѣе, нѣсколько пословицъ другихъ племенъ и народовъ: бѣднякъ бываетъ обманщикъ; у бѣднаго человѣка языкъ золъ, у сухопарой лошади вши злы (татар.); лицо лгуна чернѣетъ въ праздникъ (крымск.); глазъ—зеркало сердца (киргиз.) [11]); баба бредитъ, кто ей вѣритъ; бабья вранья и на свиньѣ не объѣдешь; вору не божиться, такъ и правому не быть [12]). Нѣкоторыя изъ этихъ пословицъ очень близко подходятъ къ соотвѣтствующимъ положеніямъ болѣе древнихъ формальныхъ теорій и представляютъ не то, чтобы опытъ, но выводъ, сдѣланный, въ свое время, людьми, на основаніи соціальныхъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, мо-

жетъ ли опытъ (въ смыслѣ ряда положеній, разумность которыхъ установилась благодаря примѣненію въ теченіе долгаго времени) привести къ тому, о чемъ говоритъ пятая пословица? Думаемъ—нѣтъ, ибо въ основѣ опытныхъ положеній лежитъ извѣстное, утвержденное временемъ, логическое соображеніе,—здѣсь же этого нѣтъ. Между тѣмъ, соціальными отношеніями подобныя положенія вполнѣ объясняются: бѣдный въ обществѣ признается вмѣстилищемъ всякаго зла, богатый—наслѣдникомъ всѣхъ божественныхъ даровъ. Такимъ образомъ, выдѣляя извѣстную группу формальныхъ доказательствъ, какъ такихъ, которыя представляютъ результатъ вѣковаго опыта, мы получаемъ еще положенія особаго характера. Эти положенія, какъ уже сказано выше,—результатъ логическій или, точнѣе, разсудительный, не имѣющій за собою опытной провѣрки, вытекающій изъ соображеній, сложившихся такъ или иначе подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ. Многія положенія изъ законодательствъ Ману и Нарады можно было бы отнести въ эту послѣднюю группу; въ позднѣйшихъ формальныхъ теоріяхъ мы встрѣчаемъ ихъ меньше; однако, среди нихъ есть очень характерныя положенія; таковы ст. 310 Вюртемб. код., 329 ст. XV т. св. зак.; послѣдняя говоритъ, что два свидѣтеля, не отведенные подсудимымъ, должны быть *совершенно согласны* въ своихъ показаніяхъ, чтобы составить совершенное доказательство. Между тѣмъ, все, что можно требовать, это, чтобы дѣйствительныя происшествія въ показаніяхъ свидѣтелей были совмѣстны. Несовмѣстны будутъ показанія свидѣтелей, если одинъ изъ нихъ говоритъ, что видѣлъ подсудимаго въ городѣ А, въ моментъ совершенія преступленія, а другой, что онъ видѣлъ его-же въ В, въ то-же время. Одно изъ этихъ несовмѣстныхъ происшествій—неправда. Но видоизмѣненія въ деталяхъ показаній свидѣтеля, не касающіяся, слѣдовательно, существенныхъ обстоятельствъ, не могутъ считаться признаками обмана, если принять только во вниманіе чрезвычайное разнообразіе людей въ отношеніи умственномъ и физическомъ, способности воспринимать впечатлѣнія, степени развитія памяти и т. д. [13]). Напротивъ, при совершенномъ согласіи въ показаніяхъ свидѣтелей, является подозрѣніе въ сговорѣ и мошенничествѣ [14]). Интересныя данныя приводитъ одинъ обозрѣватель; онъ говоритъ: «... въ особенности въ большихъ городахъ, гдѣ рядомъ съ громадными богатствами существуетъ и самая страшная нищета, коррупція въ этомъ отношеніи доходитъ до невѣроятныхъ предѣловъ: достовѣрный свидѣтель стоитъ не болѣе 25 р.; что касается до недостовѣрныхъ, то ихъ легко набрать, сколько угодно, по 15, по 10, даже по 5 руб.». Мы слишкомъ долго остановились

на 329 ст. XV т. св. зак. и спѣшимъ, въ подтвержденіе общаго положенія, указаннаго нами выше, перейти еще къ одной статьѣ XV т.— 333. Можетъ ли намъ кто нибудь сказать, что, отдавая преимущество въ свидѣтельствѣ мужчинѣ передъ женщиною, знатному передъ незнатнымъ, ученому передъ не ученымъ, духовному передъ свѣтскимъ, мы руководствуемся опытомъ? Далѣе, кто дерзнетъ сказать, что признаніе, учиненное внѣ суда, считается половиннымъ доказательствомъ, если оно удостовѣрено свидѣтелями. Что такое—половинное доказательство? Кто и какъ его измѣрилъ? Все это можетъ сказать человѣкъ, не знающій, какъ выйти изъ затрудненія, найти исходъ изъ крайне смутныхъ понятій о свойствѣ доказательствъ; ему остается сдѣлать отчаянный прыжокъ логическій, навязать произвольное искусственное положеніе для руководства, не оглядываясь на результаты. Это—искусственный исходъ, но страшный въ данномъ случаѣ, въ примѣненіи къ процессу уголовному, это—исходъ въ интересахъ подданныхъ, требующихъ суда, но исходъ, запятнанный ни въ чемъ неповинною кровью.

III.

Мы видѣли, что такое тѣ положенія, которыя составляютъ содержаніе формальныхъ теорій. Каково же отношеніе законодательства къ нимъ?

Законодательство можетъ или дать имъ такую рѣшающую силу, что, при наличности указанныхъ условій, опредѣляется приговоръ, который долженъ дать судья, или же, установивъ извѣстныя положенія, перенести главный центръ въ постановленіи приговора на судью, т. е. дать наиболѣе видное мѣсто его внутреннему убѣжденію.

Собственно ни одна формальная теорія не подходитъ цѣликомъ подъ первый типъ. Въ каждой изъ тѣхъ формальныхъ теорій, которыя говорятъ о томъ, что уголовная истина выводится на основаніи напередъ указанныхъ въ законѣ правилъ достовѣрности, мы найдемъ болѣе широкій уголокъ для внутренняго убѣжденія. Уже Нарада высказываетъ такую мысль, что доказательства въ дѣлѣ выше правилъ о силѣ доказательствъ. Въ XV т., для доказательства той же мысли, сошлемся на 332 ст., которая предоставляетъ судьѣ дѣлать выводы, принимая во вниманіе число и вѣроятность. Въ вюртембергскомъ кодексѣ подтверждаютъ ту же мысль статьи 306 — 308, 311. При второмъ отношеніи законодательства къ правиламъ формальной теоріи, мы получаемъ кодексъ, преслѣдующій образовательныя цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, если эти правила — императивнаго характера, то къ чему австрійскій кодексъ 1853 г., который является образчикомъ этого втораго отношенія, говоритъ въ самомъ началѣ, что судья «не обязанъ признавать подсудимаго виновнымъ, если онъ, по внимательномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, не придетъ къ убѣжденію о виновности его»... (260). Значитъ, эти правила—не императивнаго характера и судья можетъ обойти ихъ. А если такъ, то единственно вышеуказанной нами цѣлью объясняется нахожденіе ихъ въ кодексѣ. Но, по силамъ ли такая роль законодательству? Всякій скажетъ — нѣтъ. А разъ законодательство гонится за выполненіемъ непосильной задачи, то что же получается? Въ законодательствѣ установляются шаблонныя положенія, судья по нимъ не можетъ еще вывести, что они сами по себѣ вѣрны и въ данномъ случаѣ примѣнимы; такимъ образомъ, ему придется или отбросить ихъ совершенно и тогда они окажутся безполезными—это лучшій исходъ: они его не будутъ сбивать съ толку; или же, принимая во вниманіе, что они всетаки находятся въ кодексѣ, слѣдить каждую минуту, не подходятъ ли доказательства въ дѣлѣ къ указаннымъ въ законѣ формуламъ — это худшій исходъ: внутреннее убѣжденіе будетъ устранено. Итакъ, какъ говоритъ пословица: «куда ни кинь, всюду—клинъ».

Теперь является вопросъ: можно ли выставить приблизительныя обобщенія въ качествѣ правилъ, обязательно примѣнимыхъ въ индивидуальныхъ случаяхъ?

Это—невозможно, въ силу причинъ фактическихъ и нравственныхъ. Подъ фактическими причинами мы разумѣемъ, что не всегда можно выразить силу доказательствъ и нельзя себѣ представить самыя разнородныя доказательственныя комбинаціи. Изъ доказательствъ сравнительно болѣе поддаются опредѣленію общихъ условій достовѣрности—прямыя. Въ силу этого обстоятельства они являются главной опорой формальныхъ теорій. Однако, и на прямыхъ доказательствахъ формальная теорія не можетъ быть выполнена. Это мы отчасти видѣли выше, говоря о томъ, что полнаго согласія въ свидѣтельскихъ показаніяхъ требовать нельзя. Гоняясь же за достиженіемъ его, суды прибѣгали къ очнымъ ставкамъ, безъ всякой потребности. Законъ требовалъ очныхъ ставокъ по малѣйшимъ противорѣчіямъ между обвиняемыми, истцами, отвѣтчиками и свидѣтелями, не обращая вниманія на то, важно ли это для существа дѣла. Отсюда напрасная трата времени и увеличеніе дѣлъ въ объемѣ; «очныя ставки», говоритъ г. Спасовичъ, «давали судамъ возможность освобождаться, отъ времени до времени, отъ накопившихся дѣлъ, обращая ихъ къ слѣд-

ственнымъ властямъ для дополненія очными ставками. Эти очищенія бывали, большею частью, періодическія и случались къ концу года» [15]). Далѣе, понятіе о достовѣрномъ свидѣтелѣ было до того съужено закономъ, что доказательство посредствомъ свидѣтелей падало, подточенное въ корнѣ самимъ же закономъ. Такъ, преступникъ, пойманный на дѣлѣ въ толпѣ, избѣгалъ наказанія, отводя свидѣтелей подъ разными благовидными предлогами [16]).

Что касается косвенныхъ уликъ, то формальная теорія не имѣла здѣсь даже такого значенія, какъ въ прямыхъ доказательствахъ. Исчислить улики—пустая затѣя. Каждое преступное дѣйствіе имѣетъ свою особую обстановку: время, мѣсто, способъ, орудіе; оно совершается по особымъ мотивамъ; различныя обстоятельства, относящіяся къ физической, нравственной, общественной сторонѣ подсудимаго — все это составляетъ улики. Улики, такимъ образомъ, такъ же разнообразны, какъ жизненныя проявленія. Разгруппировывать улики на нѣсколько категорій, смотря по тому, къ какому моменту они относятся,—къ моменту предшествующему, сопутствующему или послѣдующему за преступленіемъ — теряетъ свое значеніе, въ виду массы уликъ, входящихъ въ каждую группу, и разнородности ихъ. Пришлось бы всетаки перейти къ высчитыванію ихъ и опредѣленію силы ихъ, а это не даетъ никакого основательнаго результата. Между тѣмъ, оставить въ сторонѣ косвенныя улики и создать приговоръ единственно на прямыхъ доказательствахъ—невозможно, такъ какъ послѣднія являются рѣдкою случайностью, въ то время какъ центромъ доказательствъ въ процессѣ являются косвенныя улики. Большая часть преступленій совершается при потаенной обстановкѣ, въ отсутствіи свидѣтелей, оставляютъ лишь какіе либо слѣды или сопровождаются такими обстоятельствами, которыя ведутъ къ открытію истины [17]).

Дальнѣйшей фактической причиной, въ силу которой невозможно выставить эти доказательственныя положенія такъ, какъ это дѣлала формальная теорія,—это то, что прямыя доказательства смѣшиваются съ косвенными, и опять же мы получаемъ самыя разнообразныя комбинаціи.

Переходимъ къ причинѣ нравственнаго характера. Однимъ изъ руководящихъ началъ уголовнаго процесса является начало индивидуальное. Въ основѣ его лежитъ логическое соображеніе, что преступленіе совершается при опредѣленной, свойственной только ему обстановкѣ. Преступленіе, положимъ,—Z; оно имѣетъ преступникомъ—A, время—B, мѣсто—C, орудіе—D и т. д. Другое преступленіе та-

одного предсѣдательствующаго, указывавшаго присяжнымъ, что задача ихъ ограничивается единственно рѣшеніемъ вопросовъ: совершено ли извѣстное преступленіе и совершилъ ли его подсудимый, разъ самимъ судомъ не поднято вопроса объ обстоятельствахъ, исключающихъ виновность человѣка. Но подобный взглядъ едва ли можно раздѣлить. Высшая точка права, при такихъ условіяхъ, постоянно будетъ переходить въ высшую точку несправедливости. Конечно, присяжные засѣдатели никогда не проникаются такими напутствіями, разсматриваютъ преступленіе во всей его конкретной обстановкѣ; они не могутъ отрѣшиться отъ проявленій дѣйствительности, указывающей на такія положенія въ жизни человѣка, когда обвинить его нельзя; законъ не можетъ предусмотрѣть такихъ комбинацій жизненныхъ условій; да къ тому же присяжный засѣдатель отвѣчаетъ суду о преступникѣ: «да, виновенъ» или «нѣтъ, не виновенъ»; онъ не говоритъ ему «да, онъ совершилъ преступленіе» или «нѣтъ, онъ не совершилъ преступленія»; разница въ этихъ двухъ положеніяхъ — большая.

Итакъ, мы видѣли, какъ обсуждался процессуальный казусъ. Какіе же приговоры постановлялись? Приговоры могли быть трехъ родовъ: обвинительные, подраздѣлявшіеся на два рода—ординарные и экстраординарные, т. е. такіе, по которымъ опредѣлялось низшее наказаніе, «quelque gracieuse condamnation»; оправдательные и оставляющіе въ подозрѣніи [19]). Послѣдніе приговоры представляютъ особый интересъ. Впервые встрѣчаемъ мы ихъ у итальянскихъ практиковъ, гдѣ они были извѣстны подъ именемъ absolutio ab instantia, absolutio stantibus rebus prout stant; разумѣлось подъ ними освобожденіе отъ суда, по недостатку доказательствъ, при чемъ, въ случаѣ открытія новыхъ доказательствъ, судъ имѣлъ право привлечь подсудимаго снова. То же самое встрѣчается въ ордонансѣ Людовика XIV, отъ 1670 г.—Sur les matières criminelles. Согласно нашему XV т. 1857 г., имѣетъ мѣсто та же мѣра въ томъ случаѣ, если при отсутствіи совершенныхъ доказательствъ, имѣются нѣкоторыя улики и, въ виду послѣдняго обстоятельства, установляется два рода приговоровъ—оставленіе подсудимаго въ подозрѣніи и отдачу подъ надежное поручительство; однако различеніе уликъ не имѣетъ, можно сказать, никакого значенія, такъ какъ и послѣдняя мѣра сопровождалась оставленіемъ въ подозрѣніи.

IV.

Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ обстоятельствъ, на которыя мы указывали вскользь выше, обѣщая возвратиться къ нимъ въ послѣдствіи.

Мы имѣемъ въ виду формировку, съ одной стороны, предварительнаго слѣдствія, и съ другой—ревизіонный порядокъ.

Предварительное слѣдствіе принимаетъ, благодаря формальной теоріи, совершенно своеобразный оттѣнокъ. Имѣя въ виду тѣ доказательства, которыя будутъ фигурировать на судѣ, лицо, производящее слѣдствіе, приспособляетъ его къ нимъ, дѣйствуетъ по шаблону: оно стремится собрать тѣ доказательства, которыя пользуются наибольшимъ авторитетомъ въ глазахъ закона. Но мы видѣли, что косвенныя доказательства почти устранены; изъ прямыхъ доказательствъ главная роль остается за сознаніемъ подсудимаго; отсюда стремленіе бывшихъ quasi-слѣдователей — *добыть* во что бы то ни стало собственное сознаніе. Для этого нельзя было, конечно, ограничиться тѣми человѣческими дѣйствіями, которыя совершаетъ въ настоящее время слѣдственная власть, надо было пустить въ ходъ какія либо истязательныя средства... Сначала европейскія законодательства и считали совершенно легальнымъ дозволять слѣдователямъ, заручившись ничтожными основаніями, признаваемыми закономъ достаточными для начала слѣдствія, вынуждать у подсудимаго признаніе такимъ путемъ. Съ распространеніемъ гуманныхъ идей XVIII вѣка, пытка, въ настоящемъ, страшномъ смыслѣ этого слова, отмѣняется, но остается пытка другаго рода: слѣдователь достигаетъ той же цѣли, преднамѣренно замедляя слѣдствіе, содержа, во все время производства его, подсудимаго въ тюрьмѣ, при неблагопріятныхъ условіяхъ. Вынужденіе сознанія у обвиняемаго, повторяемъ,—прямое слѣдствіе формальной теоріи. Конечно, это обстоятельство можетъ показаться страннымъ, въ виду того, что формальная теорія, насколько намъ извѣстно, не выставляла сознаніе безусловнымъ, но требовала, чтобы оно было согласно съ фактами преступленія. Надо полагать, что правила эти далеко не соблюдались, и, какъ думаемъ, въ силу вышеуказанныхъ обстоятельствъ, а именно недостатка *совершенныхъ* доказательствъ и положенія этого доказательства (сознанія) среди другихъ уголовныхъ доказательствъ. Вынужденіе сознанія у подсудимаго, которое можно встрѣтить въ настоящее время, объясняется совершенно другими обстоятельствами. Тутъ скорѣе видна грубая чрезмѣрная рачительность власти, производящей разслѣдованіе дѣла, но

законъ, при его настоящемъ отношеніи къ уголовнымъ доказательствамъ, не ставитъ судью въ такое положеніе, при которомъ вынужденіе сознанія у обвиняемаго лица является *единственнымъ* почти надежнымъ средствомъ привлечь обвиняемаго къ суду и достигнуть его осужденія.

Изъ судебныхъ дѣйствій, слѣдующихъ за постановленіемъ рѣшенія судомъ первой инстанціи, ревизіонный порядокъ, несомнѣнно, имѣетъ тѣсную связь съ существомъ формальной теоріи. Если доказательства въ уголовномъ процессѣ таковы, что ихъ можно взвѣсить и взмѣрить, то логично, конечно, и требовать пересмотра нѣкоторыхъ дѣлъ. Это была всетаки одна изъ гарантій, хоть и слабая, правильности рѣшенія въ прежнемъ процессѣ. Вотъ, почему, согласно нашему XV тому, установленъ былъ ревизіонный просмотръ дѣлъ высшимъ судебнымъ установленіемъ, при разногласіи между судомъ и начальникомъ губерніи, или по требованію закона. То же самое мы встрѣчаемъ и въ Германіи [20]), гдѣ защитники формальной теоріи доказательствъ усматривали даже существенную гарантію въ этомъ обстоятельствѣ; согласно простому міросозерцанію ихъ, чего дѣйствительно требовать отъ приговора, когда онъ основанъ на разумныхъ (?), справедливыхъ (?) правилахъ, лежащихъ внѣ индивидуальности судьи, когда приговоръ открытъ глазамъ всего свѣта; «примѣрь этотъ приговоръ къ правиламъ и ты увидишь, что онъ справедливъ», говорятъ формалисты. Какъ это просто, ясно, но... не убѣдительно!

Существуютъ ли въ настоящемъ процессѣ слѣды формальной теоріи и если да, то какіе?

Извѣстно, что нынѣшній процессъ основанъ на принципѣ внутренняго убѣжденія, сущность котораго сводится къ тому, что лица, рѣшающія дѣло, произносятъ приговоръ на основаніи той высокой степени вѣроятности, при которой всякій человѣкъ съ здравымъ смысломъ готовъ дѣйствовать въ самыхъ важныхъ собственныхъ интересахъ. Что два ограниченія процессуальныя въ отношеніи доказательствъ, по дѣламъ о государственной измѣнѣ и о клятвопреступленіи, существующія въ англійскомъ процессѣ,—формальны, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ Германіи, послѣ изданія саксонскаго закона 30 марта 1838 г., впервые высказавшагося въ этой странѣ за уничтоженіе формальной теоріи доказательствъ [21]), и послѣ изданія болѣе обстоятельнаго прусскаго закона 17 іюля 1846 г., отмѣнившаго въ § 19 формальную теорію доказательствъ и провозгласившаго принципъ внутренняго убѣжденія, мы встрѣчаемъ одинъ слѣдъ формальной теоріи доказа-

тельствъ въ § 20. Согласно ему, при недостаточной (по смыслу отмѣняемой положительной формальной теоріи) убѣдительности доказательствъ, судъ уполномоченъ присудить подсудимаго къ пожизненному или временному лишенію свободы, вмѣсто смертной казни, которая должна быть назначена подсудимому при достаточной убѣдительности доказательствъ [22]). Однако, въ прусскомъ кодексѣ 3 января 1849 г. въ § 23 сохранено только первое положеніе, послѣднее же выпущено совершенно. Въ нашемъ уставѣ гражданскаго судопроизводства 1864 г. мы не видимъ слѣдовъ формальной теоріи доказательствъ. Указываютъ на ст. 413, въ которой находятъ предустановленное доказательство и въ силу смѣшенія предустановленныхъ доказательствъ съ формальными, ставятъ въ вину эту статью нашему кодексу. Изъ 413 ст. мы видимъ, что документъ, разъ онъ, конечно, удовлетворяетъ законнымъ условіямъ, имѣетъ обязательную неопровержимую силу; это обстоятельство вполнѣ понятно и согласно съ гражданскими законами; странно было бы, напротивъ, если бы гражданскіе документы въ гражданскихъ дѣлахъ пользовались одною силою, въ уголовныхъ—другою. Противорѣчія между этимъ положеніемъ и принципомъ внутренняго убѣжденія мы не видимъ никакого. Метрическія книги—акты гражданско-правовые. Эти акты могутъ быть отнесены къ предустановленнымъ доказательствамъ (122 ст. X т.). Что предустановленное доказательство—не формальное, что за нимъ есть свой raison d'être, мы это видѣли. Это такой же правительственный актъ, какъ и судебное рѣшеніе, дающее справку о судимости обвиняемаго, а между тѣмъ о послѣднихъ говорятъ, что они — не формальное доказательство. Далѣе, если идти послѣдовательно, то какъ же разсматривать приговоръ уголовнаго суда при такъ называемомъ преюдиціальномъ рѣшеніи,—за формальный или матеріальный? Намъ скажутъ, конечно,—за матеріальный, а между тѣмъ такой отвѣтъ установляетъ отступленіе отъ вышеуказанной точки зрѣнія, согласно которой метрическія книги—формальное доказательство. Дѣйствительно, согласно нашимъ законамъ, при преюдиціальномъ рѣшеніи, гражданскій судъ установляетъ дѣйствительность и свойство событія, дѣянія; дѣйствительность означаетъ, что фактъ, отвергнутый судомъ гражданскимъ, не существуетъ и для суда уголовнаго; фактъ, имъ признанный, и уголовный судъ долженъ принять за несомнѣнно существующій. Подъ свойствомъ слѣдуетъ понимать только гражданско-правовое свойство [23]). Итакъ, рѣшеніе гражданскаго суда въ извѣстныхъ частяхъ входитъ, какъ составная часть, въ рѣшеніе уголовнаго суда. Между тѣмъ, по вышеуказанной точкѣ зрѣнія, гражданскій судъ имѣетъ дѣло съ фор-

мальными доказательствами (по нашему взгляду съ не тожественными имъ предустановленными доказательствами); слѣдовательно, и рѣшеніе гражданскаго суда будетъ формальное, а какъ эта часть входитъ, въ качествѣ составной, въ уголовный процессъ, то и *рѣшеніе послѣдняго* будетъ формальное.

---

1) Проф. Владиміровъ—Ученіе объ угол. доказ., кн. I, стр. 142—3; Бонье—Traité théorique et pratique des preuves, 1888 г., стр. 109.

2) К. Побѣдоносцевъ — Русскій Вѣстн. 1859 г., Реформы въ гражданскомъ судопроизводствѣ.

3) Судебныя рѣчи, стр. 524.

4) Гольтцендорфъ—Handb. des deutsch. Strafr., т. 1.

5) L. 3, § 1 и 2 D. de test.

6) L. 4 Cod. de test. (283 г.) и l. 9, § 1 (Константинъ къ Юліану — намѣстнику—334 г.).

7) Гольтцендорфъ—Handb. des. Strafr.—статья Гейера.

8) Проф. Владиміровъ, Ibid. 119 стр.

9) Проф. Владиміровъ, Ibid. 116 стр.

10) Уильзъ, Опытъ теоріи косв. уликъ.

11) Библіотека для чтенія, 1862 г.—статьи Березина.

12) Русск. нар. посл. и прит.—изданы Снегиревымъ, 1848 г.

13) Уильзъ, ibid.

14) Ibid.

15) Журналъ «Вѣкъ»—1861 г., № 10, статья г. Спасовича — Обзоръ перемѣнъ въ законодательствѣ уголовномъ.

16) Ibid.

17) Уильзъ, ibid.

18) Гольтцендорфъ, ibid., статья Гейера, стр. 195.

19) Бонье, ibid.

20) Цахаріэ—Die Gebrech. und die Ref. d. deutsch. Str., стр. 208, 209.

21) Цахаріэ—Handb. II, 407.

22) § 20. Признанный виновнымъ присуждается къ полному наказанію. Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ признанъ виновнымъ не на основаніи полныхъ доказательствъ и если ему угрожаетъ смертная казнь или пожизненное тюремное заключеніе, судъ уполномоченъ замѣнить смертную казнь пожизненнымъ или временнымъ заключеніемъ въ тюрьму.

23) Пр. Фойницкій, Курсъ уг. суд., стр. 494.

А. Блукстъ.

ОБЩИННОЕ И ПОДВОРНО-НАСЛѢДСТВЕННОЕ ВЛАДѢНІЕ ПРИУСАДЕБНЫМИ ЗЕМЛЯМИ ПО ЗАКОНУ И ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

I.

Кому изъ лицъ, имѣющихъ хотя бы самое общее представленіе о ходѣ реформы 19 февраля 1861 г., не извѣстно, какъ многочисленны и порою прямо противоположны были общественныя теченія, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось это событіе? Поставленное въ центрѣ этихъ противоположныхъ вліяній, правительство, видимо, стремилось придать своему рѣшительному голосу характеръ посредствующаго, примиряющаго начала. Естественно, что и самый законодательный актъ, опредѣлившій содержаніе и дальнѣйшія послѣдствія реформы, носитъ на себѣ слѣды этого стремленія. Но стремленіе примирить противоположные элементы не могло не лишать законодательства характера органическаго единства и цѣлостности. Особенно неопредѣленнымъ и нерѣшительнымъ является положеніе, принятое законодательствомъ по отношенію къ одному изъ существеннѣйшихъ вопросовъ экономическаго быта освобождаемаго населенія, именно по отношенію къ личному и общинному владѣнію крестьянскихъ земель. Нельзя сказать, чтобы правительствомъ и редакціонными коммиссіями руководило убѣжденіе въ основательности доводовъ, приводимыхъ теоретическими защитниками и сторонниками общиннаго землевладѣнія, какъ обсуждавшими этотъ вопросъ съ историко-юридической точки зрѣнія (Ю. Самаринъ, Кавелинъ, Градовскій, Чичеринъ и пр.), такъ и исходившихъ изъ обще-экономическихъ основаній (Чернышевскій). Правительство просто останавливалось въ нерѣшительности передъ принудительной ломкой такого крупнаго явленія народной жизни,

какъ общинное землевладѣніе, притомъ явленія, пустившаго такіе глубокіе корни въ нравы народа и его хозяйственныя условія. Правительство хотѣло, чтобы сама жизнь рѣшила этотъ вопросъ, доказала, дѣйствительно ли общинное землевладѣніе есть явленіе глубокой жизненности или же явленіе эфемерное, искусственное и, можетъ быть, безусловно вредное. Крестьяне были освобождены на правахъ общинной собственности на землю.

Но, признавая, такимъ образомъ, за общиною право существованія, законодательство, уступая голосу противниковъ общины, рядомъ съ этимъ открывало широкій просторъ разрушительнымъ вліяніямъ въ сферѣ общинныхъ порядковъ.

Цѣлый рядъ статей (36 и 54 общ. полож.; статьи 162 и 165 положенія о выкупѣ), облегчая переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, открываетъ—при настоящемъ упадкѣ экономическаго благосостоянія деревни и все болѣе развивающемся имущественномъ неравенствѣ ея членовъ—прямой путь къ разложенію общины. Но, впрочемъ, въ нашей газетной прессѣ было достаточно говорено какъ о далеко нежелательномъ вліяніи этихъ статей, такъ и о той общей опасности, которою можетъ грозить разложеніе общины въ народной жизни. И если я снова коснулся этого вопроса, то лишь съ цѣлью указать на нѣкоторую особенность въ примѣненіи другихъ статей положенія, точно также вносящихъ въ экономическій строй деревни начало частной собственности.

Какъ извѣстно, выкупъ въ собственность усадебной осѣдлости былъ предоставленъ крестьянамъ на особыхъ условіяхъ, чѣмъ выкупъ полевой земли и прочихъ угодій. Тогда какъ полевыя угодья были предоставлены въ общинное владѣніе крестьянскихъ обществъ, «усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ *потомственномъ* пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства и переходитъ къ наслѣдникамъ согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку наслѣдованія» (ст 110 мѣстн. пол. велик., т. IX особ. прил. IV).

Точный смыслъ закона показываетъ, такимъ образомъ, что усадебная земля составляетъ принадлежность проживающаго въ томъ дворѣ семейства и *не подлежитъ передѣлу*, оставаясь навсегда въ потомственномъ пользованіи его членовъ по праву наслѣдованія. Положеніе, что «усадебныя мѣста не подлежатъ передѣламъ», было категорически установлено и рѣшеніями 1 деп. прав. сен. 11 іюня 1881 г. и 17 февраля 1882 г., 1421. Правительствующій сенатъ нашелъ, что по ст. 26 пол. о выкупѣ (т. IX, особ. прил. II) «крестьяне, со дня

выдачи имъ данной, получаютъ усадьбу въ частную собственность» (общ. собр. 1 и кас. деп. 7 октября 1885 г., № 26).

Но, впрочемъ, лично наслѣдственное пользованіе усадебной землей, находитъ себѣ ограниченіе въ слѣдующихъ за 110 ст. мѣстн. вел. полож. статьяхъ.

«Если по выходѣ семейства изъ общества или по смерти хозяина, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ, или по какимъ либо другимъ причинамъ, усадебный участокъ упразднится, то такой упразднившійся участокъ поступаетъ въ распоряженіе общества, которое можетъ оставить его въ общественномъ пользованіи всѣхъ крестьянъ или предоставить въ потомственное пользованіе новому хозяину» (ст. 111 мѣстн. пол.). Далѣе: «мірская усадебная земля, состоящая въ чертѣ селенія, но не принадлежащая къ наслѣдственнымъ усадебнымъ участкамъ крестьянскихъ дворовъ (какъ, напримѣръ, выпуски, никѣмъ не занятые пустыри, а также подлежащіе по мѣстному обычаю передѣламъ конопляники и пр.), остается въ распоряженіи общества». (ст. 112 мѣстн. вел. пол.).

Рѣзкое противоположеніе порядка владѣнія усадебною осѣдлостью и владѣнія полевыми и прочими угодьями, невольно вызываетъ въ насъ потребность выяснить его историческія обоснованія и поводы возникновенія.

«На основаніи началъ, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, говоритъ дополнительное отношеніе министра Ланскаго къ Высочайшему рескрипту Спб. генералъ-губернатору Игнатьеву отъ 5 декабря 1857 г., помѣщикомъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, *въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость*, пріобрѣтаемая ими въ теченіе опредѣленнаго срока въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ количество земли, за которое они или платятъ оброки, или отбываютъ работу помѣщикамъ. При подобномъ развитіи и примѣненіи этихъ основаній необходимо принять къ соображенію слѣдующее:

1) Подъ *усадебною осѣдлостью* или крестьянскою усадьбой слѣдуетъ разумѣть ихъ «жилыя и хозяйственныя строенія съ землею подъ оными и огородомъ» [1]). Изъ вышеупомянутаго отношенія министра отъ

[1]) Приведенное въ этихъ словахъ опредѣленіе термина «усадебная осѣд-

5 декабря 1857 г. очевидно, что непосредственною ближайшею цѣлью правительства при оставленіи крестьянской осѣдлости, выкупаемой ими въ теченіе опредѣленнаго срока въ собственность, служило стремленіе «предотвратить вредную подвижность и бродяжничество въ сельскомъ населеніи». И если предоставленіе крестьянамъ усадебной осѣдлости въ собственность на условіяхъ выкупа имѣло своей косвенной цѣлью также и обезпеченіе ихъ быта, то лишь по стольку, по скольку всѣ частности реформы должны были согласоваться съ ея общимъ духомъ и цѣлью: улучшить и обезпечить бытъ крестьянъ [2]). Что же касается до ближайшей цѣли, которая имѣлась въ виду при оставленіи за крестьянами усадебной земли (на указанныхъ условіяхъ), то именно ею объясняется и то, что усадебные участки—все равно, выкупались ли они міромъ или отдѣльными семействами, предоставлялись въ постоянное исключительное пользованіе крестьянскихъ семействъ. Сообщая владѣнію пріобрѣтаемыхъ усадебныхъ участковъ характеръ личной собственности съ правомъ наслѣдованія, правительство, видимо, разсчитывало тѣмъ укрѣпить населеніе въ мѣстахъ его нахожденія. Между тѣмъ послѣдствія доказали нѣсколько иное. Получая путемъ выкупа усадебную землю въ собственность, крестьянинъ тѣмъ самымъ пріобрѣталъ на нее и право безусловнаго распоряженія, наслѣдованія, отчужденія, продажи, закладыванія, а слѣдовательно—всего менѣе былъ связанъ съ мѣстомъ нахожденія этой усадьбы. Личное право собственности на выкупленныя усадьбы не только не содѣйствуетъ предотвращенію подвижности и бродяжничества населенія, но, напротивъ, при условіяхъ развитія имущественнаго неравенства въ деревнѣ, ведетъ за собою усиленное отчужденіе усадебной земли и развитіе пролетаріата. Минуя полную разногласій дѣятельность губернскихъ комитетовъ, обратимся къ тѣмъ окончательнымъ выводамъ, къ которымъ сведены были всѣ эти разнорѣчивыя мнѣнія и соображенія комитетовъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ.

Согласно большинству комитетовъ редакціонныя коммиссіи съ владѣніемъ усадьбою соединяли нераздѣльно обязательное пользованіе надѣломъ. Поводомъ къ этому служило какъ желаніе упрочить бытъ крестьянъ, сохраненіемъ за нимъ земледѣльческаго характера, такъ и обезпеченіе помѣщику доходовъ съ его полевыхъ земель [3]).

лость», какъ «имѣющее опредѣлительный смыслъ, не подлежащій произвольнымъ толкованіямъ», еще разъ было подтверждено представленіемъ министра въ главномъ комитетѣ по поводу недоразумѣній въ Тверскомъ комитетѣ.

2) См. тоже представленіе министра по поводу рѣшенія Тверскаго ком.

3) Крест. дѣло въ царств. Имп. Александра II. Матеріалы для исторіи освоб крестьянъ. А. Скребицкій, т. II, ч. II, стр. 999.

Редакціонныя коммиссіи выразили мнѣніе, что по точному смыслу рескриптовъ, усадебная осѣдлость должна быть предоставлена крестьянамъ не на короткій 9 или 12-лѣтній срокъ, а постоянно, доколѣ они не пріобрѣтутъ ее въ собственность посредствомъ выкупа, или не откажутся отъ пользованія усадьбою указаннымъ въ положеніи порядкомъ. Если по прошествіи 9 или 12 лѣтъ, или другаго какого-либо срока, крестьяне лишатся права на пользованіе своими усадьбами, то не только быть ихъ не будетъ обезпеченъ, но они останутся вовсе безъ крова и могутъ обратиться въ бездомныхъ и бродячихъ работниковъ. Не такова, конечно, цѣль предпринимаемой отмѣны крѣпостной зависимости. Безсрочность пользованія усадебной землею открывало крестьянамъ полную возможность пріобрѣсти за выкупъ «право на всегдашнюю осѣдлость, право имѣть всегда то, что особенно дорого для крестьянина—свой уголъ, свою хату и свой огородъ» (Высоч. утв. журн. глав. комит. по устройству крестьянъ 20 ноября 1857 г.). Подобная программа, безспорно, является крайне симпатичною. Однако факты исторіи достаточно убѣдительно доказываютъ, что цѣли ея отнюдь не связаны съ безусловнымъ проведеніемъ принципа лично-наслѣдственнаго права собственности. Не господство ли именно этой личной собственности создало въ настоящее время въ Англіи положеніе вещей, при которомъ одинъ изъ защитниковъ земледѣльческаго рабочаго класса и радикалъ, Арчъ, выставляетъ своей программой требованіе, столь близкое къ вышеприведенному мнѣнію нашего оффиціальнаго органа, ни болѣе ни менѣе, какъ скромное требованіе: «три акра земли и корову». И если это скромное требованіе является въ настоящее время самымъ радикальнымъ въ политическихъ программахъ англійскихъ партій, то причиною тому было не что иное, какъ раннее разрушеніе общинныхъ формъ англійскаго землевладѣнія и господство именно той личной собственности, на началахъ которой было утверждено надѣленіе нашихъ крестьянъ усадебной осѣдлостью.

Какъ бы то ни было, редакціонныя коммиссіи, предоставляя усадебную осѣдлость въ безсрочное и потомственное пользованіе отдѣльныхъ семействъ за опредѣленныя повинности, признали, что какъ цѣлое общество, если оно выкупило всю усадебную осѣдлость селенія въ совокупности, такъ и каждый домохозяинъ при отдѣльномъ выкупѣ своей усадьбы пріобрѣтаетъ на нее право полной собственности.

Результатомъ всѣхъ соображеній коммиссіи и были постановленія, вошедшія въ мѣстное велик. положеніе въ видѣ статей 110, 111 и 112.

II.

Посмотримъ же теперь, насколько правовыя отношенія, устанавливаемыя этими статьями, прошли въ юридическое сознаніе народа, въ народную жизнь, и какъ проводятся они въ эту жизнь органами непосредственной власти. Что касается до пользованія собственно усадебной землей, т. е. землею, находящеюся подъ постройками, то оно считается лично наслѣдственнымъ и всегда таковымъ считалось по обычному праву народа. Можно ли предполагать такую нелѣпость, чтобы община, пользуясь своимъ правомъ подвергать мірскія земли разверсткамъ и передѣламъ, подвергала имъ и землю, занятую строеніями? Подобная земля поступала въ передѣлы лишь тогда, когда крестьянинъ, владѣвшій ею, умиралъ не оставивъ наслѣдниковъ, или когда семья, выселяясь, продавала всѣ свои постройки лицу, не принадлежавшему къ данному обществу. Но въ подобныхъ случаяхъ эта земля поступаетъ въ полное распоряженіе общества и по дѣйствующему законодательству о порядкѣ перехода крестьянской усадебной осѣдлости.

Но въ чертѣ усадебныхъ земель, съ внѣшней стороны опредѣляемой обыкновенно изгородью, окружающею селеніе, находится помимо земли, занятой собственно осѣдлостью, т. е. избою и ближайшими пристройками, еще не мало составныхъ частей. Во первыхъ, позади домовъ имѣются обыкновенно огороды и конопляники, за огородами—огуменники. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ передъ или позади избъ въ крестьянскихъ селеніяхъ имѣются сады. И вотъ эта то пріусадебная земля, подлежа передѣламъ въ очень многихъ общинахъ нѣкоторыхъ губерній, продолжала подлежать имъ и послѣ изданія положенія 19 февраля 1861 г. Такъ, напримѣръ, въ Вологодской губерніи (Тотем. у., Шуйская волость) огородныя земли передѣляются подобно пахотнымъ—по душамъ, или поровну между домохозяевами на продолжительные, но неопредѣленные сроки. Послѣдній способъ передѣла называется передѣломъ по усадьбамъ, «по твориламъ» [4]).

Въ Московской губерніи, говоритъ В. Орловъ [5]), находящаяся подъ постройкамя земля состоитъ въ подворномъ владѣніи; пріусадебная же передѣляется на тѣхъ же основаніяхъ и обыкновенно въ тѣ же сроки, что и полевая. Но это не безусловно. Пріусадебная земля

---

[4]) Л. Казанцевъ. Юрид. Вѣстникъ, 1883, № 6—7.

[5]) В. Орловъ. Формы крест. землевладѣнія, Отеч. Зап., 1879, 12.

обыкновенно самая цѣнная; она и лучше удобряется, и служитъ для разведенія растеній высшей сельско-хозяйственной культуры. Поэтому всякій желаетъ имѣть ее ближе къ жилью и владѣть ею по возможности дольше, въ случаѣ же необходимости уступить часть ея другому, получить, по крайней мѣрѣ, за свои заботы о ней достаточное вознагражденіе. И вотъ, встрѣчаются два стремленія современнаго крестьянскаго хозяйства: 1) стремленіе къ равномѣрному распредѣленію пользованія землею, выразившееся въ правѣ каждаго члена общины на надѣлъ во всѣхъ угодьяхъ, а слѣдовательно—и на извѣстную часть пріусадебной земли; 2) сознаніе необходимости перейти къ болѣе высокой культурѣ земли, для чего нужно дать просторъ личной иниціативѣ хозяевъ, обезпечивъ имъ продолжительность пользованія ихъ участками. Противники общиннаго землевладѣнія увѣряютъ, что въ подобныхъ случаяхъ интересы улучшенной сельско-хозяйственной культуры приносятся въ жертву общинному принципу, что послѣдній не совмѣстимъ съ прогрессивнымъ движеніемъ земледѣльческой культуры. Но сама жизнь отвѣчаетъ на это совершенно противнымъ. Община не только не приноситъ личную иниціативу въ жертву равенству, но рядомъ мѣръ старается примирить интересы обѣихъ. Въ однихъ общинахъ дворъ, получающій по передѣлу участокъ, занятый садомъ, вознаграждаетъ его прежняго хозяина извѣстной суммой, въ другихъ денежная приплата замѣняется правомъ прежняго хозяина пользоваться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ садомъ; вмѣсто цѣнной пріусадебной земли, въ третьихъ, домохозяинъ отдаетъ двойной размѣръ лучшей полевой; до 100 обществъ (замѣтьте, окончательно выкупившихъ свои надѣлы) всетаки не уничтожили общиннаго владѣнія пріусадебной землей, хотя передѣляютъ пріусадебную землю черезъ болѣе долгіе промежутки времени.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что община прекрасно съумѣла устранить недостатки системы передѣловъ и перехода культивируемой земли отъ одного владѣльца къ другому. Насколько мѣра соотвѣтствующаго вознагражденія прежняго хозяина новымъ оказывается удачной въ цѣляхъ поддержанія усиленной высшей культуры земли при срочномъ пользованіи ею, видно изъ примѣненія ея въ сходныхъ случаяхъ шотландскаго и ирландскаго фермерскаго хозяйства. Хотя, какъ это доказалъ въ своемъ сочиненіи «Общинное землевладѣніе» г. Постниковъ, это арендаторское хозяйство передаетъ земли въ руки отдѣльныхъ фермеровъ на сроки не бо́льшіе, чѣмъ обычные сроки передѣловъ въ нашихъ общинахъ, однако культура ихъ стоитъ на весьма высокой степени развитія. И если тому нисколько не мѣшаетъ срок-

ность пользованія землею, то причиной тому служитъ не что иное какъ та же система вознагражденія новымъ хозяиномъ прежняго за затраты труда и капитала, система, носящая названіе Ольстерскаго права и tenant right (въ Линкольнширѣ). Принятіе мѣръ, близкихъ къ вышеупомянутой системѣ, въ нашихъ общинахъ ясно показываетъ, что онѣ сами умѣютъ справляться со всѣми затрудненіями усложняющейся хозяйственной жизни и безъ всякаго административнаго вмѣшательства могутъ избѣжать невыгодныхъ сторонъ общиннаго владѣнія и системы передѣловъ даже въ наиболѣе тщательно культивируемыхъ угодьяхъ, какъ, напримѣръ, пріусадебныя земли. Возвращаясь къ общинному пользованію пріусадебными землями, мы должны замѣтить, что иногда, хотя сады въ передѣлъ не идутъ, однако за пользованіе ими отрѣзывается значительное количество пахотной земли.

За огородами лежитъ неудобная земля, занимаемая подъ гумна. Къ гуменнымъ землямъ примѣняется иногда захватный способъ пользованія. Неудобной земли такъ много, что каждый можетъ занимать подъ гумна съ ригами столько мѣста, сколько хочетъ, причемъ эта земля въ передѣлъ не идетъ. Но это не общее правило. При малоземеліи идутъ въ передѣлъ и огуменники, тѣмъ болѣе, что какъ гумна, такъ и риги весьма легко переносятся.

Особенно часто усадебная земля подвергается передѣламъ въ такъ называемыхъ «пробѣлахъ», т. е. не занятыхъ строеніями пустыряхъ, или изъ-подъ выморочныхъ усадьбъ, или образующихся потому, что ихъ нельзя занять подъ строенія по правиламъ строительнаго устава. Подобная земля частью занимается подъ огородъ, частью подъ покосъ и идетъ въ передѣлъ «по душамъ» одновременно съ полевой землей, но обыкновенно не «жеребьемъ», а «подвигомъ», т. е. прирѣзается къ ближайшему усаду, на хозяина которой бываетъ накладка душъ, тогда какъ прочіе хозяева мѣняются полосами своей пріусадебной земли сообразно этому измѣненію.

Къ имѣвшимся у меня подъ руками даннымъ могу прибавить, что мѣстное статистическое изслѣдованіе Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губ., производившееся лѣтомъ нынѣшняго года статистическимъ отдѣленіемъ при Нижегородской губернской земской управѣ, подтвердило указанное мною выше явленіе. Во многихъ общинахъ этого уѣзда передѣлы по душамъ пріусадебной земли, огородовъ и покосныхъ усадовъ производились до самаго послѣдняго времени, а въ нѣкоторыхъ производятся и теперь наравнѣ съ полевой землей и обыкновенно въ одни тѣ же сроки. И если въ большинствѣ изъ этихъ общинъ передѣлы теперь прекращены и учреждено подворно-наслѣдственное вла-

дѣніе усадьбами, то это совершилось подъ прямымъ воздѣйствіемъ волостныхъ властей. Трудно передать то смущеніе, недоумѣніе и большею частью недовольство, съ которымъ крестьяне видятъ это насильственное нарушеніе ихъ исконнаго обычнаго порядка пользованія землею, которую они до сихъ поръ безъ всякихъ сомнѣній и пререканій считали мірскою и подлежавшею передѣламъ. Посмотримъ же, насколько правы крестьяне-общинники въ отстаиваніи своихъ старыхъ обычаевъ, и всегда ли правы тѣ, кто на смѣну этихъ обычаевъ вносятъ новые порядки, опирающіеся будто-бы на точный смыслъ закона.

III.

Чѣмъ же руководствуются волостныя правленія, разъясняя крестьянамъ и содѣйствуя утвержденію подворно-наслѣдственнаго владѣнія усадьбою?

Что касается до Нижегородской губерніи, то главнымъ руководствомъ въ этомъ отношеніи для нихъ служитъ «инструкція сельскимъ сходамъ и должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія, утвержденная нижегородскимъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ о передѣлахъ общинной земли, о скидкѣ и накладкѣ тяголъ, о семейныхъ раздѣлахъ съ разъясненіемъ правъ и обязанностей сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ домохозяевъ». Эта инструкція, называемая на языкѣ оффиціальныхъ бумагъ «инструкціей семейныхъ раздѣловъ», является приложеніемъ къ Выс. утвержд. 18 марта 1886 г. мнѣнію Госуд. Совѣта о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ съ общиннымъ пользованіемъ землею.

§ 2 этой инструкціи постановляетъ слѣдующее: «общество можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ по усмотрѣнію: оброчныя статьи и земли сдавать въ аренду; пахотныя и луговыя всѣ или частью, *за исключеніемъ усадебныхъ* (ст. 110 мѣстн. вел. пол.), обращать въ общественныя запашки или раздѣлять на паи (душевые надѣлы) для раздачи ихъ членамъ общества (160 ст. пол. о выкупѣ).

§ 10. Не подлежатъ общественнымъ передѣламъ: а) усадебныя земли (110 ст. мѣстнаго положенія), б) земли, раздѣленныя согласно 163 ст. положенія о выкупѣ на подворные участки, в) участки, выкупленные домохозяевами по 165 ст. пол. о выкупѣ и отмежеванные къ одному мѣсту».

Вотъ статьи «инструкціи семейныхъ раздѣловъ», на которыхъ основываютъ волостныя правленія свое воспрещеніе передѣловъ всякой

пріусадебной земли. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи бываетъ какъ прямой, такъ и косвенной. Волостной старшина Х—ской вол., Сем. уѣзда, пользуясь крупнымъ личнымъ вліяніемъ, по словамъ крестьянъ, прямо «запрещаетъ» передѣлъ всякихъ усадебныхъ земель, ссылаясь на слова инструкціи. Въ другой волости, В—ской, по настоянію волостнаго начальства всѣ усадебныя земли были вымѣрены старостами въ присутствіи понятыхъ въ 1888 г. и крестьянамъ разъяснено, что владѣніе усадебной землею въ границахъ измѣреннаго должно оставаться подворно-наслѣдственнымъ и передѣламъ ни въ коемъ случаѣ не подлежать. Между тѣмъ во всѣхъ общинахъ В—ской волости усадебные огороды подлежали передѣламъ до послѣдняго времени. Изъ 27 общинъ этой волости передѣлы по душамъ пріусадебныхъ земель продолжаются и теперь въ 5 общинахъ, въ 12 передѣлялись не далѣе пяти лѣтъ тому назадъ, въ 5 не далѣе 10 лѣтъ и только въ 5 общинахъ находятся въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи, хотя нѣтъ прямыхъ данныхъ о томъ, что и въ нихъ пріусадебная земля прежде не дѣлилась по душамъ. Изъ 50 селеній Кантауровской волости въ 5 общинахъ передѣлы огуменныхъ покосовъ по душамъ продолжаются и до сихъ поръ, въ 4 практиковались не далѣе 10 лѣтъ назадъ; были ли передѣлы усадебной земли въ прочихъ общинахъ прежде, рѣшительно сказать нельзя, по недостатку данныхъ, но въ послѣдніе годы тамъ установилось подворно-наслѣдственное владѣніе.

Еще редакціонныя коммиссіи, создавая текстъ закона, имѣли въ виду, что въ составѣ усадебной земли, т. е. земли, состоящей въ чертѣ селенія, можетъ быть земля, отнюдь не принадлежащая къ наслѣдственнымъ усадебнымъ участкамъ дворовъ. Что такія земли остаются въ распоряженіи обществъ, а слѣдовательно — могутъ подлежать передѣламъ, гдѣ таковые по мѣстнымъ обычаямъ практиковались, это положеніе категорически установлено ст. 112 мѣстн. вел. пол. «Мірская усадебная земля, состоящая въ чертѣ селенія, но не принадлежащая къ наслѣдственнымъ усадебнымъ участкамъ крестьянскихъ дворовъ (какъ, напр., выпуски, никѣмъ не занятые пустыри, а также подлежащіе по мѣстному обычаю передѣламъ конопляники и пр.), остается въ распоряженіи общества».

«Инструкція семейныхъ раздѣловъ» крайне грѣшитъ, опуская всякія ссылки на эту статью и давая тѣмъ поводъ волостнымъ властямъ, рѣдко справляющимся съ самимъ положеніемъ, рѣшать вопросъ о непередѣляемости усадебной земли въ самомъ общемъ и категорическомъ смыслѣ. Какіе крупные промахи противъ прямаго смысла за-

кона дѣлаются при этомъ волостными властями, можетъ дать только частное разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ.

Нерѣдко, если селеніе стоитъ на берегу рѣки, отъ которой его отдѣляетъ поемный покосъ, крестьяне, чтобы охранить его отъ потравъ, не обгораживаютъ его особо, а только продолжаютъ крайнія изгороди усадебной земли такъ, чтобы они уперлись въ рѣку и такимъ образомъ включили въ черту селенія и вышеуказанный покосъ. Безъ сомнѣнія, такой покосъ далеко не есть часть усадебной земли. Являясь мірскою луговой землей, онъ всегда подлежалъ передѣламъ, пока, благодаря неумѣлому проведенію ст. 110 полож., его не зачисляютъ въ составъ усадебной земли, владѣемой подворно-наслѣдственно.

Мало того, изъ самаго смысла ст. 111 слѣдуетъ, что въ составѣ усадебной земли можетъ быть земля, владѣемая не подворно, а общинно. Упразднившійся и выморочный усадебный участокъ поступаетъ въ распоряженіе общества. Общество, оставляя его за собой, пользуется имъ для того, чтобы при складкѣ и накладкѣ душъ полевой земли уравнивать также и количество усадебной земли «по душамъ», отрѣзая полосы изъ этого «пустоваго» участка. Волостное правленіе, не входя въ безспорныя права общества на подобный участокъ, объявляетъ всю усадебную землю подлежащею отнынѣ уравнительному подворному владѣнію и, указывая равную часть каждому двору, опредѣляетъ границы его наслѣдственнаго владѣнія. Нерѣдко крестьяне, поневолѣ уступая требованіямъ начальства, тѣмъ не менѣе никакъ не могутъ примириться съ подворнымъ владѣніемъ тѣми усадебными землями, которыми они всегда владѣли подворно. Покорившись этимъ требованіямъ съ внѣшней стороны, они все таки приграживаютъ къ усадьбѣ участокъ изъ полевой земли и, раздѣляя его пополосно, уравниваютъ изъ него непропорціональный раздѣлъ усадебной земли.

Безъ всякаго сомнѣнія, вопросъ объ опредѣленіи границъ, въ которыхъ къ усадебнымъ землямъ должно быть примѣнимо подворно-наслѣдственное владѣніе,—подобный вопросъ имѣетъ громадную юридическую важность, какъ установленіе границъ права собственности. Вотъ почему то или другое вмѣшательство въ разрѣшеніе этого вопроса низшими подчиненными органами, какъ-то волостными правленіями, должно быть вполнѣ устранено. Нижегородское губернское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, отчасти сознавая это, циркуляромъ отъ 31 мая 1881 г., за № 11, заявило, что «оно находитъ необходимымъ выяснить уѣзднымъ присутствіямъ, что разсмотрѣніе

правъ на пользованіе усадебными участками и вообще вмѣшательство въ распредѣленіе мѣстъ *между погорѣльцами* въ кругъ обязанностей волостныхъ старшинъ не входитъ и потому должно быть строго преслѣдуемо». Факты показываютъ, что волостное начальство поняло этотъ циркуляръ въ его тѣсномъ смыслѣ. Оно нуждается въ томъ, чтобы ограниченіе его вмѣшательства въ вопросы усадебнаго пользованія было предписано ему въ самомъ общемъ и категорическомъ смыслѣ, а также, чтобы его вниманіе было обращено на совершенно игнорируемую ст. 112 мѣстн. вел. пол. Область народной хозяйственной и правовой жизни настолько сложна, что схемы юридическаго закона должны быть примѣняемы къ ней съ крайней осторожностью умѣлыми и внимательными судьями.

Лица, вѣдѣнію которыхъ подлежитъ весь строй правовыхъ отношеній народа, никогда не должны забывать соображеній предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцева, внесенныя имъ въ журналъ засѣданія 5 марта 1859 г.: «вопросъ объ общинномъ и личномъ владѣніи землями, которыя будутъ выкуплены, долженъ быть рѣшенъ сообразно особенностямъ каждой мѣстности, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи предоставленъ естественному ходу вещей. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ удерживаться отъ стремленія разрѣшать этотъ вопросъ принудительными правительственными мѣрами».

М. Плотниковъ.

ВЫЗОВЪ И ДОПРОСЪ СВИДѢТЕЛЕЙ ПО УГОЛОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ, РАЗСМАТРИВАЕМЫМЪ ВЪ МИРОВОМЪ СЪѢЗДѢ.

(Уставъ уголовнаго судопроизводства, ст. 159, 165, 194 и 197).

(*Окончаніе*) *).

VII.

Продолжаемъ нашъ обзоръ кассаціонной практики по избранному вопросу.

Кассаціонный сенатъ въ однихъ своихъ рѣшеніяхъ признаетъ для мироваго съѣзда *обязательнымъ* допросъ свидѣтелей, указанныхъ въ аппелляціонномъ отзывѣ и *явившихся* не только по вызову самого съѣзда, который въ этомъ случаѣ «не можетъ отказывать въ спросѣ ихъ на томъ ли основаніи, что не представлено доказательствъ о причинахъ, по которымъ свидѣтели не имѣли возможности явиться къ разбирательству дѣла у мироваго судьи» ($^{73}/_{1002}$ Палатника—обманъ),или по причинѣ «сознанія подсудимаго», «такъ какъ предъ допросомъ вызваннаго свидѣтеля суду не можетъ быть извѣстно, въ чемъ будетъ состоять его показаніе и какое оно можетъ имѣть значеніе» ($^{73}/_{244}$ Скворцова — оскорбленіе), но и по вызову *непремѣннаго члена* ($^{68}/_{412}$ Бейкина—обв. неизвѣстное), а также, конечно, и *предсѣдателя съѣзда* ($^{69}/_{902}$ Дроздова, обвинителя—клевета, $^{70}/_{1443}$ Филиппова). Равнымъ образомъ для съѣзда *обязателенъ* допросъ и *неявившихся* новыхъ свидѣтелей по вызову того или другаго изъ *названныхъ должностныхъ лицъ*, если о новомъ вызовѣ этихъ сви-

*) См. «Юридич. Вѣстн.», 1890 г., №№ 1 и 2.

дѣтелей и объ отложеніи разбирательства дѣла по ихъ неявкѣ сторона *просила* въ засѣданіи съѣзда ($^{70}/_{1443}$ Филиппова).

Между тѣмъ въ другихъ рѣшеніихъ сенатъ этой *обязательности* для съѣзда, т. е. какъ допроса явившихся свидѣтелей, такъ и повторенія вызова неявившихся, *не признаетъ*, если только съѣздъ имѣетъ право «*по закону*» не вызывать и не допрашивать такихъ свидѣтелей вовсе (правит. сенатъ называетъ «закономъ» здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, свой тезисъ, будто бы вытекающій изъ смысла 159 ст. у. у. у., о *правѣ* съѣзда вообще *не допрашивать* свидѣтелей, *неуказанныхъ* мир. судьѣ), или если съѣздъ *не находитъ* допроса подобныхъ свидѣтелей «*необходимымъ*» для разъясненія дѣла ($^{69}/_{857}$ Башинова—обманъ, $^{69}/_{902}$ Дроздова—клевета, $^{70}/_{1221}$ Синельскаго—мошенничество, $^{70}/_{1530}$ Макарова—растрата), при чемъ сенатъ допускаетъ возможность вызова новыхъ свидѣтелей непремѣннымъ членомъ «на случай» признанія съѣздомъ допроса ихъ «нужнымъ» ($^{72}/_{936}$ Мозгалева—оскорбленіе).

Не говоря о томъ, что въ послѣднихъ рѣшеніяхъ сената одна часть тезиса, нами суммированнаго, въ сущности плохо вяжется съ другою: ибо одно изъ двухъ—либо отказъ въ допросѣ *вызванныхъ* уже свидѣтелей долженъ быть *во имя закона*, либо *по усмотрѣнію суда*, иначе это разнорѣчіе навсегда ляжетъ зародышемъ безграничнаго произвола руководимыхъ судовъ; не говоря о теоретичности и странности предположенія, не оправдываемаго дѣйствительностію, что непремѣнные члены съѣзда, по собственному распоряженію, вызываютъ свидѣтелей *на случай* признанія съѣздомъ допроса ихъ необходимымъ,—не говоря объ этомъ, кассаціонныя рѣшенія послѣдняго направленія оказываются еще въ существенномъ разнорѣчіи какъ съ тѣми рѣшеніями сената, указанными нами въ 1 и 3 рубрикахъ, по которымъ первая неявка вызванныхъ свидѣтелей не освобождаетъ съѣзда отъ обязанности повторенія вызова ихъ, несмотря ни на какія побочныя обстоятельства, такъ въ особенности съ тѣми сенатскими рѣшеніями, по коимъ мировые съѣзды обязательно допрашиваютъ свидѣтелей *приведенныхъ* сторонами или, что тоже, *наличныхъ* ($^{67}/_{445}$ Овсянниковыхъ — кража, $^{68}/_{371}$ Попова — кража, $^{70}/_{1517}$ Татарскихъ, обв. по 128 ст. у. о н., и проч.), не руководствуясь даже такими соображеніями, что «дѣло достаточно разъяснено» ($^{69}/_{300}$ Рыбакова, $^{72}/_{826}$ Мѣшкова), или что показанія свидѣтелей, «въ виду другихъ доказательствъ, не имѣютъ для дѣла существеннаго значенія» ($^{68}/_{488}$ Никаноровой, $^{68}/_{801}$ Протасьева, $^{69}/_{1086}$ Гуревича, $^{70}/_{790}$ Черкасова), а тѣмъ болѣе соображеніями, уже совсѣмъ посторонними для дѣла, о

томъ, *какимъ* образомъ *явились* въ съѣздъ свидѣтели, не вызванные имъ,—по *приглашенію* ли самихъ сторонъ, или по *распоряженію* непремѣннаго члена, либо предсѣдателя съѣзда.

А главное—думается намъ, что вызовъ свидѣтелей непремѣннымъ членомъ или предсѣдателемъ съѣзда, если бы онъ даже и не одобрялся, а признавался со стороны мироваго съѣзда излишнимъ, не имѣлъ бы въ дѣйствительности, при условіи *явки* ихъ на судъ, большаго съ формальной стороны значенія для дѣла, чѣмъ *представленіе* этихъ же самыхъ свидѣтелей въ съѣздъ стороною (какъ и объяснилъ это самъ сенатъ по дѣлу Бейкина—$^{68}/_{412}$), ведущее, однако, что сейчасъ мы видѣли, къ обязательному ихъ допросу. Правда, въ отношеніи этихъ свидѣтелей непремѣнный членъ или предсѣдатель съѣзда не высказали своего мнѣнія или «усмотрѣнія» въ коллегіальномъ составѣ, но это ни мало не измѣняетъ реальной постановки вопроса, и во всякомъ случаѣ коллегіи-то съѣзда нельзя не считаться, не возможно не принимать въ уваженіе «усмотрѣнія» такихъ членовъ ея, на которыхъ исключительно возложена закономъ исполнительная и распорядительная часть дѣлопроизводства по съѣзду—если только, конечно, между судьями съѣзда не происходитъ вообще скрытая личная борьба, къ сожалѣнію, иногда отражающаяся такъ или иначе—но всегда во вредъ правосудію — и на судопроизводствѣ во второй мировой инстанціи: ибо вѣдь извѣстно — гдѣ «паны дерутся», тамъ «у хлопцевъ чубы летятъ». А отсюда, стало быть, новое неудобство—искусственно создавать въ самыхъ условіяхъ судопроизводства вполнѣ неизбѣжный матеріалъ для нагляднаго примѣненія на практикѣ скрытыхъ враждебныхъ отношеній между членами съѣзда, разъ такія отношенія существуютъ!... Въ интересахъ ли это судебной правды вообще?!

Что касается свидѣтелей, *не явившихся* по вызову непремѣннаго члена или предсѣдателя съѣзда, то повтореніе вызова ихъ, если къ тому же проситъ объ этомъ и находящійся на лицо апелляторъ, или отказъ въ этомъ повтореніи, само собою разумѣется, должны быть разрѣшаемы по постановленію мироваго съѣзда и притомъ по возможности съ участіемъ вызывавшихъ непремѣннаго члена или предсѣдателя, основываясь прежде всего на родѣ дѣла и значеніи въ процессѣ или общемъ свойствѣ ожидаемыхъ отъ свидѣтелей показаній.

VIII.

По вопросу о вызовѣ свидѣтелей, *допрошенныхъ* мировымъ судьею, для *передопроса* ихъ *подъ присягою* въ мировомъ съѣздѣ, правитель-

ствующимъ сенатомъ установленъ цѣлый рядъ положеній, полныхъ уже такихъ условностей и взаимныхъ противорѣчій, которыя рѣшительно не даютъ возможности оріентироваться въ нихъ и выработать изъ нихъ что нибудь общее, опредѣленное и устойчивое.

Такъ, по однимъ рѣшеніямъ, сенатъ признаетъ, что мировой съѣздъ *обязанъ* вызывать, для передопроса подъ присягою, только такихъ указанныхъ въ апелляціонномъ отзывѣ свидѣтелей, которые были допрошены мировымъ судьею:

а) *безъ присяги*,

б) съ подпискою, согласно 98 ст. уст. угол. суд., и

в) по требованію *противной* апеллятору стороны, такъ какъ, по смыслу 159 ст. уст. уг. суд., апелляторъ обязанъ приводить на съѣздъ только *своихъ* свидѣтелей, а не свидѣтелей противной стороны или «выставленныхъ къ его обличенію правительственнымъ органомъ» ($^{67}/_{236}$ *Андозерской*—обида, $^{68}/_{508}$ Григорьева—обида, $^{68}/_{912}$ Рогова—кража, $^{68}/_{985}$ Заледѣевой—оскорбленіе, $^{69}/_{109}$ Кокорева — покушеніе на мошенничество, $^{69}/_{139}$ Яковлева—кража, $^{69}/_{509}$ Сергѣева—покушена кражу, $^{69}/_{1095}$ Головацкой — укрывательство кражи, $^{70}/_{831}$ *Макарова*—кража, $^{72}/_{196}$ Жаренко—оскорбленіе, $^{72}/_{441}$ Самойлова—порубка лѣса и оскорбленіе, $^{72}/_{587}$ Некрасова — буйство и оскорбленіе, $^{72}/_{734}$ Пропина—кража, $^{74}/_{154}$ Монкевичъ—оскорбленіе, и мн. др.), хотя бы

аа) ни въ *апелляціонномъ* отзывѣ не говорилось, что вызовъ свидѣтелей требуется для *приведенія* ихъ *къ присягѣ*, а упоминалось лишь о передопросѣ, такъ какъ «на съѣздѣ всѣ свидѣтели, не приведенные къ присягѣ у мироваго судьи, допрашиваются не иначе, какъ подъ присягою (уст. уг. суд. ст. 98 и 163)», и такъ какъ «свидѣтели при разбирательствѣ дѣла на съѣздѣ допрашиваются безъ присяги лишь въ случаѣ освобожденія ихъ отъ этого сторонами и, слѣдовательно, обвиняемый не обязанъ просить о допросѣ свидѣтелей подъ присягою, приведеніе къ которой само собою подразумѣвается въ случаѣ ихъ вызова» ($^{70}/_{584}$ Никифорова — кража, $^{72}/_{701}$ Байковскаго—наруш. пит. уст.),

бб) ни въ засѣданіи съѣзда апелляторъ «*не* настаивалъ» на передопросѣ свидѣтелей ($^{71}/_{876}$ Спиридонова—оскорбленіе), при чемъ

вв) съѣздъ *не въ правѣ* «входить въ *обсужденіе*, какое *значеніе* можетъ имѣть» для ходатайствующей о вызовѣ стороны показаніе свидѣтеля ($^{72}/_{933}$ Марковой—кража);

гг) вызовъ и допросъ свидѣтелей противной стороны обязательны для съѣзда и тогда, когда апеллятору *неизвѣстно мѣсто жительства* ихъ, указаніе или розысканіе котораго лежитъ въ такомъ слу-

чаѣ на обязанности не апеллятора, а самаго съѣзда ($^{70}/_{789}$ Доронина — мошенничество, $^{72}/_{1324}$ Козырева — оскорбленіе), развѣ бы розыскъ ихъ оказался невозможнымъ ($^{69}/_{1095}$ Головацкой, $^{72}/_{196}$ Жаренко).

Наоборотъ, вызовъ и передопросъ подъ присягою свидѣтелей, допрошенныхъ мировымъ судьею по указанію самого *апеллятора*, для съѣзда *не обязателенъ* ($^{69}/_{127}$ Семенова—оскорбленіе, $^{69}/_{229}$ Жижченковой—кража, $^{72}/_{806}$ Енгалычева—оскорбленіе должностныхъ лицъ, $^{72}/_{1475}$ Барсукова—кража, $^{73}/_{849}$ Молостовскаго—обманъ, $^{87}/_{6}$ Шнейдера—обв. по 102 и 112 ст. уст. о нак., и др.)—даже тогда, когда они у мироваго судьи были допрошены въ *отсутствіе* апеллятора ($^{71}/_{1639}$ Устименко—оскорбленіе полицейскаго служителя), развѣ бы самъ апелляторъ представилъ такого свидѣтеля въ мировой съѣздъ или послѣдній, съ своей стороны, «усмотрѣлъ *необходимость* въ вызовѣ и передопросѣ» его ($^{72}/_{802}$ Чепелева—самоуправство, $^{73}/_{71}$ Мощевитина — оскорбленіе и клевета, а также $^{69}/_{127}$ и $_{229}$, указанныя выше).

Въ томъ же случаѣ, когда мировой съѣздъ *постановилъ* уже о вызовѣ свидѣтелей для передопроса ихъ подъ присягою или подъ напоминаніемъ о принятой уже ими присягѣ у мироваго судьи, «самъ признавъ этотъ вызовъ необходимымъ, вслѣдствіе чего и послалъ имъ повѣстки о явкѣ въ съѣздъ», онъ *обязанъ* передопросить не только свидѣтелей противной стороны ($^{68}/_{609}$ Ковалевскаго — оскорбленіе, $^{68}/_{938}$ Давыдова—кража, $^{70}/_{1427}$ Ковыркина—кража), но и указанныхъ самимъ *апелляторомъ* ($^{75}/_{49}$ Щеглова — клевета), а когда «свидѣтели эти не явились, съѣздъ обязанъ, отложивъ разбирательство дѣла и объяснивъ въ протоколѣ о причинѣ неспроса ихъ, повторить свой вызовъ» ($^{68}/_{867}$ Кирасировой—кража, $^{72}/_{734}$ Пронина—кража, $^{75}/_{49}$ Щеглова), а въ случаѣ выбытія свидѣтеля въ другое мѣсто, «распорядиться о допросѣ его чрезъ подлежащаго мироваго судью на мѣстѣ его жительства» ($^{81}/_{14}$ Федотова, обвин. по 31 ст. устава о наказаніяхъ). Противныя дѣйствія составляютъ «нарушеніе *существеннаго* правила апелляціоннаго производства» ($^{75}/_{49}$ Щеглова).

Мало того. Въ одномъ своемъ рѣшеніи сенатъ повидимому пошелъ еще дальше: онъ призналъ обязательнымъ для съѣзда, помимо даже опредѣленнаго съ его стороны постановленія, а только «согласно съ требованіемъ обвиняемаго и 159 ст. уст. уголовн. судопр.», вызовъ и передопросъ подъ присягою свидѣтелей, *вообще* «спрошенныхъ во время разбирательства у мироваго судьи», слѣдовательно и по за-

явленію *аппеллятора* ($^{72}/_{381}$ Терехова — укрывательство лица отъ полиціи).

И въ томъ случаѣ, когда свидѣтели какъ противной стороны, такъ и *самаго апеллятора*, указанные въ апелляціонномъ отзывѣ, спрошены мировымъ судьею «не только безъ присяги, но и *безъ отобранія подписки о присягѣ*, установленной 98 ст. уст. уголовн. судопр., несмотря на то, что въ виду судьи не было ни отвода отъ присяги, ни согласія сторонъ на спросъ свидѣтелей безъ присяги», мировой съѣздъ «не долженъ основывать свой приговоръ на показаніяхъ свидѣтелей, допрошенныхъ съ нарушеніемъ 97 и 98 ст. уст. угол. судопр., а *обязанъ* вызвать и передопросить *всѣхъ* ихъ установленнымъ порядкомъ», «по точному смыслу 159 ст. и въ виду того, что *только при наличной повѣркѣ доказательствъ, представленныхъ сторонами, можетъ быть достигнута цѣль апелляціоннаго производства*» ($^{70}/_{606}$ *Серпѣевой*—обида, $^{74}/_{154}$ *Монкевичъ* — оскорбленіе, $^{74}/_{571}$ Проскурина—самоуправство, $^{76}/_{109}$ Синявскаго—обвиненіе неизвѣстное).

Въ другихъ же рѣшеніяхъ сенатъ или постановилъ тезисы, прямо противоположные только-что изложеннымъ положеніямъ, или допустилъ въ отношеніи послѣднихъ множество ограниченій, благодаря которымъ мировые съѣзды освобождаются отъ обязанности вызова и передопроса свидѣтелей даже *противной* апеллятору стороны, допрошенныхъ мировымъ судьею, а именно:

а) когда апелляторъ въ своемъ отзывѣ «выражаетъ только *сомнѣніе въ правдивости* даннаго показанія, потому что оно отобрано безъ присяги», а не «заявляетъ своего требованія» о передопросѣ свидѣтелей положительно, категорически ($^{71}/_{111}$ Спасскаго — клевета);

б) когда въ апелляціи *не* указано *мѣстожительство* просимаго для передопроса свидѣтеля, хотя бы и допрошеннаго судьею по требованію *противной* стороны ($^{69}/_{984}$ Голицына, обвинителя—обманъ, $^{70}/_{1296}$ Фишера—обида, $^{72}/_{1028}$ Сѣрикова и Гордѣева—кража);

в) когда требованіе или просьба о передопросѣ свидѣтелей подъ присягою заявлена не въ апелляціонномъ отзывѣ, а лишь «*во время разсмотрѣнія дѣла въ съѣздѣ*», что вообще, конечно, справедливо, «такъ какъ удовлетвореніе подобнаго требованія повлекло бы за собою, въ нарушеніе 159 ст. уст. угол. судопр. и въ явное стѣсненіе для другой стороны, каждый разъ отсрочку разбирательства дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели *не находятся на лицо*» ($^{68}/_{754}$ *Филяева* — оскорбленіе, $^{70}/_{828}$ Миткевича и Безмѣнова — обида, $^{72}/_{1295}$

Бережнаго — кража, $^{72}/_{1331}$ Наумова—кража, $^{77}/_{17}$ Иванова, обвин. по 123 и 128 ст. устава о наказ.);

г) когда не только апелляторъ—подсудимый, «ходатайствуя о передопросѣ подъ присягою свидѣтеля, его ко дню слушанія дѣла *не представилъ*», но и «съѣздъ, не придавая особаго значенія показанію его, какъ *не бывшаго очевидцемъ происшествія*, не счелъ возможнымъ, по случаю отсутствія этого свидѣтеля, откладывать разсмотрѣніе дѣла» ($^{69}/_{147}$ Силичева—кража),—изъ чего дозволительно даже сдѣлать тотъ выводъ, что какъ будто и по мнѣнію сената мировой съѣздъ долженъ вызывать только свидѣтелей-*очевидцевъ* происшествія, допрошенныхъ мировымъ судьею по требованію противной стороны—(условіе это, кстати здѣсь замѣтить, чуть ли не единственное, въ которомъ кассаціонною инстанціею дано значеніе *общему* свойству свидѣтельскихъ показаній);

д) когда апелляторъ — обвиняемый, *добровольно обязавшись указать мѣсто жительства* свидѣтеля, *не исполнилъ* затѣмъ *этого своего обязательства* ($^{76}/_{238}$ Малишевой—сводничество);

е) если апелляторъ, ходатайствовавшій въ своемъ отзывѣ о вызовѣ и передопросѣ свидѣтелей противной стороны, «присутствуя при разборѣ дѣла въ съѣздѣ, своевременно *не домогался* вызова этихъ свидѣтелей» ($^{71}/_{1592}$ Бѣгишева—кража, $^{73}/_{157}$ Панченки—кража),—«дѣйствительно *не настаивалъ* на этомъ вызовѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ просилъ бы объ отсрочкѣ засѣданія впредь до вызова и «прибытія» свидѣтелей» ($^{69}/_{765}$ Воложенцова — кража, $^{69}/_{1088}$ Шулименко—обманъ, $^{76}/_{252}$ Кербеля, обвин. по 152 ст. устава о наказан.), или «*не обратилъ вниманія* съѣзда на *необходимость* отсрочки засѣданія до вызова этихъ свидѣтелей и, слѣдовательно, признавалъ возможнымъ разрѣшеніе дѣла безъ передопроса ихъ» ($^{73}/_{101}$ Симонова — самоуправство), или если «*не заявлялъ*», такъ сказать безмолвно подчинившись распоряженію съѣзда, «что онъ не считаетъ возможнымъ приступить къ разбирательству дѣла безъ вызова просимыхъ свидѣтелей, съ тѣмъ, чтобы мировой съѣздъ имѣлъ возможность *своевременно* измѣнить свое (первоначальное) постановленіе (объ отказѣ) и доставить подсудимому всѣ необходимыя средства къ защитѣ, такъ какъ поводомъ къ отмѣнѣ судебнаго приговора въ подобныхъ случаяхъ могутъ служить только такія дѣйствія суда, которыя были направлены къ явному стѣсненію защиты, несмотря на *своевременныя* возраженія и заявленія противъ такихъ дѣйствій со стороны подсудимаго» ($^{70}/_{680}$ Перлина и Стыцкина—нарушеніе общественной тишины и оскорбленіе); — противоположное этому сообра-

женіе заключается въ приведенномъ уже выше рѣшеніи по дѣлу Спиридонова—$^{71}/_{376}$, гдѣ сенатъ категорически высказался, что «основаніе, принятое съѣздомъ къ отказу просителю (въ вызовѣ для передопроса свидѣтелей), что онъ на допросѣ *не настаивалъ*, какъ *не подкрѣпленное закономъ*, значенія имѣть не можетъ»;

ж) если свидѣтели допрошены мировымъ судьею безъ присяги по *взаимному* согласію *обѣихъ* сторонъ, на основаніи 97 ст. устава угол. судопр., или съ *согласія* одного *апеллятора*, ибо какъ послѣдній, «освобождая у мирового судьи свидѣтелей отъ допроса ихъ подъ присягою, тѣмъ самымъ выражаетъ согласіе свое дать вѣру показаніямъ ихъ *наравнѣ* съ *присяжными*», потому что «право сторонъ требовать передопроса свидѣтелей подъ присягою, на основаніи ст. 98, касается только такихъ свидѣтелей, которые при производствѣ дѣла у мироваго судьи не были освобождены сторонами отъ присяги» ($^{73}/_{763}$ Бентханъ—обманъ, $^{79}/_{89}$ Фешковскаго, обвинителя—кража), такъ и обѣ «стороны, освобождая свидѣтелей отъ присяги по взаимному согласію, *тѣмъ самымъ отказываются уже отъ права* требовать подтвержденія этихъ показаній присягою» ($^{71}/_{1274}$ Брауна и Зайцева—обида городоваго); —несогласное съ этимъ рѣшеніе состоялось по дѣлу Глухова—$^{73}/_{418}$, гдѣ сенатъ *не* призналъ за съѣздомъ права и «достаточнаго основанія *отказывать* въ вызовѣ и передопросѣ подъ присягою того свидѣтеля, на котораго *ссылались обѣ* стороны и который былъ допрошенъ съ подпискою о подтвержденіи присягою даннаго имъ показанія»;

з) если обстоятельство, для разъясненія котораго апелляторъ ходатайствовалъ о вызовѣ для передопроса свидѣтелей, по мнѣнію съѣзда, изложенному въ его приговорѣ, «*вполнѣ разъяснено*» ($^{69}/_{702}$ Денисова),

и) если апелляторъ, прося о вызовѣ для передопроса свидѣтелей вообще и противной стороны въ особенности, *не поименовываетъ* ихъ, а затѣмъ, вслѣдствіе неудовлетворенія такого его ходатайства по этой причинѣ, *не проситъ объ отсрочкѣ* засѣданія «для вызова тѣхъ свидѣтелей *противной* стороны, которыхъ онъ прежде упустилъ поименовать», ибо «вызовъ свидѣтелей по требованію той стороны, по ссылкѣ которой они были спрошены у судьи, для съѣзда вовсе не обязателенъ, за силою 159 ст.» ($^{70}/_{680}$ Перлина и Стыцкина, $^{70}/_{690}$ *Яковлева*—наруш. пит. устава, $^{72}/_{452}$ *Пидченко*—растрата);—не гармонирующія съ этими рѣшенія, постановленныя по дд. $^{70}/_{616}$ Сергѣева и Микулина, $^{71}/_{376}$ *Спиридонова*, $^{73}/_{930}$ Кобылева и $^{80}/_{40}$ Филина, говорятъ о томъ, что, въ случаѣ просьбы апеллятора о вызовѣ для

передопроса *всѣхъ* указанныхъ сторонами и допрошенныхъ мировымъ судьею свидѣтелей, безъ указанія ихъ именъ, съѣздъ тѣмъ не менѣе «обязанъ вызвать и допросить свидѣтелей *противной* стороны, по необязательности представленія ихъ по закону для подсудимаго», и

і) если вызванные уже для передопроса свидѣтели, допрошенные у мир. судьи по ссылкѣ самаго *апеллятора-обвинителя*, притомъ подъ присягою, *не явились* въ засѣданіе съѣзда, и съѣздъ не только призналъ, что апелляторъ «*не объяснилъ* тѣхъ *новыхъ обстоятельствъ*, о которыхъ должны удостовѣрить означенные свидѣтели», но и «самъ не усмотрѣлъ уважительныхъ основаній къ повторенію вызова ихъ... *въ видахъ разъясненія дѣла*» ($^{84}/_{20}$ Иванова—клевета).

Равнымъ образомъ, по мнѣнію сената, *не обязателенъ* для мир. съѣзда вызовъ и передопросъ:

а) свидѣтелей, *допрошенныхъ* у мир. судьи *подъ присягою* и *не представленныхъ* къ разбирательству дѣла на съѣздѣ, ибо, во первыхъ, «вызовъ такихъ вновь къ допросу зависитъ отъ *усмотрѣнія* съѣзда и отъ представленія со стороны апеллятора *достаточныхъ* къ тому *основаній*» ($^{67}/_{385}$ Сидякова—нанесеніе побоевъ); во вторыхъ, «съѣздъ обязанъ вызывать свидѣтелей противной стороны *лишь* для *подтвержденія* ими своихъ показаній *присягою*, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, отобраніе мир. судьею присяжной подписки обратилось бы въ простую формальность и потеряло бы всякое значеніе, каковой необходимости, очевидно, не встрѣчается, коль скоро свидѣтели допрошены мир. судьею подъ присягою» и «показанія ихъ имѣются въ дѣлѣ» ($^{73}/_{160}$ Рогачевой—кража, $^{72}/_{181}$ Гаршина, $^{68}/_{230}$ Михайлова и Федорова—кража), если только съѣздъ, съ своей стороны, не находитъ «достаточныхъ» къ передопросу подобныхъ свидѣтелей «поводовъ» ($^{72}/_{1475}$ Барсукова—кража), либо «не находитъ въ ихъ показаніяхъ никакой *неясности*, *сбивчивости* или *неполноты*, безъ всякаго различія въ томъ отношеніи, проситъ ли сторона о вызовѣ свидѣтелей, указанныхъ ею или противною стороною», такъ какъ «никакой законъ не воспрещаетъ мировому съѣзду передопрашивать свидѣтелей, уже приведенныхъ къ присягѣ; напротивъ того, въ 163 ст. у. у. с. положительно выражено, что свидѣтели, приведенные уже къ присягѣ у мир. судьи, вновь не присягаютъ; но предсѣдатель напоминаетъ имъ о прежде принятой присягѣ» ($^{73}/_{849}$ Молостовскаго),—или, если сторона, домогающаяся передопроса свидѣтелей, «*не объяснила* съѣзду *никакихъ* причинъ, по которымъ она считаетъ *необходимымъ* передопросить свидѣтелей, спрошенныхъ уже подъ присягою» ($^{71}/_{1206}$ Харито), для «удостовѣренія», напр., «новыхъ

обстоятельствъ въ дѣлѣ» ($^{84}/_{20}$ Иванова), такъ что, если свидѣтели, допрошенные подъ присягою у мир. судьи, въ съѣздъ «*не представлены* стороною, требующею ихъ передопроса, то вызовъ ихъ, хотя они и могутъ быть передопрошены на съѣздѣ подъ напоминаніемъ присяги, зависитъ отъ *усмотрѣнія* съѣзда, и отказъ въ вызовѣ ихъ, основанный на этомъ соображеніи, не противорѣчитъ 159, 163 ст. у. у. с.» ($^{71}/_{1794}$ Шиповалова — укрывательство кражи);—не вяжущееся съ этимъ тезисомъ положеніе, находящееся въ рѣшеніяхъ сената $^{71}/_{117}$ Громовой—оскорбленіе и $^{73}/_{2}$ Павлова—обманъ, состоитъ въ томъ, что «по смыслу 159 ст. каждая сторона имѣетъ право требовать вызова въ судъ свидѣтелей противной стороны, допрошенныхъ мир. судьею, причемъ для свидѣтелей, допрошенныхъ мир. судьею подъ присягою, *никакихъ исключеній законъ не сдѣлалъ;* напротивъ того, 163 ст. Устава положительно указываетъ на то, что и эти свидѣтели допрашиваются въ съѣздѣ, но безъ *повторенія* присяги, а при одномъ напоминаніи о принятіи оной со стороны предсѣдателя», и что «только при такой наличной повѣркѣ доказательствъ, представленныхъ сторонами, и можетъ быть достигнута *существенная* цѣль *апелляціоннаго* производства» (не есть ли это послѣднее соображеніе—единственно правильная точка зрѣнія въ данномъ вопросѣ?!.);

б) свидѣтелей, которые, бывъ допрошены мир. судьею безъ присяги, *вовсе не могутъ быть спрошены подъ присягою,* напримѣръ, по малолѣтству или другимъ причинамъ, указанныхъ въ 93—96 ст. у. у. с., «такъ какъ цѣль вызова свидѣтелей въ съѣздъ состоитъ именно въ отобраніи отъ нихъ показаній *подъ присягою*» ($^{80}/_{40}$ Филина);—несогласное съ этимъ рѣшеніе состоялось по д. $^{79}/_{69}$ Фешковскаго, по каковому рѣшенію судъ, въ случаѣ отказа самого свидѣтеля отъ принятія присяги, «не можетъ устранить его вовсе отъ свидѣтельства, а обязанъ допросить его *безъ приведенія къ присягѣ*», ибо «свидѣтельскія показанія нерѣдко представляются *единственнымъ* доказательствомъ виновности или невинности подсудимаго, а такъ какъ судъ обязанъ, при постановленіи приговора, принимать во вниманіе *всѣ* доказательства по дѣлу (119 ст. у. у. с.), то оставленіе безъ допроса, при отсутствіи законныхъ къ тому причинъ, какого либо свидѣтеля было бы *прямо противно цѣли правосудія*».

Въ нѣкоторыхъ же рѣшеніяхъ сенатъ въ своемъ стремленіи къ ограниченію апелляціонныхъ правъ пошелъ такъ далеко, что идти дальше, кажется, уже и некуда. Такъ, по поводу жалобы, что мировой съѣздъ передопросилъ не всѣхъ свидѣтелей, спрошенныхъ у мир. судьи, и продолжалъ засѣданіе, не спрося на то согласія апел-

ляторовъ, сенатъ объяснилъ, что «на основаніи 159 ст. въ мировомъ съѣздѣ допрашиваются по дѣламъ, не подлежащимъ прекращенію вслѣдствіе примиренія (ст. 104 у. у. с.), лишь тѣ свидѣтели, которыхъ съѣздъ *признаетъ нужнымъ допросить*, и тѣ, которые будутъ въ день разбирательства *представлены* въ съѣздъ, вслѣдствіе чего не можетъ считаться нарушеніемъ этой статьи и то обстоятельство, что мировой съѣздъ, *признавъ первоначально нужнымъ* передопросить *всѣхъ* свидѣтелей, спрошенныхъ мир. судьею, допросить изъ нихъ только *нѣкоторыхъ*», «показанія коихъ необходимы для полноты и ясности дѣла» ($^{68}/_{726}$ Тихомировыхъ—кража).

Наконецъ, сенатъ, по отношенію передопроса свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою у мир. судьи, еще установляетъ, что вообще «необходимость этого передопроса не только зависитъ отъ усмотрѣнія съѣзда», но (даже) и «*не можетъ быть повѣрена безъ разсмотрѣнія дѣла въ существѣ, несовмѣстнаго съ кассаціоннымъ порядкомъ*, по 5 ст. учр. суд. уст.» ($^{69}/_{702}$ Денисова—кража).

Что можно сказать по поводу изложенныхъ сейчасъ тезисовъ 5-й категоріи кассаціонныхъ рѣшеній по разсматриваемымъ нами вопросамъ? Кромѣ сказаннаго раньше, необходимо еще замѣтить слѣдующее. Конечно, безспорны тѣ положенія сенатской практики, по коимъ мировой съѣздъ обязанъ передопросить подъ присягою (за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ 95 и 96 ст. у. у. с.) свидѣтелей, допрошенныхъ мир. судьею безъ присяги, а съ отобраніемъ такъ называемой присяжной подписки, и обязанъ передопросить, не взирая на то, есть ли въ апелляціи ходатайство о передопросѣ свидѣтелей «именно подъ присягою», и не придираясь къ такимъ обстоятельствамъ, какъ, напримѣръ,—«извѣстно ли апеллятору мѣсто жительства» свидѣтелей, мир. судьею уже допрошенныхъ,—«могутъ ли показанія этихъ свидѣтелей имѣть значеніе» для апеллятора и, наконецъ,—«напоминаетъ» ли, «домогается» ли, «настаиваетъ» ли апелляторъ въ самомъ судебномъ засѣданіи на томъ же передопросѣ, о которомъ онъ уже разъ въ апелляціи ходатайствовалъ—развѣ бы *самъ* апелляторъ отъ этого передопроса по чему либо *отказался*. Но на этомъ собственно и кончается вся безспорность рѣшеній данной категоріи, такъ какъ остальныя положенія кассаціонной практики этого разряда оспариваются, какъ намъ кажется, довольно убѣдительно не только жизнью, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самимъ закономъ, интерпретируемымъ правительствующимъ сенатомъ. Мы не видимъ, во-первыхъ, чтобы собственно въ законѣ 159 ст. у. у. с. возлагалась на съѣздъ обязанность передопрашивать только тѣхъ свидѣтелей, которые были

допрошены мир. судьей по требованію *противной* апеллятору стороны, а не по указанію самого апеллятора. Такъ какъ въ первой части означенной статьи буквально говорится только, что «стороны *могутъ* представлять свои доказательства и *приводить* свидѣтелей, какъ *бывшихъ* при первоначальномъ разбирательствѣ дѣла, такъ и тѣхъ, которые по какимъ либо уважительнымъ причинамъ *не имѣли возможности* явиться къ мировому судьѣ», то приведенный только что тезисъ сенатской практики является въ одно и то же время и шире, и уже самаго закона: шире—потому, что въ 159 ст. говорится лишь объ *обязательности* для съѣзда допроса свидѣтелей, *приведенныхъ* сторонами и ничего не сказано объ *обязанности* съѣзда *вызывать* свидѣтелей, допрошенныхъ мир. судьей по требованію той или другой стороны,—и уже—потому, что тотъ же законъ *предписываетъ* съѣзду какъ передопрашивать *всѣхъ* свидѣтелей, *бывшихъ* при *первоначальномъ* разбирательствѣ дѣла, независимо отъ того, были ли они допрошены мир. судьею по указанію «самого апеллятора» или по требованію «противной ему стороны, такъ и допрашивать свидѣтелей, не явившихся къ мировому судьѣ «по какимъ либо уважительнымъ причинамъ» (разумѣется, субъективно, я не объективно), лишь бы тѣ и другіе свидѣтели были *обѣими* сторонами *приведены*. Толкованіе 159 ст. въ томъ смыслѣ, что будто бы каждая сторона обязана приводить только *своихъ* свидѣтелей, а не свидѣтелей противной стороны, и потому самъ уже съѣздъ обязанъ вызывать этихъ послѣднихъ свидѣтелей, не согласуется съ возможностію въ дѣйствительности такихъ фактовъ, что апелляторъ приведетъ на судъ *чужаго* свидѣтеля, т. е. свидѣтеля противной ему стороны, когда, напримѣръ, показаніе его у мир. судьи записано въ протоколѣ съ опущеніемъ обстоятельствъ, могущихъ, по мнѣнію приведшаго, служить къ его пользѣ, и не приведетъ свидѣтеля *своего,* по нездоровью ли его въ данную минуту, по нежеланію ли его отправиться на съѣздъ вслѣдствіе происшедшей между нимъ и апелляторомъ во время, послѣдовавшее за первоначальнымъ разбирательствомъ, ссоры, или по другимъ какимъ либо причинамъ. Спрашивается: обязанъ ли въ этомъ случаѣ съѣздъ ограничиться допросомъ *приведеннаго* свидѣтеля *противной* стороны и отказать апеллятору въ *вызовѣ его* свидѣтеля, можетъ быть тоже, по протоколу судьи, не показавшаго всего, что̀ ему по дѣлу извѣстно? Гдѣ-жъ тогда сенатское основаніе дѣленія обязанностей между апеллятороmъ и съѣздомъ по приглашенію свидѣтелей въ судъ для допроса?!

Затѣмъ, 159 ст. говоритъ только о представленіи сторонами *своихъ доказательствъ*, но не говоритъ собственно о приводѣ *своихъ*

свидѣтелей. Доказательства же могутъ быть и помимо свидѣтелей; теоретическія соображенія, основанныя на какихъ либо фактахъ «осмотра, изслѣдованія или оцѣнки», кромѣ свидѣтельскихъ показаній, и представляемыя стороною на судѣ въ защиту своихъ интересовъ, суть тоже *ея* доказательства. Въ сущности, такая подробность въ законѣ, какъ опредѣленіе доказательствъ *своими*, могла бы быть сочтена излишнею, такъ какъ и по идеѣ закона, и по простому здравому смыслу ни одна сторона на судѣ не представляетъ *чужихъ* доказательствъ, если бы выраженіе—«свои доказательства»—не слѣдовало понимать, грамматически распространительнымъ способомъ, въ смыслѣ «доказательствъ въ защиту *своихъ* правъ или интересовъ». Слѣдовательно, то соображеніе кассаціонной практики, что каждая сторона обязана приводить только *своихъ* свидѣтелей, а не свидѣтелей противной стороны, какъ не вытекающее ни изъ буквы, ни изъ смысла 159 ст. у. у. с., не можетъ служить основаніемъ для провозглашаемаго и по сейчасъ тезиса, что мировой съѣздъ обязанъ вызывать только свидѣтелей, допрошенныхъ мировымъ судьею по требованію *противной* стороны. Притомъ, нужно замѣтить, самый этотъ тезисъ появился не въ началѣ кассаціонной практики, а только съ іюня 1867 г., со времени состоявшагося рѣшенія по дѣлу *Андозерской*—$^{67}/_{236}$, докладчикомъ по коему былъ сенаторъ П. А. Зубовъ. До этого же рѣшенія правительствующій сенатъ строго держался «точнаго» смысла 159 ст. у. у. с., по коему, на тогдашній взглядъ сената, вызовъ свидѣтелей, какъ *не бывшихъ* при первоначальномъ разбирательствѣ у мир. судьи, такъ и *допрошенныхъ* имъ, *но не представленныхъ самими сторонами въ съѣздъ* ко времени слушанія дѣла, «вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія съѣзда и потому не составляетъ для него дѣйствія обязательнаго» ($^{66}/_{9}$ Цыпленкова, $^{66}/_{80}$ Васильева и др., $^{66}/_{85}$ *Янькова*, $^{67}/_{25}$ Васильева, $^{67}/_{52}$ Егорова, и др.).

Мы не говоримъ уже о той непонятной части сенатскихъ мотивовъ при оставленіи кассаціонныхъ жалобъ безъ послѣдствій, по которой какъ «вызовъ для передопроса за присягою свидѣтелей, выставленныхъ *апелляторомъ*», такъ и «передопросъ свидѣтелей *противной* стороны, спрошенныхъ *подъ присягою* у мироваго судьи» не только «зависятъ отъ усмотрѣнія мироваго съѣзда», но и «необходимость» того или другаго передопроса или «отказъ» въ нихъ «не подлежатъ повѣркѣ» или «не могутъ быть повѣрены въ кассаціонномъ порядкѣ, безъ разсмотрѣнія дѣла въ существѣ» ($^{69}/_{702}$ Денисова, $^{72}/_{357}$ Весича). Если бы соображеніе это было вѣрно, то собственно и *всякое другое* «усмотрѣніе» съѣзда должно бы быть объ-

явлено *внѣ* кассаціоннаго контроля, тогда какъ, съ точки зрѣнія самаго правительственнаго сената, отъ него именно зависитъ «повѣрка въ кассаціонномъ порядкѣ» того, *правильно* ли допущено съѣздомъ «усмотрѣніе» по тому или другому вопросу, касающемуся вызова и допроса свидѣтелей, а слѣдовательно и по вопросу о вызовѣ для передопроса свидѣтелей апеллятора или свидѣтелей, присягавшихъ у судьи. Разъ сенатъ «можетъ повѣрять въ кассаціонномъ порядкѣ» правильность или неправильность отказа мироваго съѣзда въ вызовѣ для передопроса свидѣтелей, спрошенныхъ у мироваго судьи *безъ* присяги, или свидѣтелей *противной* стороны, то почему же онъ не можетъ повѣрять въ томъ же порядкѣ такихъ же дѣйствій съѣзда по отношенію свидѣтелей *апеллятора* или свидѣтелей, допрошенныхъ у судьи *подъ* присягою? Точно во всѣхъ этихъ случаяхъ не одна и та же точка зрѣнія, не одна контролирующая дѣятельность, одинаково не заходящая въ предѣлы существа дѣла!

За то въ другой части своего толкованія 159 ст. правительствующій сенатъ, расширивъ обязанность мироваго съѣзда не только допрашивать *приведенныхъ* сторонами свидѣтелей, но и *вызывать* для передопроса свидѣтелей, допрошенныхъ мировымъ судьею, по нашему крайнему разумѣнію, поступилъ вполнѣ сообразно съ требованіями жизни, такъ какъ со времени редактированія «Судебныхъ уставовъ Императора Александра II» воды утекло много, и то, что прежде предполагалось «сократить», «упростить», хотя и не «въ ущербъ правосудію», съ «разборомъ каждаго дѣла на словахъ, безъ письмоводства» и съ «краткими лишь отмѣтками въ протоколѣ для наблюденія и контроля за дѣйствіями мироваго судьи», чтобы «дѣла», не казавшіяся прежде «ни многосложными, ни запутанными», «не могли быть затягиваемы виновною стороною до безконечности»,—такъ что, напр., «вызовъ сторонъ и свидѣтелей по каждому дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію мироваго съѣзда, представлялся очень неудобнымъ»,—(Суд. уставы, изд. гос. канц., II, стр. 61, 62 и 80), то теперь почти неизбѣжно сдѣлалось, хотя и вопреки прекраснымъ желаніямъ интеллигенціи, гораздо сложнѣе, формальнѣе, а потому длиннѣе и медленнѣе; теперь не только вызовъ свидѣтелей въ большинствѣ съѣздовъ производится чуть не по каждому апелляціонному дѣлу, но и эксперты вызываются, и осмотры дѣлаются, и допросы свидѣтелей на мѣстѣ (въ другихъ судебныхъ округахъ) происходятъ—чаще, на основаніи 160 ст. уст. угол. суд. Причина этого усложненія судопроизводства въ мировыхъ установленіяхъ, на нашъ взглядъ, кроется главнѣйшимъ образомъ не въ отступленіи нашихъ мировыхъ судей «отъ идеала

истинныхъ хранителей мира» и пренебреженіи ихъ «житейскою правдою при рѣшеніи дѣлъ», не въ «формализмѣ» и «канцеляризмѣ» тѣхъ же судей, какъ любятъ выражаться люди, не дающіе себѣ труда вглядѣться поближе въ суть дѣла—такъ какъ *соблюденіе* извѣстныхъ *формъ* судопроизводства служитъ, напротивъ, даже наилучшею гарантіею правосудія, при чрезвычайно распространенной въ нашемъ обществѣ наклонности къ произволу и «личнымъ усмотрѣніямъ», при нашемъ эгоистическомъ и халатномъ отношеніи къ чужому положенію и «чужимъ правамъ», въ особенности служитъ такою гарантіею для подвергаемыхъ тяжкимъ наказаніямъ, въ видѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія,—а въ томъ, что сама современная жизнь, даже въ обыденныхъ отношеніяхъ, сдѣлалась сложнѣе,—экономическая зависимость при истощенности земли и безработицѣ сильнѣе,—условія происхожденія преступленій и проступковъ стали разнообразнѣе и обильнѣе—при слабой въ то же время способности индивидуальныхъ душевныхъ силъ, недостаточно увеличиваемой просвѣщеніемъ, противостоять усилившемуся и угнетающему соблазну какъ наличностію разуваевскихъ богатствъ, такъ и обильнымъ предложеніемъ жизненныхъ удовольствій и благъ, хотя въ большинствѣ и фальсифицированныхъ,—способы судебной защиты многостороннѣе и тоньше,—личная физическая свобода дороже (о нравственной говорить пока преждевременно), а между тѣмъ личная отвѣтственность виновныхъ, съ расширеніемъ юрисдикціи мировыхъ судей по самымъ важнымъ дѣламъ ихъ производства, стала въ полтора раза больше, матеріальныя же средства, для уплаты штрафовъ и причиненныхъ преступленіемъ или проступкомъ убытковъ, по крайней мѣрѣ, во столько же скуднѣе... Не только обществу, не только «субъектамъ» преступленій,—самимъ судьямъ, когда они не сидятъ въ какихъ либо трущобахъ, тѣ показанія, которыя угрожаютъ виновному тюремнымъ заключеніемъ, если только онъ не отчаянный рецидивистъ и не конокрадъ по ремеслу, представляются теперь гораздо болѣе чувствительными и тяжелыми, чѣмъ они казались при установленіи ихъ знаменитымъ редакторамъ «судебныхъ уставовъ» и ихъ современникамъ, тотчасъ же послѣ перехода къ нимъ отъ страшной волокиты и «неправды черной» старыхъ судовъ [5]). А самая, проникающая нынче глубже въ сердце общественное, чувствительность, въ свою очередь, объясняется—конечно, не «развращенностію современныхъ нравовъ», которую можно будто бы уничтожить только «твердою властію» и «палкою», не «распущенностію судей»—якобы потатчиковъ преступленіямъ, какъ спѣшатъ съ своими заключеніями господа, не отвыкшіе отъ привычекъ

рабства стараго и готовые присягнуть новому въ какомъ бы то ни было видѣ,—даже не «нервностію людей настоящаго вѣка», которая сама есть слѣдствіе другихъ причинъ, а единственно и исключительно, по нашему мнѣнію, гуманнѣйшими теченіями времени, которыя, можетъ быть, непонятны для невдумывающихся всесторонне въ жизнь поклонниковъ и пропагандистовъ, если угодно, «диктатуры безсердечія» и «безправнаго порядка», но болѣе или менѣе очевидны для спокойныхъ, безпристрастныхъ наблюдателей вѣка, и которыя не только не опровергаются ужасающими общество фактами всплывающихъ иногда наружу отдѣльныхъ звѣрскихъ преступленій, а скорѣе ими подтверждаются. Гуманизмъ—это своего рода *гольфштремъ* второй половины XIX столѣтія, чего не хотятъ видѣть только притворные слѣпцы,—гольфштремъ, котораго нельзя ни «окоротить», ни тѣмъ болѣе уничтожить... Вотъ почему, между прочимъ, еще въ 70-тыхъ годахъ, когда министерство юстиціи запросило отъ лицъ судебнаго вѣдомства практическихъ замѣчаній на примѣненіе къ жизни «судебныхъ уставовъ 1864 года», многіе судебные дѣятели, не исключая и прокуратуры, а въ особенности предсѣдатели различныхъ мировыхъ съѣздовъ, въ числѣ другихъ замѣчаній, указывали и на необходимость предоставленія мировымъ судьямъ права *понижать* въ иныхъ случаяхъ наказаніе за кражи и другіе облагаемые тюремнымъ заключеніемъ проступки *до 2-недѣльнаго ареста*, посредствомъ установленія въ законѣ до этого предѣла minimum'а наказанія и легальнаго признанія, соотвѣтственно дѣйствительности, возможности совершенія кражъ *по легкомыслію* одинаково съ легкомысленными растратами [6]), и вотъ почему многолѣтняя судебная практика убѣдила и насъ лично, что уставъ уголовнаго судопроизводства въ той его части, которая предназначена для мировыхъ установленій и разсчитана была первоначально на упрощенное и сокращенное судопроизводство, оказался на практикѣ, какъ мы уже и сказали раньше, несогласованнымъ съ матеріальнымъ правомъ устава о наказаніяхъ [7]).

Такимъ образомъ, въ итогѣ и однихъ только что указанныхъ фактовъ становится уже понятнымъ, почему кассаціонный сенатъ, развивая начала, положенныя въ основу уголовнаго судопроизводства на мировомъ съѣздѣ 159-ою ст., призналъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже *обязательность вызова* свидѣтелей, допрошенныхъ мировымъ судьею. Но дѣйствительная жизнь съ ея справедливыми требованіями повела судебную практику еще дальше: лучше другихъ составленные мировые съѣзды вообще рѣдко пользуются тѣми правами, которыя предоставляетъ имъ, которыми вооружаетъ ихъ сенатъ, освобождая ихъ

отъ обязанности вызова тѣхъ или другихъ свидѣтелей, въ томъ или другомъ случаѣ, якобы для устраненія сутяжничества сторонъ и ускоренія дѣлопроизводства (а слѣдовательно, съ другой, выше приведенной нами точки зрѣнія, и для уничтоженія излишняго *формализма*, для *сокращенности и упрощенности* производства), — и тѣмъ не менѣе судопроизводство въ этихъ съѣздахъ идетъ гораздо успѣшнѣе, справедливѣе и человѣчнѣе, чѣмъ въ тѣхъ съѣздахъ, которые не прочь отказывать сторонамъ въ допросѣ какихъ бы то ни было свидѣтелей, лишь бы удалось имъ найти для сего подходящія рѣшенія въ кассаціонной практикѣ, а то и безъ всякихъ подходящихъ рѣшеній. Въ частности, судебная практика показываетъ, что большая часть мировыхъ съѣздовъ вызываетъ и допрашиваетъ всѣхъ свидѣтелей, какіе только были допрошены мировымъ судьею по требованію не одной, противной или не—противной стороны, но обѣихъ сторонъ, очень хорошо зная, что далеко не каждый участвующій въ дѣлѣ можетъ привести на съѣздъ своихъ свидѣтелей и что свидѣтели апеллятора могутъ иногда показать на съѣздѣ и то, чего совсѣмъ не было записано въ протоколѣ мироваго судьи—уже по тому одному, что на съѣздѣ, при участіи въ распросахъ свидѣтелей нѣсколькихъ членовъ его, въ томъ числѣ и товарища прокурора, каждое дѣло выясняется гораздо полнѣе и лучше, чѣмъ при разспросѣ ихъ однимъ мировымъ судьей, въ особенности же когда свидѣтели были допрошены въ отсутствіе апеллятора или другой стороны.

Остановившись далѣе почти исключительно на томъ мнѣніи, что ближайшая цѣль вызова въ съѣздъ допрошенныхъ мировымъ судьей свидѣтелей заключается въ *приводѣ* ихъ *къ присягѣ*, для *подтвержденія* первоначальныхъ ихъ показаній, данныхъ въ первой инстанціи суда, а не въ разъясненіи вообще истины какъ присягающими, такъ и неприсягающими почему либо свидѣтелями, которые точно не могутъ показать чего нибудь *новаго*, не входящаго въ сферу предполагаемой цѣли подтвержденія, если по 98 ст. уст. угол. суд., они должны «*показанное*» у мироваго судьи «*подтвердить* подъ присягою», кассаціонный сенатъ, проводя послѣдовательно этотъ свой взглядъ, пришелъ неизбѣжно къ выводу, что разъ свидѣтели допрошены мировымъ судьей подъ присягою, или хотя безъ присяги, но по взаимному согласію сторонъ въ силу 97 ст. того же устава, или даже не могутъ быть вовсе спрошены подъ присягою на основаніи 95 ст. устава, то будто бы не предстоитъ надобности и совсѣмъ вызывать ихъ на съѣздъ. Но такой выводъ положительно опровергается сопоставленіемъ 95 и 97 ст. съ 159 и 163 ст., такъ какъ вторая

часть 163 ст. прямо говоритъ о допросѣ свидѣтелей на съѣздѣ и безъ присяги, тѣмъ болѣе, что въ уставѣ не существуетъ никакой другой статьи, которою бы воспрещалось свидѣтелей, допрошенныхъ мировымъ судьей безъ присяги, по взаимному согласію сторонъ, передопрашивать на съѣздѣ подъ присягою по требованію одной стороны, или которою бы, другими словами, узаконялось, что взаимное согласіе сторонъ на безприсяжное показаніе свидѣтеля у мироваго судьи лишало какую либо изъ нихъ права ходатайствовать передъ съѣздомъ о передопросѣ того же самаго свидѣтеля подъ присягою, и такъ какъ сила 163 ст., по которой только свидѣтели, приведенные къ присягѣ у мироваго судьи, вновь не присягаютъ на съѣздѣ, очевидно, *не* можетъ быть распространяема на свидѣтелей, дававшихъ безприсяжныя показанія мировому судьѣ, по взаимному согласію сторонъ. И самая 159 ст. не воспрещаетъ ни приводить на съѣздъ, ни ходатайствовать о вызовѣ на оный свидѣтелей, какъ присягавшихъ у мироваго судьи, такъ и неприсягавшихъ у него по взаимному согласію сторонъ, или совсѣмъ не могущихъ присягать. Впрочемъ, какъ видно изъ представленныхъ нами кассаціонныхъ тезисовъ 5 разряда, самъ правительствующій сенатъ въ другихъ своихъ рѣшеніяхъ отступилъ отъ провозглашенныхъ имъ началъ—недопроса свидѣтелей, присягавшихъ у мироваго судьи или неприсягавшихъ у него по взаимному согласію сторонъ, и пришелъ къ прямо противоположнымъ выводамъ, помимо даже столь существенныхъ поводовъ, какъ усмотрѣніе въ первоначальномъ свидѣтельскомъ показаніи «неясности, сбивчивости или неполноты».

Не менѣе условны и не согласуются съ требованіями жизни и тѣ сенатскія рѣшенія, по коимъ мировые съѣзды освобождаются отъ обязанности вызывать и передопрашивать свидѣтелей, допрошенныхъ мировымъ судьею, если эти свидѣтели *не поименованы* въ апелляціи, какъ-будто достойно новаго дѣйствующаго не по буквѣ, а «по убѣжденію совѣсти» суда придираться къ такому неважному въ существѣ, мелочному обстоятельству, какъ *непоименованіе* въ апелляціи хорошо *извѣстныхъ* уже изъ дѣла допрошенныхъ мировымъ судьей свидѣтелей. Впрочемъ, кассаціонный сенатъ, какъ мы уже видѣли, не остался послѣдовательнымъ и въ этомъ своемъ взглядѣ, такъ какъ въ другихъ рѣшеніяхъ онъ высказался за допросъ свидѣтелей во всякомъ случаѣ *противной* стороны, несмотря на то, что и они въ *общемъ* требованіи апеллятора о передопросѣ всѣхъ свидѣтелей, указанныхъ сторонами и допрошенныхъ мировымъ судьею, точно также не были поименованы.

Что касается вопроса объ умѣстности и справедливости со стороны мироваго съѣзда ожидать отъ апеллятора *настоянія* въ самомъ засѣданіи на вызовѣ свидѣтелей, допрошенныхъ мировымъ судьею по указанію противной стороны, о чемъ было уже говорено нами раньше, то по вопросу этому, къ удовольствію апелляторовъ, состоялось, наконецъ, въ 1888 году рѣшеніе правительствующаго сената, вполнѣ благопріятное для апелляціонныхъ правъ. Именно по дѣлу *Дорофѣева* и *Трухачева*, обв. по 172 ст. уст. о нак. (копію резолюціи по коему оберъ-прокуроръ угол. кассац. департамента А. Ф. Кони нашелъ полезнымъ разослать предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ *немедленно*), правительственнымъ сенатомъ признано, что

«хотя сенатъ въ нѣкоторыхъ изъ рѣшеній своихъ и допускаетъ возможность *не* отмѣнять приговоровъ съѣздовъ, за нарушеніемъ ими 159 ст. у. у. с. (т. е. вслѣдствіе отказа въ вызовѣ свидѣтелей, спрошенныхъ у мир. судьи не по ссылкѣ на нихъ апелляторовъ), при условіи *отсутствія настоянія* на отсрочкѣ засѣданія для этого вызова со стороны присутствующихъ въ засѣданіи лицъ, ходатайствовавшихъ о вызовѣ свидѣтелей, но такія *исключенія* изъ общаго правила, имѣющія въ виду *молчаливое согласіе* заинтересованныхъ сторонъ, не могутъ служить къ отмѣнѣ общаго положенія, установленнаго 159 ст. у. у. с. и неоднократными разъясненіями правител. сената (р. угол. касс. деп. 1868 г., №№ 508, 912; 1869 г., №№ 239, 109 и др.). Отсутствіе настоянія сторонъ во время засѣданія на отсрочкѣ таковаго для вызова свидѣтелей, о вызовѣ коихъ онѣ ранѣе ходатайствовали, можетъ служить поводомъ къ неотмѣнѣ приговора, за нарушеніемъ 159 ст. у. у. с. (всетаки *неотмѣна*, несмотря на *нарушеніе* закона!), но не можетъ служить для съѣзда *оправданіемъ* въ неисполненіи законнаго ходатайства апеллятора о вызовѣ свидѣтелей. Съ другой стороны, *выжиданіе* со стороны судебнаго мѣста, послѣдуетъ-ли или нѣтъ въ засѣданіи съѣзда настояніе со стороны заинтересованныхъ въ вызовѣ свидѣтелей лицъ объ отсрочкѣ засѣданія для таковаго вызова, является причиною *неразсмотрѣнія своевременнаго* ходатайства сторонъ, *несовмѣстимою ни съ обязанностями судьи, ни съ достоинствомъ судебнаго мѣста*».

Изъ резолюціи этой видно, что правительствующій сенатъ, отмѣняя приговоръ мироваго съѣзда по жалобѣ подсудимыхъ, руководствовался главнымъ образомъ тѣмъ, что выжиданіе со стороны съѣзда ходатайства на судѣ обвиняемыхъ объ отсрочкѣ засѣданія для вызова свидѣтелей, спрошенныхъ по требованію противной стороны, послужило причиною неразсмотрѣнія этого своевременнаго ходатайства, недостойною суда; но и въ этой резолюціи, въ предыдущихъ окончательному выводу соображеніяхъ замѣчается нѣкоторая довольно существенная неясность. Какъ это: «отсутствіе настоянія сторонъ

во время засѣданія на отсрочкѣ таковаго для вызова свидѣтелей, о вызовѣ коихъ онѣ ранѣе ходатайствовали, *можетъ* служить поводомъ къ *неотмѣнѣ* приговора, за *нарушеніемъ* 159 ст. уст. уг. с.»—и, въ тоже время, оно «*не можетъ* служить для съѣзда *оправданіемъ* въ неисполненіи *законнаго* ходатайства апеллятора о вызовѣ свидѣтелей»? или другими словами: можно нарушать законъ, не опасаясь отмѣны приговора, коимъ законъ нарушенъ—и рядомъ съ этимъ не имѣть оправданія за неисполненіе законнаго требованія апеллятора?! Новое недоумѣніе: если правительствующій сенатъ «въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ допускаетъ возможность, какъ «*исключеніе* изъ *общаго* правила», *не* отмѣнять приговоровъ съѣздовъ, при условіи отсутствія настоянія на отсрочкѣ засѣданія для вызоза свидѣтелей со стороны присутствующихъ въ засѣданіи лицъ, ходатайствовавшихъ ранѣе объ этомъ вызовѣ», то спрашивается, какимъ образомъ руководимымъ судамъ понять, *какое* рѣшеніе кассаціоннаго сената составляетъ *исключеніе* изъ общаго правила и *какое* отвѣчаетъ этому *общему* правилу, когда, какъ мы видѣли, одни рѣшенія его признаютъ *обязательнымъ* для съѣзда удовлетвореніе ходатайства обвиняемыхъ о вызовѣ свидѣтелей, спрошенныхъ у мироваго судьи не по ссылкѣ на нихъ апелляторовъ, а другія—*необязательнымъ*, при существованіи лишь той или другой весьма неважной случайности или условности? Или въ этихъ случайностяхъ и условностяхъ и заключается вся сила, для того чтобы перемѣнить фронтъ, чтобы изъ общаго правила сдѣлать исключеніе? Смѣемъ думать, что въ такой системѣ воззрѣній есть что-то неладное, не отвѣчающее задачамъ высшаго правосудія, коль скоро она поступается ими ради мелочей, почти равносильныхъ «побочнымъ обстоятельствамъ».

Тѣмъ не менѣе изложенная сейчасъ резолюція правительствующаго сената вообще полезна въ томъ отношеніи, что устраняетъ собою самое главное недоразумѣніе, имѣвшее мѣсто раньше, а именно—что *прежде*, чѣмъ апелляторъ въ засѣданіи съѣзда безмолвно подчинится разбору дѣла безъ допроса указанныхъ имъ въ апелляціи свидѣтелей, допросъ которыхъ, какъ свидѣтелей противной стороны, по объясняемому теперь общему правилу сенатской практики, для съѣзда обязателенъ, съѣздъ *обязанъ* уже *вызвать* этихъ свидѣтелей въ засѣданіе и вызванныхъ допросить, не дожидаясь какого-то еще новаго настоянія со стороны апеллятора на этомъ вызовѣ и допросѣ. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, съѣзду нужно сперва назначить засѣданіе для того, чтобы видѣть, возобновитъ ли апелляторъ свое ходатайство о вызовѣ свидѣтелей, указанныхъ уже въ апелляціонномъ отзывѣ, и только

тогда, когда послѣдуетъ *новая* изустная просьба въ дополненіе къ письменной, вызывать и допрашивать этихъ свидѣтелей! При такомъ нынѣ скорѣе отмѣняемомъ, чѣмъ поддерживаемомъ, порядкѣ, такъ какъ приведенная резолюція сената по д. Дорофеева и Трухачева далеко еще не категоричная, позволительно спросить: гдѣ, въ какихъ узаконеніяхъ говорится, что для удовлетворенія ходатайства просителя нужна не единичная, а *повторенная* просьба?! И не значитъ ли эта до нѣкоторой степени рекомендованная съѣздамъ процедура—*освящать* всякій post-factum, всякое послѣдующее дѣйствіе, какъ бы оно ни было незаконно само по себѣ и изъ какого предшествовавшаго противозаконнаго акта оно ни вытекало? Ужели и въ юриспруденціи поговорка дѣльцовъ—«успѣхъ примиряетъ съ собою всѣхъ»—составляетъ не послѣднее начало!...

Насколько, однако, вообще недостаточно выдержана, мало вѣрна себѣ общая идея или, какъ говоритъ правительствующій сенатъ, «общее правило», «общее положеніе» данной категоріи его рѣшеній, что «ходатайство въ апелляціи о вызовѣ свидѣтелей, спрошенныхъ у мироваго судьи не по ссылкѣ на нихъ апеллятора, а по требованію противной стороны, обязательно для съѣзда», — это, помимо приведенныхъ выше почти прямо противоположныхъ тезисовъ въ другихъ рѣшеніяхъ сената, можно отчасти прослѣдить и по тѣмъ его рѣшеніямъ, гдѣ апелляторомъ является не обвиняемый, мировымъ судьею оправданный, а обвинитель, и гдѣ затѣмъ указывается на нарушенія мировымъ съѣздомъ интересовъ обвиняемаго, съѣздомъ осужденнаго, который посему и бываетъ поставленъ въ необходимость «подавать на кассацію». Такъ, въ рѣшеніи правительствующаго сенатн по дѣлу *Долгихъ*—обмѣръ при продажѣ вина, состоявшемся тоже за послѣднее время, именно 14 января 1888 года (д. Бобровскаго мироваго съѣзда), между прочимъ, выражено, что съѣздъ не нарушилъ 159 ст. уст. уг. с. тѣмъ, что, постановивъ вызвать *всѣхъ* свидѣтелей, рѣшилъ дѣло безъ допроса двухъ неявившихся изъ числа ихъ, такъ какъ они вызывались по требованію *противной* стороны, т. е. апеллятора-обвинителя (*907* и 118 ст. у. у. с.), и притомъ ни обвиняемый, ни его повѣренный *не заявляли* съѣзду о *необходимости* допроса этихъ свидѣтелей (рѣш. у. к. д. 1873 г., № 101). Слѣдовательно, по этому рѣшенію, свидѣтели «противной» стороны имѣютъ совсѣмъ другое значеніе для не-апеллятора, чѣмъ какое имѣютъ они для апеллятора: тогда какъ при ходатайствѣ апеллятора о допросѣ такихъ свидѣтелей мировой съѣздъ обязанъ, по общему правилу, вызвать и допросить ихъ,—такую же просьбу не-апеллятора, хотя бы обвине-

ніе грозило ему тяжкимъ наказаніемъ, съѣздъ въ правѣ оставить безъ уваженія—даже тогда, когда имѣетъ въ виду впервые осудить его къ этому наказанію. Здѣсь же, въ этомъ же рѣшеніи, правительствующаго сената въ вину обвиняемому—*кассатору*, *оправданному* мировымъ судьею и *осужденному* съѣздомъ, ставится уже не то, что онъ просилъ вторично вызвать для допроса *своихъ* свидѣтелей, не приведя ихъ съ собою, а именно то, что онъ ходатайствовалъ о вызовѣ свидѣтелей *противной* стороны, о допросѣ которыхъ онъ не могъ ходатайствовать въ апелляціи, не подавая ея, какъ оправданный мировымъ судьею.... И такое превращеніе свидѣтелей одного и того же рода, т. е. свидѣтелей «противной» стороны, изъ многозначущихъ въ процессуальномъ отношеніи въ неимѣющихъ этого значенія, правительствующій сенатъ основываетъ, по непонятнымъ причинамъ, на *907* ст. уст. угол. суд., такъ какъ эта статья могла бы быть примѣнена къ данному случаю только при условіи *утвержденія* мировымъ съѣздомъ оправдательнаго приговора мироваго судьи, между тѣмъ какъ съѣздъ, напротивъ, приговоръ мироваго судьи въ разбираемомъ дѣлѣ отмѣнилъ и подсудимаго обвинилъ...

Очень можетъ быть, что кассаціонные тезисы, оспариваемые нами съ общей практической стороны, въ нѣкоторыхъ, конкретныхъ случаяхъ и могли имѣть внутреннюю правду за себя, но, очевидно, такая сообразность ихъ съ требованіями жизни, или, точнѣе, непротиворѣчіе ихъ этимъ требованіямъ, въ сихъ случаяхъ зависѣло не отъ чего другаго, какъ именно отъ рода дѣлъ, къ которымъ случаи эти причислялись и причисляются. Ибо то, что необходимо, что составляетъ существенную гарантію правосудія въ дѣлахъ высшаго порядка, гдѣ во имя закона кара за проступки упадаетъ на высшія, личныя блага человѣка—свободу, душевное спокойствіе и счастіе, а иногда и самое здоровье, подрываемое тюремными порядками въ корнѣ, даже до потери надежды на выздоровленіе,-то по праву можетъ считаться излишнимъ, роскошью въ дѣлахъ низшаго порядка, гдѣ сталкиваются между собою интересы мелочные, едва не ничтожные, относящіеся прямо къ области почти повседневной человѣческой суеты, въ полномъ смыслѣ этого слова. Къ дѣламъ этого послѣдняго порядка и къ разсчетамъ на предоставленіе имъ одинаковыхъ съ дѣлами высшаго порядка гарантій при отправленіи правосудія, по справедливости, могло бы быть примѣнимо извѣстное латинское изреченіе: quod licet Jovi, non licet bovi. По нашему крайнему разумѣнію, только этимъ путемъ разграниченія дѣлъ по ихъ роду или значенію въ жизни и можетъ быть достигнута современемъ та «*внутренняя* цѣль кас-

саціи—*водвореніе правды* и *животвореніе* закона, дающаго ей внѣшнюю форму», которую прежде всего имѣлъ въ виду и самъ законодатель при учрежденіи кассаціи. По мысли его, изложенной въ мотивахъ къ 174 ст. уст. угол. суд., изд. госуд. канц., подъ этимъ «водвореніемъ правды» нельзя разумѣть только достиженіе, посредствомъ «опредѣленія формъ и обрядовъ судопроизводства» — этой внѣшней цѣли кассаціи», — «*неукоснительнаго* и *единообразнаго* исполненія закона на всемъ пространствѣ единаго государства», чтобы тѣмъ «оживотворить» законъ,—такъ какъ это только одна сторона внутренней цѣли кассаціи, и такъ какъ за «неукоснительностію» и «единообразіемъ» исполненія закона можетъ легко укрыться и водвориться, вмѣсто «правды», и «неправда»,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшимъ образомъ и «*ограждение* правды» отъ «*несправедливыхъ* рѣшеній», хотя, по словамъ законодателя, «*отвратить* случаи *такихъ* рѣшеній опредѣленными въ законѣ формами и обрядами судопроизводства, предписанными въ *неуклонное руководство* какъ судей и сторонъ, такъ и *кассаціонной инстанціи*, невозможно», ибо «даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законы гражданскаго и уголовнаго права развиты и *согласны съ общими потребностями* (т. е. съ правдою жизни) болѣе чѣмъ у насъ, признано невозможнымъ означить въ законѣ съ точностію всѣ случаи кассаціи рѣшеній» (Судеб. уст. изд. гос. канц., II, 84). Отказавшись поэтому отъ «полнаго и точнаго опредѣленія явнаго нарушенія законовъ» и таковаго же «исчисленія всѣхъ существенныхъ формъ судопроизводства», для «ограниченія случаевъ отмѣны уголовныхъ приговоровъ», тѣмъ болѣе, что «неполное и неточное повело бы къ развитію формализма въ однихъ случаяхъ на счетъ другихъ», что «постановленіе о поводахъ кассаціи подробныхъ правилъ, для которыхъ въ прежней судебной практикѣ не было никакихъ данныхъ», и «которыя, по необходимости, должны были быть построены или на однихъ умозрѣніяхъ, или на чужеземной практикѣ», могло бы повести къ опаснымъ ошибкамъ—или къ «стѣсненію правосудія, или къ умноженію, безъ всякой пользы, числа кассаціонныхъ дѣлъ»,—составители судебныхъ уставовъ признали нужнымъ удержать въ ст. 174 и 912 уст. угол. суд. «лишь общія выраженія закона о случаяхъ кассаціи рѣшеній» или тѣ «коренныя правила, которыя указаны въ ст. 104 основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства», въ намѣреніи — по «предоставленіи правительствующему сенату «нѣкотораго простора» въ практическомъ примѣненіи этихъ правилъ» и по «разработкѣ этого вопроса судебною практикою, *согласно съ потребностями и условіями русскаго юридическаго*

быта»,—«развить» затѣмъ упомянутыя правила «и законодательнымъ путемъ», на основаніи ожидавшихся со временемъ достаточныхъ матеріаловъ, причемъ, опять-таки, составители уставовъ преслѣдовали во всемъ этомъ одну только цѣль — «*оградить* означенными формами *право судебной защиты*», а не тѣ или другія удобства судебныхъ мѣстъ, и предотвратить развитіемъ формализма «*возможность прикрывать формою всякую неправду*» (тамъ же, II, 86, 331 и 332). Не ясно ли, что законодатель учрежденіемъ кассаціи и начертаніемъ только въ общемъ видѣ условій ея вовсе не имѣлъ въ виду достигнуть возможнаго ограниченія случаевъ отмѣны приговоровъ посредствомъ *ограниченія* правъ судебной защиты вообще, и слѣдовательно, апелляціонныхъ—въ частности, а напротивъ того стремился, предоставивъ правительствующему сенату нѣкоторую свободу въ установленіи или выработкѣ болѣе подробныхъ правилъ и условій кассаціи рѣшеній, по возможности охранить, обезпечить или, что тоже, «оградить» самую защиту апелляціоннаго и всякаго инаго права. Въ преслѣдованіи этой именно цѣли, составители судебныхъ уставовъ намѣтили было 23 случая нарушенія формъ и обрядовъ судопроизводства, которые могли бы служить поводами къ отмѣнѣ приговоровъ, постановленныхъ съ тѣмъ или другимъ нарушеніемъ, но поименованіе этихъ случаевъ, признанное недостаточно «опредѣлительнымъ и точнымъ» (тамъ же, стр. 330—332), нимало не напоминаетъ собою тѣхъ крайне случайныхъ, до мелочности разработанныхъ и потому кажущихся придирчивыми положеній, которыя, какъ мы видѣли, устанавливаются кассаціоннымъ сенатомъ и которыя къ тому же оказались полными взаимныхъ противорѣчій и существенныхъ разнорѣчій. Мало того. Самая выработка сенатомъ «дробныхъ» кассаціонныхъ правилъ или тезисовъ, направленная, повидимому къ ограниченію случаевъ отмѣны приговоровъ, можетъ, на самомъ дѣлѣ, въ дальнѣйшей кассаціонной практикѣ, вслѣдствіе отсутствія единства въ ея направленіи благодаря крайнему разнообразію судебныхъ казусовъ и субъективности взглядовъ ея рабочихъ силъ, повести какъ-разъ къ обратному результату, имѣвшемуся въ виду и законодателемъ, именно—къ *увеличенію*, а не къ «ограниченію» этихъ случаевъ, не говоря уже о томъ, что, какъ было доказываемо нами выше, достиженіе этого ограниченія совсѣмъ не предполагалось законодателемъ на счетъ апелляціоннаго права.

Итакъ, теперь, кажется, можно уже съ полною увѣренностію сказать, что мы не впали въ грубую ошибку, когда къ кассаціонной практикѣ предъявили требованіе, чтобы, при установленіи своихъ кассаціонныхъ положеній, она руководилась не логическими отвле-

ченностями, вытягиваемыми, притомъ не всегда послѣдовательно, одна изъ другой, а стучащими въ дверь правосудія потребностями живой дѣйствительности, и чтобы до времени законодательнаго вмѣшательства, т. е. «развитія кассаціонныхъ правилъ законодательнымъ путемъ», она была направляема, даже и для собственнаго облегченія чрезъ уменьшеніе случаевъ отмѣны приговоровъ, не къ ограниченію или стѣсненію, а къ возможной охранѣ апелляціоннаго права, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ, имѣющимъ наиболѣе важное значеніе для жизни вообще, и для подсудимыхъ въ частности—коль скоро и самъ законодатель, учреждая высшую кассаціонную инстанцію, имѣлъ въ виду предоставить нашей судебной практикѣ, въ томъ числѣ и самой кассаціонной, разработать вопросъ о «примѣненіи общихъ выраженій закона о кассаціи рѣшеній въ случаяхъ, истекающихъ изъ самой жизни», «*согласно съ потребностями и условіями русскаго юридическаго быта*».

IX.

Столь же разнорѣчивою и противорѣчивою оказывается кассаціонная практика и по вопросу о *допросѣ* свидѣтелей, *приведенныхъ* въ мировой съѣздъ сторонами.

Такъ, въ однихъ своихъ рѣшеніяхъ кассаціонный сенатъ признаетъ, что съѣздъ безусловно *обязанъ* передопросить и допросить, въ случаѣ привода:

а) *всѣхъ* вообще *свидѣтелей*, какъ разсмотрѣть и *всякаго* рода *доказательства*, *какою бы стороною* они ни были представлены,—подавшею ли отзывъ на приговоръ мир. судьи или не подавшею его, и въ какомъ бы отношеніи они ни стояли къ дѣлу—*новыми* ли, или уже бывшими при разбирательствѣ въ первой инстанціи, такъ какъ, по «точному» смыслу 159 ст. у. у. с., «отъ усмотрѣнія съѣзда зависитъ только *вызовъ* или *невызовъ* тѣхъ свидѣтелей, на коихъ стороны указываютъ въ своихъ жалобахъ и которые *не* были *представлены* ко времени слушанія дѣла», и такъ какъ «буквальный смыслъ той же статьи», въ соединеніи съ 156 и 168 ст. у. у. с., «не даетъ нисколько повода предполагать, что право представлять доказательства и приводить свидѣтелей на съѣздъ принадлежитъ только тому, по апелляціонной жалобѣ коего дѣло разсматривается во второй инстанціи», или, другими словами, чтобы «*воспрещалось*, при разсмотрѣніи дѣла въ мировомъ съѣздѣ апелляціоннымъ порядкомъ, *являться обѣимъ сторонамъ*, слѣдовательно, и *неподавшей* отзыва,

и *представлять* признаваемыя ими *необходимыми* доказательства» ($^{67}/_{445}$ *Овсянниковыхъ* — кража, $^{68}/_{371}$ *Попова* — кража, $^{70}/_{1141}$ *Брумера и Ларера*, $^{71}/_{1499}$ *Сидорова* — мошенничество, $^{72}/_{333}$ Пятака и Краснова, обв. по 131, 135 и 136 ст. у. о н., $^{77}/_{7}$ Цариковыхъ—засореніе рѣки и др.);

б) въ частности свидѣтелей, *допрошенныхъ* мир. судьею, такъ какъ «статья 159 у. у. с. не предоставляетъ съѣзду ни въ какомъ случаѣ права оставлять безъ допроса свидѣтеля, приведеннаго одною изъ сторонъ въ мировой съѣздъ, если этотъ свидѣтель былъ при первоначальномъ разбирательствѣ дѣла», или, что то же, «право апеллятора просить о передопросѣ на мировомъ съѣздѣ свидѣтелей, допрошенныхъ мир. судьею, по закону (уст. угол. суд., ст. 98, 159 и 163) не поставлено въ зависимость отъ соображенія съѣзда о необходимости или безполезности такого передопроса, коль скоро свидѣтели представлены апеллятором» ($^{67}/_{515}$ Чернышева—нанесеніе побоевъ, $^{68}/_{74}$ *Евграфова* — нарушеніе общественной тишины и обида, $^{68}/_{738}$ Козлова и Жимарева—самоуправство, $^{68}/_{840}$ Часнокова обв. по 115 и 173 ст. у. о н., $^{68}/_{903}$ Венцковскаго — обида, $^{70}/_{506}$ *Сергѣевой*—обида, $^{71}/_{529}$ Васильева—обв. неизв., $^{72}/_{9}$ Мухиной—клевета);

в) свидѣтелей, хотя мир. судьею не допрошенныхъ, но *указанныхъ* ему своевременно какъ апеллятором, такъ и не апеллятором, если послѣдній, будучи обвиняемымъ, оправданъ мир. судьею, ибо, во-первыхъ, «убѣжденіе судей должно быть основано на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при разбирательствѣ (ст. 119), т. е. по разсмотрѣніи *всѣхъ* доказательствъ, на представленіе которыхъ стороны имѣютъ право» ($^{68}/_{596}$ Сергѣева—наруш. пит. уст.) и во-вторыхъ, обвиняемый, «оправданный приговоромъ судьи, не имѣетъ повода къ принесенію отзыва на оный», а, слѣдовательно, и на невызовъ мир. судьею указанныхъ ему при разбирательствѣ свидѣтелей, «между тѣмъ какъ обвиненіе его приговоромъ съѣзда не могло послѣдовать безъ выслушанія свидѣтелей, на коихъ онъ указывалъ въ свое оправданіе», по силѣ 92 ст. устава ($^{70}/_{1517}$ Татарскихъ—сплавъ лѣсныхъ издѣлій безъ билета);

г) свидѣтелей, которые хотя *не были указаны* при разбирательствѣ дѣла у мир. судьи, а выставлены лишь *въ апелляціонномъ отзывѣ*, такъ какъ «одно неуказаніе на свидѣтелей при первоначальномъ разбирательствѣ дѣла не можетъ служить основаніемъ къ отказу въ допросѣ, если свидѣтели представлены въ съѣздъ» ($^{70}/_{790}$ Черкасова, обв. по 115 ст. у. о н.), и такъ какъ «право, предоставленное съѣзду ст. 159, постановленною въ тѣхъ видахъ, чтобы не задержи-

вать рѣшенія дѣла во 2-й инстанціи вызовомъ свидѣтелей, которыхъ сторона не озаботилась указать мировому судьѣ, ни лично представить на съѣздъ, не распространяется на тѣ случаи, когда допросъ ихъ не имѣетъ послѣдствіемъ *остановку* дѣлопроизводства въ съѣздѣ, т. е. когда они будутъ находиться на лицо въ день разбирательства въ оном дѣла» ($^{68}/_{412}$ Бейкина);

почему *отказъ* въ допросѣ всѣхъ *такихъ* свидѣтелей составляетъ *существенное нарушеніе* формъ судопроизводства,

будетъ ли отказъ этотъ допущенъ *безъ постановленія* или *безъ всякаго объясненія въ протоколѣ причинъ его*, отсутствіе каковаго объясненія «устраняетъ возможность повѣрки, въ кассаціонномъ порядкѣ, правильности оставленія свидѣтеля безъ допроса, тогда какъ допросъ свидѣтелей принадлежитъ къ такимъ существеннымъ обрядамъ судопроизводства, нарушеніе коихъ влечетъ за собою отмѣну приговора» ($^{68}/_{2}$ *Красильниковой* — оскорбленіе, $^{68}/_{915}$ *Бѣлкина* — кража, $^{68}/_{916}$ Трубицына — кража, $^{69}/_{872}$ *Крючкова* — обманъ, $^{70}/_{1269}$ Шполей, обв. по 29 и 31 ст. у. о н., $^{71}/_{438}$ Чеботаря — участіе въ кражѣ, $^{72}/_{63}$ *Антонова*—продажа вина подъ закладъ, $^{72}/_{644}$ *Найдичъ*),

или отказъ будетъ основанъ на тѣхъ соображеніяхъ,

аа) что апелляторъ «*не указывалъ на приведенныхъ свидѣтелей мировому судьѣ*», а указалъ на нихъ въ первый разъ въ апелляціонномъ отзывѣ, такъ какъ «буквальный смыслъ 159 ст. у. у. с. показываетъ, что законъ разрѣшаетъ допрашивать на съѣздѣ и такихъ свидѣтелей, которые не были допрошены у мир. судьи въ тѣхъ случаяхъ, когда по уважительнымъ причинамъ они не могли явиться къ судьѣ», а «по точному смыслу той же статьи съѣздъ обязанъ въ подобныхъ случаяхъ войти въ обсужденіе» или «объяснить», «были ли, по «требованію» его, указаны какія либо уважительныя причины, которыя лишали возможности сторону, приведшую новыхъ свидѣтелей, сослаться на нихъ при разбирательствѣ дѣла мир. судьею», ибо «*только въ случаѣ признанія этихъ причинъ не уважительными*», и «*по какимъ именно основаніямъ*», или того, что апелляторъ «*имѣлъ возможность* указать на этихъ свидѣтелей мир. судьѣ, но не сдѣлалъ этого безъ всякихъ уважительныхъ причинъ», «съѣздъ имѣлъ бы право отказать въ спросѣ приведенныхъ свидѣтелей»; «неисполненіе же сего порядка лишаетъ возможности повѣрить въ кассаціонномъ порядкѣ правильность его постановленія по столь важному вопросу, какъ вопросъ объ устраненіи свидѣтеля» ($^{68}/_{71}$ *Зубкова* — нарушеніе общественной тишины, $^{68}/_{666}$ *Клодта* — оскорбленіе, $^{71}/_{128}$ *Емельянова и Крупина*—оскорбленіе лѣсообъѣздчика, $^{71}/_{440}$ *Файнбергової*—оскор-

бленіе, $^{72}/_{1023}$ *Басова и Зальсиной*, $^{73}/_{345}$ *Мушарябова*—кража, а также $^{68}/_{586}$ Морозова, $^{68}/_{741}$ Андреевой, $^{69}/_{1092}$ Бармина, $^{70}/_{218}$ Ермолаева, $^{70}/_{374}$ *Попова*, $^{70}/_{667}$ Левданской и др., $^{70}/_{789}$ Доронина, $^{70}/_{1200}$ Медвѣдева, $^{70}/_{1350}$ Дементьева, $^{71}/_{700}$ Паршина, $^{71}/_{1424}$ Ниденталя, $^{72}/_{266}$ Гурѣева, $^{72}/_{581}$ Гусина, $^{72}/_{836}$ Дулина);

бб) что «*сама сторона*, приведшая свидѣтелей, *не находила прежде нужнымъ ссылаться* на нихъ», не видя «въ ихъ показаніяхъ обстоятельствъ, ее *оправдывающихъ*», для чего «не упустила бы изъ виду указать на этихъ свидѣтелей при первоначальномъ разбирательствѣ», такъ какъ «показанія новыхъ свидѣтелей могутъ оказаться необходимыми для *опроверженія* такого довода, который не былъ выставленъ обвиненіемъ, но вошелъ въ приговоръ судьи; слѣдовательно, мировой съѣздъ, при разрѣшеніи просьбы о допросѣ новыхъ свидѣтелей, долженъ принять во вниманіе и *настоящее* положеніе дѣла» ($^{71}/_{1424}$ *Ниденталя*—возведеніе неправильной постройки, $^{68}/_{618}$ *Платонова*, обв. по 180 ст. у. о н.);

вв) что «*въ дѣлѣ есть достаточныя доказательства и улики къ обвиненію* подсудимыхъ», ибо, во-первыхъ, показанія свидѣтелей, приведенныхъ (какъ и неявившихся по вызову) и оставленныхъ безъ допроса, «могутъ *ослабить* или даже *совершенно уничтожить* силу представлявшихся доказательствъ, а во-вторыхъ, законъ не разрѣшаетъ судьямъ *устранять* отъ своего разсмотрѣнія, *по произволу*, доказательства, предъявленныя установленнымъ порядкомъ, а только предоставляетъ имъ опредѣлять, по своему убѣжденію, силу представленныхъ и собранныхъ доказательствъ» ($^{68}/_{250}$ Михайлова и Давыдова—кража);

гг) что показанія приведенныхъ свидѣтелей, «*въ виду другихъ доказательствъ*», по мнѣнію съѣзда, «не могутъ имѣть для дѣла *существеннаго* значенія», «существенной важности», «не могутъ почитаться *необходимыми* и существенными *для открытія истины*», «представляются *излишними*», касаются «*неважнаго* предмета дѣла, о которомъ они должны были свидѣтельствовать», или «не могутъ *больше уяснить* дѣла», «уже достаточно разъясненнаго», или «разъяснить *фактъ преступленія*», такъ какъ «*прежде* допроса свидѣтелей, *до* выслушанія ихъ, съѣздъ *не можетъ знать*» и потому «*не имѣетъ никакого права* входить въ обсужденіе того, *какія* показанія дадутъ приведенные свидѣтели, или *въ чемъ* они будутъ состоять и *какое* значеніе они будутъ имѣть для дѣла», «къ оправданію обвиняемаго», и такъ какъ, съ другой стороны, «мировыя установленія рѣшаютъ дѣла по внутреннему убѣжденію судей», которое «тогда

только можетъ имѣть законную силу, когда оно основано на *совокупности* обстоятельствъ, обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ (уст. угол. суд., ст. 119), т. е. при такомъ разбирательствѣ, при которомъ разсмотрѣны *всѣ* доказательства, на представленіе коихъ стороны имѣютъ право» ($^{67}/_{504}$ *Жиберляева*—продажа испортившихся съѣстныхъ припасовъ, $^{68}/_{488}$ Никаноровой—клевета, $^{68}/_{741}$ *Андреевой*—оскорбленіе, $^{68}/_{801}$ Протасьева, обвинителя—обманъ, $^{69}/_{500}$ Рыбакова, обв. по 39 ст. у. о н., $^{69}/_{1086}$ *Гуревича*—присвоеніе, $^{70}/_{790}$ *Черкасова*, обв. по 115 ст. у. о н., $^{70}/_{1315}$ Янкелевича — укрывательство краденаго, $^{71}/_{379}$ *Михайлова и Егорова* — кража, $^{71}/_{1447}$ *Плохотенкова* — оскорбленіе, $^{71}/_{1757}$ *Манусова*, $^{72}/_{267}$ Спасскаго, $^{72}/_{826}$ *Мышкова*—самоуправство, $^{72}/_{836}$ Дулина, обв. по 175 ст. у. о н., $^{72}/_{1023}$ *Басова и Залѣсина* — кража, $^{73}/_{626}$ *Гордійчука*—кража, $^{76}/_{116}$ Горбунова и Носкова, обвинителей—115 ст. у. о н.);

дд) что сторона, приведшая въ судъ новыхъ свидѣтелей, «не объяснила *въ апелляціонномъ отзывѣ* уважительныхъ причинъ», по коимъ не ссылалась на этихъ свидѣтелей при разбирательствѣ дѣла у мироваго судьи, такъ какъ «по смыслу рѣшеній» правительствующаго сената (1868 г., №№ 146 и 148) она «не была обязана этого дѣлать», а самъ съѣздъ обязанъ «требовать объясненія этихъ причинъ» въ засѣданіи своемъ, при слушаніи дѣла ($^{72}/_{372}$ Кондратьева—порубка лѣса);

ее) что, за *неявкою противной стороны* и невыслушаніемъ возможнаго съ ея стороны отвода, приведенный новый свидѣтель *не можетъ быть спрошенъ подъ присягою*, такъ какъ «нѣтъ закона, который поставлялъ бы допросъ свидѣтелей съѣздомъ въ зависимость отъ бытности на съѣздѣ той стороны, противъ которой свидѣтели выставлены», и такъ какъ «законъ (157 ст. у. у. с.), предоставляя сторонамъ явиться и не явиться ко времени разбирательства дѣла на съѣздѣ, положительно опредѣляетъ, что неприбытіе ихъ не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла, изъ чего очевидно, что неявившаяся сторона тѣмъ самымъ *добровольно лишаетъ себя* правъ, которыми она могла воспользоваться, если бы была на лицо» ($^{68}/_{282}$ Паникова — кража, $^{71}/_{908}$ Васильева, обвинителя — неосторожное обращеніе съ огнемъ);

жж) что приведенные сторонами свидѣтели были уже допрошены мир. судьею *подъ присягою*, такъ какъ «это обстоятельство могло служить основаніемъ лишь къ устраненію *вторичной* присяги и къ напоминанію о принятой прежде» ($^{69}/_{380}$ *Курбатова* — присвоеніе, $^{73}/_{849}$ Молостовскаго—обманъ), и такъ какъ отказъ въ допросѣ при-

веденныхъ свидѣтелей, потому что они были уже спрошены подъ присягою, составляетъ «явное нарушеніе 159 и 163 ст. у. у. с., ибо первая изъ этихъ статей не предоставляетъ съѣзду ни въ какомъ случаѣ права оставлять безъ допроса свидѣтелей, приведенныхъ одною изъ сторонъ въ съѣздъ, если эти свидѣтели находились при первоначальномъ разбирательствѣ дѣла, а вторая предписываетъ свидѣтелей, уже приведенныхъ къ присягѣ, допрашивать въ съѣздѣ подъ напоминаніемъ о присягѣ» ($^{69}/_{414}$ Крестьянкина, обвинителя — присвоеніе),

и зз) что, по несвоевременному «заявленію» апеллятора о приводѣ имъ или явкѣ по вызову свидѣтелей въ съѣздъ, предсѣдатель не былъ «*до* доклада дѣла извѣщенъ» объ этомъ, почему свидѣтели, бывъ удалены изъ зала засѣданія во время доклада дѣла, слышали этотъ докладъ, такъ какъ «предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ, руководствуясь 118, 611, 639 и 645 ст. у. у. с.» («примѣненіе коихъ къ разсматриваемымъ въ съѣздахъ дѣламъ оказывается столь же необходимымъ, какъ и соблюденіе ихъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ»), «*обязаны сами, не выжидая извѣщенія сторонъ, удостовѣриться передъ началомъ слушанія дѣла*, кто изъ участвующихъ въ дѣлѣ и свидѣтелей находится на лицо и за симъ», по приведеніи сего обстоятельства въ извѣстность, «удалить ихъ въ особую комнату», и такъ какъ, кромѣ того, «недопросъ», при такихъ условіяхъ, «свидѣтелей противенъ смыслу 159 ст. у. у. с., разрѣшающей сторонамъ приводить своихъ свидѣтелей и обязывающей, слѣдовательно, съѣздъ допрашивать ихъ» ($^{68}/_{74}$ *Евграфова* — нарушеніе общественной тишины и обида, $^{69}/_{139}$ *Колесникова*—кража, $^{72}/_{342}$ Андреяновой — порубка лѣса, $^{73}/_{433}$ *Малицкаго*, обвинителя—клевета, $^{74}/_{134}$ *Монкевичъ*—оскорбленіе),

при чемъ *отсутствіе въ протоколѣ удостовѣренія* того обстоятельства, что свидѣтели были *приводимы* стороною въ мировой съѣздъ, про *положительномъ* утвержденіи ею этого обстоятельства, и съѣздомъ не допрошены, служитъ достаточнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ приговора ($^{68}/_{337}$ Соколова—пріемъ завѣдомо краденаго).

Въ другихъ рѣшеніяхъ и даже иногда въ другихъ частяхъ сейчасъ указанныхъ нами рѣшеній сенатъ, напротивъ, устанавливаетъ, что мировой съѣздъ *не обязанъ* допрашивать *приведенныхъ* сторонами свидѣтелей и вообще принимать *новыя доказательства*:

а) когда «съѣздъ признаетъ, что сторона *имѣла возможность* указать судьѣ приведенныхъ въ съѣздъ свидѣтелей, но этого не сдѣлала» ($^{71}/_{908}$ Васильева);

б) когда, при представленіи въ съѣздъ *новыхъ доказательствъ*, на

основаніи 159 ст. у. у. с., «*не объяснены* причины, по которымъ *предъявленіе* ихъ судьѣ было *невозможно* или *затруднительно*» ($^{71}/_{427}$ Попова—кража), или когда сторона, приведшая новыхъ свидѣтелей, не указанныхъ мировому судьѣ, а выставленныхъ лишь въ апелляціонномъ отзывѣ, либо прямо представленныхъ въ съѣздъ, *не представила* при этомъ никакихъ *уважительныхъ* причинъ, препятствовавшихъ указанію на нихъ мир. судьѣ, «отговариваясь, напримѣръ, лишь невѣдѣніемъ закона», и «*не доказала* (??), что свидѣтели не могли быть указаны ею по *этимъ* причинамъ», при чемъ «только въ случаѣ отказа въ допросѣ свидѣтелей, приведенныхъ къ слушанію дѣла, съѣздъ обязанъ объяснить въ протоколѣ причины, послужившія основаніемъ этого отказа», тѣмъ болѣе когда самъ онъ не находитъ свидѣтельства ихъ необходимымъ въ видахъ открытія истины»; «*объясненія* же *апеллятора* о томъ, что означенныя причины вполнѣ *заслуживаютъ уваженія*, не подлежатъ разсмотрѣнію въ *кассаціонномъ* порядкѣ, за силою 5 ст. учр. суд. уст., такъ какъ это относится (будто бы) до существа дѣла» ($^{67}/_{416}$ *Хомуцкой*, обвинительницы — мошенничество, $^{68}/_{146}$ *Минаева* — обида, $^{68}/_{148}$ *Никитина*—обида, $^{68}/_{827}$ *Шишкиной*, обвинительницы—оскорбленіе, $^{69}/_{781}$ *Григорьевой*—покупка завѣдомо краденаго, $^{71}/_{1016}$ *Исупова*, $^{72}/_{323}$ *Тарлычевыхъ* – кража, а также $^{69}/_{967}$ Чиримовой, $^{70}/_{690}$ Яковлева, $^{70}/_{1119}$ Штыкина, $^{71}/_{702}$ Васильева, $^{72}/_{268}$ Носовыхъ, $^{72}/_{444}$ Гурбатова, $^{72}/_{456}$ Минина, $^{72}/_{669}$ Самойлова и Дубовова, $^{72}/_{807}$ Драйгорта, $^{72}/_{961}$ Ипкаева, $^{73}/_{626}$ Гордійчука и мн. др.);

в) если сторона, приведшая свидѣтелей, на коихъ не было указано при разбирательствѣ у мир. судьи, «*не объяснила*, относительно *какихъ обстоятельствъ* ссылается на этихъ свидѣтелей» (какъ будто самъ судъ не можетъ спросить ее объ этихъ обстоятельствахъ?), и если «мировой съѣздъ не находитъ, съ своей стороны, необходимости въ допросѣ ихъ» ($^{72}/_{241}$ *Бормашева*, обв. по 29 и 56 ст. у. о н., $^{70}/_{1550}$ Макарова—растрата);

г) если о приводѣ свидѣтелей заявлено предсѣдателю «не предъ началомъ слушанія дѣла (ст. 159 уст. угол. суд), а *по* окончаніи уже *доклада* дѣла», т. е. «послѣ прочтенія приговора мироваго судьи и апелляціоннаго отзыва, когда возстановленіе законнаго порядка невозможно» и «свидѣтели были въ залѣ засѣданія при докладѣ дѣла», а тѣмъ болѣе «въ послѣднемъ словѣ» подсудимаго, «по окончаніи *разбора* дѣла и выслушаніи заключенія товарища прокурора по существу всего дѣла», когда «пренія не могутъ уже возобновляться, а подсудимымъ представляется лишь право послѣдняго слова», и когда

просьба о допросѣ приведенныхъ свидѣтелей, какъ «заявленная несвоевременно», «не можетъ быть удовлетворена безъ нарушенія порядка, установленнаго для разбирательства дѣлъ на мировомъ съѣздѣ (уст. угол. суд., ст. 158—166)»,—и это можетъ имѣть мѣсто какъ тамъ, гдѣ допросъ приведенныхъ свидѣтелей даже самъ по себѣ, т. е. когда они, какъ допрошенные мировымъ судьею, подлежатъ передопросу подъ присягою, былъ для съѣзда обязателенъ, такъ въ особенности тамъ, гдѣ, кромѣ того, еще не было ни «просьбы о допросѣ свидѣтелей» въ апелляціи, ни «вызова ихъ самимъ съѣздомъ, по его усмотрѣнію», — хотя, съ другой стороны, «предсѣдатель съѣзда по самому существу лежащей на немъ обязанности сохраненія порядка при разсмотрѣніи дѣла, примѣняясь по 118 ст. уст. угол. суд. къ порядку, указанному въ 639 ст., предъ началомъ слушанія дѣла долженъ спросить, находятся ли на лицо какъ участвующіе въ дѣлѣ, такъ и свидѣтели, которыхъ они представляютъ» ($^{68}/_{452}$ *Рыбина* — безпатентная торговля виномъ, $^{69}/_{322}$ *Шамшевой*, обв. по 172, 174 и 176 ст. уст. о наказ., $^{70}/_{1292}$ Кудрявцева — обманъ, $^{71}/_{1216}$ *Денисова и Васильева*—обв. неизв., $^{71}/_{1472}$ *Боряевой*—укрывательство кражи, $^{71}/_{1481}$ *Петровыхъ*, обв. по 38, 42 и 131 ст. уст. о наказ., $^{72}/_{526}$ Журавскаго, обвинителя — оскорбленіе, $^{72}/_{805}$ Цуркана—кража, $^{72}/_{762}$ Маркса—по 142 ст. уст. о наказ.);

д) когда «*сущность* показаній приведенныхъ свидѣтелей, по объясненію самого апеллятора или по признанію съѣзда, должна относиться не къ разъясненію факта, послужившаго поводомъ къ возбужденію дѣла, а такого обстоятельства, которое представляется совершенно *побочнымъ* и *не* относящимся къ дѣлу» ($^{70}/_{49}$ *Потѣхина*—по 31 ст. уст. о наказ., $^{71}/_{549}$ Ложечки и Коваленки — кража, $^{83}/_{28}$ Камышева—по 134 и 142 ст. уст. о наказ.),

и е) когда свидѣтели, не указанные мировому судьѣ, приведены *обвинителемъ* и съѣздъ не признаетъ необходимымъ допроса ихъ «для разъясненія обстоятельствъ дѣла или открытія истины» ($^{72}/_{160}$ Ложкина—кража).

Здѣсь, въ этой послѣдней категоріи кассаціонныхъ рѣшеній, коими апелляціонные вопросы о допросѣ свидѣтелей разрѣшаются отрицательно, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе та характеристическая черта, которая въ сущности положила свой отпечатокъ на всемъ трактуемомъ отдѣлѣ мироваго судопроизводства, но которая всего рельефнѣе отражается именно на кассаціонной практикѣ, отно-

сящейся къ допросу приведенныхъ въ съѣздъ свидѣтелей. Ибо если правительствующій сенатъ во многихъ своихъ рѣшеніяхъ отрицаетъ обязанность мироваго съѣзда допрашивать даже *приведенныхъ* свидѣтелей по какимъ бы то ни было дѣламъ, то, очевидно, такое его мнѣніе можетъ обусловливаться только особенною его заботой о *возможномъ сокращеніи судопроизводства во второй мировой инстанціи*. Между тѣмъ какъ задача кассаціонной практики, что̀ мы уже видѣли, по идеѣ законодателя, должна быть направлена лишь «къ ограниченію случаевъ *отмѣны* уголовныхъ приговоровъ», а эта цѣль можетъ быть достигнута какъ-разъ обратнымъ отношеніемъ сената къ практикѣ апелляціонной. A priori и a posteriori не трудно доказать, что количественность кассаціонной практики находится къ защитѣ апелляціоннаго права въ отношеніи обратно пропорціональномъ: чѣмъ больше охраняется апелляціонное право, тѣмъ менѣе, естественно, кассаціонныхъ жалобъ, а слѣдовательно, тѣмъ менѣе можетъ представляться и случаевъ къ отмѣнѣ приговоровъ. Обратное, нынѣ практикующееся, отношеніе кассаціонной практики къ апелляціонному праву должно неизбѣжно вести и къ обратному результату—умноженію кассаціонныхъ жалобъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, и къ увеличенію случаевъ отмѣны рѣшеній, если только, разумѣется, сенатская практика будетъ послѣдовательна и свободна отъ внутреннихъ противорѣчій, такъ какъ, иначе, т. е. при отсутствіи тѣсной связи между умноженіемъ кассаціонныхъ жалобъ на недопросъ свидѣтелей мировыми съѣздами и увеличеніемъ случаевъ отмѣны приговоровъ въ этомъ отношеніи, сокращеніе случаевъ отмѣны приговоровъ будетъ уже искусственное, полное условныхъ противорѣчій и прямо направленное, въ невѣрномъ предположеніи о развитіи «общаго» сутяжничества, къ подавленію апелляціонныхъ правъ. Все это мы и видимъ теперь на самомъ дѣлѣ. Несмотря на значительное усиленіе личнаго состава кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената со времени открытія новыхъ судовъ, сенатъ не успѣваетъ своевременно разсматривать всѣхъ доходящихъ до него кассаціонныхъ жалобъ, даже по наиболѣе важнымъ дѣламъ,—и это, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ быть объясняемо не однимъ расширеніемъ границъ дѣйствія новаго судопроизводства, не однимъ пріобщеніемъ къ нему и отдаленныхъ губерній и областей государства, но и неправильностію кассаціонной точки зрѣнія на апелляціонное производство [8]).

Затѣмъ остается вполнѣ открытымъ вопросъ: какія могутъ быть представлены основанія, взятыя изъ жизни, а не изъ отвлеченныхъ

соображеній, въ подтвержденіе того, что *приведенные* сторонами свидѣтели, слѣдовательно, безъ всякаго права и разсчета на вознагражденіе ихъ изъ кармана другой стороны или изъ казны судебными издержками, могутъ быть оставляемы съѣздомъ безъ допроса, къ какому бы роду ни относилось дѣло, по коему они приведены въ судъ, и въ какомъ бы отношеніи къ дѣлу они ни стояли, т. е. были ли они указаны или не указаны мировому судьѣ при первоначальномъ разбирательствѣ, были ли они судьею допрошены или являются новыми? Рѣшительно нельзя придумать достойныхъ уваженія жизненныхъ основаній, по коимъ можно было бы доказывать справедливость отказа со стороны мироваго съѣзда въ ихъ допросѣ, кромѣ, пожалуй, одного, когда сторона, приведшая свидѣтелей, *толково* разскажетъ, для какой именно надобности она привела свидѣтелей, и когда, въ свою очередь, мировой съѣздъ, *хорошо* понявъ цѣль привода ихъ, безъ всякихъ недоразумѣній признаетъ, что ожидаемыя, въ указанномъ просителемъ смыслѣ, показанія свидѣтелей не могутъ имѣть для дѣла рѣшительно никакого значенія, и потомъ свой *подробно мотивированный* отказъ занесетъ въ протоколъ судебнаго засѣданія. Рекомендовать мировымъ съѣздамъ поступать иначе съ приведенными свидѣтелями значитъ открывать съѣздамъ обширный просторъ, давать имъ просто carte blanche для несдерживанія своего произвола въ этомъ отношеніи,—произвола, тѣмъ болѣе опаснаго, что мы еще не вышли вполнѣ изъ атмосферы удаляющагося отъ насъ въ прошлое ядра крѣпостнаго права, и тѣмъ менѣе могущаго быть терпимымъ со стороны правительствующаго сената, что послѣдній, не объявляя ему войны, не борясь съ нимъ изо всѣхъ силъ, измѣнилъ бы основной своей задачѣ—стоять на стражѣ правосудія въ странѣ, измученной еще въ недавнемъ прошломъ господствомъ произвола однихъ и полнымъ безправьемъ другихъ. Выдавать мировымъ съѣздамъ патентъ на полную свободу, на ничѣмъ почти не ограничиваемое «усмотрѣніе» въ дѣлѣ допроса приведенныхъ свидѣтелей, казалось бы, несправедливо еще и потому, что съ допущеніемъ этого «усмотрѣнія» въ столь широкихъ предѣлахъ оставалось бы совершенно не выясненнымъ, въ чемъ можетъ заключаться существенная разница между свидѣтелями—*вызванными* самимъ съѣздомъ и *приведенными* участвующею въ дѣлѣ стороною, *по отношенію обнаруженія истины*, какъ цѣли свидѣтельскихъ показаній и какъ искомаго начала для всѣхъ безъ исключенія судовъ Имперіи, а, слѣдовательно и правительствующаго сената?!

Хотя въ одномъ изъ случаевъ, указанныхъ нами въ 6-й категоріи

кассаціонныхъ рѣшеній, правительствующій сенатъ, многократно предписывая мировымъ съѣздамъ непремѣнно заносить въ протоколъ засѣданія самымъ точнымъ образомъ не только объясненія, какія представляетъ сторона о причинѣ неуказанія ею мировому судьѣ приведенныхъ въ съѣздъ свидѣтелей, но и основанія своего отказа въ допросѣ такихъ свидѣтелей, повидимому, старается обставить право стороны, представляющей свидѣтелей какъ будто бы очень прочными гарантіями, но въ сущности гарантіи эти, разъ самъ по себѣ приводъ свидѣтелей на съѣздъ всетаки еще не даетъ правъ на ихъ допросъ, остаются малодѣйствительными и призрачными; тѣмъ болѣе, что сенатъ хотя и обязываетъ съѣздъ излагать въ протоколѣ какъ свое *требованіе* отъ стороны, представляющей новыхъ свидѣтелей, объ объясненіи ею уважительныхъ причинъ неуказанія ихъ мировому судьѣ, такъ и *основанія* непризнанія этихъ причинъ уважительными и своего отказа въ допросѣ свидѣтелей, тѣмъ не менѣе возлагаетъ на сторону обязанность *доказать*, что свидѣтели эти «не могли быть указаны мировому судьѣ по такимъ-то уважительнымъ причинамъ». Не говоря уже о всей трудности, а иногда и положительной невозможности представленія такого рода доказательствъ, требованіе каковаго представленія походило бы въ иныхъ случаяхъ на какую-то нравственную пытку, недостойную суда «праваго», дѣйствующаго по совѣсти, и «милостиваго» къ человѣческимъ недостаткамъ,—всетаки оцѣнка этихъ доказательствъ, ихъ правдоподобности и сообразности съ мѣстною дѣйствительностію остается и останется почти всегда во власти мироваго съѣзда, такъ какъ повѣрить эту оцѣнку, и притомъ въ кассаціонномъ порядкѣ, сенату болѣе чѣмъ не легко... Да и самъ правительствующій сенатъ признаетъ это, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, преувеличеніемъ, когда говоритъ, что «объясненія апеллятора о томъ, что представленныя имъ причины неуказанія приведенныхъ въ мировой съѣздъ свидѣтелей вполнѣ заслуживаютъ уваженія, не подлежатъ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ будто бы относятся до существа дѣла». Говоримъ о «преувеличеніи» потому, что *существо* даннаго разбираемаго *дѣла* означенными объясненіями апеллятора совсѣмъ не затрогивается; понимать это иначе значитъ слишкомъ широко представлять и толковать существо дѣла и слишкомъ съуживать задачу кассаціоннаго суда. Расширяя «существо дѣла», по силѣ 5 ст. учр. суд. уст., до *всѣхъ* «конкретныхъ» обстоятельствъ, такъ или иначе *сопутствующихъ* движенію процесса, но совершенно *побочныхъ* отстаиваемому кореннному, «праву судебной защиты», пришлось бы все искусственное ученіе высшей кассаціонной

инстанціи о представленіи стороною, приводящею въ съѣздъ новыхъ свидѣтелей для допроса, уважительныхъ причинъ неуказанія ихъ мировому судьѣ, свести на исполненіе съѣздомъ одной простой формальности: *призналъ* съѣздъ, что представленныя стороною причины эти *неуважительны*, хотя бы онѣ были весьма уважительны, въ родѣ приведенныхъ нами выше—«дурной погоды» и «наступленія времени полевыхъ работъ» — и всему спору конецъ, и тезисъ кассаціонной практики исполненъ... Результатъ, стало быть, похожъ на знаменитую поговорку: «и овцы цѣлы, и волки сыты»... Только въ дѣйствительности, кажется, дѣло обстоитъ иначе: гдѣ «сыты волки», насыщенъ произволъ, тамъ о «цѣлости овецъ», объ охраненіи правъ рѣчи быть не можетъ.

И потомъ: не построено ли все ученіе кассаціонной практики «о представленіи стороною *уважительныхъ* причинъ» и проч. на призрачномъ основаніи? Если въ 159 ст. уст. угол. суд. и говорится дѣйствительно, что «стороны могутъ... приводить свидѣтелей... и тѣхъ, которые *по какимъ либо уважительнымъ причинамъ* не имѣли возможности явиться къ мировому судьѣ», то изъ этого, по нашему крайнему разумѣнію, вовсе не вытекаетъ ни *права* для мироваго съѣзда требовать отъ стороны, приведшей новыхъ свидѣтелей, представленія уважительныхъ причинъ неуказанія ихъ мировому судьѣ, ни *обязанности* для стороны представлять эти причины и даже, какъ развиваетъ свою мысль правительствующій сенатъ, *доказывать* существованіе ихъ или бывшую невозможность указать свидѣтелей въ первой инстанціи суда. Законъ говоритъ только «о невозможности для *свидѣтелей* явиться къ мировому судьѣ», объ «уважительныхъ причинахъ» *ихъ неявки*, но не объ уважительныхъ причинахъ бывшей невозможности для *стороны указать* свидѣтелей судьѣ. Въ существѣ спора какъ слово «свои», употребленное въ 159 ст. относительно «доказательствъ», слѣдуетъ толковать, по представленному уже нами объясненію, грамматически распространительнымъ способомъ, такъ и выраженіе той же статьи «по какимъ либо *уважительнымъ* причинамъ», относящееся къ неявкѣ свидѣтелей къ мировому судьѣ, есть не болѣе какъ *простая презумпція*, касающаяся *вообще* причинъ неявки свидѣтелей къ судьѣ и ничего особеннаго не говорящая ни о *качествѣ* этихъ причинъ, ни о *значеніи* этой качественности для рѣшенія вопроса о допросѣ или недопросѣ приведенныхъ свидѣтелей. Въ силу житейскихъ вещей предполагается, что каждый вызываемый судомъ или приглашаемый стороною свидѣтель, для дачи показанія на судѣ, если не является, то не является, конечно, по какимъ либо

уважительнымъ причинамъ», хотя бы иной разъ онѣ были уважительны только съ точки зрѣнія субъективной—самаго неявившагося. За неявку свидѣтеля по вызову суда по неуважительнымъ причинамъ отвѣчаетъ, разумѣется, самъ этотъ свидѣтель, а не сторона, на него сославшаяся. Равнымъ образомъ, несправедливо возлагать отвѣтственность на сторону и тогда, когда приглашенный ею въ судъ свидѣтель тоже не явится по какимъ либо уважительнымъ, на его взглядъ, причинамъ; въ этомъ случаѣ можно только отказать сторонѣ въ ходатайствѣ по существу дѣла, въ отыскиваемомъ ею правѣ за *непредставленіемъ* или *неимѣніемъ* достаточныхъ *доказательствъ* къ обвиненію или ослабленію уликъ, но не за то, что сторона *не привела* своихъ свидѣтелей или, *зная*, что и привести ихъ въ данное время нельзя, напр., за дальнею ихъ отлучкою, *не сослалась* на нихъ, *не указала* ихъ еще раньше, при разбирательствѣ дѣла у мироваго судьи. Притомъ, вѣдь въ умственномъ представленіи малоразвитой стороны, не способной къ анализу явленій жизни, а тѣмъ болѣе условій судебнаго процесса, невозможность вызова или привода свидѣтеля въ данное время отожествляется съ безполезностью даже ссылокъ на него или словеснаго указанія на него. Это также не малый дефицитъ въ судебномъ процессѣ такого необразованнаго государства, какъ наша родина.

Что касается, наконецъ, другихъ случаевъ ограниченія апелляціоннаго права, перечисленныхъ въ той же 6-й категоріи кассаціонныхъ рѣшеній, какъ-то: несвоевременнаго заявленія стороны, приведшей свидѣтелей, объ ихъ приводѣ,—«побочности» для дѣла обстоятельствъ или «неважности предмета дѣла», о чемъ должны свидѣтельствовать приведенные свидѣтели, и т. д., и т. д., то въ этихъ случаяхъ, какъ и въ случаяхъ ограниченія того же права, изложенныхъ нами въ предшествующихъ пяти категоріяхъ означенныхъ рѣшеній и въ подробности не разобранныхъ, сенатскія рѣшенія, такъ сказать, отрицательнаго направленія вполнѣ «побиваются» противоположными рѣшеніями, съ положительнымъ характеромъ — охраненія апелляціоннаго права, ибо эти послѣднія рѣшенія очень обстоятельны, вполнѣ убѣдительны и безъ всякихъ искусственныхъ натяжекъ, которыя бы походили на мелочныя, крайне условныя придирки, чѣмъ, надо признаться, страдаютъ «безпослѣдственныя» рѣшенія. Поэтому въ подробномъ опроверженіи соображеній, легшихъ въ основаніе оставленныхъ безъ разбора кассаціонныхъ рѣшеній отрицательнаго направленія, на нашъ взглядъ, не представляется ни малѣйшей надобности: то, что побивается само собою, кажется, не нуждается уже въ постороннемъ вмѣшательствѣ.

5) Особеннымъ развѣ исключеніемъ изъ сего могутъ служить мировые судьи тѣхъ уѣздовъ, хотя и не захолустныхъ, которые по преимуществу богаты преданіями крѣпостничества и въ которыхъ посему наличный составъ мироваго института, принадлежа болѣе или менѣе къ крупнымъ землевладѣльцамъ,—этому главному контингенту первыхъ будущихъ кандидатовъ на предполагаемую должность земскаго начальника,—обыкновенно постановляетъ самые строгіе приговоры. Въ этихъ случаяхъ, какъ нами замѣчено, предубѣжденіе судьи всегда идетъ впереди приговора; видимо оно его подсказываетъ, — оно же только и можетъ объяснить его въ такомъ, а не иномъ видѣ. Чѣмъ, напр., какъ не предубѣжденіемъ судьи можно объяснить присужденіе обвиняемаго къ *годичному* тюремному заключенію за покушеніе на простую кражу ночью, когда даже трудно бываетъ опредѣлить самый составъ проступка, положимъ, по одному нахожденію или задержанію обвиняемаго не только внутри незапертаго двора, но и *около* наружной стѣны двора обвинителя, и когда завѣдомымъ послѣдствіемъ такого приговора, назначающаго наказаніе свыше мѣры содѣяннаго, можетъ быть—да нерѣдко и бываетъ—если не окончательная порча въ тюрьмѣ нравственности осужденнаго, то во всякомъ случаѣ одно только крайнее матеріальное разореніе его за время продолжительнаго срока заключенія, — разореніе, дѣлающееся уже въ свою очередь самостоятельнымъ источникомъ преступленій.... Совершенно не желая—а быть можетъ даже и не умѣя—ставить себя въ положеніе обвиняемыхъ, не «входя», такъ сказать, «въ ихъ кожу», мировые судьи означенныхъ уѣздовъ большею частію «такъ и сыпятъ» въ своихъ приговорахъ *мѣсяцами* ареста за самые въ сущности пустячные проступки и *годами* тюремнаго заключенія за кражи и т. п. дѣянія, какъ будто обвиняемые во всѣхъ этихъ проступкахъ никогда ни при какихъ условіяхъ совершенія ихъ не заслуживаютъ признанія за ними уменьшающихъ вину обстоятельствъ, и точно будто въ законѣ существуетъ одинъ только maximum наказаній, безъ всякаго minimum'а. Равнымъ образомъ, не понимая разницы между кражею и укрывательствомъ ея, при условіи одного только найденнаго поличнаго, тѣ же мировые судьи зачастую не допускаютъ разницы и въ назначеніи наказаній для воровъ и укрывателей воровства, вѣроятно, во имя русской поговорки: «не тотъ воръ, кто воруетъ, а кто принимаетъ»... Затѣмъ, и за оскорбленіе должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій, сотскаго, старосты и др., при предполагаемомъ отправленіи ими должности, эти же самые судьи также обыкновенно «казнятъ» весьма строго—непремѣнно 2-мя или 3-мя мѣсяцами ареста, несмотря ни на какіе уважительные къ этому оскорбленію поводы (въ нравственномъ, конечно, отношеніи, такъ какъ законъ никакихъ поводовъ въ сихъ случаяхъ не признаетъ) и совершенно упуская изъ виду, что всѣ эти оскорбленія происходятъ между людьми одной и той же грубой непросвѣщенной среды.... Распространенное относительно значенія приговоровъ этого рода легковѣсное мнѣніе, что будто бы строгостію ихъ поддерживается между крестьянскимъ населеніемъ престижъ сельской власти, не только не подтверждается дѣйствительностію, но находитъ себѣ полное опроверженіе въ прямо обратномъ этому престижу усиленіи въ населеніи неуваженія къ своимъ ближайшимъ властямъ, даже больше—въ нерѣдкомъ озлобленіи противъ нихъ, хотя бы и по стеченію многихъ для сего причинъ... Самая оцѣнка уликъ тѣми же судьями представляется часто крайне своеобразною. Такъ, при обвиненіи, положимъ, въ самовольной порубкѣ дубовъ, поста-

новленію обвинительнаго приговора нисколько не мѣшаетъ имъ то обстоятельство, что у подозрѣваемыхъ найдены не порубленные дубы, а *щепа* и *дрова*, хотя и дубовыя, но при отсутствіи всякихъ другихъ дѣйствительно уличающихъ данныхъ... Мало того. Желаніе наказать обвиняемаго возможно строже приводитъ иногда судью къ превышенію предоставленной ему закономъ власти, заставляя его не сообразоваться, при постановленіи приговора, съ установленною въ законѣ мѣрою наказанія за тотъ или другой видъ преступленія. Совершена, напр., кража лошади, безъ всякихъ другихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, облагаемая, какъ извѣстно, по 4 п. 170 ст. уст. о нак., въ самой высшей мѣрѣ, *годичнымъ* тюремнымъ заключеніемъ, а мировой судья изъ «предубѣжденныхъ» приговариваетъ виновнаго на *полтора года* этого заключенія, какъ за кражу лошади *со взломомъ* изъ нежилаго помѣщенія, согласно 1711 ст. того же устава... Но и это еще не все. Въ глазахъ все тѣхъ же «предубѣжденныхъ» судей несознаніе обвиняемаго есть уже непремѣнно «упорное запирательство» его, какъ и состояніе опьяненія, въ коемъ совершенъ тотъ или другой проступокъ, если не всегда преднамѣренно, то никогда будто бы не исключаетъ «обдуманности въ дѣйствіяхъ виновнаго» (1 п. 14 ст. уст. о нак.). Отъ пониманія такихъ судей неизмѣримо далека мысль законодателя, даровавшаго странѣ «Судебные Уставы 20 ноября 1864 г.», что «маловажная кража и мошенничество совершаются людьми низшаго класса *часто*, если не *всегда*, безъ *всякаго сознанія* и даже *понятія о законѣ и истинной важности* сихъ преступленій» или «безъ *должнаго сознанія истинной важности*» ихъ (суд. уст., изд. госуд. канц. 1867 г., ч. 2, стр. 44). Если бы судейскія воззрѣнія этихъ господъ взять во всей ихъ совокупности, то оказалось бы, что, съ ихъ точки зрѣнія, одно возбужденіе обвиненія есть уже какъ бы «половина доказательствъ» виновности заподозрѣннаго лица,—да они такъ и говорятъ, что если бы такой-то не былъ виновенъ, то его и не стали бы обвинять... Для присужденія же отыскиваемой въ уголовномъ порядкѣ суммы убытковъ, разъ собственно обвиненіе признается такого рода судьями доказаннымъ, совсѣмъ уже не требуется ими никакихъ доказательствъ *точнаго* опредѣленія или вычисленія ихъ—ну точь въ точь, какъ это проектировалось нѣкоторыми жалкими органами печати для будущей дѣятельности пресловутыхъ «земскихъ начальниковъ». Такое отношеніе означенныхъ мировыхъ судей къ обвиненію иногда обращается до такой степени въ привычку, что бывали примѣры, что сумма убытковъ потерпѣвшаго, положимъ, отъ кражи, присуждалась *цѣликомъ* даже тогда, когда бо́льшая часть похищеннаго была возвращена ему безъ всякой порчи... Конечно, оправдательныхъ приговоровъ у подобныхъ мировыхъ судей почти никогда не бываетъ. Судя по необычайной строгости ихъ обвинительныхъ приговоровъ, иной наблюдатель невольно, пожалуй, пришелъ бы къ заключенію, что всѣ эти господа—«судьи безъ сердца», если бы личное знакомство съ ними въ то же время не убѣждало, что большинство ихъ внѣ своихъ служебныхъ обязанностей, особенно въ своемъ обществѣ, «премилые и хорошіе люди». Но такова ужъ, видно, сила *сословныхъ* предубѣжденій и историческихъ преданій крѣпостничества, что и хорошіе люди, и симпатичнѣйшіе дворяне—землевладѣльцы *нѣкоторыхъ* уѣздовъ (о, если бы Богъ далъ Россіи поменьше такихъ уѣздовъ!), иногда даже и съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, дѣлаются *неумолимыми* судьями для провинившихся въ чемъ либо сельскихъ обывателей изъ *крестьянъ*... Что изъ такихъ отношеній можетъ въ

концѣ концовъ выйти для обоихъ сельскихъ сословій, при судѣ изъ земскихъ начальниковъ въ двухъ инстанціяхъ — начальной и апелляціонной и при отдаленности *внѣшняго* министерскаго контроля, — это извѣстно единому Богу... Мы же считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ констатировать этотъ фактъ, въ глаза бьющій всякому непредубѣжденному изслѣдователю общественныхъ отношеній.

[6]) Матеріалы для пересмотра нашего уголовнаго законодательства; замѣчанія чиновъ судебнаго вѣдомства, 1867—76 гг., т. II, стр. 473—476, т. III, стр. 466. Вотъ что, напр., писали предсѣдатели разныхъ *мировыхъ съѣздовъ* о наказаніи за кражу по 169 ст. уст. о нак., которая, по заявленію большинства ихъ, отличается чрезмѣрною строгостію въ нѣкоторыхъ случаяхъ: «разница въ наказаніи (иногда) далеко не соотвѣтствуетъ разницѣ въ винѣ, другими словами: предѣлъ наказаній, установленный 169 ст., слишкомъ тѣсенъ» (*Дмитріевскаго*). «Въ виду того, что незначительныя кражи сельскихъ продуктовъ весьма распространены между крестьянами, также какъ и самовольныя порубки лѣсовъ; что кражи подобнаго рода далеко не обусловливаются совершенною нравственною испорченностію провинившагося, и что, по общему мнѣнію, при нынѣшнемъ состояніи тюремъ, тюремное заключеніе въ одномъ помѣщеніи съ закоренѣлыми преступниками можетъ вредно дѣйствовать на нравственность заключаемыхъ, было бы полезно понизить, сколько возможно, низшій предѣлъ наказанія, установленнаго 169 ст. уст. о нак. Строгость наказаній за кражу особенно замѣчается въ примѣненіи ихъ къ несовершеннолѣтнимъ... Три и даже полтора мѣсяца тюрьмы за ничтожную кражу иногда наказаніе непомѣрно тяжкое, а для несовершеннолѣтнихъ, при нынѣшнемъ устройствѣ тюремъ, положительно пагубное» (*Бѣлородскаго*). Посему, «если уже невозможно оставить одинъ высшій предѣлъ этого наказанія, то по крайней мѣрѣ низшій предѣлъ слѣдовало бы уменьшить до 2 недѣль или же допустить для несовершеннолѣтнихъ замѣну тюремнаго заключенія арестомъ... пока не будутъ устроены исправительные пріюты для несовершеннолѣтнихъ арестантовъ». «Вообще наказаніе за кражу слишкомъ строго еще и потому, что при настоящемъ состояніи нашихъ тюремъ, такое долгое время заключенія можетъ, нисколько не исправляя преступника, весьма вредно подѣйствовать на несовсѣмъ испорченнаго еще человѣка. Поэтому minimum наказанія можно было бы низвести даже на одну недѣлю» (*Бахмуцкаго и Сумскаго*). «За конокрадство же, составляющее положительно народное бѣдствіе, слѣдовало бы увеличить мѣру наказанія» (*Весьегонскаго*). Въ судейской практикѣ были случаи, что и кража совершалась по легкомыслію и обвиняемый, сознаваясь и раскаиваясь въ проступкѣ, желалъ вознаградить потерпѣвшаго. Поэтому, не было ли бы въ подобныхъ случаяхъ справедливѣе, вмѣсто тюремнаго заключенія, присуждать виновныхъ къ аресту и для того распространить силу 2 половины 177 ст. и на 169—172 ст. уст.?» (*Харьковскаго*). «Во многихъ случаяхъ кража или участіе въ оной сопровождается уменьшающими вину обстоятельствами, не предусмотрѣнными закономъ, и которыя вообще не легко a priori могутъ быть опредѣлены; тогда установленное закономъ наказаніе, именно заключеніе въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца или $1^1/_2$ мѣсяца оказывается слишкомъ тяжкимъ, а предоставленное судьѣ право уменьшать мѣру наказанія — слишкомъ ограниченнымъ» (замѣч. *Эстляндскаго оберъ-ландгерихта*).

[7]) Съ другой стороны, непрактичность законоположеній устава о наказаніяхъ

сказалась еще какъ въ слишкомъ невысокомъ maximum'ѣ и отчасти однородности наказаній, назначенныхъ за нѣкоторые проступки противъ народнаго здравія и общественнаго благоустройства, санитарнаго же свойства (ст. 53, 55, 56, 110, 111, 114 и 116), такъ и въ весьма замѣтной неполнотѣ проступковъ этого рода—разъ нѣтъ притомъ *общаго* опредѣленія ихъ или дополнительной статьи подобно ст. 129, завершающей 10 главу уст. о нак. Вслѣдствіе сего мировые судьи, въ виду непрерывности во многихъ городахъ и ихъ уѣздахъ эпидемическихъ болѣзней, каковы дифтеритъ, скарлатина и проч., и въ намѣреніи возможно больше обезпечить интересы народнаго здравія, нерѣдко примѣняютъ къ означеннымъ проступкамъ, иногда облагаемымъ ничтожными штрафами (см. ст. 56 и 55, гдѣ ничего не сказано даже о «накопленіи нечистотъ во дворахъ»), кромѣ подлежащихъ статей, и 102 ст. того же устава, а отсюда слѣд. и дѣла объ этихъ проступкахъ сами собою переходятъ на съѣздѣ изъ разряда кассаціонныхъ въ апелляціонныя, соединенныя опять-таки съ большею или меньшею сложностію судебной процедуры.

[8]) Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что за послѣдніе годы, начиная съ 1876 и особенно 1878 года, сборники рѣшеній по уголовному кассаціонному департаменту стали выходить въ размѣрахъ весьма незначительныхъ. Дѣло, конечно, не въ большихъ размѣрахъ ежегодныхъ сборниковъ, не въ количествѣ находящихся въ нихъ рѣшеній, которое, будучи огромнымъ, могло бы только затруднять руководимые суды, и безъ того достаточно затрудняемые наличною массою разнорѣчивыхъ сенатскихъ рѣшеній, но въ данномъ случаѣ небольшіе размѣры послѣднихъ сборниковъ видимо происходятъ, согласно послѣдовавшаго законодательнаго распоряженія, отъ печатанія только такихъ кассаціонныхъ рѣшеній, въ которыхъ, по мнѣнію сената, разрѣшаются вопросы, имъ еще не разъясненные или невполнѣ разъясненные, когда въ распорядительныхъ засѣданіяхъ департамента или въ судебныхъ отдѣленій его признано бываетъ нужнымъ внести дѣло «на уваженіе» присутствія самаго департамента, для руководства къ единообразному истолкованію или примѣненію законовъ. Всѣ остальные вопросы, въ томъ числѣ и вопросы по толкованію 159 ст. у. у. с., предполагаются вообще разъясненными въ такой степени, что относительно ихъ въ сенатской практикѣ почти никакихъ споровъ не возникаетъ, разумѣется до поры, до времени, пока «жизнь» не укажетъ на какую либо оставленную въ тѣни сторону вопроса, почему и всѣ почти рѣшенія, касающіяся разъясненныхъ вопросовъ, остаются теперь «подъ спудомъ». Такимъ образомъ допускается какъ аксіома, что сенатская задача по толкованію вопросовъ апелляціоннаго производства въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ въ главной своей части исполнена, прошла, такъ сказать свою, орбиту, и что кассаціонной практикѣ поэтому ничего теперь болѣе не остается, какъ изъ года въ годъ повторять разъ уже установленные тезисы, такъ что настало, можетъ быть, уже время, имѣвшееся въ виду составителями судебныхъ уставовъ — «*развить* общія правила кассаціи и законодательнымъ путемъ».

И. Остриковъ.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО КИРГИЗЪ.

Судоустройство и судопроизводство.

I.

Обычное право киргизъ сложилось подъ вліяніемъ кочеваго образа жизни и родоваго устройства киргизъ. Присутствіе внѣшняго посторонняго вліянія если и сказывается въ этомъ правѣ, то оно было неглубоко и скорѣе выражается отрицательнымъ образомъ. Внѣшнія вліянія, изъ которыхъ главными нужно считать вліяніе магометанской религіи и русскаго закона, дѣйствовали сравнительно очень короткое время и способствовали вмѣстѣ съ измѣнившимися условіями жизни лишь колебанію прочно установившагося правоваго порядка, внося въ него очень немного созидающихъ началъ.

Изслѣдователямъ исторіи киргизъ не удалось установить время принятія киргизами магометанства, но можно по многимъ даннымъ предполагать, что распространеніе этой религіи началось среди нихъ не ранѣе конца XVI или начала XVII вѣка нашей эры, слѣдовательно, сравнительно не очень давно. Но, чтобы вполнѣ понять сравнительную ничтожность вліянія магометанства на обычное право киргизъ, необходимо упомянуть объ отличительной чертѣ этого народа, отмѣченной и подчеркнутой съ поразительнымъ единодушіемъ безъ исключенія всѣми наблюдавшими бытъ киргизъ. Это—ихъ удивительный индифферентизмъ къ религіи. Правда, въ самое послѣднее время, благодаря болѣе живымъ и тѣснымъ связямъ съ Средней Азіей, въ особенности—Бухарой, центромъ мусульманскаго фанатизма, замѣтно усиливается вліяніе муллъ въ степи, но это обстоятельство лишь объясняетъ тѣ заимствованія изъ шаріата, которыя можетъ отмѣтить изслѣдователь современнаго права киргизъ. Въ своихъ основныхъ

чертахъ однако право это незыблемо, существуетъ съ самыхъ давнихъ временъ и носитъ на себѣ явственные слѣды самостоятельно сложившагося порядка—продукта тѣхъ условій жизни, въ которыхъ находился столѣтія киргизскій народъ. Намъ въ особенности приходится подчеркивать эту мысль въ виду того, что нѣкоторыя изслѣдователи магометанскаго права (шаріата) высказываются противъ существованія обычнаго права у мусульманъ. Такъ, баронъ Торнау въ своемъ сочиненіи «Особенности мусульманскаго права» (Дрезденъ 1880 г.) говоритъ: «Во всѣхъ мусульманскихъ странахъ—для послѣдователей ученія Ислама дѣйствуетъ и имѣетъ законную силу—одно право: право Шеріэта... дѣйствіе особаго обычнаго права, при существованіи Шеріэта, не допустимо по воззрѣнію мусульманскихъ законовѣдцевъ». Можетъ быть это вѣрно по отношенію къ туркамъ, персамъ и другимъ народамъ, у которыхъ Коранъ пустилъ крѣпкіе и прочные корни, у которыхъ религія Магомета сдѣлалась основнымъ началомъ, проникшимъ всѣ проявленія народной жизни. Но по отношенію киргизъ это совершенно несправедливо. Какъ въ своей домашней жизни киргизы не соблюдаютъ предписаній Корана, допуская сравнительно бо́льшую свободу для женщинъ, которыя никогда, напримѣръ, не закрываютъ своего лица, какъ это требуется «правовѣрными», такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ они руководствуются гораздо больше своими древними обычаями, носящими на себѣ слѣды древняго родоваго устройства и древнихъ религіозныхъ воззрѣній, господствовавшихъ у киргизъ до принятія ими магометанства. Обычное право киргизъ живетъ въ памяти народа, выраженное въ многочисленныхъ юридическихъ пословицахъ, которыя поражаютъ изслѣдователя своимъ обиліемъ. Происхожденіе этихъ пословицъ приписывается обыкновенно или хану Тявкѣ, или какому либо другому хану или бію, выдающемуся по своей мудрости и справедливости. Но конечно — многіе изъ нихъ очень древняго происхожденія и составились значительно ранѣе Тявки.

Русское вліяніе на обычное право киргизъ также не отличается своей силой. Непосредственное вліяніе русскихъ порядковъ на складъ жизни киргизъ началось очень недавно: въ Малой Ордѣ—лишь съ 1868 г., въ Средней—нѣсколько раньше, именно около 1838 г.—но было поверхностно вплоть до того же 1868 г., а въ Большой Ордѣ—проявилось и того позже. Въ такое короткое время даже очень крутая ломка не можетъ пересоздать вѣками сложившійся и приспособленный къ потребностямъ жизни общественный строй народа, не можетъ изгладить характерныхъ чертъ этого строя. Русское же вліяніе

въ степи до сихъ поръ было совершенно чуждо логикѣ вѣковыхъ устоевъ народной жизни. До 1838 г.—въ Средней и до 1868 г.—въ Малой Ордахъ киргизы были совершенно независимы въ своей внутренней жизни отъ вліянія русскаго закона. Въ нѣкоторыхъ областяхъ правовой жизни не киргизы, а русскіе приспособлялись къ юридическимъ воззрѣніямъ киргизъ. Такъ, напримѣръ, само правительство въ 50 годахъ прошлаго столѣтія узаконило баранту противъ киргизъ, какъ лучшее средство для воздѣйствія на кочевниковъ. Со времени введенія въ дѣйствіе «Временнаго Положенія объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» 1868 г. русское вліяніе, конечно, усилилось, но тѣмъ не менѣе самая обширная область правовой жизни киргизъ осталась неприкосновенною. Только важныя уголовныя преступленія киргизъ, какъ убійство, грабежъ, разбой и т. п., судятся по русскимъ законамъ; всѣ же гражданскія дѣла между киргизами, а также уголовныя преступленія, включая сюда и кражи, разбираются народнымъ судомъ біевъ. Къ бійскому суду въ большинствѣ случаевъ обращаются и русскіе пограничные жители—казаки и крестьяне—въ своихъ дѣлахъ съ киргизами, хотя имъ и предоставлено право судиться по русскимъ законамъ.

Но если нѣтъ прямаго пути, посредствомъ котораго отражалось бы вліяніе Корана и русскаго закона на обычномъ правѣ киргизъ, то изъ этого нельзя дѣлать еще заключенія объ отсутствіи такого вліянія. Оно существуетъ благодаря тому, что обычное право киргизъ, сложившееся при другихъ условіяхъ народной жизни, часто совершенно не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ жизни. Благодаря этому, многія положенія древняго обычнаго права начинаютъ забываться, и біи или народные судьи киргизъ вынуждены бываютъ заимствовать свои правовыя положенія изъ другихъ источниковъ, т. е. главнымъ образомъ—изъ шаріата, а отчасти и изъ русскихъ законовъ.

Отмѣченныя нами вліянія—очень недавняго происхожденія и только сильнѣе поддерживаютъ существованіе самостоятельно развившагося обычнаго права киргизъ. Намъ остается еще упомянуть здѣсь о воззрѣніи, высказываемомъ извѣстнымъ изслѣдователемъ инородческаго права проф. Леонтовичемъ, въ корень подрывающемъ самостоятельное развитіе киргизскаго обычнаго права. Въ своемъ сочиненіи «Древній монголо-калмыцкій или айратскій уставъ взысканій» г. Леонтовичъ говоритъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, о томъ, что въ эпоху монгольскаго данничества у киргизовъ дѣйствовали древніе монгольскіе уставы; въ особенности по его мнѣнію къ киргизамъ могли при-

виться порядки, развитые «великой ясой» Чингиса. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Леонтовичъ приводитъ такіе черты «сходства» киргизскихъ законовъ съ древнимъ монгольскимъ правомъ, которыя при современномъ развитіи сравнительнаго обычнаго права должны считаться характеристическими особенностями права всѣхъ народовъ, стоящихъ на ступени родоваго устройства, и совершенно не способны служить доказательствомъ заимствованій, какъ, напримѣръ, обычай «самосуда» и «кровная месть», и т. п. Нѣтъ никакихъ сколько нибудь вѣскихъ доказательствъ заимствованія киргизами монгольскаго права; утверждать же такое заимствованіе a priori мѣшаетъ тотъ извѣстный фактъ, что киргизы были исконными врагами монголъ, и въ теченіе столѣтій вели съ ними самую ожесточенную борьбу. Правда, киргизы когда-то входили въ составъ полчищъ монгольскихъ завоевателей, но входили въ нихъ не теряя своего родоваго устройства и независимости въ своей внутренней жизни.

II.

Правовыя нормы, относящіяся къ судоустройству и судопроизводству, по необходимости претерпѣваютъ болѣе сильное вліяніе подъ давленіемъ русскихъ порядковъ. Эти нормы вообще тѣснѣе связаны съ организаціей управленія, съ общимъ строемъ администраціи и потому сильнѣе измѣнились. Судоустройство по необходимости должно было быть нормировано русскимъ закономъ, и эта нормировка, какъ мы увидимъ ниже, не избѣгла ломки стародавнихъ обычаевъ. Болѣе уцѣлѣли нормы судопроизводства, но и въ нихъ замѣтны отступленія отъ старины и именно тамъ, гдѣ древніе обычаи были обусловлены вполнѣ сложившимся родовымъ строемъ. Теперь родовой строй въ значительной степени пошатнутъ, а вслѣдствіе этого пошатнулись или утеряли свой прежній характеръ такіе обычаи, какъ родовая защита нарушенныхъ правъ, заступничество рода за своего члена на судѣ и т. п. Въ виду этого мы будемъ вездѣ держаться историческаго порядка изложенія, стараясь на основаніи собраннаго нами матеріала тщательно выдѣлять всѣ фазисы, черезъ которые прошелъ тотъ или другой обычно-правовой институтъ прежде чѣмъ развиться, или вѣрнѣе въ данномъ случаѣ сказать—прежде чѣмъ выродиться въ тѣ формы, въ которыхъ мы застаемъ его въ настоящее время.

Право суда съ древнѣйшаго времени принадлежало у киргизъ біямъ, султанамъ и ханамъ—тѣмъ же лицамъ, которые были облечены вла-

стью и въ дѣлахъ управленія. Раздѣленіе властей было неизвѣстно киргизамъ, какъ неизвѣстно оно всѣмъ народамъ, стоящимъ на ступени родоваго быта. Въ настоящее время это раздѣленіе существуетъ, но оно есть продуктъ русскаго вліянія, благодаря которому біи являются нынѣ лицами, облеченными исключительно судебными функціями, власть же административная сосредоточена въ низшихъ инстанціяхъ въ рукахъ аульныхъ и волостныхъ старшинъ. Въ вѣрности высказаннаго нами взгляда о значеніи біевъ въ прежнее время убѣждаютъ насъ отвѣты, полученные нами изъ разспросовъ стариковъ, равно какъ и свидѣтельства писателей, изучавшихъ быть киргизъ до покоренія ихъ русскими. Самое слово бій указываетъ на это, ибо происходитъ отъ глагола билейде, что значитъ управляю. Такъ Тишковскій говоритъ, что «киргизы называютъ владѣльцевъ своихъ біями. Иные біи имѣютъ отъ 10 до 20, иные отъ 20—30 улусовъ». То же самое говоритъ генералъ-маіоръ Броневскій въ своихъ «запискахъ», помѣщенныхъ въ Отеч. Зап. за 1830 г., апрѣль: «Бій есть начальникъ одного изъ родовъ—онъ управляетъ ауломъ, состоявшимъ изъ его родственниковъ.... Право на званіе бія есть наслѣдственное. Біи вообще пользуются большею довѣренностью народа, нежели султаны, на которыхъ киргизы смотрятъ, какъ на пришельцевъ. Аулъ или родъ составляетъ какъ бы одно семейство, дѣти и ближніе родственники суть подчиненные бія—старѣйшины въ родѣ. Роды таковые бываютъ иногда довольно многочисленны. Есть даже цѣлыя волости, находящіяся подъ управленіемъ біевъ. Всякое дѣло по обоюднымъ жалобамъ киргизъ ими разбирается». Здѣсь Броневскій, кажется, смѣшиваетъ два рода біевъ, существовавшихъ прежде: мелкихъ біевъ, начальствовавшихъ надъ аулами и родовыхъ біевъ—завѣдывавшихъ цѣлымъ родомъ. По собраннымъ нами путемъ личныхъ разспросовъ свѣдѣніямъ, мелкіе біи избирались аксакалами своего отдѣленія или аула, родовые же біи избирались біями ауловъ, обыкновенно изъ родственниковъ умершаго родоваго бія. Здѣсь не лишнимъ будетъ отмѣтить интересный фактъ, очень богатый аналогіями въ древнемъ правѣ другихъ народовъ—это преобладаніе фактическаго начала при выборахъ надъ формальнымъ. Эта неопредѣленность формальнаго начала и была причиной разногласія изслѣдователей киргизскаго быта, относительно выборнаго начала у киргизъ. Нѣкоторые, какъ Красовскій, напр., совершенно отвергаютъ древность выборнаго начала у киргизъ по отношенію къ своимъ правителямъ, другіе же, какъ Левшинъ, признаютъ это начало господствующимъ. Что оно было очень распространено, тому свидѣтельствомъ служитъ та осторожность, съ

которой приходилось русскому правительству относиться къ выборному началу у киргизъ въ то время, когда власть русскихъ еще недостаточно окрѣпла въ степи. Но существованіе выборнаго начала отнюдь не исключаетъ параллельнаго существованія и начала наслѣдственности, и въ этомъ мы видимъ поразительное доказательство общности законовъ соціологіи. Какъ въ древней Руси выборное начало при замѣщеніи княжескаго престола сосуществуетъ съ началомъ наслѣдственнымъ, такъ и у киргизъ выборы хановъ и біевъ временно уступаютъ мѣсто наслѣдственности, чтобы при другихъ обстоятельствахъ: отсутствіи достойнаго наслѣдника и т. п. снова сдѣлаться господствующимъ способомъ замѣщенія правителей. Аналогія можетъ быть продолжена и дальше. Тщетно мы будемъ искать въ киргизскомъ правѣ подробныхъ указаній состава выборныхъ собраній, опредѣленія способовъ выборовъ и тому подобныхъ формальныхъ началъ. Если въ собраніе отдѣленныхъ, мелкихъ біевъ, выбирающихъ родоваго бія, приходили «аксакалы» или старѣйшины въ родѣ (люди, уважаемые по своей старости и опытности) — они также становились выборщиками. Словомъ, не было строго установленнаго круга лицъ, избиравшихъ біевъ, почему и говорилось, что біи избираются «народомъ». Выборы обыкновенно сопровождались жертвоприношеніемъ, при которомъ торжественно закалывались лошадь или баранъ и читалось «бору» (молитва). Кромѣ мелкихъ и родовыхъ біевъ былъ еще въ прежнее время ордынскій бій. Послѣднимъ изъ такихъ біевъ въ Средней Ордѣ былъ Теленчи, умершій лѣтъ 70 тому назадъ.

Мы упомянули, что киргизы въ древности не знали раздѣленія властей, и что біямъ принадлежали какъ власть суда, такъ и власть управленія. Вѣроятно, въ древности, когда киргизы жили родовыми общинами, біи были единственной властью—властью, выросшею на почвѣ родоваго строя. Впослѣдствіи, когда киргизы стали входить въ составъ полчищъ среднеазіатскихъ завоевателей, у этого мирнаго, по своему характеру, племени появляется военная власть въ лицѣ хановъ, бывшихъ большею частью монгольскаго происхожденія. Съ этого времени начинается у киргизъ раздѣленіе властей на высшихъ ступеняхъ ихъ общественной іерархіи. Рядомъ съ ордынскимъ біемъ является власть хановъ, которые также пріобрѣтали значеніе мудростью своей при разборѣ родовыхъ распрей, хотя, главнымъ образомъ, были военачальниками. Со времени столкновенія киргизъ съ русскими ханская власть у нихъ крѣпнетъ. Ханъ является представителемъ народа въ его сношеніяхъ съ сосѣдями, и нѣкоторые ханы, какъ, напр., Ишимъ и Аблай въ Средней Ордѣ, имѣли власть неограничен-

ныхъ повелителей. Въ это время утверждается даже мысль о делегаціи судебной власти со стороны хана біямъ, и біи взыскиваютъ въ пользу хана извѣстный процентъ съ тяжущихся, подъ названіемъ «ханлыкъ».

Компетенція біевъ была также различна. Мелкіе біи, старѣйшины ауловъ, могли рѣшать только маловажныя гражданскія дѣла (самое большее—споръ о зимовкѣ) и мелкіе кражи. Баранту, разбой, убійство и большіе споры о калымѣ рѣшались родовымъ біемъ. Впрочемъ, эти дѣла могли рѣшаться и мелкими біями, но подъ условіемъ принадлежности обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ одному и тому же отдѣленію, подчиненному данному бію, и то это носило характеръ третейскаго рѣшенія, причемъ не могло быть назначено какое либо иное уголовное наказаніе, кромѣ штрафа.

Наоборотъ, не желающіе судиться у отдѣленнаго бія могли обращаться къ родовому, хотя бы и по маловажному дѣлу. Этотъ случай съ свойственной простонародному языку образностью нормированъ киргизской пословицей: «улькенъ казанга кайнейлонъ», т. е. хочу вариться въ большомъ котлѣ. Родовой бій не могъ уклониться отъ рѣшенія спора: «кельдемекъ баръ кетъ демекъ джокъ», т. е. можно призывать, но отогнать нельзя. Конечно, такое игнорированіе своего бія было обидой, нанесенной ему, и родовой бій считалъ своей обязанностью разобрать, была ли причина такого игнорированія уважительною или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ онъ старался примирить тяжущихся съ ихъ біемъ, но послѣ рѣшенія дѣла, во второмъ случаѣ, т. е. признавая причину необращенія къ своему бію неосновательной, онъ воспрещалъ сторонамъ являться къ нему по дѣламъ, подсуднымъ ихъ бію. Кромѣ дѣлъ подсудныхъ по суммѣ иска или тяжести правонарушенія родовому бію, онъ представлялъ по отношенію къ дѣламъ, подлежащимъ разбору отдѣльныхъ біевъ—вторую инстанцію суда. При этомъ интересно то обстоятельство, что если дѣло рѣшали два бія, съѣхавшись вмѣстѣ, по одному съ каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ и не приходили къ соглашенію, то дѣло переходило на разсмотрѣніе родоваго бія, причемъ къ нему обращались уже сами біи, разбиравшіе дѣло, представляя собой тяжущіяся стороны. Для большей увѣренности въ безпристрастіи со стороны родоваго бія, дѣло излагалось передъ нимъ не конкретно, а гипотетически, въ видѣ проблемы. Но и компетенція родоваго бія была ограничена. Самымъ тяжелымъ наказаніемъ въ его рукахъ было разграбленіе аула виновнаго—кара, практиковавшаяся въ древности и характеризующая собой родовой

бытъ съ его круговой порукой членовъ рода [1]). Смертная казнь и выселеніе изъ предѣловъ рода были не во власти родоваго бія. Эти наказанія нуждались въ санкціи всего народа.

Значеніе біевъ въ древности и отношеніе ихъ къ прежде существовавшей ханской власти выразилось въ слѣдующихъ не лишенныхъ характерности пословицахъ: «Акъ сункаръ—данъ ханъ булса алтынъ тугуръ бій буларъ», т. е. если ханъ бѣлый соколъ, то золотымъ сѣдалищемъ ему долженъ быть бій, и другая: бійдынъ бійлеге джуртунъ бирлеге — калтынъ бирлеге кананъ тирлеге», т. е. бійство у біевъ послужитъ къ единогласію народа, отъ единогласія народа зависитъ существованіе хана.

Не можемъ не остановиться на разборѣ тѣхъ свѣдѣній о бійскомъ судѣ прежняго времени, которые приведены у Самоквасова въ его извѣстномъ сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Свѣдѣнія эти, добытыя оффиціальнымъ путемъ, отличаются неполнотой, отсутствіемъ системы, а главнымъ образомъ, несогласіемъ съ истиной. По всей вѣроятности, причиной послѣдняго недостатка служатъ постороннія цѣли, которыя преслѣдовались лицами, составлявшими сборникъ «законовъ» киргизъ, а также малая подготовка лицъ, руководившихъ работами комитета, составленнаго изъ инородцевъ, не понимавшихъ, чего отъ нихъ требуютъ. Мы рѣшаемся высказать такое мнѣніе на основаніи того, что многія свѣдѣнія, сообщаемыя Самоквасовымъ, расходятся: 1) съ изслѣдованіями Левшина, Загряжскаго, Балютека и др., 2) съ нашими личными разспросами киргизъ, при чемъ мы имѣли между прочимъ спеціальную цѣль провѣрить данныя, сообщаемыя Самоквасовымъ, и, наконецъ, 3) съ тѣми выводами, которые мы получили путемъ пересмотра нѣсколькихъ тысячъ подлинныхъ рѣшеній біевъ и ихъ съѣздовъ. При разногласіи всѣхъ этихъ трехъ источниковъ съ свѣдѣніями Самоквасова, они совершенно согласны другъ съ другомъ, что и даетъ мнѣ право указывать въ дальнѣйшемъ изложеніи замѣченныя мною неточности въ сборникѣ почтеннаго профессора.

Совершенно невѣренъ весь § 9, которымъ начинается глава о судѣ и судьяхъ. «Судъ, говоритъ Самоквасовъ, составляется изъ одного почетнаго бія, имѣющаго преклонныя лѣта, а оный уже собираетъ тоже достойныхъ до 6 человѣкъ киргизовъ; всѣ они разбираютъ дѣло и совѣтуются; но бію, какъ предсѣдателю, даютъ первенство въ сужденіи, и тѣмъ рѣшаются какія бы то ни были дѣла». Этотъ случай поло-

---

1) Ср. «дикую виру» Русской Правды.

жительно неизвѣстенъ киргизамъ. Правда, ханомъ Тауки (Тявки) учреждено было, по народнымъ преданіямъ, собраніе изъ семи біевъ, какъ высшее судилище. Но оно и дѣйствовало только при этомъ ханѣ. По коренному же обычаю киргизъ всякое дѣло рѣшали не больше двухъ біевъ, причемъ если они не приходили къ единогласному рѣшенію, то шли къ третьему, которыми обыкновенно былъ родовой бій. Этотъ третій назывался «тюбебасы». Съѣзды большаго количества біевъ есть нововведеніе, неизвѣстное древнему праву. Бій, правда, можетъ призвать совѣтниковъ изъ не біевъ по своему усмотрѣнію, но это бываетъ только по исключенію; число совѣтниковъ обычаемъ не нормируется и роль ихъ вовсе не та, которая приписывается имъ Самоквасовымъ. Они *никакого* рѣшающаго голоса не имѣютъ. При важныхъ спорахъ стороны приглашали каждая, съ своей стороны, по бію, которые присутствовали при разборѣ дѣла родовымъ біемъ, играя роль защитниковъ въ процессѣ. Такъ было при извѣстномъ теперь еще памятномъ киргизамъ спорѣ двухъ большихъ родовъ—Табуклинцевъ и Конджагалинцевъ. Біи представители или защитники слѣдятъ за тѣмъ, чтобы главный бій-судья рѣшилъ его согласно обычаямъ, чтобы всѣ доказательства, благопріятныя его сторонѣ, были приняты во вниманіе, чтобы были спрошены тѣ или другіе свидѣтели и т. п. Бій, рѣшающій дѣло, обыкновенно, передъ рѣшеніемъ спрашиваетъ этихъ защитниковъ, что они могутъ сказать или дополнить къ тому, что происходило на судѣ. Удовлетворивъ заявленію этихъ защитниковъ, бій, рѣшающій дѣло, раньше, чѣмъ постановить свой вердиктъ, обращается къ нимъ обыкновенно съ просьбой, не могутъ ли они, будучи свидѣтелями всего происходившаго на судѣ, содѣйствовать примиренію. Если это удается—составляется мировая («джарасу»), въ противномъ случаѣ бій произноситъ свой вердиктъ. Оригинально для «юридическаго» сборника постановленіе, высказанное въ § 15, гласящее «что если судья неправо рѣшитъ дѣло, то отвѣчаетъ Богу въ будущемъ вѣкѣ. Это совершенно невѣрно. Ханы за неправое рѣшеніе обыкновенно исключали бія и наказывали его штрафомъ,—разумѣется, если неправосудіе было намѣренное и вызвано недобросовѣстными мотивами.

Насколько противорѣчиво составленъ «Сборникъ» Самоквасова, видно изъ сопоставленія только что приведеннаго § 15 съ послѣдующимъ § 18. Послѣдній гласитъ: «Если судья рѣшитъ дѣло несправедливо, но безъ намѣренія и хитрости, *штрафу на него не полагается*». Значитъ, въ противномъ случаѣ, вопреки § 15, штрафъ полагается!? Не трудно видѣть мотивъ, руководившій составителями Сборника при написаніи 15-го параграфа. Отвѣчая на запросъ русскаго правитель-

ства, киргизы, дававшіе отвѣты, очевидно, желали отстоять самостоятельность бійскаго суда отъ посягательства русской властм и, можно полагать, умышленно искажали отвѣты о своихъ правовыхъ обычаяхъ.

III.

Нынѣшній судъ біевъ у киргизъ многимъ разнится отъ только что описаннаго. Онъ нормированъ русскимъ закономъ, т. е. «временнымъ положеніемъ» 1868 г., согласно которому біямъ присвоена исключительно судебная власть, безъ всякаго различія въ компетенціи однихъ біевъ передъ другими. Согласно «положенію», въ каждой волости [2]) выбирается имъ отъ 4 до 8 біевъ. Выборъ біевъ производится, одновременно съ выборомъ волостнаго управителя, каждые три года волостными съѣздами, на которые собираются по одному представителю съ каждыхъ 50 кибитокъ, по выбору кибитковладѣльцевъ. Волостные съѣзды открываютъ свои дѣйствія въ присутствіи представителя русской администраціи—уѣзднаго начальника или его помощника. Хотя законъ и запрещаетъ этимъ послѣднимъ вмѣшиваться въ выборы, но невмѣшательство ихъ въ дѣйствительности является только исключеніемъ. Выбираются тѣ, кто получилъ большее количество избирательныхъ шаровъ. Біемъ можетъ быть выбранъ всякій киргизъ, пользующійся уваженіемъ и довѣріемъ народа, не опороченный по суду, не находящійся подъ слѣдствіемъ и достигшій 25-лѣтняго возраста. Выбранные въ біи утверждаются губернаторомъ, при чемъ жалованья *имъ никакого* не полагается, но они имѣютъ право получать за рѣшеніе дѣлъ особый штрафъ съ виновнаго («бійлыкъ»); установленный народными обычаями штрафъ этотъ по имущественнымъ искамъ не долженъ быть опредѣляемъ выше десятой части стоимости иска; подсудность тому или другому бію опредѣляется мѣстомъ причисленія отвѣтчика. Именно, при несогласіи сторонъ на третейское разбирательство, при наличности котораго стороны могутъ обращаться къ кому они желаютъ, безразлично—состоитъ-ли это лице въ званіи бія или нѣтъ,—истецъ долженъ обращаться съ просьбой къ бію той волости, въ которой состоитъ отвѣтчикъ, но и только. Выборъ же между біями одной и той же волости предоставляется усмотрѣнію истца.

Судъ біевъ производится гласно, публично, по народнымъ обычаямъ.

---

2) Положеніемъ 1868 г. значительно разрушено прежнее родовое начало, уступивши мѣсто территоріальному. Орды киргизъ раздѣлены на волости, включающія въ себя отъ 1000 до 2000 кибитокъ. Волости подѣлены на аулы, состоящіе изъ 100—200 кибитокъ.

Біи рѣшаютъ дѣла цѣнностью не свыше 300 р., но рѣшенія ихъ окончательныя только по дѣламъ до 30 р. Для рѣшенія дѣлъ болѣе 300 р. назначаются періодически волостные съѣзды біевъ, на которыхъ обязаны присутствовать всѣ біи волости. Эти же съѣзды служатъ второй инстанціей для дѣлъ свыше 30 р., рѣшенныхъ отдѣльнымъ біемъ. Время и мѣсто этихъ съѣздовъ назначается уѣзднымъ начальникомъ. Волостные съѣзды имѣютъ право рѣшать дѣла на всякую сумму, но рѣшенія ихъ окончательны лишь по дѣламъ до 500 р.

Для рѣшенія дѣлъ между нѣсколькими волостями одного уѣзда, по распоряженію уѣзднаго начальника, по мѣрѣ надобности, созываются чрезвычайные съѣзды. Они же представляютъ собой вторую инстанцію суда для дѣлъ выше 500 р., рѣшенныхъ волостными съѣздами. Изъ компетенціи народнаго суда, какъ выше уже замѣчено, исключаются важныя уголовныя преступленія киргизъ, какъ убійства, грабежи, измѣна и т. п. Оригинальному ограниченію подлежатъ также дѣла брачныя: они подлежатъ въ первой инстанціи суда народному суду. Но недовольная сторона можетъ обращаться съ жалобой къ уѣздному начальнику, который и рѣшаетъ дѣло. Такое изъятіе установлено съ тою цѣлью, чтобы смягчить грубость обычаевъ киргизъ, игнорирующихъ въ этомъ дѣлѣ желанія брачущихся—ихъ согласіе. Разумѣется, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ вмѣшательство администраціи мало помогаетъ смягченію нравовъ и создаетъ скорѣе новыя затрудненія.

Изъ предложеннаго описанія судопроизводства, нормированнаго русскимъ закономъ, читатель легко увидитъ, съ какой осторожностью относился законодатель къ правовымъ обычаямъ киргизъ, какъ тщательно онъ избѣгалъ ломки вѣками сложившагося правоваго строя подвластнаго народа. Однако ему не удалось вполнѣ избѣгнуть этой ломки. Не имѣя возможности предоставить народному суду киргизъ важныя уголовныя правонарушенія, онъ подчинилъ ихъ русскому дореформенному суду, гдѣ канцелярскій порядокъ, отсутствіе устности, гласности и публичности процесса, къ которому привыкли киргизы, мало содѣйствуютъ распространенію уваженія къ русскому суду. Уничтоживъ затѣмъ должности родовыхъ біевъ, законодатель учредилъ бійскіе съѣзды, которые если и представляютъ нѣкоторое отступленіе отъ обычая, то вполнѣ оправдывались бы потребностью жизни, если бы не были подвержены въ дѣйствительности слишкомъ сильному вліянію администраціи. Самые выборы біевъ, лишенные той опоры, которую они прежде имѣли въ родовомъ устройствѣ киргизъ и въ томъ обстоятельствѣ, что біи были вмѣстѣ и родовыми старѣй-

шинами,—приводятъ къ тому, что этой должности добиваются какъ доходной статьи, которая предоставляется лицами, имѣющими вліяніе на народъ и стремящимися къ должности волостныхъ управителей—своимъ приверженцамъ, очень часто совершенно лишеннымъ качествъ, необходимыхъ для судьи.

Благодаря этому правовые обычаи быстро забываются. Не кодифицированные, сохраняющіеся лишь въ памяти стариковъ, они мало знакомы современнымъ біямъ, выбраннымъ по соображеніямъ, вовсе не гарантирующимъ за ними знанія народныхъ обычаевъ. Поставленные въ матеріальную зависимость отъ количества и размѣровъ рѣшенныхъ исковъ біи стараются плодить тяжбы и, назначая себѣ въ «бійлыкъ» 10% не съ суммы присужденнаго иска, а съ суммы заявленной истцемъ претензіи, способствуютъ увеличенію этой суммы. Правда, и прежде біи не получали жалованья и въ ихъ пользу былъ назначенъ 10% съ суммы иска, но эти 10% назначались только въ нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ обычаемъ, родахъ исковъ, какъ то въ дѣлахъ о кражахъ, личныхъ оскорбленіяхъ и другихъ правонарушеніяхъ, при которыхъ полагается и извѣстный % въ пользу хана—«ханлыкъ». Теперь же, пользуясь разрѣшеніемъ «положенія», біи смотрятъ на бійлыкъ, какъ на гонораръ, и назначаютъ его при всѣхъ безъ исключенія родахъ исковъ.

Кромѣ того, прежде біи вовсе не были въ такой матеріальной зависимости отъ этого сбора. По обычаямъ киргизъ, біи, бывши вмѣстѣ и родоначальниками, получали все отъ членовъ рода натурой. «Каптынъ учунъ туганыхъ—джумысынъ капъ клады», говорятъ киргизы, т. е. кто родился для народа (для управленія народомъ), для того долженъ работать народъ.

Изложенныя временныя условія, среди которыхъ теперь приходится развиваться киргизскому обычному праву и которыя приводятъ, съ одной стороны, къ постепенному забвенію старыхъ обычаевъ, съ другой—къ нововведенію, обусловленному вліяніемъ магометанской религіи и русскаго закона, вызываютъ правотворящія силы народа на работу съ цѣлью закрѣпить обычай на бумагѣ и также сгладить нововведенія, приспособить ихъ къ условіямъ жизни и воззрѣніямъ народа. Эти стремленія выразились въ одномъ институтѣ, который при умѣлой поддержкѣ можетъ дать самые хорошіе результаты: мы говоримъ объ установившемся обычаѣ на каждомъ чрезвычайномъ съѣздѣ біевъ, прежде начала разбора подлежащихъ дѣлъ, условливаться о коренныхъ началахъ судопроизводства, подлежащихъ примѣненію на этомъ съѣздѣ. Этотъ любопытный обычай, примѣненный къ новому

явленію въ области судопроизводства, вызванному русскимъ закономъ, чрезвычайнымъ съѣздомъ біевъ, носитъ, однако, на себѣ всѣ слѣды очень глубокой древности. Въ немъ выражается древній взглядъ на судъ, какъ на третейское разбирательство. И если мы припомнимъ, что на съѣздѣ являются біи, выбранные въ равномъ числѣ каждой изъ сторонъ въ процессѣ, подлежащемъ суду съѣзда, то эта выработка общихъ началъ судопроизводства получаетъ въ нашихъ глазахъ характеръ «соглашенія» двухъ борющихся сторонъ, соглашенія, которое создаетъ общую почву, необходимую для рѣшенія спора, и безъ которой это рѣшеніе становится невозможнымъ.

Такое соглашеніе носитъ названіе «иридже», которое, вырабатываясь передъ каждымъ съѣздомъ, записывается и является закономъ, но закономъ обязательнымъ только для даннаго съѣзда.

Бывшій военный губернаторъ Семипалатинской области Циклинскій задумалъ воспользоваться этимъ для того, чтобы заставить киргизъ кофидицировать хотя-бы главнѣйшіе изъ своихъ обычаевъ. Онъ собралъ съѣздъ выборныхъ біевъ со всей области урочища Чары и поручилъ имъ составить «иридже», только такое, которое было бы обязательно не только для даннаго съѣзда, но и для послѣдующихъ. Хотя эта попытка не получила дальнѣйшей санкціи, но она всетаки заставила выборныхъ біевъ совмѣстно выработать «иридже», которымъ мы и будемъ пользоваться въ числѣ прочихъ матеріаловъ для нашего изложенія.

Здѣсь нужно замѣтить только о тѣхъ постановленіяхъ съѣзда, которыя относятся къ судопроизводству и которыя трактуютъ о составѣ самихъ съѣздовъ. Чарскій съѣздъ біевъ всей области по этому вопросу постановилъ, чтобы на чрезвычайныхъ съѣздахъ біи избирались самими тяжущимися, т. е. каждая изъ сторонъ выбирала бы своихъ біевъ, число которыхъ, согласно «временному положенію», должно опредѣляться начальствомъ, съ тѣмъ, однако, чтобы стороны не назначали болѣе трехъ. Избранію біевъ долженъ предшествовать третейскій судъ. Если тяжущіеся откажутся отъ третейскаго суда или соглашенія между ними не состоится, то они избираютъ біевъ. Такъ какъ біевъ при такомъ порядкѣ всегда четное число (поровну съ каждой стороны), то возможно, что они не придутъ къ соглашенію. Для такихъ случаевъ біи каждаго уѣзда, участвующаго на съѣздѣ, должны выбрать одно лицо, называемое «тюбе-басы», которыми могутъ быть всѣ «почетныя» лица, все равно, числятся ли они біями или нѣтъ. Если при рѣшеніи дѣла возникнутъ разногласія, то біи обязаны пригласить двухъ «тюбе-басы» подлежащихъ уѣздовъ, а если

и эти лица не приведутъ къ соглашенію, то между «тюбе-басы» остальныхъ уѣздовъ кидается жребій, и вынувшій жребій принимаетъ участіе въ рѣшеніи дѣла, давая своимъ голосомъ перевѣсъ. На съѣздахъ же одного уѣзда выборный уѣздный «тюбе-басы» приглашается біями при разногласіи и разрѣшаетъ споры.

Изъ изложеннаго легко усмотрѣть, что у киргизъ, рядомъ съ бійскимъ судомъ, существовалъ и существуетъ судъ третейскій, фавоизируемый народными обычаями. Къ несчастью, объ его устройствѣ въ древнее время ничего не извѣстно; теперь же онъ всегда состоитъ изъ одного человѣка, выбираемаго по соглашенію обѣихъ сторонъ. Здѣсь любопытно различіе, которое проглядываетъ между гражданскими и уголовными правонарушеніями, обыкновенно не различаемыми обычаями. Именно третейскимъ судомъ могутъ рѣшаться только первые (споры о тамырствѣ, калымѣ и т. п.). Кромѣ этихъ двухъ судовъ, у киргизъ еще существуетъ судъ родственниковъ, который разбираетъ ссоры и правонарушенія, случившіяся въ предѣлахъ одного родоваго союза. Въ противоположность бійскому суду, судъ родственниковъ не гласный, ибо ссоры среди бійскихъ родныхъ не должны выходить наружу. На это свойство суда родственниковъ и указываетъ пословица, которая говоритъ, что «ссора родственниковъ разбирается въ темнотѣ, ссора супруговъ на постелѣ (карындасъ есе карангда хатынъ есе дуастыкъ—та)».

На судѣ родственниковъ рѣшались ссоры между родственниками, а также между родственникомъ-обидчикомъ и обиженной стороной—посторонней, если послѣдняя согласна отдать свое дѣло на разбирательство родственниковъ обидчика. Въ прежнее время, если обидчикъ малолѣтній, обиженный, хотя-бы и не принадлежащій къ родовому союзу, обязанъ былъ обращаться къ суду родственниковъ, но теперь этотъ обычай не практикуется и обращаются за удовлетвореніемъ къ суду біевъ. На судъ родственниковъ собираются всѣ «аксасалы»—ближніе родственники отвѣтчика. Онъ имѣетъ характеръ увѣщательный, но имѣетъ власть налагать и наказанія (штрафы и сѣченіе кнутомъ). Прежде никакія жалобы на этотъ судъ не допускались, но теперь біи, хотя и рѣдко, принимаютъ эти жалобы къ своему разбору, вполнѣ, однако, признавая компетентность суда родственниковъ. Такъ, въ одномъ рѣшеніи чрезвычайнаго съѣзда Семипалатинскаго уѣзда за 1884 г. отвѣтчикъ ссылается, что уже судъ родственниковъ истца вырѣшилъ дѣло и обязалъ его уплатить такую то сумму. Съѣздъ постановилъ провѣрить свидѣтелями лишь фактъ того, что судъ родственниковъ былъ, и если это подтвердится,—оставить рѣшеніе этого суда въ силѣ.

Кромѣ указанныхъ видовъ суда, у киргизъ въ древнее время былъ еще судъ народа, рѣшавшій вопросъ о важныхъ наказаніяхъ: изгнаніи и смертной казни. Составъ этого суда не былъ строго опредѣленъ и обыкновенно состоялъ изъ родоправителей, съѣхавшихся вмѣстѣ и разбиравшихъ дѣло по существу. Рѣшеніе должно было быть, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ единогласное.

IV.

До введенія Временнаго Положенія 1868 г. отвѣтчики вызывались самими біями по словесному заявленію истца. Особыхъ людей для разъѣздовъ бій не держалъ, а посылалъ по своему усмотрѣнію посланца, расходъ которому уплачивалъ истецъ. Расходъ этотъ назывался «атмай котмай». Только при большихъ искахъ о кунахъ и дѣлахъ о барантѣ выбирались біемъ по 2 человѣка, на которыхъ возлагалась обязанность по вызову сторонъ, взысканію штрафовъ и т. п. исполнительныя дѣйствія. Расходъ, уплачиваемый этимъ двумъ лицамъ, носилъ особое названіе: «джуримъ—она». Такимъ же образомъ вызывались и свидѣтели, если они вызывались по усмотрѣнію самого бія, въ противномъ случаѣ они доставлялись сторонами. Если отвѣтчикъ по зову бія не желаетъ явиться добровольно,—его привлекали силой даже связаннаго. Если онъ уѣзжалъ съ цѣлью уклониться отъ суда,—привлекали вмѣсто него кого нибудь изъ членовъ его семьи. При такомъ порядкѣ заочныхъ рѣшеній разумѣется быть не могло. Моими разспросами не подтвердился § 34 Сборника Самоквасова о киргизскихъ обычаяхъ, гдѣ говорится, что отвѣтчикъ вызывался трижды и притомъ вызывался повѣстками. Повѣстокъ никакихъ не было, и сила употреблялась и послѣ перваго отказа прибыть на судъ. Срокъ явки зависѣлъ и теперь зависитъ отъ бія, но также никогда онъ не былъ опредѣленъ такъ, какъ это означено въ указанномъ Сборникѣ—25 верстъ въ сутки. Одно это указываетъ на то, что писавшіе Сборникъ плохо знали быть киргизъ, для которыхъ лишь разстояніе въ 100—150 верстъ можетъ показаться достаточнымъ для дневнаго переѣзда.

Опредѣленнаго знака посыльный отъ бія не носилъ. Но его знали и словамъ его вѣрили, потому что злоупотребленіе именемъ бія считалось оскорбленіемъ послѣдняго, и виновный платилъ отъ одного до трехъ «тогузовъ» штрафу (тогузъ=9 гол. скота). Теперь по Временному Положенію, введшему раздѣленіе власти, всѣ вызовы на судъ дѣлаются по требованію біевъ волостными управителями, при чемъ

начинаютъ входить въ употребленіе и заочные приговоры. На упомянутомъ уже Чарскомъ съѣздѣ біи постановили: «Неявка отвѣтчика удостовѣряется старшиной или управителемъ. Уважительность причины неявки разсматривается судомъ. Если судъ признаетъ неявку уважительной, то рѣшеніе должно быть отсрочено, въ противномъ случаѣ постановляется заочное рѣшеніе. Заочное рѣшеніе одиночнаго бія и волостнаго съѣзда неокончательное. Копія съ него предъявляется отвѣтчику черезъ старшину и волостнаго управителя. Если отвѣтчикъ доволенъ рѣшеніемъ, оно входитъ въ законную силу, если недоволенъ — обязанъ обжаловать *въ двухнедѣльный* срокъ тому же бію, который разсматривалъ дѣло въ первый разъ. Нечего говорить, о томъ, что это постановленіе сдѣлано подъ прямымъ вліяніемъ русскаго закона о заочныхъ рѣшеніяхъ.

Неявка отвѣтчика вслѣдствіе уклоненія отъ суда влечетъ признаніе притязаній противной стороны. Въ выбранныхъ мною рѣшеніяхъ записано слѣдующее рѣшеніе волостнаго съѣзда Зайсанскаго приставства за 1882 годъ, по прошенію киргизки Манрыновской вол. Ботаевой на брата своего киргиза Акпектинской вол. Исмаила Ботаева о неотдачѣ ей приданаго: истицѣ было отказано въ искѣ; «такъ какъ киргизка Ботаева, говорится въ рѣшеніи, на нѣсколько вызововъ не явилась и довѣренности не прислала, то просьбу ея мы, біи, считаемъ ложной».

Представительство со стороны истца и отвѣтчика всегда допускалось. Прежде довѣренность не требовалось, но нужно было, чтобы довѣритель явился лично къ бію и заявилъ бы, что поручаетъ говорить за себя другому. Теперь начинаетъ брать верхъ формальное начало, и біи стали требовать довѣренности письменной, засвидѣтельствованной киргизскими властями. Естественное представительство допускалось и допускается со стороны отвѣтчика брата—за сестру, или брата и отца за сына; со стороны истца отецъ и братъ могли быть естественными представителями только тогда, когда они неотдѣлены. Мужъ всегда былъ естественнымъ представителемъ жены: замужняя женщина въ судъ не допускается. Впрочемъ, въ послѣднее время случаются исключенія изъ этого правила. Въ случаѣ представительства со стороны отвѣтчика взысканіе всегда налагается на представителя, а не на лицо представляемое, за исключеніемъ тѣлесныхъ наказаній; тоже самое при представительствѣ со стороны истца: искъ присуждается въ пользу представителя, а не представляемаго. Эта особенность киргизскаго права прямо указываетъ на то, что институтъ представительства выросъ на почвѣ родственной защиты,

при которой какъ самъ истецъ или отвѣтчикъ, такъ и его представитель-родовичъ были въ сущности на судѣ не самостоятельными субъектами правъ и обязанностей, а представителями рода.

V.

Переходя къ изложенію доказательствъ, принимаемыхъ на судѣ біевъ, нужно замѣтить объ одномъ свойствѣ суда киргизъ, о которомъ мы подробнѣе будемъ говорить ниже, именно, о раздѣленіи процесса на два періода: періодъ состязанія, и періодъ доказыванія. Бо́льшая часть дѣлъ, рѣшаемыхъ судомъ біевъ, рѣшаются альтернативно. Выслушавъ заявленія сторонъ и принявъ къ свѣдѣнію приводимыя имъ доказательства, біи рѣшаютъ, что если доказательства эти подтвердятъ то-то—рѣшеніе такое-то, если нѣтъ—рѣшеніе другое.

Если доказательствами являются свидѣтельскія показанія, если личный осмотръ, то назначается лицо, большею частью—бій, который долженъ произвести указанныя судьей дѣйствія; если же доказательствомъ служитъ самое популярное у киргизъ средство—присяга, то время, мѣсто ея и лице, обязанное приводить къ присягѣ (мулла), назначаются біемъ и затѣмъ споръ самъ собой рѣшается по результатамъ этой присяги.

Хотя громадное большинство дѣлъ рѣшается у біевъ присягой, но слабость этого способа доказательства сознается киргизами. У нихъ сложилась поговорка «джаманъ бій-джанга салабы, джаксы бій джаксыръ ганды табады», т. е. худой бій положитъ на присягу, а хорошій бій (самъ) найдетъ скрытаго».

Но эта поговорка, очевидно, недавняго происхожденія и всѣ данныя, равно какъ и свидѣтельства прежнихъ изслѣдователей быта киргизъ одинаково приводятъ къ убѣжденію, что присяга всегда считалась лучшимъ способомъ доказательства, а прежде была, вѣроятно, единственнымъ. Не смотря на тщательныя изысканія и распросы намъ не удалось найти у киргизъ доказательствъ существованія въ ихъ процессѣ ордалій, хотя и утверждать объ ихъ отсутствіи въ древнемъ процессѣ киргизъ я не рѣшаюсь, въ особенности если приложить къ изслѣдованію вопроса о существованіи ордалій тотъ методъ, который прилагается г. Ковалевскимъ въ его изслѣдованіи «Современный обычай и древній законъ». «Если бы, говоритъ онъ по поводу существованія ордалій у осетинъ, мы относились повнимательнѣе къ нѣкоторымъ народнымъ выраженіямъ, то мы несомнѣнно открыли бы въ нихъ цѣлый рядъ данныхъ для палеонтологіи не одного языка,

но и всего общественнаго и юридическаго склада. Въ самомъ дѣлѣ, выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «я готовъ за тебя въ огонь и воду» не могли же возникнуть случайно. Необъяснимо было бы обращеніе народа къ этимъ именно образамъ прохожденія черезъ огонь и воду, если бы нѣкогда не рисовала ихъ передъ ними сама жизнь. Указанныя выраженія безсознательно употребляются нынѣ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ столѣтія назадъ они примѣнялись вполнѣ сознательно на практикѣ, въ формѣ огневой и водной ордалій, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда. Однохарактерныя выраженія встрѣчаются и въ киргизскомъ языкѣ, а нѣкоторые древніе роды присяги еще яснѣе свидѣтельствуютъ о существованіи въ древности у киргизъ представленій, аналогичныхъ съ тѣми, которыми порождены и ордаліи.

Поединокъ, какъ доказательство, существовалъ въ древности при родовыхъ распряхъ. При мелкихъ преступленіяхъ и въ гражданскихъ спорахъ онъ никогда не употреблялся. Но при большихъ родовыхъ распряхъ случалось, что сами біи, какъ «батыри», выходили на поединокъ.

Поединокъ происходилъ на народномъ оружіи: «саюлахъ [3]), айболтахъ [4]) пикахъ и т. п.

Во время поединка кричали: «эсемъ-ыкъ белса худай джакъ-болсунъ», т. е., если мое дѣло правое, то ему Богъ поможетъ!

Теперь въ процессѣ поединка не осталось, но при бояхъ, устраиваемыхъ на пиршествахъ, произносятся борющимися тотъ же возгласъ.

Присяга въ киргизскомъ правѣ какъ нельзя больше подтверждаетъ мнѣніе г. Ковалевскаго о томъ, что присяга является въ сущности вырожденіемъ ордалій. Она совершалась въ древнее время при условіяхъ, ясно свидѣтельствующихъ объ испытаніи, которому подвергаетъ себя присягатель. Подкрѣпленіемъ этому мнѣнію служитъ уже самое раздѣленіе присяги на виды, сообразно ея важности. Самымъ легкимъ видомъ присяги считался выходъ присягателя передъ истцомъ и произнесеніе слѣдующихъ словъ: «менъ утрке джанъ берсенъ лине худой ультерсенъ хатынъ нымъ саганъ камынъ его ганга джанъ алсанъ сене худай ультерсынъ катынъ-нынъ маганъ халсынъ», т. е. если я за неправаго присягаю—пусть Богъ убьетъ меня; жена моя останется вамъ, если же за правду я присягаю—Богъ пусть убьетъ тебя; жена твоя останется мнѣ. Болѣе тяжелый видъ присяги—это

3) Саюлъ—длинная палка съ большимъ утолщеніемъ на концѣ.

4) Айболта—палка съ желѣзнымъ топорикомъ на концѣ.

клятва на могилѣ какого нибудь знатнаго киргиза: присягатель долженъ былъ трижды обойти сопку, на которой находится могила съ камнемъ на головѣ. Наконецъ третій и самый тяжелый видъ присяги происходилъ слѣдующимъ образомъ: присягателя омывали, какъ покойника, надѣвали на него саванъ, заворачивали въ бѣлую кошму и несли на сопку. Теперь всѣ эти виды присяги совершенно оставлены и она совершается всегда по магометанскому закону надъ Кораномъ.

Присяга самый популярный способъ доказательства на судѣ біевъ и до сихъ поръ носитъ на себѣ явственные слѣды родственной защиты на судѣ. Присяга бываетъ двухъ родовъ: очистительная (со стороны отвѣтчика) и подтвердительная (со стороны истца). Первая употребляется въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вторая лишь по исключенію. Очистительная присяга назначается теперь обыкновенно такимъ образомъ. Бій опредѣляетъ кругъ лицъ, изъ которыхъ истецъ долженъ выбрать присягателя (одного или нѣсколькихъ) для дачи присяги въ виновности или невинности отвѣтчика. Кругъ лицъ и число присягателей назначается біемъ, смотря по важности дѣла. Прежде этотъ кругъ лицъ были родственники отвѣтчика. Это тотъ же институтъ соприсяжничества, который мы встрѣчаемъ у столь многихъ арійскихъ и неарійскихъ племенъ. Теперь, когда родовое начало у киргизъ начало уступать началу территоріальному, этотъ кругъ лицъ опредѣляется тѣмъ административнымъ отдѣломъ, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ: десятствомъ, а большею частью пятидесятствомъ. Чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ больше и кругъ этихъ лицъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ указать на одну особенность киргизскаго обычая соприсяжничества, которое еще разъ и притомъ очень рѣшительно подкрѣпляетъ мнѣніе объ этомъ институтѣ извѣстнаго антрополога Вайца, въ противоположность мнѣнію Дана и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, которые видятъ въ соприсяжникахъ съ самаго начала однихъ только пособниковъ присягателя, призванныхъ придать доказательную силу его присягѣ своимъ ручательствомъ. У киргизъ *никогда* не присягаетъ отвѣтчикъ, а всегда лицо, состоящее съ нимъ въ одномъ десятствѣ или пятидесятствѣ по выбору истца, причемъ отвѣтчику представляется право отвода до выбора не болѣе двухъ человѣкъ. Присягатель не есть свидѣтель «доброй славы» отвѣтчика, онъ не удостовѣряетъ своей присягой, какъ это существовало у арійцевъ, что данное лицо по своему поведенію *не можетъ* совершить даннаго правонарушенія; нѣтъ, онъ прямо удостовѣряетъ, что оно его не совершило. Для этого присягателю приходится самому стать

судьей и путемъ разспросовъ и изслѣдованій обнаружить истину. Разумѣется, сдѣлать это ему не такъ трудно, благодаря связямъ сосѣдства, а большею частью и родства съ отвѣтчикомъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ присяга является тяжелой повинностью, отъ которой стараются избавиться, и у киргизъ установилась привилегія для извѣстныхъ лицъ, избавляющая ихъ отъ возложенія на нихъ присяги. «Акка джанъ берсень-га айранъ дай джугаръ», говоритъ киргизская пословица, т. е. не присягай даже за правду, потому что можетъ запачкаться какъ отъ айрана [5]). «Акъ добалса джанъ берше азъ даболса малъ берь», т. е. хотя бы за правду не присягай, а откупись скотомъ даже въ томъ случаѣ, если у тебя его мало.

Прежде привилегія освобожденія отъ обязанности быть присягателемъ касалась только ордынскихъ біевъ и султанскихъ родовъ. Теперь всѣ біи и волостные управители пользуются такой привилегіей. Но присяга тяжела не только для присягавшаго, а и для противной стороны, которая обязана присутствовать при принятіи очистительной присяги. Прежде истецъ никогда не присутствовалъ при присягѣ выбраннаго имъ присягателя со стороны отвѣтчика, но для этого выбиралось извѣстное лицо изъ роду истца. Это лицо называлось «каичи», и оно также нравственно отвѣчало въ томъ случаѣ, если соглашалось присутствовать при присягѣ, очищающей невиннаго отвѣтчика. Вотъ почему у киргизъ говорятъ, что присяга присягателя и для того, кто ея вынуждаетъ («джанъ айганга да, бергенге де бердей и ике джитде шиакъ дай»). Мы говорили, что чѣмъ больше дѣло, тѣмъ больше и кругъ лицъ, изъ которыхъ должны быть выбраны присягатели и тѣмъ больше число этихъ послѣднихъ. Въ рѣшеніяхъ біевъ это прямо мотивировано. Такъ въ рѣшеніи чрезвычайнаго съѣзда Семипалатинскаго уѣзда 1884 г., № 65, за убійство очистительная присяга возложена на 6 человѣкъ, въ то время какъ въ мелкихъ дѣлахъ она возлагается на одного. Въ другомъ рѣшеніи того же съѣзда при искѣ въ 900 р. присяга возложена на трехъ человѣкъ, «потому что сумма иска велика», а въ рѣшеніяхъ № 120 также три человѣка, «потому что искъ давній».

Въ «иридже» чарскаго съѣзда прямо постановлено—«число присягателей бываетъ по дѣламъ о кунѣ [6]) за мужчину 4 человѣка, по дѣламъ о кунѣ за женщину 2 человѣка, по всѣмъ прочимъ дѣламъ 1 человѣкъ. При назначеніи нѣсколькихъ присягателей интересно по-

---

[5]) Айранъ—питье киргизъ, смѣсь молока съ водой.

[6]) Кунъ—штрафъ за убійство.

становленіе обычнаго права, что искъ присуждается въ части, соотвѣтствующей числу очистившихъ присягой отвѣтчика изъ общаго числа назначенныхъ на присягу. Такъ если назначено 4 человѣка и одинъ не присягнулъ и не очистилъ, слѣдовательно, отвѣтчика, а 3 присягнули, то истцу присуждается $^3/_4$ часть иска. На женщинъ и несовершеннолѣтнихъ очистительная присяга не возлагается. Совершеннолѣтній сынъ, хотя бы и не отдѣленный, можетъ присягать, также можетъ и находящійся въ услуженіи, но не за своего хозяина. Срокъ присяги ничѣмъ не опредѣленъ, и назначается съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы отвѣтчикъ успѣлъ дать присягателю доказательства своей невинности. Поэтому на срокъ присяги вліяетъ какъ степень удаленности отвѣтчика отъ присягателя, такъ и степень важности и запутанности дѣла. Но совершенно невѣрно замѣчаніе г. Баллюзека, что самый короткій срокъ присяги бываетъ три дня (Зап. геогр. общ., 1871, II, 65). Я могъ бы привести массу бійскихъ рѣшеній, гдѣ срокъ присяги назначается на другой и даже въ самый день разбора дѣла.

Подтвердительная присяга со стороны истца, но ни въ какомъ случаѣ не на самаго истца, возлагается въ двухъ случаяхъ: 1) когда у истца есть доказчикъ и 2) когда у отвѣтчика нѣтъ волости, т. е. когда имъ является человѣкъ пришлый. Первый случай собственно сюда не относится, потому что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ совершенно особый институтъ, средній между присягой и свидѣтельствомъ, институтъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Во второмъ же случаѣ біи опредѣляютъ кругъ лицъ, но уже со стороны истца, изъ которыхъ *отвѣтчикомъ* долженъ быть выбранъ присягатель. Вѣроятно, прежде такіе случаи бывали чаще. Когда очистительная присяга возлагалась на родственниковъ отвѣтчика, всякій не пребывающій въ предѣлахъ своего рода былъ пришлецомъ. Теперь не то. Родственное начало уступило территоріальному, и пришлый человѣкъ, осѣвшій на новомъ мѣстѣ, является членомъ того отдѣленія, въ которомъ онъ находится болѣе или менѣе продолжительное время. Такъ, напр., въ одномъ рѣшеніи съѣзда 1881 г. мы встрѣчаемъ назначеніе присяги «изъ рода» такого-то, вовсе не рода отвѣтчика. Отвѣтчикъ принадлежитъ къ Чаганской волости, отстоящей довольно далеко отъ города Семипалатинска, а живетъ въ киргизской части этого города, которую занимаетъ и назначенный къ присягѣ родъ. Въ мотивѣ къ такому опредѣленію прямо сказано, что назначеніе это дѣлается, потому что отвѣтчикъ живетъ въ городѣ.

Если истецъ представляетъ отъ себя постороннее лицо, которое

беретъ на себя обязанность доказать виновность отвѣтчика, то на это лицо и возлагается присяга. Лицо это называется доказчикомъ (по киргизски «аигакъ»). Очевидно, такимъ лицомъ можетъ быть или свидѣтель преступленія или лицо, собравшее свѣдѣнія отъ свидѣтелей, почему мы и считаемъ себя въ правѣ поставить этотъ институтъ какъ средній между присягой и свидѣтельскимъ показаніемъ. Впрочемъ, въ киргизскомъ правѣ есть нѣсколько такихъ переходныхъ ступеней отъ присяги къ свидѣтелямъ, въ томъ смыслѣ какъ понимаются свидѣтельскія показанія въ нашемъ правѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ свидѣтели спрашиваются на народномъ судѣ очень рѣдко, потому что очень рѣдко судъ рѣшаетъ дѣло сразу, выводя свое заключеніе изъ данныхъ, добытыхъ при разборѣ. Большею частью, если есть свидѣтели правонарушенія—на нихъ и возлагается присяга, которую они должны дать уже послѣ суда, и сообразно которой дѣло принимаетъ тотъ или другой исходъ.

Свидѣтелями могутъ быть только благонадежныя лица. Женщины къ свидѣтельству допускаются, но лишь съ извѣстными ограниченіями, которыя, вѣроятно, и ввели въ заблужденіе авторовъ собранія киргизскихъ законовъ, помѣщенныхъ у Самоквасова, когда они категорически отрицаютъ способность женщинъ быть свидѣтелями на судѣ біевъ (§ 48). Именно до 60-лѣтняго возраста женщины въ судъ къ бію не вызываются, но допрашиваются біемъ на дому или біи ограничиваются спросомъ довѣренныхъ отъ женщинъ лицъ, большею частью ихъ естественныхъ представителей. Позже 60-ти лѣтъ женщины вызываются въ судъ къ бію. «Жена не спрашивается, мать спрашивается», говоритъ народная пословица: («хатынъ суралъ-масъ, она суралъ-ларъ»). Вѣроятно, надо считать эту пословицу имѣвшею буквальный смыслъ въ древности, когда, при твердости родовыхъ устоевъ, естественно, могли свидѣтельствовать лишь лица правоспособныя, т. е. главы семействъ, и, слѣдовательно, изъ женщинъ лишь вдова, имѣвшая дѣтей и дѣлавшаяся главою семьи. Теперь киргизы толкуютъ свою пословицу въ смыслѣ подтвержденія вышеприведеннаго обычая допускать въ судъ только тѣхъ женщинъ, которыя достигли 60-лѣтняго возраста. Они говорятъ, что женщины старѣе 60-ти лѣтъ считаются какъ бы способными быть только матерью, и что въ этомъ смыслѣ и надо понимать слово «мать» въ означенной поговоркѣ; свидѣтельское показаніе женщины равносильно $^1/_2$ свидѣтельскаго показанія мужчины, т. е. противъ одного свидѣтеля мужчины должны быть двѣ свидѣтельницы женщины. Прежде совершеннолѣтіе для свидѣтеля было 15 лѣтъ, нынѣ—18. Рабы безусловно не допускались къ сви-

дѣтельству, какъ не допускались и къ присягѣ. Находящіеся въ услуженіи не могутъ быть свидѣтелями только въ дѣлахъ противъ своего хозяина.

Для полнаго доказательства требуется показаніе двухъ свидѣтелей въ маловажныхъ дѣлахъ, и четырехъ—въ дѣлахъ болѣе важныхъ. На мои разспросы относительно того, что въ сборникѣ Самоквасова сказано, будто для полнаго доказательства надо показаніе трехъ свидѣтелей, мнѣ отвѣчали, что это обычаями никогда не устанавливалось и вошло въ сборникъ, вѣроятно, изъ «шаріата», въ которомъ имѣется изреченіе изъ Корана, что Богъ любитъ счетъ нечетный. Если обѣ стороны выставили свидѣтелей, то дѣло рѣшается въ пользу той, у которой свидѣтелей оказалось больше. Но предварительно сторонѣ съ меньшимъ числомъ свидѣтелей дается право лично или черезъ довѣренное лицо произвести свидѣтелямъ противной стороны перекрестный допросъ, съ цѣлью сбить свидѣтелей въ ихъ показаніяхъ. Отводъ свидѣтелей допускается лишь по уважительнымъ причинамъ, каковыми считаются: 1) вражда («кастеко»), 2) дружба или родство («достекъ»), 3) умственная неспособность («джастыкъ») и 4) завѣдомая лживость свидѣтеля или худая слава о немъ («мастыко» [7])). Сравнивая роль присяги и свидѣтельскаго показанія на народномъ судѣ киргизъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что хотя значеніе присяги значительно упало въ послѣднее время, и въ сознаніе народа уже проникаетъ мысль о негодности этого способа доказательства, оно всетаки преобладаетъ и является излюбленнымъ средствомъ обнаруженія истины. Изъ просмотрѣнныхъ мною рѣшеній съѣздовъ біевъ болѣе 80% рѣшено присягой. Въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ прямо проглядываетъ предпочтеніе присягѣ изъ названныхъ двухъ родовъ доказательствъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ рѣшеніи истецъ ссылается въ доказательство своего иска на трехъ свидѣтелей, но біи присуждаютъ альтернативно, предоставляя право выбора отвѣтчику, либо очистить себя присягой черезъ выбранное истцомъ изъ одного пятидесятства лицо, либо подчиниться показанію свидѣтелей, которое они дадутъ также подъ присягой. Есть рѣшенія, въ которыхъ вовсе не обращается вниманіе на ссылку на свидѣтелей, сдѣланную сторонами, и дѣло кладется на присягу.

Такое предпочтеніе одного способа доказательства передъ всѣми другими вызываетъ справедливую реакцію, вполнѣ согласующуюся съ современными условіями жизни.

7) Здѣсь слово это имѣетъ техническое значеніе. Въ обыденной рѣчи оно означаетъ глупость.

Прежде присяга имѣла громадное нравственное значеніе, но теперь, когда она происходитъ безъ аттрибутовъ, наводившихъ суевѣрный страхъ на присягающаго, когда она дается не членомъ тѣснаго родоваго союза, навлекающимъ неправильной присягой своей позоръ на цѣлый союзъ, а лицомъ, связаннымъ съ отвѣтчикомъ лишь связью сосѣдства—теперь все чаще и чаще слышатся голоса, порицающіе этотъ способъ доказательства. Подъ вліяніемъ такой реакціи и составлены правила «иредже» на чарскомъ съѣздѣ, правила, по которымъ всякій бій и съѣздъ біевъ разрѣшаетъ дѣло на основаніи свидѣтельскихъ показаній, и если свидѣтель спрошенъ и далъ опредѣленное показаніе, то бій обязанъ постановить рѣшеніе, не передавая на присягу.

Документы, какъ доказательство, являются нововведеніемъ, въ которомъ отразилось сильнѣе всего русское вліяніе. Прежде документовъ, какъ доказательства, на судѣ не существовало и они въ судъ не принимались. Теперь они принимаются, причемъ требуется, чтобы они были засвидѣтельствованы должностными лицами, или удостовѣрены подписями 3-хъ свидѣтелей. Вексель принимается ко взысканію, причемъ, если отвѣтчикъ заявитъ сомнѣніе въ его подлинности, то назначается присяга. Само собой разумѣется, что съ вексельнымъ правомъ біи не справляются и не принимаютъ во вниманіе даже отводъ по 10-лѣтней давности. Въ одномъ рѣшеніи 1881 года предъявляется ко взысканію вексель, выданный въ 1864 г., и біи присудили взысканіе по немъ. Этимъ въ широкихъ размѣрахъ пользуются лица русскаго происхожденія, предъявляя просроченные векселя ко взысканію въ бійскій судъ и получая удовлетвореніе, зачастую по оплаченному уже векселю.

Оригинальное письменное доказательство встрѣчаемъ мы въ рѣшеніи того-же 1881 г. Обвиняемый въ кражѣ ссылается на то, что можетъ достать удовлетвореніе отъ управителя въ своей невиновности. Біи опредѣлили: обязать доставить удостовѣреніе къ такому-то числу, въ противномъ случаѣ считать виновнымъ.

Поличное, конечно, считается однимъ изъ лучшихъ доказательствъ. «Кеть-табула-сютъ-та-булмасъ» говорятъ киргизы, т. е. если отыщется поличное, не отыщется возраженія. Лицо, нашедшее свою украденную вещь у другаго, беретъ эту вещь и возлагаетъ обязанность на того, у котораго нашелъ вещь, доставить того, отъ котораго имъ эта вещь пріобрѣтена. Если это послѣднее лицо скрылось, то, доставивши удостовѣреніе объ этомъ, тотъ, у кого опознана вещь, долженъ дать очистительную присягу въ томъ, что добросовѣстно получилъ

вещь и тогда примѣняется извѣстный и русскому обычному праву [8]) обычай «грѣхъ пополамъ»: потерпѣвшій принимаетъ вещь и платитъ тому, у котораго нашелъ ее, половину ея стоимости. Обязанность лица, у котораго опознана вещь, опредѣляется слѣдующей пословицей: «атъ устатканъ аза бананъ кутуларъ эръ, устатканъ сыбегененъ кутуларъ», т. е. давшій опознаннаго коня освобождается отъ мученій, давшій человѣка, отъ котораго взялъ, освобождается отъ платежа.

При рѣшеніи дѣлъ гражданскихъ и по личнымъ обидамъ и оскорбленіямъ біи должны стараться помирить стороны. Прежде объ этомъ старались при разборѣ большинства дѣлъ, но теперь біи не любятъ примиренія, ибо лишаются черезъ него «бійлыкъ» или 10% съ суммы иска. Мировая называется «берике». Это слово арабское и собственно значитъ «благословеніе». Берике налагаетъ обязанность непремѣнно ее исполнить, и самъ бій наблюдаетъ за этимъ. Въ случаѣ неисполненія прибѣгается къ понудительнымъ мѣрамъ, но дѣло никогда не рѣшается.

Если примиреніе не состоится, біи приступаютъ къ рѣшенію, назначая обыкновенно, какъ выше уже было упомянуто, время, въ которое должны быть доставлены доказательства. Въ большинствѣ случаевъ такимъ доказательствомъ бываетъ присяга.

Здѣсь умѣстно упомянуть еще объ одномъ правовомъ институтѣ, называемомъ «сулукъ»,—нѣчто въ родѣ извѣстнаго русскому обычному праву и уже упоминавшемуся нами обычаю «грѣхъ пополамъ», только относящемуся исключительно къ дѣламъ подлежащимъ доказательству послѣ постановки рѣшенія. Біи опредѣляютъ: положить на присягу съ тѣмъ, чтобы отвѣтчикъ очистилъ себя черезъ присягу одного человѣка, выбраннаго истцомъ изъ пятидесятства отвѣтчика. Если присяга состоится, отвѣтчикъ свободенъ отъ иска, если нѣтъ—онъ долженъ уплатить всю сумму иска. Если же отвѣтчикъ пожелаетъ удовлетворить истца, не допуская до присяги, то платитъ «сулукъ» столько-то; обыкновенно назначается половина иска.

VI.

Исполненіе рѣшеній прежде всегда лежало на обязанности бія. «Бійлыкъ айтханъ біелисъ — битымъ, тапканъ бій буларъ» говорятъ киргизы, т. е. не будетъ біемъ тотъ, кто ограничится одной постановкой рѣшенія, но біемъ назовется лишь тотъ, кто и привелъ рѣшеніе въ исполненіе.

[8]) См. Пахманъ, «Русское обычное право».

Теперь исполненіе рѣшеній біевъ по «Временному Положенію» возложено на управителей волостей, а въ Чарскомъ ириже постановленъ и срокъ, въ теченіе котораго исполненіе должно послѣдовать: мѣсячный—для рѣшеній чрезвычайнаго съѣзда біевъ, трехнедѣльный—для волостнаго съѣзда и одна недѣля—для рѣшеній одиночныхъ біевъ.

Мы не можемъ окончить изложеніе способовъ защиты своего права, не упомянувъ объ обычаѣ саморасправы, оставшемся какъ наслѣдіе древности, но всетаки довольно часто практикуемомъ и теперь.

Еще живы у киргизъ тѣ чувства и мысли, которыя заставляли ихъ предковъ силой возстановлять свое право, разъ оно кѣмъ либо нарушено. Еще до сихъ поръ, если киргизъ не можетъ найти удовлетвореніе у біевъ, что въ особенности часто бываетъ при большихъ родовыхъ спорахъ, въ которыхъ біи сами являются заинтересованными лицами,— онъ считаетъ своимъ долгомъ отомстить врагу «барантой» или угономъ скота.

На баранту должны идти родственники и друзья потерпѣвшаго. «Если есть храбрецъ въ твоемъ родѣ—не останется твой искъ за чужимъ родомъ», говорятъ киргизы и считаютъ позоромъ, если кто не мститъ врагу изъ-за страха. Разумѣется такое насильственное возстановленіе своего права путемъ угона скота, нерѣдко сопровожчающагося нападеніемъ на аулъ обидчика, влечетъ за собой месть, которая, распространяясь, охватываетъ иногда цѣлыя волости и нарушаетъ спокойствіе степной жизни. Всѣ усилія русской администраціи до сихъ поръ остаются тщетными въ этомъ отношеніи, а баранта и въ настоящее время имѣетъ въ глазахъ киргизъ что-то привлекающее, «молодеческое». Не даромъ пѣснь народная воспѣваетъ молодецкіе набѣги барантачей, и подвиги ихъ пріобрѣтаютъ широкую извѣстность въ степи! «Баранта»—это продуктъ степной жизни и не скоро еще уступитъ свое мѣсто прочно установившемуся правовому порядку.

А. Леонтьевъ.

ЛЕРУА-БОЛЬЕ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ВМѢШАТЕЛЬСТВѢ *).

Leroy-Beaulieu, *L'état moderne et ses fonctions.*

Въ послѣдніе годы на Западѣ Европы все сильнѣе и сильнѣе развиваются теченія, направленныя къ тому, чтобъ усилить государственное вмѣшательство въ область экономическихъ отношеній. Протекціонизмъ, который нѣкоторое время считался совершенно побѣжденнымъ, ожилъ и въ нѣкоторыхъ странахъ достигъ чрезвычайнаго развитія. Государственный соціализмъ прочно насажденъ въ Германіи княземъ Бисмаркомъ. Эти движенія отразились и въ наукѣ. Катедеръ-соціализмъ или этическая школа политической экономіи получила въ Германіи широкое распространеніе. Успѣхъ такихъ сочиненій, какъ извѣстныя книги Джорджа,— хотя большихъ научныхъ достоинствъ книги эти и не имѣютъ—свидѣтельствуетъ о сходномъ движеніи мысли въ Америкѣ и Англіи. Сравнительно въ сторонѣ отъ указаннаго направленія научной разработки вопросовъ государственнаго права и политической экономіи находится Франція. Здѣсь мало выходитъ по этимъ отраслямъ знанія сочиненій, которыя могли бы быть поставлены на ряду съ лучшими нѣмецкими, англійскими и даже итальянскими научными трудами. Во Франціи въ настоящее время нѣтъ ни одного ученаго, который по силѣ и оригинальности могъ бы выдержать сравненіе съ итальянскимъ, напримѣръ, экономистомъ Лоріа [1]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскій институтъ увѣнчалъ преміей имени извѣстнаго экономиста Росси трудъ профессора политической экономіи въ канскомъ юридическомъ факультетѣ Эдмонда Виллей [2]). Трудъ

*) Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества, 19 марта 1890 года.

1) Въ русской литературѣ единственныя свѣдѣнія объ этомъ ученомъ даны г. Герценштейномъ въ *Русской Мысли*.

2) *Edmond Villey*: *Du role de l'état dans l'ordre économique*. 1882. Другое сочиненіе, также получившее премію, было написано Журданомъ, профессоромъ въ Э.

этотъ написанъ на заданную *Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ* тему и носитъ названіе: *о роли государства въ экономическомъ строѣ*. Авторъ доказываетъ, что роль государства не можетъ быть повсюду и на всѣхъ ступеняхъ развитія цивилизаціи одинаковою. Виллей является горячимъ защитникомъ индивидуальной свободы. Человѣкъ по природѣ свободенъ, говоритъ онъ, и въ то же время является соціальнымъ существомъ; личность должна терпѣть ограниченія своей свободы только въ той мѣрѣ, въ которой этого требуетъ общественная необходимость. Человѣкъ имѣетъ свою собственную цѣль существованія, свои собственныя права, и первое изъ нихъ — *свобода*; общество, наоборотъ, является лишь *отношеніемъ*, отношеніемъ необходимымъ, конечно, которое налагаетъ на свободу человѣка извѣстныя ограниченія, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ параллель съ этою личною свободою. Цивилизація, по мнѣнію французскаго ученаго, стремится къ тому, чтобы ввести государство въ его нормальныя границы и укрѣпить его тамъ, освобождая все болѣе и болѣе личность отъ правительственной опеки. Кончая свой трудъ, Виллей ссылается на статью Поля Леруа-Больё, въ которой этотъ послѣдній предостерегалъ противъ чрезмѣрнаго увеличенія государственныхъ расходовъ, т. е. возвышенія податей, займовъ, чрезвычайныхъ кредитовъ.

Въ нынѣшнемъ году появилось сочиненіе Леруа-Больё, посвященное тому же вопросу, какъ и трактатъ Эдмонда Виллей. Леруа-Больё подвергаетъ новому разсмотрѣнію вопросъ о функціяхъ современнаго государства. По его мнѣнію, современное государство, которое онъ опредѣляетъ какъ въ большей или меньшей степени избирательное, своимъ вмѣшательствомъ во множество отношеній убиваетъ личную волю. Въ томъ же упрекаетъ французскій экономистъ и моралистовъ, за чрезвычайную будто бы сантиментальность, съ которою они указываютъ на пороки и бѣдствія людей. Леруа-Больё превозноситъ Спенсера и Тэна, которые возстаютъ противъ расширенія государственнаго вмѣшательства въ такія области, гдѣ, по ихъ мнѣнію, должна господствовать свобода.

Въ концѣ прошлаго вѣка господствовавшее ученіе старалось ограничить роль государства. Д'Аржансонъ требовалъ, чтобъ не слишкомъ много управляли; Гурне писалъ *laisser faire, laissez passer*, аббатъ Галіани провозглашалъ, что *il mondo va da se*. Доктрина личной свободы ярко выразилась въ знаменитой *Деклараціи правъ*. Позднѣе дѣло дошло до крайностей, и государство стали называть лишь необходимымъ зломъ и другими еще менѣе лестными именами. Новая сила однако—паръ—заставила государство выйти изъ его пассивнаго положенія. Фабрики, желѣзныя дороги и другія промышленныя предпріятія создали такія от-

---

3) *Paul Leroy-Beaulieu*: *L'état modèrne et ses fonctions*. Книга эта представляетъ переработку статей, напечатанныхъ въ прошломъ году въ *Revue des Deux-Mondes*.

ношенія, которыя не могли быть безразличны для общественной власти. Парламентскій образъ правленія, свобода печати, все болѣе и болѣе расширявшаяся подача голосовъ, стали звучными и могущественными органами, которые возвѣщали о нуждахъ и бѣдствіяхъ рабочаго класса.

Леруа-Больё ставитъ все возраставшія требованія отъ государства въ связь съ господствомъ пантеистической философіи; но это мнѣніе не имѣетъ никакого серьезнаго основанія, потому что идолопоклонство передъ государствомъ совершенно свободно уживается съ иными религіозными вѣрованіями, какъ и съ ихъ полнымъ отсутствіемъ.

Здравое ученіе о государствѣ начинается, по мнѣнію Леруа-Больё, во Франціи съ Мишеля Шевалье, въ Англіи—съ Д. С. Милля. По воззрѣнію перваго изъ этихъ мыслителей, государство призвано направлять общество къ благу, предохранять его отъ зла, быть двигателемъ общественныхъ улучшеній, «sans prétendre au monopole de cette belle attribution». Эта оговорка особенно одобряется Леруа-Больё. Задачи государства, по мнѣнію французскаго экономиста, чрезмѣрно расширяются Гамбеттою, напримѣръ, который желаетъ, чтобъ правительство прежде всего было двигателемъ прогресса, органомъ общественнаго мнѣнія, покровителемъ всѣхъ правъ и иниціаторомъ въ дѣлѣ развитія національнаго генія. Лавле полагаетъ, что государство должно стремиться къ воцаренію справедливости. Леруа-Больё указываетъ, что ученіе о всемогуществѣ государства получило особенное распространеніе въ нѣмецкой экономической наукѣ, и съ большею похвалою отзывается о Ромерѣ, который остался внѣ этого теченія. Возрастаніе бюджетовъ свидѣтельствуетъ о чрезмѣрномъ ростѣ правительственныхъ функцій, и единственною уздою въ этомъ отношеніи, говоритъ Леруа-Больё, является дефицитъ.

Лоренцъ Штейнъ учитъ, что государство есть наиболѣе высокая форма личности, но Леруа-Больё относится къ этому взгляду отрицательно. Государство есть производная личность, его истинные элементы—дѣйствительныя личности, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія для утвержденія, что государственныя функціи всегда и вездѣ исполняются лучшими, наиболѣе способными и достойными людьми. «Les fonctions d'état n'illuminent pas nécessairement l'intelligence, et n'épurent pas nécessairement les coeurs». (29). Расширеніе государственныхъ функцій ведетъ къ умноженію чиновничества, а тамъ, говоритъ Леруа-Больё, — политическая свобода скомпрометтирована, гдѣ чиновниковъ болѣе 5 или 6 на сто избирателей. Когда эта цифра поднимается до десяти, политическая свобода исчезаетъ. Личность входитъ своими интересами, и матеріальными и духовными, въ сближеніе съ интересами другихъ личностей, и разнообразные союзы, ассоціаціи и конгрессы, которые характеризуютъ высокій уровень цивилизаціи, должны стоять подъ контролемъ государства, но внѣ прямой зависимости отъ него, а во многихъ случаяхъ такіе ассоціаціи и конгрессы переступаютъ уже предѣлы отдѣльнаго государства и становятся международными. Эти ассоціаціи чаще, чѣмъ государство, являлись дви-

гателями цивилизаціи, носителями просвѣтительныхъ и гуманныхъ идей. Вмѣшательство государства иногда благодѣтельно, но чаще оно дѣйствуетъ въ ущербъ личности. Государство беретъ себѣ чрезмѣрно много и говоритъ въ такихъ случаяхъ *quia nominor leo*. Страшныя гоненія, которыя многократно въ исторіи воздвигались государствомъ, инквизиція, Варѳоломеевская ночь и другія кровавыя преступленія совершались не потому только, что правители были злые или плохіе люди, а потому, главнымъ образомъ, что крѣпка была вѣра въ непогрѣшимость государства, въ его мнимое превосходство надъ умомъ и совѣстью отдѣльнаго человѣка. Слава нашего вѣка, говоритъ Леруа-Больё,—именно и заключается въ освобожденіи мысли и вѣрованій отъ пагубной опеки государства.

Французскаго экономиста безпокоитъ развитіе избирательной демократіи. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ мнѣнія Чемберлена, что народу нечего бояться вмѣшательства государства, такъ какъ народъ самъ сталъ государствомъ. Наоборотъ, слова Жюля Симона, который думаетъ, что государство должно работать для того, чтобъ сдѣлать себя безполезнымъ, сочувственно цитируются авторомъ книги «*Современное государство и его функціи*». Упомянутый страхъ побуждаетъ Леруа-Больё впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою въ самомъ важномъ положеніи: признавая съ одной стороны, личную и политическую свободу высшимъ благомъ и утверждая, что она исчезаетъ, когда число чиновниковъ возрастаетъ до 10 на сто избирателей, Леруа-Больё склоняется тѣмъ не менѣе въ пользу большихъ бюрократическихъ монархій, представляющихъ, по его мнѣнію, меньшее зло, чѣмъ избирательная демократія, съ измѣнчивымъ большинствомъ, а потому и правительствомъ.

Существенныя функціи государства, говоритъ Леруа-Больё, вытекаютъ изъ его природы. Государство есть обязательный, принудительный аппаратъ. Оно представляетъ общность территоріи и общность жителей страны и удовлетворяетъ тѣмъ общимъ нуждамъ націи, которыя не могутъ быть надлежащимъ образомъ удовлетворены личнымъ починомъ, а требуютъ безусловнаго и предварительнаго содѣйствія всѣхъ гражданъ, т. е. государства. Къ такимъ нуждамъ относятся безопасность, предохраненіе отъ заразительныхъ болѣзней, правосудіе. Но невозможность ограничить государственную дѣятельность только этими задачами обнаруживается немедленно, и Леруа-Больё высказывается за извѣстное вмѣшательство въ подготовку, если не въ исполненіе общественныхъ работъ. Французскій экономистъ имѣетъ при этомъ въ виду экспропріацію, которая можетъ быть довѣрена только государству. Дальше мы читаемъ, что государство является естественнымъ стражемъ и покровителемъ слабыхъ; но чрезмѣрная чувствительность въ этомъ отношеніи крайне вредна, потому что государство не обязано обезпечивать общее счастье. Не надо, по мнѣнію Леруа-Больё, терять изъ виду, что каждый долженъ отвѣчать за свои слабости и страдать за нихъ. Въ содѣйствіи успѣхамъ цивилизаціи государство также должно соблюдать величайшую сдержанность, чтобъ

не подорвать личной инціативы, свободнаго почина, ибо для націи, какъ и для человѣка, развитіе ума мало значитъ безъ соотвѣтствующаго развитія воли. Постоянное вмѣшательство государства лишаетъ волю энергіи, пагубно отзывается поэтому на всей націи. Въ этомъ состоитъ одинъ изъ существенныхъ недостатковъ соціализма, который лишаетъ личность части ея естественныхъ функцій, чтобъ перенести ихъ на государство. Сказанное не мѣшаетъ Леруа-Больё признавать пользу и справедливость современнаго германскаго фабричнаго законодательства. Но онъ рѣшительно возстаетъ, во имя свободы, противъ законодательнаго ограниченія рабочаго времени для взрослыхъ. Съ этой точки зрѣнія Леруа-Больё возстаетъ и противъ государственнаго страхованія рабочихъ на случай неспособности къ труду и т. п. Оффиціальная филантропія, говоритъ онъ, и филантропія частная не могутъ долго ужиться, и одна непремѣнно погубитъ другую. Леруа-Больё ссылается на Герберта Спенсера, который доказываетъ, что въ каждомъ обществѣ опредѣленный типъ структуры стремится къ расширенію. Система свободныхъ ассоціацій неминуемо переходитъ во всѣ смежныя области, овладѣваетъ всею общественною жизнью; то же происходитъ съ системою принудительной кооперацiи, съ государствомъ во главѣ. Коллективизмъ частный или общій, говоритъ Леруа-Больё, есть низложеніе, въ разной степени, европейской цивилизаціи. Эта цивилизація состоитъ не въ знаніяхъ только: она образуется нравственными навыками, личнымъ починомъ, духомъ свободной ассоціаціи, любовью къ бережливости, личною отвѣтственностью. Естественно, что при этихъ руководящихъ принципахъ Леруа-Больё не можетъ сочувствовать стремленіямъ современнаго государства въ корнѣ устранить причины, порождающія пролетаріатъ и нищету. Французскій экономистъ полагаетъ, что общественное мнѣніе, которое считаетъ существованіе класса бѣдныхъ несогласимымъ съ хорошимъ государственнымъ управленіемъ, что это общественное мнѣніе ведетъ къ чрезмѣрному вмѣшательству въ дѣло благотворительности, къ крайностямъ развитія благотворительныхъ учрежденій. Злоупотребленіе началомъ личной свободы ведетъ Леруа-Больё къ отрицанію государственнаго вмѣшательства и во многія другія области или къ значительному сокращенію его роли, напримѣръ, въ народномъ образованіи. Но разсужденія Леруа-Больё по педагогическимъ вопросамъ отличаются крайнею поверхностностью. Онъ, напримѣръ, не затрудняется рѣшительно утверждать, что образованіе не измѣняетъ инстинктовъ и не обуздываетъ страстей; хотя воспитательное значеніе знанія и идей признается всѣми педагогами, сколько-нибудь знакомыми съ психологіей.

Леруа-Больё является характернымъ представителемъ буржуазнаго здраваго смысла, яснаго и черстваго. Онъ подсмѣивается надъ идеальными задачами государства, надъ идеей вѣчнаго мира. Защищая, повидимому, справедливое дѣло — свободу и достоинство личности, онъ съ легкимъ сердцемъ признаетъ неизбѣжность существованія класса людей, совсѣмъ не обезпеченныхъ, подверженныхъ всѣмъ бѣдствіямъ нищеты и всяческаго

соблазна. Книга Леруа-Больё вызвала немедленно же самыя серьезныя возраженія во французской печати. Одинъ критикъ указываетъ на общеизвѣстный фактъ, что предоставленіе экономическихъ отношеній неограниченной свободѣ конкурренціи именно и ведетъ къ полному уничтоженію личной свободы для многочисленныхъ классовъ населенія. И дѣйствительно, формула *laissez faire, laissez passer* можетъ быть благодѣтельна только при наличности условій, устанавливающихъ равновѣсіе двухъ заинтересованныхъ сторонъ, что въ государственной жизни очевидно и сводится на предварительное содѣйствіе цѣлаго, общества,—существеннымъ нуждамъ и правамъ личности, о чемъ говоритъ и самъ Леруа-Больё, какъ о необходимомъ.

Спеціальныя критическія замѣчанія, которыя можно сдѣлать французскому экономисту, также немаловажны. Леруа-Больё, напримѣръ, сравнивая большія компаніи съ государствомъ, отдаетъ рѣшительное преимущество первымъ. Государство, по его мнѣнію, давитъ личный починъ своею монополіей; но монополіей этой фактически пользуются всѣ большія компаніи, которыя, кромѣ того, не имѣютъ нравственно-общественныхъ цѣлей современнаго государства. Утвержденіе Леруа-Больё, что въ рукахъ государства желѣзныя дороги непремѣнно должны управляться хуже и приносить меньше дохода, неправильное теоретически, опровергается уже въ настоящее время примѣромъ нѣкоторыхъ государствъ. Такъ венгерское правительство произвело смѣлое и рѣшительное преобразованіе въ желѣзно-дорожныхъ тарифахъ, преобразованіе, которое поведетъ къ удешевленію пользованія желѣзными дорогами и къ значительному усиленію этого пользованія, а стало быть, и доходности желѣзно-дорожныхъ линій. Управленіе почтой и телеграфомъ въ рукахъ государства представляетъ также неизмѣримыя преимущества передъ управленіемъ акціонерными компаніями и т. д. Наконецъ ни одного экономическаго предпріятія, замѣтимъ мы,—разъ оно имѣетъ общественное значеніе,—нельзя оцѣнивать съ одной только экономической точки зрѣнія.

Книга Леруа-Больё бѣдна философскою мыслью и не вноситъ свѣта въ трудный и сложный вопросъ объ отношеніяхъ между человѣкомъ и обществомъ, гражданиномъ и государствомъ. Это сочиненіе свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что даже экономисты той школы, къ которой принадлежитъ Леруа-Больё, принуждены пойти на уступки, въ дѣлѣ, напримѣръ, фабричнаго законодательства. Невозможно устранить изъ науки и жизни вопроса о задачахъ государства и объ его наилучшей организаціи, имѣющей въ виду достиженіе этихъ задачъ, и необходимо вернуться къ тѣмъ нѣмецкимъ, англійскимъ и французскимъ ученіямъ, которыя осмѣиваются Леруа-Больё. Для разъясненія вопроса я возьму писателя, принадлежавшаго къ числу наиболѣе умѣренныхъ и наиболѣе авторитетныхъ въ германской наукѣ государственнаго права,—Блунчли. Вотъ основныя мысли его ученія [4]). Я позволю себѣ напомнить эти мысли въ засѣданіи Юри-

[4]) *Bluntschli*; *Allgemeine Staatslehre*; *Allgemeines Staatsrecht* (пятое изданіе).

дическаго Общества, членамъ котораго онѣ, конечно, извѣстны, только потому, что въ связи съ мыслями Блунчли будутъ составлены мои заключительныя замѣчанія.

Понятіе о государствѣ, говоритъ Блунчли, получается путемъ историческаго изученія существовавшихъ государствъ; *идея* государства есть образъ государства, къ которому надо стремиться, которое раскрывается философскимъ мышленіемъ. А стремиться слѣдуетъ къ тому, чтобы посредствомъ государства достигнуть величайшаго развитія способностей человѣка. Поэтому государства, ограниченныя національностію, имѣютъ лишь относительную правду, полное достиженіе которой возможно только въ міровомъ общеніи.

Государство новаго міра признаетъ за каждымъ *человѣческія права*. Оно устранило рабство и крѣпостное право, какъ неуваженіе естественной свободы личности. Политическое участіе въ государствѣ становится доступнымъ для всѣхъ классовъ. Современное государство вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ границы своего права, отказывается отъ вмѣшательства въ религіозную жизнь и не изъявляетъ никакихъ притязаній на авторитеты въ вопросахъ науки и искусства. Оно уважаетъ и охраняетъ свободу изслѣдованія и свободу выраженія мнѣній. Блунчли признаетъ, что современныя представительныя учрежденія болѣе способны, чѣмъ античныя народныя собранія, къ выработкѣ основательныхъ законовъ и къ общему контролю за дѣйствіями правительственной власти.

Спрашивается: является-ли государство цѣлью или средствомъ? Античное воззрѣніе возносило государство надъ человѣкомъ и цѣль государства полагало въ немъ самомъ. Люди становились при этомъ только составными частицами государственнаго тѣла, лишаясь самостоятельнаго значенія. Въ противоположность этому ученію, современные англійскіе и американскіе писатели признаютъ государство только средствомъ для достиженія благополучія гражданъ. Изъ нѣмецкихъ ученыхъ Робертъ Моль также находитъ удивительнымъ разсужденіе объ одинаковомъ значеніи людей и простаго учрежденія на ихъ пользу—государства. Блунчли признаетъ оба эти воззрѣнія односторонними. Государство не только средство для достиженія цѣлей отдѣльныхъ лицъ, оно и *самоцѣль* (*Selbstzweck*), такъ какъ представляетъ общность, совокупность интересовъ общежитія, которое связываетъ безконечный рядъ поколѣній. Античное воззрѣніе серьезно поражаетъ свободу личности и ведетъ къ тиранніи государства. Истинная цѣль государства, говоритъ Блунчли, заключается въ совершенствованіи народной жизни, въ нравственномъ, политическомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, при чемъ всегда должно имѣть въ виду, чтобъ развитіе отдѣльнаго государства не вступало въ противорѣчіе съ общимъ назначеніемъ человѣчества.

Необходимымъ дополненіемъ къ этимъ идеямъ является у Блунчли девятая книга *Общаго Государственнаго Права*. Каждый человѣкъ имѣетъ *право на существованіе*. Государство должно защищать жизнь гражда-

нина, спасать его отъ гибели вслѣдствіе крайней нужды. Послѣдняя обязанность государства не всѣми еще признается, и Блунчли поэтому особенно на ней настаиваетъ. Вторымъ индивидуальнымъ правомъ нѣмецкій ученый ставитъ *свободное распоряженіе своимъ тѣломъ* (der freie Gebrauch des Körpers) *и, въ связи съ этимъ, свободу занятій* (Berufsfreiheit), т. е. отрицаніе рабства, колоната и т. п. системъ зависимаго и принудительнаго труда. Слѣдующимъ правомъ личности въ государствѣ Блунчли ставитъ *свободу выраженія мысли словомъ и путемъ печати*. На это человѣкъ имѣетъ *естественное право*, которое вытекаетъ, говоритъ Блунчли, изъ внутренней свободы человѣческаго духа, дарованной Богомъ. На человѣкѣ лежитъ *обязанность* говорить, т. е. быть правдивымъ, и государство не должно лишать гражданина возможности быть правдивымъ. Принципъ этотъ признавался съ глубокой древности. Блунчли приводитъ изъ Эврипида бесѣду Іокасты и Полиника, въ которой они ужасаются участи изгнанника, потому что онъ не можетъ открыто высказывать свои мысли.

Такимъ образомъ у Блунчли мы находимъ признаніе *естественныхъ правъ* человѣка, необходимости оградить и обезпечить тѣ условія, безъ которыхъ невозможно правильное существованіе и развитіе личности. Постановка ученія о государствѣ у нѣмецкаго публициста несравненно глубже и многостороннѣе, чѣмъ у Леруа-Больё. Знаменитый Лоренцъ Штейнъ справедливо настаиваетъ на томъ, чтобъ въ современномъ государствѣ былъ обезпеченъ *духовный минимумъ существованія* (das geistige Existenzminimum) [5]), т. е. каждый долженъ получить извѣстное (элементарное) образованіе, безъ котораго онъ не будетъ пріобщенъ къ общей умственной и нравственной жизни, и свободу для выраженія своихъ убѣжденій, безъ которой безполезенъ самый умъ и нравственное развитіе. Точно также задачею современнаго государства является и обезпеченіе minimum'а существованія въ экономическомъ (физическомъ) отношеніи, потому что приложеніе моего труда въ обществѣ всего менѣе зависитъ отъ меня самого, и трудъ каждаго гражданина можетъ быть цѣлесообразно помѣщенъ въ государствѣ.

Таковы основныя задачи *идеальнаго* государства, т. е. такого, къ которому должны стремиться историческія государства. Въ опредѣленіи этихъ задачъ нѣтъ ничего произвольнаго, потому что въ нихъ выражаются *нормальныя условія личной и общественной жизни* [6]), одинаково далекія какъ отъ анархіи, такъ и отъ деспотизма. Въ человѣкѣ и государствѣ берется при этомъ существенное, *постоянное*, къ которому въ исторіи примѣшиваются преходящія особенности и различія. Государство представляетъ болѣе или менѣе стройную совокупность раз-

---

[5]) *L. Stein. Handbuch der Verwaltungslehre*, dritte Auflage, II. 153.

[6]) Ср. мою статью: *Объ идеѣ естественнаго права*, *Русская Мысль*, 1890, мартъ.

нообразныхъ учрежденій, системою которыхъ далеко не покрывается вся общественная и тѣмъ болѣе личная жизнь. Государство, съ одной стороны, имѣетъ собственныя функціи, съ другой—контролируетъ функціи различныхъ органовъ самоуправленія, многообразныя ассоціаціи, и т. п. Его основными задачами является осуществленіе права (справедливости) и созданіе общихъ условій матеріальнаго и духовнаго развитія. По мѣрѣ распространенія знаній, въ человѣчествѣ все болѣе и болѣе развивается предусмотрительность. Принимаются всевозможныя мѣры къ тому, чтобъ непредвидѣнныя и несчастныя случайности не останавливали поступательнаго хода цивилизаціи, не разрушали экономическаго и духовнаго благосостоянія отдѣльныхъ лицъ, общественныхъ классовъ или цѣлаго государства. Страхованіе, въ обширномъ смыслѣ этого слова, является вслѣдствіе этого одною изъ самыхъ существенныхъ потребностей общежитія.

На основаніи сказаннаго можно такимъ образомъ формулировать задачи государства, которыя слѣдуетъ назвать его обязанностями по отношенію къ гражданамъ. Государство должно: 1) устанавливать безопасность и осуществлять основныя начала справедливости (войско, полиція, судъ); 2) государство должно осуществлять начало страхованія; 3) оно обязано положительными мѣрами содѣйствовать развитію образованія и благосостоянія, когда въ этомъ отношеніи недостаточна частная инціатива. Эти обязанности государство раздѣляетъ съ органами самоуправленія. Отдѣльный человѣкъ, входящій въ составъ государства, долженъ быть обезпеченъ во всѣхъ своихъ естественныхъ правахъ, на него ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть какъ на простой матеріалъ, какъ на кирпичъ, изъ котораго складывается величественное государственное зданіе. Ничего не можетъ быть величественнѣе человѣческой совѣсти и человѣческаго генія, и государство является хотя и могущественнымъ, по служебнымъ органамъ, для достиженія цѣлей возможнаго для людей совершенствованія. Всего обязательнѣе для власти бережно относиться къ индивидуальной свободѣ, стѣснять которую она имѣетъ право только въ такихъ случаяхъ и отношеніяхъ, когда безусловное пользованіе свободою влечетъ за собою общественный вредъ или нарушаетъ справедливость. Провести демаркаціонную линію между правами личности и правами цѣлаго (государства) нѣтъ возможности съ достаточною точностью въ видахъ практическаго приложенія. Но чрезвычайно важно установленіе принципа, признаніе естественныхъ правъ человѣка, какъ отправной точки зрѣнія. Для того, чтобъ этотъ принципъ получилъ надлежащее воплощеніе въ дѣйствительной жизни, необходима правильная организація государственной воли.

В. Гольцевъ.

ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ КУСТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Изученіе кустарной промышленности началось уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, но до послѣдняго времени не установилось ея опредѣленіе. Въ нашемъ отечествѣ развилась обширная литература о кустарномъ производствѣ, но еще и до сихъ поръ спорятъ о томъ, какіе отличительные признаки выдѣляютъ его изъ другихъ формъ. Г. Корсакъ разумѣетъ подъ кустарничествомъ ту промышленность, которая можетъ быть названа расчлененной мануфактурой, которая, будучи разсѣяна по мелкимъ мастерскимъ и домамъ работающихъ, имѣетъ во главѣ одного предпринимателя - капиталиста. Работникъ обыкновенно обрабатываетъ чужой матеріалъ и занимается своимъ промысломъ, то какъ побочнымъ, то какъ главнымъ. Отъ кустарничества г. Корсакъ отличаетъ домашнюю промышленность, которою поселяне занимаются, какъ побочнымъ промысломъ, во время, свободное отъ земледѣльческаго труда [1]). Многіе занимавшіеся этимъ вопросомъ склонны признавать кустарнымъ все ремесленное производство лицъ, живущихъ и работающихъ въ селеніяхъ [2]). Мы смотрѣли раньше, какъ на кустарное производство, на всѣ отрасли обрабатывающей промышленности крестьянъ-земледѣльцевъ, приготовляющихъ товары для неизвѣстнаго рынка [3]). Можно найти и много другихъ опредѣленій въ нашей и иностранной литературѣ.

Всего правильнѣе поставилъ вопросъ г. Прилежаевъ. По его мнѣнію, отличительными признаками формы производства являются взаимныя отношенія лицъ, участвующихъ въ производствѣ, и отношенія ихъ къ орудіямъ и матеріаламъ. На основаніи этихъ двухъ признаковъ онъ дѣлитъ всѣ формы производства на 4 чистыхъ типа: рабовладѣльческое, предпринимательское съ наемнымъ трудомъ, артельное и семейное или

1) *Корсакъ*. О формахъ промышленности, 1861, глава 1-я.

2) Сводъ матеріаловъ по кустарн. промышленн., 1874, I. Труды коммиссіи по изслѣдов. кустарн. промышлен. I, 8—9.

3) *Исаевъ*. Къ вопросу о кустарной промышленности въ Россіи. Рус. Мысль, 1880, 11.

кустарное. Въ послѣднемъ личныя отношенія между производителями основываются на семейной связи, имѣющей характеръ принудительный; отношеніе же къ орудіямъ или матеріаламъ то, что производители сами владѣютъ ими [4]). Послѣдній признакъ мы не считаемъ существеннымъ и въ указаніи на его первостепенную важность видимъ ошибку г. Прилежаева. Многочисленные факты показываютъ намъ, что семейная организація промысла мирится и съ принадлежностью производителямъ орудій и матеріаловъ и съ полученіемъ отъ предпринимателей всего нужнаго для обработки. То или другое отношеніе опредѣляется родомъ и мѣстомъ добыванія матеріаловъ, а также измѣняющимися условіями рынка сбыта. Въ первомъ признакѣ—семейной организаціи промысла—мы, согласно съ г. Прилежаевымъ, склонны усматривать отличительную особенность кустарнаго производства [5]).

Зерномъ кустарничества и переходной къ нему ступенью является одиночное производство. «*Семейная ассоціація*, писали мы въ другомъ мѣстѣ, какъ показываетъ самое названіе, есть союзъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства и имѣющихъ цѣлью какую либо общую производительную дѣятельность. Семейная ассоціація является необходимымъ продолженіемъ кустарной избы и семейное производство промышленною формой, непосредственно вытекающей изъ одиночнаго. Кустарникъ работаетъ одинъ только до тѣхъ поръ, пока не подростетъ у него сынъ, могущій служить ему подспорьемъ» [6]).

Будучи древнѣйшей формой производства, выражаясь у первобытныхъ племенъ въ соединеніи всѣхъ силъ семьи для удовлетворенія натурально всѣхъ потребностей и въ раздѣленіи труда, пріуроченномъ первоначально къ тѣлеснымъ свойствамъ членовъ, семейная организація промысла имѣетъ свои особенности. 1) Договорное начало, связующее работниковъ съ предпринимателемъ или членовъ артели, совершенно отсутствуетъ, и всѣ отношенія участниковъ основываются на семейной связи: разъ лицо родилось въ семьѣ, ведущей промыселъ, и не было отдѣлено отъ нея или не вышло само, для отысканія другаго занятія, оно срастается съ этой промышленной единицей безъ всякаго договора и условія. 2) Руководящею силой, также по своему положенію, является глава семьи; установленіе его волею всего домашняго распорядка выражается въ промыслѣ тѣмъ, что домохозяинъ распредѣляетъ трудъ между домочадцами, контролируетъ работы и представляетъ всю промысловую единицу во всѣхъ сношеніяхъ. Въ связи съ этимъ стоитъ и нераздѣльность дохода семьи, какъ и всего семейнаго имущества. Въ этомъ доходѣ всегда есть заработная плата, часто есть прибыль, но эти доли не имѣютъ самостоятельнаго существованія; онѣ образуютъ одно цѣлое, откуда и удовлетворяются потребности всего дома.

4) *Прилежаевъ*. Что такое кустарн. производство? 1882, 72.

5) Тамъ же, 64.

6) *Исаевъ*. Промыслы Москов. губ. I, 41.

До появленія въ свѣтъ книги г. Прилежаева кустарничествомъ называли сельскую промышленность. И самъ г. Прилежаевъ изслѣдуетъ эту форму производства только въ предѣлахъ деревень. Но разъ это наименованіе удерживается исключительно для семейной организаціи промысловъ, образующей самостоятельную форму, то естественно спросить, не встрѣчается ли эта форма и въ городахъ и не налагаетъ ли на нее городъ особый отпечатокъ, отличный отъ деревни? Мы усматриваемъ такія особенности, позволяющія различать семейное производство въ городѣ отъ кустарнаго въ деревнѣ.

Въ городѣ всѣ производители, не относящіеся къ фабрикамъ или мануфактурамъ, обыкновенно называются ремесленниками, и это наименованіе основывается на техническихъ особенностяхъ производства. По формѣ же всѣ городскія ремесленныя единицы являются или предпріятіями съ наемнымъ трудомъ, или одиночными промышленниками, или семейными. Семейная форма встрѣчается также и въ городскомъ ремеслѣ, но, по многимъ особенностямъ послѣдняго, труднѣе сохраняетъ чистый типъ, нежели въ деревнѣ.

1) Огромное большинство городскихъ производителей имѣютъ въ своемъ промыслѣ исключительный источникъ дохода. Большая же часть кустарниковъ въ деревняхъ, будучи земледѣльцами, видятъ въ своемъ промышленномъ занятіи подсобный, не главный или, по крайней мѣрѣ, не исключительный источникъ дохода. Напрасно было бы ограничивать это положеніе ссылкой на незначительность у многихъ кустарей сельскаго хозяйства, ничтожность дохода, получаемаго отъ земли: значеніе промысла опредѣляется не только суммой дохода, отъ него получаемаго, но и прочностью обезпеченія, которую онъ доставляетъ кустарнику. А по прочности, даже самый незначительный земельный надѣлъ и весьма несовершенное сельское хозяйство нерѣдко могутъ имѣть большее значеніе, чѣмъ промыслъ. При переполненіи рынка товарами, паденіи цѣнъ, кризисахъ, деревенскій кустарь имѣетъ, всетаки, точку опоры въ своемъ хозяйствѣ и можетъ избѣгнуть части бѣдъ, грозящихъ въ подобныхъ случаяхъ безземельному работнику. Во многихъ раіонахъ сельской промышленности Россіи, гдѣ крестьянское хозяйство не достигло крайней степени упадка, кустари понимаютъ второстепенное значеніе промысла, даже если большая часть потребностей семьи покрывается изъ него, и стараются улучшить свое сельское хозяйство на излишекъ доходовъ отъ промысла. 2) Большая часть мелкихъ производителей въ городахъ имѣютъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ той же улицѣ, нерѣдко въ томъ же домѣ рынокъ для сбыта своихъ издѣлій. Если издѣлія многихъ, даже мелкихъ промышленныхъ заведеній Парижа или Вѣны, приготовляются для всемірнаго рынка и неизвѣстныхъ потребителей, то мелкій сапожникъ, портной, переплетчикъ, столяръ работаютъ исключительно для своихъ сосѣдей. Отсюда, большее постоянство въ сбытѣ товаровъ и большая возможность предусмотрѣть размѣры спроса. Совсѣмъ иное пред-

ставляетъ намъ промышленность деревни. Пока она считаетъ своихъ представителей единицами или десятками, пока обрабатываетъ сырой матеріалъ, добываемый на мѣстѣ, и приготовляетъ дешевыя и простыя издѣлія общенароднаго потребленія, кустари могутъ работать для своихъ сосѣдей или, по крайней мѣрѣ, для ближайшихъ сельскихъ базаровъ и ярмарокъ. При этомъ условіи, размѣры сбыта ихъ могутъ быть опредѣляемы довольно точно, и самый сбытъ отличается постоянствомъ. При возникновеніи промысла, крестьянинъ, наполняя новыми занятіями свой досугъ, старается избрать такой, для котораго матеріалъ можетъ быть добываемъ съ удобствомъ, и приготовлять издѣлія, легко находящія себѣ сбытъ [7]). Но выгодность новаго занятія привлекаетъ къ промыслу многихъ; оно переходитъ изъ селенія въ селеніе, образуетъ цѣлые округа и считаетъ производителей тысячами. Ближайшіе къ мѣсту производства рынки оказываются недостаточными; идутъ отыскивать болѣе отдаленные. Съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживается невыгодность производства простѣйшихъ издѣлій; возникаютъ новыя разновидности, удовлетворяющія уже болѣе утонченный вкусъ городскаго населенія; а для новыхъ издѣлій вспомогательные, а нерѣдко и главные матеріалы, не могутъ быть добыты на мѣстѣ [8]). Все это вызываетъ неудобства, прежде вовсе неизвѣстныя кустарнику: отдаленіе рынка порываетъ его связь съ потребителями и заставляетъ на угадъ идти на встрѣчу неизвѣстному запросу. Отдаленіе рынка дѣлаетъ размѣры спроса неопредѣлимыми и лишаетъ промыслъ устойчивости, которою онъ пользовался ранѣе. Это обстоятельство, вызывая нерѣдко рѣзкія колебанія въ доходахъ отъ промысла, лишаетъ кустарниковъ значительной доли самостоятельности: трудность сноситься съ далекимъ рынкомъ для сбыта товаровъ и закупки сырья дѣлаетъ неизбѣжнымъ посредничество скупщика, который становится между производителемъ и рынкомъ, постепенно распространяетъ свою власть на цѣлый промысловый округъ и даже руководитъ промысломъ. Этими различіями объясняется и 3) третья особенность городской мелкой промышленности отъ сельской. Первая можетъ, удерживая связь производителя съ потребителемъ и имѣя въ самомъ городѣ рынокъ для пріобрѣтенія сы-

---

7) Таковъ былъ 40—50 лѣтъ тому назадъ характеръ полотно-ткацкаго промысла въ Ярославскомъ уѣздѣ. Мужчины и женщины ткали полотна изъ домашней пряжи; матеріаломъ служилъ ленъ, выращенный на собственной землѣ. Ярославль, Ростовъ, базары въ Великомъ и многихъ другихъ менѣе крупныхъ селеніяхъ были главными рынками для сбыта полотна; туда приходили въ базарные дни крестьяне и крестьянки со своими издѣліями и продавали ихъ. Таково же и до сихъ поръ положеніе многихъ горшечниковъ въ Гжели: глину копаютъ они въ 1—2 верстахъ отъ мѣста производства и ѣздятъ съ горшками по окрестностямъ въ базарные и ярмарочные дни.

8) Можно прослѣдить за этими измѣненіями по исторіи мебельнаго и фарфоропосуднаго промысловъ Московской губ. См. *Исаевъ*, Промыслы Московск. губ. Ibid. 1 и 3.

рыхъ матеріаловъ, долѣе сохранять свою хозяйственную самостоятельность [9]). 4) Не слѣдуетъ забывать также о различіяхъ въ складѣ городскаго и сельскаго быта, вліяющихъ на крѣпость семьи. Городъ съ своими разнообразными занятіями и источниками доходовъ открываетъ для семьи возможность пользоваться силами ея членовъ уже въ самомъ раннемъ возрастѣ. Небольшіе заработки 11 — 12-лѣтнихъ дѣтей уже служатъ замѣтнымъ подспорьемъ для бюджета доходовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, семья имѣетъ предъ собою большой выборъ занятій, къ которымъ могутъ быть пріурочены дѣти, и отецъ, сознавая невыгоды своего промысла, старается подготовить дѣтей къ другимъ занятіямъ. Отсюда городская жизнь создаетъ условія, содѣйствующія подготовленію членовъ семьи къ разнообразнымъ занятіямъ и разложенію семьи. Въ деревнѣ связь между членами семьи имѣетъ большую прочность. Однообразіе занятій всѣхъ членовъ проистекаетъ уже изъ того, что деревня не даетъ большаго простора для выбора. Въ большинствѣ случаевъ каждый членъ семьи съ дѣтства приспособляется къ занятію, которое вели его отцы и дѣды. Тамъ же, гдѣ промышленники усердно занимаются сельскимъ хозяйствомъ, связь съ землей еще болѣе склонна удерживать юныя поколѣнія у промысла отцовъ. Всѣ эти обстоятельства имѣютъ вліяніе *на чистоту семейной организаціи въ промыслѣ*. Городской ремесленникъ, имѣя въ промыслѣ исключительный источникъ дохода, посвящая данному занятію всѣ силы и все время и имѣя въ заказчикахъ довольно обезпеченный рынокъ сбыта, стремится къ возможному расширенію производства. Расширеніе въ предѣлахъ семьи не можетъ идти далеко, ибо часть силъ семьи отвлекается часто въ другія сферы труда, а потому оно совершается чрезъ привлеченіе наемныхъ рабочихъ. Отклоненіе семейной организаціи въ эту сторону облегчается еще тѣмъ, что непрерывное веденіе промысла цѣлый годъ дѣлаетъ для наемнаго рабочаго выгоднымъ поступленіе къ ремесленнику, а городъ, изобилуя различными родами труда, всегда имѣетъ запасъ свободныхъ рабочихъ.—Имѣя стремленіе отклоняться въ эту сторону отъ чистаго типа семейной организаціи, городское мелкое производство имѣетъ болѣе сельскаго наклонность и не доразвиваться до семейной формы, а оставаться одиночнымъ: если ремесленникъ, по разнымъ причинамъ, не нанимаетъ рабочихъ, то часто, не имѣя сотрудниковъ въ членахъ семьи, онъ остается одиночнымъ производителемъ. Въ деревнѣ и подсобность промысла, и отвлеченіе отъ него многихъ силъ и времени землею, и непостоянство сбыта, не вызываютъ въ промышленникѣ такого напряженнаго желанія расширить производство, какъ въ городѣ. Расширеніе посредствомъ наемныхъ рабочихъ

[9]) Развитіе въ городахъ магазинной системы за послѣднія 3—4 десятилѣтія повело къ тому, что многіе городскіе ремесленники работаютъ исключительно для магазиновъ, а не на заказъ. Магазины, съ работающими на нихъ ремесленниками, представляютъ особую разновидность расчлененной мануфактуры.

парализуется и тѣмъ, что въ членахъ семьи есть готовая рабочая сила, не отвлекаемая въ сторону другихъ занятій, и тѣмъ обстоятельствомъ, что недостаточный запасъ работниковъ въ деревнѣ и прерываемость работы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ года затрудняютъ подысканіе рабочихъ. Большая же связь, сохраняемая всѣми членами семьи съ домомъ, рѣже и только временно удерживаетъ промышленное заведеніе на ступени одиночнаго производства, и, съ подростаніемъ сыновей, племянниковъ, приводитъ его къ семейной организаціи.

Такимъ образомъ, семейная организація извѣстна городской и сельской промышленности. Но отличія въ условіяхъ городской жизни отъ сельскаго быта имѣютъ вліяніе на сохраненіе этой формы во всей ея чистотѣ. Насколько въ деревнѣ она легко удерживаетъ чистый типъ, настолько въ городѣ она легко утрачиваетъ его.

Андрей Исаевъ.

ПРОЕКТЪ УСТАВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ 1888 Г.

Докладъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 12 марта 1890 года.

Московское купечество, давая отзывъ на проектъ главныхъ основаній производства дѣлъ о торговой несостоятельности 1869 г., выразилось о коммиссіонныхъ дѣлахъ, требующихъ извѣстнаго нормированія въ конкурсномъ уставѣ, такъ, что дѣла эти «въ настоящее время производятся на основаніи принятыхъ на практикѣ обычаевъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ государствъ» (стр. 116). Но и обо всемъ уставѣ о несостоятельности вообще, обо всѣхъ нашихъ банкротскихъ порядкахъ можно сказать, что для нихъ свѣтъ придетъ съ запада, хотя это вовсе не означаетъ рабской пересадки иностранныхъ постановленій о несостоятельности безъ соображенія ихъ съ отечественными условіями. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ преобразованіи законовъ о несостоятельности, о необходимости котораго всѣ говорятъ и котораго всѣ ждутъ, иностранные западно-европейскіе образцы занимаютъ выдающееся положеніе, и это не почему иному, а только потому, что многія хорошія вещи, могущія быть полезными и для насъ, тамъ, на западѣ, уже осуществлены. Въ этомъ убѣдится всякій, кто просмотритъ сборники иностранныхъ конкурсныхъ уставовъ, переведенныхъ и изданныхъ Н. А. Туромъ, и обширную въ 520 страницъ объяснительную записку къ его проекту устава о несостоятельности 1888 г.

Вопросъ, который прежде всего возникаетъ при разсмотрѣніи означеннаго проекта, именно вопросъ о различеніи или неразличеніи торговой несостоятельности отъ неторговой, въ иностранныхъ законодательствахъ рѣшается не одинаково; поэтому, при рѣшеніи этого вопроса въ ту или другую сторону, не можетъ возникать упрека въ преклоненіи предъ иноземными образцами вообще. Изъ объяснительной записки (стр. 13, 56) почтеннаго составителя новаго проекта устава о несостоятельности мы узнаемъ, что германскій и англійскій конкурсные уставы подчиняютъ ту

и другую несостоятельность совершенно одинаковымъ правиламъ; французскій, бельгійскій и италіанскій предусматриваютъ вообще лишь торговую несостоятельность, при чемъ во Франціи система эта нынѣ порицается и юристы настоятельно требуютъ, чтобы и лица не торговаго званія были подчинены дѣйствію конкурсныхъ законовъ; конкурсные уставы австрійскій, венгерскій, датскій и с.-американскій обнимаютъ собою какъ торговую, такъ и неторговую несостоятельность, съ нѣкоторыми лишь особенностями, вызываемыми различіемъ между тою и другою. Такого же взгляда держится и Н. А. Туръ, который «не усматриваетъ достаточнаго основанія къ начертанію отдѣльныхъ уставовъ для торговой и неторговой несостоятельности, а соединяетъ въ одномъ уставѣ всѣ постановленіи, касающіяся матеріальнаго конкурснаго права и конкурснаго производства, съ установленіемъ лишь нѣкоторыхъ особенностей для дѣлъ о торговой несостоятельности» (стр. 12). Дѣйствительно, въ проектѣ Н. А. Тура, часть первая, о неторговой несостоятельности, состоитъ изъ 269 ст., а часть вторая, о торговой несостоятельности, изъ 41 ст. Другими словами, постановленія о неторговой несостоятельности являются въ проектѣ 1888 г. общимъ правиломъ, постановленія о торговой несостоятельности—исключеніемъ. Тѣмъ не менѣе, въ проектѣ 1888 г. различіе между торговой и неторговой несостоятельностью существуетъ и первыя 4 статьи его занимаются установленіемъ понятія той и другой. При опредѣленіи торговой несостоятельности, авторъ, впредь до пересмотра нашихъ торговыхъ законовъ, исходитъ изъ дѣйствующей 479 ст. уст. суд. торг. (торговою несостоятельностью признается, когда кто либо *по торговлѣ*, присвоенной лицамъ, взявшимъ купеческія или промысловыя свидѣтельства....), но признакъ торговой подсудности онъ устанавливаетъ не въ происхожденіи долговъ изъ торговыхъ оборотовъ, а въ фактѣ *производства* должникомъ торговли, и согласно этому принимаетъ чисто внѣшній способъ отличія торговой несостоятельности, заключающійся во взятіи купеческаго свидѣтельства или промысловаго свидѣтельства на производство мелочнаго торга или на содержаніе промышленныхъ заведеній. Авторъ говоритъ, что вопросъ о томъ, кого считать производящимъ торговлю, разрѣшается не уставомъ о несостоятельности, а торговымъ уложеніемъ, существующими матеріальными торговыми узаконеніями, руководствуясь коими авторъ проекта поневолѣ нѣкоторые разряды лицъ несостоятельныхъ, производящихъ торговлю, торговой несостоятельности не подчиняетъ, собственно потому, что лица эти не берутъ купеческихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ. Таковы: содержатели горныхъ заводовъ, владѣльцы золотыхъ пріисковъ, содержатели аптекъ, фотографій, типографій. Далѣе, при опредѣленіи торговой несостоятельности чисто внѣшнимъ признакомъ *взятія* купеческаго или промысловаго свидѣтельства возможенъ такой фактъ, что торговой несостоятельности подчинялись бы должники, хотя и выбравшіе свидѣтельства, но не производящіе торговли, присвоенной свидѣтель-

ству, а съ другой стороны—должники, не взявшіе свидѣтельствъ, освобождались бы отъ торговой несостоятельности, не смотря на то, что въ дѣйствительности они производятъ торговлю, присвоенную тому или другому свидѣтельству. Первое затрудненіе авторъ проекта разрѣшаетъ допущеніемъ *законнаго предположенія* о томъ, что лицо, взявшее купеческое или промысловое свидѣтельство, признается производящимъ торговлю, присвоенную свидѣтельству, пока оно не докажетъ противнаго (Объяснительная записка, стр. 63). Случаи (рѣдкіе) втораго рода, вѣроятно, несостоятельности торговой не подпадутъ.

Изложенное сейчасъ показываетъ, что вопросъ о различеніи торговой и неторговой несостоятельности представляетъ извѣстныя трудности, такъ сказать юридически-схоластическаго свойства, каковыя трудности преодолѣвать не стоитъ, а лучше отбросить самый вопросъ. Если же обратимся къ существу дѣла, то въ немъ не найдемъ оправданія необходимости означеннаго различенія, ибо, объявляется ли несостоятельнымъ должникомъ купецъ или землевладѣлецъ, или заводчикъ, по проекту къ нему одинаково примѣняются общія положенія о послѣдствіяхъ объявленной несостоятельности, о подсудности должника окружному суду или мировому судьѣ (по маловажнымъ дѣламъ отъ 5,000 р. и менѣе), правила о порядкѣ производства дѣлъ о несостоятельности, о повѣркѣ требованій кредиторовъ, о мировой сдѣлкѣ; и тотъ и другой должникъ можетъ быть объявленъ несостоятельнымъ какъ скрывшійся изъ своего мѣста пребыванія, и тотъ и другой можетъ быть подвергнутъ личному аресту и т. д. Вообще, происхожденіе подпадающихъ конкурсной ликвидаціи требованій изъ общегражданской имущественной дѣятельности или изъ торговой, для конкурснаго *процессуальнаго* производства, значенія не имѣетъ. Ничего не говоритъ въ пользу необходимости этого различенія и существованіе особой подсудности дѣлъ о торговомъ банкротствѣ, именно коммерческимъ судамъ, по тому соображенію, что въ дѣлахъ о торговой несостоятельности торговый судъ представляется болѣе компетентнымъ, чѣмъ судъ общій. «Торговый судъ, говоритъ уважаемый составитель проекта (стр. 90, Объяснит. записки), болѣе удовлетворительно разрѣшитъ самый существенный вопросъ о наличности признаковъ несостоятельности. Для торговаго суда, въ составъ котораго входятъ члены отъ купечества, легче опредѣлить, послѣдовало ли *прекращеніе* платежей, влекущее за собою открытіе несостоятельности должника, или же одно лишь временное пріостановленіе платежей». Но въ другомъ мѣстѣ объяснительной записки (237) Н. А. Туръ замѣчаетъ, что «если конкурсный судъ (въ данномъ случаѣ коммерческій) и представляется наиболѣе компетентнымъ для разрѣшенія вопроса о времени прекращенія должникомъ платежей, то и каждый другой судъ не лишенъ возможности основательно обсудить этотъ вопросъ». Прекращеніе платежей есть, по проекту, самый существенный признакъ торговой несостоятельности и если этотъ признакъ доступенъ разрѣшенію всякаго суда, то слѣдовательно торговая несостоятельность,

въ самомъ отличительномъ своемъ пунктѣ, не заключаетъ въ себѣ основаній къ обособленію въ процессуальномъ отношеніи. Конкурсное производство есть сокращенный способъ развязки имущественныхъ дѣлъ должника: и торговецъ и неторговецъ одинаково заинтересованы въ его скорости, дешевизнѣ и правильности. И даже уголовная отвѣтственность того и другаго, повидимому, должна быть равносильною, такъ какъ тотъ и другой могутъ злоупотреблять кредитомъ. По крайней мѣрѣ вѣнскій профессоръ Вальбергъ («Юридич. Вѣстникъ» 1890 г., № 1, стр. 128) «постановленіе ст. 516 проекта уголовнаго уложенія, согласно коему отвѣтственности за легкомысленное веденіе дѣлъ, причинившее несостоятельность, могутъ быть подвергаемы только лица торговаго званія, считаетъ неправильнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, права лицъ неторговаго званія должны пользоваться не меньшей охраной отъ этого вида несостоятельности, чѣмъ права торговцевъ. Люди, окруженные славою несмѣтности принадлежащаго имъ богатства и злоупотребляющіе довѣріемъ какъ лицъ, равныхъ имъ по общественному рангу, такъ и промышленниковъ, нерѣдко пользуются, продолжаетъ Вальбергъ, несравненно бо́льшимъ кредитомъ, нежели торговцы, хотя послѣдніе и имѣютъ нѣкоторое оффиціальное положеніе. Новое русское уголовное уложеніе должно было бы установить одну общую охрану для правъ всѣхъ, безъ различія, гражданъ отъ посягательствъ путемъ злоупотребленія кредитомъ». Если, прибавлю съ своей стороны, «торговцы имѣютъ нѣкоторое оффиціальное положеніе», обязывающее ихъ, между прочимъ, вести торговыя книги, то это можетъ имѣть лишь послѣдствіемъ увеличеніе количества случаевъ уголовной отвѣтственности ихъ, по сравненію съ неторговцами, напримѣръ, потому, что неимѣніе торговыхъ книгъ тѣмъ самымъ влекло бы за собою объявленіе должника злонамѣреннымъ банкротомъ, какъ это считаетъ необходимымъ сдѣлать одесское купечество (пр. 1869 г., стр. 160); но такое положеніе торговцевъ не должно, кажется, имѣть послѣдствіемъ качественное, матеріальное усиленіе уголовной отвѣтственности купцовъ, какъ таковыхъ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ подобное положеніе не должно имѣть послѣдствіемъ различныя, по сравненію съ неторговцами, правила конкурснаго судопроизводства; существо торговыхъ сдѣлокъ этого не требуетъ [1]); да и самое существованіе особыхъ тор-

---

1) Если во второй части проекта 1888 г. есть рядъ статей, перечисляющихъ случаи отдѣльнаго отъ конкурса удовлетворенія требованій по различнымъ торговымъ сдѣлкамъ (коммисіи, провозной платы, куртажныхъ денегъ и проч.), то все это суть постановленія матеріальнаго торговаго права, необходимость перечисленія коихъ въ конкурсномъ уставѣ обусловливается неполнотою нашихъ торговыхъ законовъ (Об. зап., 301), не позволяющею ограничиться простою ссылкою на нихъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, п. 8, ст. 41 герм. конк. устава. Остальныя положенія второй части проекта (относительно подсудности, торговыхъ книгъ, продолженія торговаго предпріятія) могутъ быть изложены

говыхъ судовъ вообще, на мой взглядъ, не есть вопросъ чисто юридическій, а вопросъ удобства, вопросъ судебной политики, обязанной прислушиваться къ желаніямъ и потребностямъ населенія. А если существованіе особыхъ торговыхъ судовъ вызывается не сущностью конкурсныхъ правилъ, то и обязательственныя отношенія неторговцевъ не представляютъ въ самихъ себѣ основаній, по коимъ могло бы казаться неразумнымъ распространять на нихъ всѣ судопроизводственныя конкурсныя постановленія, какія законодатель найдетъ нужнымъ установить въ видахъ поддержанія общественнаго кредита, безъ различія, кто бы имъ ни пользовался. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ проектъ 1888 г., составитель котораго довольно энергично уравниваетъ существующее нынѣ различіе между торговою и неторговою несостоятельностью. Это уничтоженіе различія проектъ дѣлаетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: а) относительно собственнаго признанія должника въ неоплатности: въ неторговой несостоятельности собственному признанію придается значеніе лишь тогда, когда оно учинено предъ судомъ, чего нѣтъ въ торговой несостоятельности, чего не установляетъ и проектъ (Объясн. записка, стр. 121 — 122, пр. ст. 36); б) относительно послѣдствій сокрытія должника изъ мѣста его пребыванія уничтожается дѣйствующее правило, по которому сокрытіе неторговца не влечетъ само по себѣ объявленіе несостоятельности, а таковое обусловливается судебнымъ констатированіемъ факта недостаточности имущества должника на покрытіе его долговъ; в) относительно недѣйствительности дарственныхъ распоряженій должника въ пользу дѣтей и родственниковъ, что имѣетъ мѣсто лишь по дѣламъ о торговой несостоятельности, проектъ установляетъ одно правило для обоихъ видовъ банкротства и подчиняетъ этому правилу супруга, дѣтей и родственниковъ должника (стр. 239); г) относительно послѣдствій, связанныхъ теперь съ различнымъ свойствомъ несостоятельности должника торговца и неторговца (ст. 623 уст. суд. торг., 700—702, т. X ч. 2); проектъ предоставляетъ въ этомъ отношеніи равныя права всѣмъ кредиторамъ всякаго должника на взысканіе недополученнаго по конкурсу.

Изъ сказаннаго представляется очевиднымъ совершенно раціональное стремленіе законодательства уменьшать различіе между торговою и неторг-

---

въ видѣ особыхъ правилъ на тотъ случай, когда несостоятельнымъ объявляется купецъ или торговое товарищество и общество, или обобщены такимъ образомъ, что подъ нихъ подойдутъ и торговыя и общегражданскія постановленія. Такимъ образомъ, въ раздѣлѣ второмъ «исполненіе юридическихъ сдѣлокъ» герм. конк. устава нашла себѣ мѣсто ст. 16, о поставкѣ товаровъ, въ то время, когда соотвѣтствующая ей ст. 282 проекта 88 г., согласно его системѣ, должна и могла быть помѣщена, конечно, во второй его части, занимающейся вопросомъ «о торговой несостоятельности». Точно также правило ст. 195 проекта 88 г. «о закрытіи или продолженіи *торговаго* или *промышленнаго* предпріятія» нормируется въ ст. 118 и 120 герм. конк. устава просто какъ «прекращеніе или продолженіе предпріятія несостоятельнаго».

говою несостоятельностію, и это стремленіе идетъ такъ далеко, что пунктовъ несходства остается весьма немного.

Выше было уже замѣчено, что авторъ конкурснаго устава 1888 г. собственно не сторонникъ обособленія торговой несостоятельности. Тѣмъ не менѣе, во второй части его проекта (о торговой несостоятельности) содержится нѣсколько правилъ, представляющихъ собою принципіальное различіе торговой несостоятельности отъ неторговой. Эти правила суть слѣдующія: 1) торговая несостоятельность объявляется не только въ случаѣ неоплатности должника, то и при наличности факта прекращенія имъ платежей, 2) проектъ обязываетъ несостоятельнаго торговца, пришедшаго въ неоплатность или прекратившаго платежи, безъ промедленія заявить о томъ подлежащему суду, съ представленіемъ баланса, торговыхъ книгъ и списка должниковъ и кредиторовъ, при чемъ за неисполненіе такой обязанности онъ можетъ быть подвергнутъ личному аресту и 3) проектъ постановляетъ, что дѣло о несостоятельности купца можетъ быть возбуждено и по почину самаго суда. Необходимо заняться этими тремя началами и посмотрѣть, насколько они характеристичны собственно лишь для торговой несостоятельности.

По общему правилу, говоритъ объяснительная записка къ проекту, открытіе несостоятельности обусловливается неоплатностью должника, т. е. недостаточностью принадлежащаго ему имущества на покрытіе его долговъ. Признаки этой неоплатности суть: недостаточность имущества, оказавшагося при исполнительномъ производствѣ, сокрытіе должника изъ его мѣста пребыванія и собственное признаніе въ неоплатности. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ проектъ, какъ мы видѣли, сглаживаетъ нынѣ существующее различіе между торговою и неторговою несостоятельностію. Что касается торговой несостоятельности, то, кромѣ изложенныхъ, она можетъ быть признана и въ томъ случаѣ, когда должникъ оказывается неспособнымъ къ платежу долговъ, каковая неспособность наглядным образомъ проявляется въ прекращеніи платежей.—Понятіе этого послѣдняго общеизвѣстно въ торговомъ быту и составитель проекта удерживается отъ ближайшаго его опредѣленія, не желая стѣснять въ этомъ отношеніи судъ.

Напомнимъ здѣсь же, во 1) что по дѣйствующему закону—ст. 98, т. XI, ч. 2, уст. кред., правила о пор. ликв. дѣлъ частныхъ и обществен. устан. краткосрочнаго кредита, кредитное установленіе объявляется несостоятельнымъ, независимо отъ случаевъ, указанныхъ въ уставѣ торговомъ для признанія должника неоплатнымъ, также и въ томъ случаѣ, если оно *прекратитъ платежи* вслѣдствіе разстройства своихъ дѣлъ, 2) что на 437 торг. код. губ. царства польскаго, «всякій торгующій, прекращающій свои платежи, почитается несостоятельнымъ» и 3) что прекращеніе торговымъ должникомъ платежей почитается несомнѣннымъ признакомъ неспособности его къ платежу долговъ всѣми, безъ исключенія, иностранными законодательствами (об. зап., 124). Этихъ трехъ фактовъ,

казалось бы, достаточно для того, чтобы введеніе института прекращенія платежей не встрѣтило у насъ никакихъ затрудненій. Съ своей стороны я полагаю, что этотъ институтъ есть одно изъ важнѣйшихъ установленій конкурснаго права, если не самое важное; безъ внесенія его въ нашъ уставъ о несостоятельности, наши конкурсные порядки существеннаго улучшенія не потерпятъ.

Понятіе прекращенія платежей выражается въ томъ, что судъ опредѣляетъ срокъ, съ котораго начинается прекращеніе платежей и съ котораго должно считаться дѣйствительное открытіе несостоятельности, чтобы за симъ признавать уже не имѣющими законной силы обязательства и сдѣлки по имуществу, заключенныя несостоятельнымъ съ самаго дня прекращенія платежей. Цѣль такого правила понятна. «Между дѣйствительнымъ прекращеніемъ платежей, говоритъ объяснительная записка II отдѣленія С. Е. И. В. К., и оффиціальнымъ объявленіемъ несостоятельности можетъ иногда пройти не малое время, и симъ то временемъ обыкновенно и пользуются недобросовѣстные торговцы, дабы разными изворотами и сдѣлками скрыть остающееся имущество, составить себѣ благопріятное большинство кредиторовъ и т. п.». Проектъ 1869 г., стр. 49. Но предварительно введенія самаго института, второе отдѣленіе желало имѣть отзывы на него купечества. Посмотримъ, какіе это были отзывы.

Выборные петербургской купеческой управы рѣшительно возстали противъ «предоставленія суду опредѣлять срокъ, съ котораго должно считаться дѣйствительное открытіе несостоятельности»; по мнѣнію коммиссіи выборныхъ, это «дало бы поводъ къ разнымъ произвольнымъ по этому предмету со стороны суда распоряженіямъ, между тѣмъ по самому здравому смыслу, полагаетъ коммиссія, нельзя считать несостоятельнымъ никого, пока судъ не будетъ имѣть или заявленіи о томъ отъ самого должника, или требованій отъ его кредиторовъ». Коммиссія находитъ, что, «несостоятельность должника должна быть считаема не прежде, какъ со дня сдѣланнаго о томъ суду заявленія и признанія ее самимъ судомъ». (Пр. 1869 г., стр. 87).

Отзывъ по тому же предмету московскаго купечества не заключаетъ въ себѣ призыва къ здравому смыслу; московское купечество просто находитъ (ib., стр. 122), что «предоставленіе суду опредѣлять, при объявленіи несостоятельности, особый срокъ прекращенія платежей для признанія не имѣющими законной силы всѣхъ сдѣлокъ, заключенныхъ несостоятельнымъ послѣ таковаго, нельзя признать правильнымъ, такъ какъ при допущеніи этого пришлось бы лишать законной силы обязательства, заключенныя несостоятельнымъ съ лицами, *не знавшими* о разстройствѣ его дѣлъ и дѣйствовавшими вполнѣ добросовѣстно».

Напротивъ того, одесское купечество считаетъ (ib., 155), *необходимымъ*, чтобы судъ, при открытіи ли несостоятельности или въ теченіе дальнѣйшаго производства, опредѣлилъ время, съ котораго началась *дѣйствительная* (курсивъ подлинника, стр. 152) несостоятельность. Нача-

ломъ открытія несостоятельности должно, по взгляду одесскаго купечества, считать то время, когда долги несостоятельнаго превышали уже его состояніе»,—моменту, который московскимъ купечествамъ (ib., 113) опредѣляется какъ такой, когда «безденежно... отчужденное имѣніе, по долгамъ, на должникѣ лежавшимъ какъ при отчужденіи, такъ и послѣ онаго, не принадлежало уже въ существѣ своемъ ему, но составляло собственность заимодавцевъ его».

Затѣмъ одесское купечество, находя, что такъ какъ безусловное распространеніе правила о недѣйствительности сдѣлокъ, заключенныхъ должникомъ послѣ фактической, а не оффиціальной несостоятельности, «на всѣ безъ исключенія операціи несостоятельнаго, было бы несправедливо и принесло бы самыя гибельныя послѣдствія въ торговыхъ сношеніяхъ, то, въ видѣ исключенія, слѣдуетъ постановить, что будутъ признаваемы законными всѣ тѣ сдѣлки и обязательства, которыя заключены были добросовѣстно, т. е. на наличныя деньги или даже и на срокъ, но лишь бы истеченіе этого срока послѣдовало до открытія несостоятельности».

Идя дальше по окраинамъ нашей территоріи, встрѣчаемъ мнѣніе рижскаго купечества, вполнѣ согласное съ институтомъ прекращенія платежей, при чемъ купечество ссылается (ib., 128, 130, 134) на «всѣ иностранныя торговоконкурсныя законодательства». Рижское купечество требуетъ только, чтобы судъ имѣлъ положительныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ прекращеніи платежей въ каждомъ данномъ случаѣ, напримѣръ, если торговое заведеніе по неоплатности содержателя закрылось. Въ убѣжденіи, что безъ опредѣленія момента прекращенія платежей, обыкновенно не совпадающаго съ временемъ объявленія несостоятельности, нельзя было бы въ большей части случаевъ признавать незаконныхъ дѣйствій должника не имѣющими юридической силы, купечество ставитъ на видъ, что «установленіемъ предѣла времени, чрезъ который нельзя переступить при опредѣленіи дня прекращенія платежей (отъ 3 до 6 мѣсяцевъ), а равно предоставленіемъ всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ согласиться между собою относительно этого дня, достаточно, повидимому, обезпечивалась бы прочность коммерческихъ отношеній».

И дѣйствительно, правило объ установленіи момента прекращенія платежей ничуть не угрожаетъ прочности торговыхъ отношеній, а напротивъ будетъ содѣйствовать ихъ укрѣпленію. Возраженіе противъ этого правила со стороны петербургскаго купечества есть плодъ недоразумѣнія. Купечество отвергаетъ постановленіе о прекращеніи платежей, но на той же страницѣ оно считаетъ необходимымъ кассировать передачу лавки «нетолько въ послѣдніе 10 дней до открытія несостоятельности, но и *гораздо прежде того*», и даже полагаетъ (примѣч.), что «пріобрѣтатель такой лавки съ товаромъ долженъ принять отвѣтственность и за долги передавателя», т. е. несостоятельнаго (стр. 87). Московское купечество, не признавая прекращеніемъ платежей нерѣдкія у насъ просрочки въ разсчетахъ, желаетъ, однако (стр. 107), чтобы должникъ заявилъ своимъ

кредиторамъ при недостаткѣ его имущества уже на 25% на покрытіе его долговъ. Точно также здѣшнее купечество обращаетъ вниманіе на неоднократную *предъ* открытіемъ несостоятельности отдачу въ аренду фабрикъ и заводовъ за ничтожную плату (113). Все это доказываетъ, что одного объявленія несостоятельности мало, что еще *гораздо прежде* открытія несостоятельности должники нерѣдко предпринимаютъ такія дѣйствія, на которыя необходимо направить силу того или другаго законоположенія, каковымъ и представляется правило о прекращеніи платежей.

Мы уже видѣли, что цѣль его заключается въ огражденіи интересовъ кредиторовъ путемъ оспариванія распоряженій неоплатныхъ должниковъ, пріурочиваемаго къ моменту прекращенія платежей. Интересы кредиторовъ, слѣдовательно кредита вообще, недостаточно обезпечивались бы такимъ порядкомъ, по которому только умышленныя и злонамѣренныя сдѣлки должника давали бы право кредиторамъ оспаривать оныя, ибо доказать умышленность весьма трудно. Такова, по словамъ Н. А. Тура (Об. зап., стр. 215 и слѣд.), римско-германская система. Недостаточна также система французскаго торговаго уложенія, по которой должникъ, послѣ прекращенія платежей, лишается права распоряженія своимъ имуществамъ,—недостаточна потому, что она не принимаетъ во вниманіе интересы добросовѣстныхъ кредиторовъ должника, несправедлива по отношенію къ лицамъ добросовѣстно воспользовавшимся распоряженіемъ несостоятельнаго должника, противъ чего, какъ выше сказано, и возражало купечество московское. По новѣйшей системѣ французскаго закона 1838 г., признаются недѣйствительными только тѣ случаи распоряженій, совершенныхъ должникомъ послѣ прекращенія платежей, когда лицо, воспользовавшееся распоряженіемъ, *знало* о такомъ прекращеніи должникомъ платежей или о заявленіи ходатайства объ открытіи несостоятельности. Пріурочивать недѣйствительность сдѣлокъ должника къ моменту его неоплатности или несостоятельности, какъ то полагаетъ петербургское купечество, не представляло бы удовлетворительной гарантіи для кредиторовъ, такъ какъ стороннему лицу не возможно знать состоянія актива и пассива должника и его инвентарь, притомъ въ каждый данный моментъ. Поэтому иностранныя законодательства пріурочиваютъ оспариваніе требованій на должникѣ къ тому наглядному факту, въ которомъ проявляется разстройство его дѣлъ, его неоплатность,—именно къ моменту прекращенія платежей или заявленія суду ходатайства объ открытіи несостоятельности. Притомъ, проектъ, защищая добросовѣстныхъ контрагентовъ должника, признаетъ недѣйствительными только тѣ юридическія дѣйствія должника, которыя клонятся къ *ущербу* кредиторовъ (об. зап., 219). Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что моментъ прекращенія платежей, по проекту, не можетъ быть отнесенъ на произвольно дальній срокъ отъ момента объявленія несостоятельности, что, дѣйствительно, могло бы повести къ потрясенію кредита. «Проектъ ограничиваетъ примѣненіе сего правила тѣми распоряженіями, которыя были совершены должникомъ въ теченіе послѣднихъ

6 мѣсяцевъ до открытія его несостоятельности, такъ что распоряженія, совершенныя должникомъ хотя и послѣ прекращенія имъ платежей, но за шесть мѣсяцевъ до открытія его несостоятельности, не могутъ подлежать отмѣнѣ на томъ лишь основаніи, что они были совершены послѣ прекращенія должникомъ платежей съ вѣдома о томъ лица, воспользовавшагося распоряженіемъ» (стр. 235).

Изъ сказаннаго, очевидно, что правило о прекращеніи платежей не представляется мѣрою особенно радикальною, мѣрою, примѣненіе коей слѣдовало бы допускать съ большою опаской; этою мѣрой законодатель пытается въ нѣсколько большей, чѣмъ до сихъ поръ, степени оградить общественный кредитъ отъ посягательствъ должника; но ея одной, по моему мнѣнію, недостаточно для упорядоченія отношеній заимодавцевъ къ несостоятельному должнику, для установленія ихъ на такомъ открытомъ, гласномъ основаніи, которое не благопріятствовало бы поползновенію къ обманнымъ дѣйствіямъ. Въ этомъ отношеніи необходимо устранить возраженіе о томъ, что прекращеніе платежей нерѣдко смѣшивается съ пріостановкой, съ временнымъ затрудненіемъ въ разсчетахъ, еще ничего роковаго не предвѣщающемъ. Уже изъ того, что изложено выше объ отличительномъ характерѣ разсматриваемаго института, видно, что это далеко не одно и тоже. О пріостановкѣ или случайномъ затрудненіи въ платежахъ я скажу нѣсколько словъ ниже, а теперь поставлю вопросъ о томъ, имѣются ли прочныя основанія къ примѣненію правила о прекращеніи платежей исключительно къ однимъ купцамъ?

Прежде всего необходимо замѣтить, что самъ авторъ проекта, вовсе не отстаивающій принципіальной разницы между торговою и неторговою несостоятельностью, ничего не отвѣчаетъ на поставленный вопросъ. Почтенный авторъ ставитъ на одинъ уровень заявленіе ходатайства объ открытіи несостоятельности и обстоятельство прекращенія платежей, какъ два наглядные факта, въ которыхъ проявляется неоплатность (219), и по отношенію собственно къ не торговой несостоятельности онъ говоритъ, что «моментъ заявленія суду, просьбы объ открытіи несостоятельности должника неторговца, гдѣ *проектъ вообще не допускаетъ* прекращенія платежей, замѣняетъ сей послѣдній моментъ» (233). Въ другомъ мѣстѣ его Объяснительной записки (119) онъ говоритъ, что понятіе неплатоспособности, обнаруживающееся въ прекращеніи платежей, «не можетъ быть примѣнено къ неторговому быту, гдѣ интересъ кредиторовъ *достаточно ограждается* возможностью объявить должника несостоятельнымъ въ случаѣ неоплатности его».

Таково общее, въ подробностяхъ не мотивированное отрицательное рѣшеніе вопроса о непримѣненіи правила о прекращеніи платежей къ общему гражданскому быту. Я позволю себѣ высказать такой взглядъ по данному вопросу, что отсутствіе мотивовъ непримѣнимости правила о прекращеніи платежей къ неторговцамъ говоритъ въ пользу этой примѣнимости, пока противное не будетъ въ точности *доказано*. Всѣ тѣ

соображенія, которыя приводились выше въ защиту этого новаго не извѣстнаго намъ доселѣ юридическаго понятія, примѣнимы и къ неторгому быту, наравнѣ съ торговымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто пересталъ платить свои долги, тотъ неспособенъ ихъ платить, потому ли, что у него больше долговъ, нежели имущества, или потому, что онъ скрылъ свое имущество, или самъ скрылся. Въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто неоплатность, во второмъ и третьемъ—должникъ, кто бы онъ ни былъ, заслуживаетъ того, чтобы судъ данной страны объявилъ его несостоятельнымъ, со всѣми послѣдствіями конкурсной ликвидаціи долговъ. Далѣе, прекращеніе платежей вводится въ конкурсный процессъ какъ исходный пунктъ для оспариванія извѣстныхъ распоряженій должника, совершенныхъ во вредъ его кредиторовъ. Такія распоряженія, какъ, напримѣръ, переукрѣпленіе имущества въ сторонніе руки, сдѣлка съ однимъ кредитомъ въ ущербъ другимъ, неосторожныя и рискованныя предпріятія, расточительность и т. п. возможны и со стороны неторговца, какъ и со стороны профессіональнаго коммерсанта. Правила конкурснаго производства устанавливаются въ интересахъ общественнаго кредита, зданіе же кредита сооружается дѣятельностью не только купцовъ, но и землевладѣльцевъ всѣхъ сословій и ранговъ, а также трудомъ разнаго рода промышленныхъ дѣятелей, которые, какъ выше сказано, по чисто формальному основанію, не отнесены проектомъ къ категоріи купцовъ, хотя они въ сущности суть торговцы. Въ наше время, что бы оно ни представляло въ противоположномъ направленіи, невозможно, мнѣ кажется, дѣлить имущественную отвѣтственность по различію занятій или сословія должника; строгости торговаго права мало по малу дѣлаются обычнымъ правиломъ общаго права; политика различій въ этомъ отношеніи ведетъ именно къ колебанію кредита въ обширномъ смыслѣ. По замѣчанію извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Коха, приводимому на стр. 433 сочиненія профессора К. Малышева—«Историческій очеркъ конкурснаго процесса», «понятіе о прекращеніи платежей можетъ встрѣтиться вездѣ, гдѣ должникъ, хотя бы и не купеческаго званія, обязанъ къ текущимъ платежамъ, такъ что по распространеніи на всѣ сословія способности обязываться векселями и съ развитіемъ личнаго кредита во всѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ классахъ, нѣтъ никакого основанія проводить въ этомъ отношеніи различіе между общимъ и купеческимъ конкурсомъ».

Въ связи съ понятіемъ прекращенія платежей, какъ отличительнаго признака торговой несостоятельности, находится другое правило, также отличающее торговый конкурсъ отъ неторговаго, а именно правило о налагаемой проектомъ 1888 г. на купца обязанности безъ промедленія о прекращеніи имъ платежей заявить подлежащему суду. Такая обязанность налагается на торговца ст. 440 код. торг. губ. цар. польскаго и большинствомъ иностранныхъ законодательствъ (Об. зап., 126), въ числѣ коихъ, надо замѣтить, германскій конкурсный уставъ не находится. Въ отношеніи этого вопроса, поднятаго еще въ проектѣ 1869 г., мы имѣемъ

отзывъ московскаго купечества, отзывъ, относительно котораго не извѣстно, насколько его можно считать мнѣніемъ массы купечества. На стр. 92 авторъ, смѣшивая понятія прекращенія платежей и просрочекъ въ платежахъ, постоянно встрѣчающихся въ нашихъ дѣлахъ съ иногородными торговцами и неизбѣжныхъ при громадности нашихъ разстояній и неудовлетворительности сообщеній, утверждаетъ, что «такія просрочки нельзя признавать прекращеніемъ платежей и обязывать должниковъ заявлять о томъ суду для объявленія ихъ несостоятельности». Далѣе, въ томъ же отзывѣ защищается «возможность воспользоваться снисхожденіемъ кредиторовъ и войти съ ними въ соглашеніе объ отсрочкѣ» и затѣмъ говорится, что «отъ должниковъ слѣдуетъ требовать только, чтобы они *своевременно* доводили до свѣдѣнія кредиторовъ о *стѣсненіи* ихъ дѣлъ». Въ результатѣ, московское купечество считаетъ «вполнѣ основательнымъ постановить, что если у должника на покрытіе его долговъ не будетъ доставать находящагося въ рукахъ его имущества, и недостатокъ этотъ достигнетъ уже 25%, то онъ обязанъ заявить о тотъ *немедленно* своимъ кредиторамъ; обязывать же должника заявлять при такихъ обстоятельствахъ суду для объявленія его несостоятельнымъ, подвергая, за неисполненіе сего, какой либо отвѣтственности, *вовсе несправедливо*».

Итакъ, слѣдуетъ требовать, чтобы должникъ своевременно доводилъ до свѣдѣнія кредиторовъ о стѣсненіи въ дѣлахъ. Спрашивается, какъ опредѣлить своевременность, а главное — кто будетъ рѣшать вопросъ о своевременности или несвоевременности? Впрочемъ, дальше говорится уже о немедленномъ заявленіи. Замѣчу здѣсь, кстати, что рижское купечество считаетъ не лишнимъ предоставить должнику, вынужденному «прекратить свои платежи, трехдневный срокъ на объявленіе имъ самимъ о томъ суду, дабы онъ успѣлъ въ это время составить балансъ своего положенія» (пр. 1869 г., 129). Точно такое же правило о трехъ дняхъ сроку содержится и въ ст. 440 код. торг. губерн. царства польскаго. Но опять, спрашивается, кто будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы должникъ доводилъ до свѣдѣнія? Не извѣстно, какой отвѣтственности онъ долженъ, по мнѣнію купечества, подвергнуться за неисполненіе этой обязанности; вѣроятно—никакой, такъ какъ отзывъ считаетъ «вовсе несправедливымъ» подвергать какой либо отвѣтственности за незаявленіе о стѣсненіи въ дѣлахъ суду; если же здѣсь нѣтъ нужды въ какой либо отвѣтственности, то къ чему ведетъ «обязанность заявить»? Характерно въ приведенномъ замѣчаніи то, что оно рѣшительнымъ образомъ вооружается противъ вмѣшательства въ подобныя дѣла судебной власти, которая одна должна и можетъ обезпечить торжество справедливости по отношенію ко *всѣмъ* кредиторамъ, одна вправѣ и въ состояніи наблюсти, чтобы заявленіе должника достигло ушей всѣхъ кредиторовъ, а не тѣхъ только, которыхъ должникъ пожелаетъ пригласить на чашку чаю. У насъ должники дѣлаютъ заявленіе о своей неоплатности, но уже тогда, когда все готово, все переведено и на законномъ основаніи устроено. Проектъ Н. А. Тура (ст. 276)

имѣетъ въ виду иное: онъ требуетъ личнаго заявленія о прекращеніи платежей, т. е. о разстройствѣ дѣлъ, свидѣтельствующемъ о неоплатности, которую ближе всего знать самому должнику и которая можетъ быть неизвѣстна его кредиторамъ. Это—призывъ къ добросовѣстности торговца во имя общественнаго блага. Онъ нравственно обязанъ отвѣтить на такой призывъ.

Но, спрашивается, одинъ ли купецъ долженъ исполнить эту обязанность? Почему только онъ одинъ? Кредитъ есть общественная потребность, и если кредитомъ изъ разныхъ государственныхъ и негосударственныхъ учрежденій пользуются купцы, то вѣдь и потребности не купцовъ вызываютъ также обширныя финансовыя мѣропріятія со стороны общественной власти. И если на послѣднихъ долженъ распространяться институтъ прекращенія платежей, то для нихъ должно быть обязательно и заявленіе о немъ суду. Сказаннымъ я не защищаю какого либо радикальнаго новшества, въ доказательство чего прочту весьма симпатично звучащій текстъ ст. 690, т. X, ч. 2, зак. суд. гражд., изд. 1876 г.: «должникъ, не заплатившій долговыхъ своихъ обязательствъ и оставшійся въ неоплатномъ долгу, обязанъ особо явиться предъ судъ и показать письменно все количество бывшаго за нимъ имѣнія и потомъ обстоятельства и приключенія, отъ коихъ пришелъ въ несостояніе».

Третій существенный признакъ, отличающій торговую несостоятельность отъ неторговой, заключается въ правѣ суда открыть первую изъ нихъ по собственному почину—ст. 279. Въ объяснительной запискѣ къ проекту 1888 г., стр. 127, приводится, въ видѣ справки, что по дѣламъ торговой несостоятельности и по тѣмъ дѣламъ неторговой несостоятельности, которыя вѣдаются установленіями прежняго устройства, дѣло о несостоятельности возбуждается не только по ходатайству должника или кого либо изъ его кредиторовъ, но и по почину самого суда. Кромѣ того, по ст. 99 уст. кред., т. XI, дѣло о несостоятельности частнаго и общественнаго установленія краткосрочнаго кредита можетъ быть возбуждено судомъ по сообщенію министра финансовъ о признакахъ неоплатности, обнаруженныхъ при ревизіи кредитнаго установленія. Но проектъ удерживаетъ починъ суда въ дѣлѣ объявленія лишь торговой несостоятельности «въ видахъ огражденія отсутствующихъ кредиторовъ»—мотивъ, не представляющій собою ничего отзывающагося спеціально торговымъ характеромъ. Въ германскомъ конкурсномъ уставѣ суду подобнаго права почина не предоставлено, но германскій юристъ Кохъ (см. приведенное выше мѣсто сочиненія проф. Малышева) полагаетъ, что «дозволеніе суду открывать конкурсное производство ex officio слѣдовало бы распространить на всѣ случаи несостоятельности съ одинаковымъ ограниченіемъ, что судъ долженъ принимать эту мѣру лишь по крайней необходимости». Подобнаго рода право суда имѣло бы свое оправданіе—въ интересахъ общественнаго кредита, оберегателемъ котораго является судъ, какъ государственное учрежденіе.

Но допустимъ, что проектируемыя нынѣ постановленія о прекращеніи платежей, объ обязанности заявлять о такомъ прекращеніи суду и т. д. сдѣлались закономъ; всетаки остается справедливымъ возбужденное московскимъ купечествомъ возраженіе, имъ. впрочемъ, въ подробностяхъ не развитое; остается не вполнѣ разрѣшеннымъ выдвигаемый самою жизнью фактъ временной остановки въ исполненіи обязательствъ; это—то, что въ дѣйствующемъ законѣ — ст. 498, п. 2, примѣч., т. XI, ч. 2,— довольно своеобразно именуется неимѣніемъ наличныхъ денегъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи, это временное, преходящее затрудненіе находитъ себѣ исходъ въ существующихъ постановленіяхъ объ администраціяхъ и посредническихъ коммиссіяхъ, которыя до извѣстной степени восполняютъ отсутствіе въ нашемъ законодательствѣ правилъ о возможности продолженія торговаго и промышленнаго предпріятія должника, и иногда могутъ предупреждать несостоятельность. Далѣе несостоятельность можетъ быть предупреждена и тѣмъ, что должникъ входитъ въ частное соглашеніе съ своими кредиторами. Этого рода соглашенія не должны имѣть, по справедливому замѣчанію автора проекта, мѣста въ конкурсныхъ законахъ, такъ какъ они подлежатъ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ. Возможность подобнаго соглашенія не дѣлаетъ излишнимъ, а наоборотъ весьма желательнымъ «такое производство, которое давало бы должнику и кредиторамъ его» способъ «предотвратить открытіе несостоятельности его посредствомъ мировой сдѣлки» (об. зап., стр. 483). Германскій конкурсный уставъ, а также сродный съ нимъ—венгерскій, которые авторомъ разбираемаго проекта почти всюду принимаются за образецъ, не представляютъ въ данномъ случаѣ матеріала для заимствованія, ибо тотъ и другой знаютъ только мировую сдѣлку *несостоятельнаго* должника съ его кредиторами. Поэтому Н. А. Туръ, развивая мысль нынѣшняго закона объ администраціяхъ и посредническихъ коммиссіяхъ, заимствовалъ изъ бельгійскаго закона 20 іюня 1883 г. идею о мировой сдѣлкѣ въ предотвращеніе открытія несостоятельности — гл. 20 проекта 1888 г. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что означенная сдѣлка принимается судомъ къ утвержденію лишь подъ тѣми, между прочимъ, условіями, если должникъ впалъ въ несостоятельность по несчастнымъ обстоятельствамъ и если противъ него не возбуждено до того слѣдствіе по обвиненію его въ злостномъ или простомъ банкротствѣ—ст. 251, 252, 269. Не входя здѣсь въ подробный разборъ правилъ, составляющихъ 20 главу проекта, я считаю не лишнимъ поставить на видъ то касающееся *системы* его обстоятельство, что правила о мировой сдѣлкѣ въ *предотвращеніе* открытія несостоятельности излагаются въ 20 главѣ проекта, вслѣдствіе чего то, что имѣетъ предотвратить несостоятельность, что, слѣдовательно, должно идти впереди ея, излагается послѣ этой несостоятельности, нормированной въ предыдущихъ 19 главахъ. Мнѣ именно представляется вѣрнымъ такое положеніе, что въ области процессуальнаго права, законъ, дающій разрѣшеніе извѣстнымъ жизненнымъ явле-

ніямъ, долженъ идти по слѣдамъ этихъ явленій; для процессуальнаго закона, каковъ уставъ о несостоятельности, желающаго упорядочить отдѣльный, самостоятельный кругъ юридическихъ отношеній и установить для нихъ удобный и быстрый способъ ликвидированія дѣлъ, обязательна, въ вопросѣ системы, та послѣдовательность фактовъ, какая представляется на практикѣ. Съ этой точки зрѣнія, германскій конкурсный уставъ, несмотря на его теоретическую стройность и логическую послѣдовательность, представляется для меня не вполнѣ удовлетворительнымъ; напротивъ того, французскій проектъ 1882 г. гораздо нагляднѣе пріурочиваетъ свои постановленія къ лицамъ, дѣйствующимъ въ конкурсномъ производствѣ и излагаетъ ихъ, какъ сейчасъ увидимъ, именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ юридическія отношенія выступаютъ по мѣрѣ развивающихся на практикѣ фазисовъ несостоятельности. Что касается существа постановленій, то германскій, равно какъ и венгерскій уставы не заключаютъ въ себѣ правилъ объ отсрочкѣ и о временномъ пріостановленіи платежей, о чемъ здѣсь я желаю особо повести рѣчь. Для германскаго законодателя прекращеніе платежей есть несостоятельность. Это слишкомъ строго. Если удовлетворительнымъ образомъ регулировать преходящія, случайныя затрудненія въ платежахъ, если дать должнику отсрочку, предоставивъ въ то же время надлежащія гарантіи кредиторамъ, то въ объявленіи несостоятельности можетъ быть не встрѣтится и надобности: дѣла должника могутъ поправиться и онъ избѣжитъ непріятностей, сопряженныхъ съ банкротствомъ. Эта мысль и нашла себѣ мѣсто въ 20 гл. проекта, гдѣ отсрочка практически можетъ выражаться въ мировой сдѣлкѣ. Тѣмъ не менѣе въ 20 главѣ—ни о пріостановленіи платежей, ни объ отсрочкѣ ничего не говорится,—о первомъ потому, конечно, что проектъ знаетъ только прекращеніе платежей, о второй, вѣроятно, по тому предположенію, что отсрочка составитъ предметъ предварительныхъ, до формулированія мировой сдѣлки переговоровъ должника съ его заимодавцами. Я полагаю, что если въ разграниченіи этихъ смежныхъ между собою понятій представится то или другое удобство для должника, то слѣдуетъ ихъ разграничить и соотвѣтствующимъ образомъ нормировать. Посмотримъ же, какъ вопросъ о пріостановленіи платежей разрѣшается во французскомъ проектѣ 1882 года.

Французскій проектъ озаглавленъ такъ: о пріостановленіи платежей, несостоятельности и банкротствѣ. Купецъ, который пріостановилъ платежи, объявляется, по опредѣленію торговаго суда, пріостановившимъ платежи, гласитъ 437 ст. французскаго проекта, и это опредѣленіе имѣетъ для должника маленькое личное послѣдствіе въ томъ, что онъ не можетъ участвовать въ выборахъ для замѣщенія должностей по торговой палатѣ и торговому суду—ст. 580. Время пріостановленія платежей устанавливается опредѣленіемъ, которымъ объявляется пріостановленіе ихъ—447. Съ этого момента имущество должника поступаетъ въ управленіе временныхъ администраторовъ—453,463, которые завѣдуютъ его дѣлами, про-

даютъ вещи, подлежащія скорой порчѣ или упадку въ цѣнѣ—472; продолжаютъ или пріостанавливаютъ его предпріятіе и т. д.; все это они дѣлаютъ подъ надзоромъ судьи—коммиссара и торговаго суда. Далѣе, по французскому проекту, идетъ назначеніе постояннаго администратора и контролеровъ, повѣрка требованій кредиторовъ и правила о заключеніи мировой сдѣлки между должникомъ и кредиторами. Мировая сдѣлка допускается только по отношенію къ должнику добросовѣстному и утвержденію ея во всякомъ случаѣ предшествуетъ докладъ судьи—коммиссара о свойствѣ пріостановленія платежей и о допустимости мировой сдѣлки—509, 510, 512, 516, 521. Если мировая сдѣлка не состоится, то кредиторы, въ силу самого закона, вступаютъ въ *сообщество*—525, отъ имени котораго администраторъ чинитъ ликвидацію имущества должника. Вслѣдъ за симъ во французскомъ проектѣ излагаются постановленія о разныхъ родахъ кредиторовъ и о распредѣленіи между ними дивиденда. Въ главѣ о несостоятельности ст. 575 говоритъ: коль скоро опредѣленіе объ утвержденіи мировой сдѣлки или опредѣленіе о прекращеніи производства вслѣдствіе недостаточности актива вступятъ въ законную силу, или коль скоро кредиторы отклонятъ мировую сдѣлку и вступятъ въ сообщество, судъ приступаетъ къ обсужденію вопроса о томъ, слѣдуетъ ли объявить должника несостоятельнымъ или нѣтъ. Вопросъ о томъ, нарушилъ ли должникъ свои обязанности и долженъ ли онъ быть объявленъ поэтому несостоятельнымъ, рѣшается предварительно тайной баллотировкой въ собраніи кредиторовъ подъ предсѣдательствомъ судьи—коммиссара, по большинству голосовъ, причемъ кредиторы не могутъ выслать въ это собраніе повѣренныхъ. На основаніи протокола собранія кредиторовъ судъ постановляетъ окончательное, не допускающее ни отзыва, ни апелляціи опредѣленіе по вопросу о несостоятельности должника—578.

Изложенная система французскаго проекта отличается, на мой взглядъ, простотой и наглядностью, такъ какъ она соотвѣтствуетъ ходу самаго событія несостоятельности. Изъ сказаннаго видно въ то же время, что французскій проектъ очень бережно относится къ должнику, котораго онъ объявляетъ несостоятельнымъ лишь когда исчерпаны всѣ предварительныя мѣры, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ французскій законъ не даетъ должнику никакой поблажки. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ означенныхъ выше предварительныхъ до объявленія несостоятельности мѣръ нѣтъ одной, которую было бы полезно установить во вниманіе къ условіямъ нашей юридической жизни; я говорю, объ отсрочкѣ въ платежахъ, какъ одного изъ видовъ соглашенія должника съ кредиторами, которая могла бы замѣнить довольно полюбившіяся у насъ администраціи. Объ отсрочкѣ говорятъ бельгійскій и итальянскій конкурсные уставы и проектъ голландскаго устава.

Книга III бельг. торг. уложенія озаглавлена такъ: о несостоятельности, банкротствѣ и объ отсрочкѣ въ платежахъ. По бельгійскому закону—

гл. IV, ст. 593—614—отсрочка предоставляется купцу—предварительная и окончательная; обѣ не могутъ продолжаться въ совокупности долѣе двухъ лѣтъ; при платежѣ 60% дается послѣдняя отсрочка на 1 годъ. Всякой дальнѣйшей отсрочкѣ должно предшествовать изслѣдованіе дѣлъ должника. Вообще отсрочка дается по выслушаніи, если нужно, заключенія свѣдущихъ людей; она предоставляется съ согласія кредиторовъ; во время дѣйствія отсрочки должникъ находится подъ наблюденіемъ назначенныхъ судомъ коммиссаровъ, безъ разрѣшенія коихъ онъ не вправѣ совершать имущественныя сдѣлки; о предоставленной отсрочкѣ дѣлается публикація. Отсрочка отмѣняется, если должникъ окажется виновнымъ въ подлогѣ или недобросовѣстности, въ неисполненіи нѣкоторыхъ требованій конкурснаго устава, или если активъ окажется недостаточнымъ на полное удовлетвореніе долговъ.

По итальянскому закону — торг. улож., кн. III, о несостоятельности, глава VI, отд. II, объ отсрочкѣ въ платежахъ, ст. 819—829 — должникъ не далѣе трехъ дней послѣ объявленія его несостоятельнымъ, можетъ просить о пріостановкѣ исполненія по сему опредѣленію и объ отсрочкѣ въ платежахъ, которая обусловлена такъ же, какъ и по бельгійскому уставу, съ прибавкой представленія торговыхъ книгъ, правильно веденныхъ. Отсрочка въ платежахъ можетъ быть дана и до объявленія несостоятельности. Первоначальная и вторичная отсрочка не можетъ превышать въ сложности 1 года.

Голландскій проектъ 1887 г. — о несостоятельности и объ отсрочкѣ въ платежахъ—постановленіямъ о сей послѣдней посвящаетъ вторую часть, которая заключаетъ въ себѣ подобныя предыдущимъ правила объ условіяхъ допущенія и отмѣны отсрочки въ платежахъ и о правахъ кредиторовъ во время ея дѣйствія.

По всѣмъ изложеннымъ тремъ законодательствамъ отсрочка въ платежахъ нормируется независимо отъ мировой сдѣлки, могущей быть заключенною должникомъ съ его кредиторами; должникъ, которому дана отсрочка, находится подъ контролемъ кредиторовъ и суда; отказъ въ предоставленіи отсрочки или отмѣна ея влечетъ немедленное объявленіе несостоятельности. Главное же въ этомъ вопросѣ есть то, что отсрочка допускается въ пользу должника, который ея заслуживаетъ не только по своему имущественному положенію, но и по своей добросовѣстности, а также по несчастнымъ обстоятельствамъ, на него обрушившимся. Между тѣмъ, мировая сдѣлка въ предотвращеніе открытія несостоятельности по проекту 1888 г., имѣющая одинаковое съ отсрочкой предупредительное значеніе, ничего не говоритъ о второмъ изъ этихъ условій — ст. 251 проекта 1888 г. Бельгійскій законъ 20 іюня 1883 г., послужившій образцомъ для 20 главы проекта, въ ст. 2 говоритъ: мировая сдѣлка въ предотвращеніе открытія несостоятельности утверждается торговымъ судомъ въ томъ случаѣ, если должникъ оказывается несчастнымъ и добросовѣстнымъ; если же во время производства дѣла судъ убѣдится въ

противномъ, то можетъ во всякое время объявить должника несостоятельнымъ—ст. 18; опредѣленіе объ утвержденіи мировой сдѣлки можетъ быть отмѣнено... если судъ установитъ недобросовѣстность должника—ст. 20. Не можетъ, кажется, подлежать никакому сомнѣнію, что если должникъ оказывается недобросовѣстнымъ, то ему не должна быть предоставляема льгота, предотвращающая несостоятельность; въ этой первой, предварительной стадіи конкурснаго процесса, выражающаго предупредительность законодателя къ должнику, сей послѣдній долженъ удовлетворять строгимъ требованіямъ того нравственнаго закона, который является первоначальной основой кредитныхъ отношеній, отношеній изъ довѣрія. Въ объяснительной запискѣ нѣтъ никакихъ указаній по затронутому вопросу, и остается неизвѣстнымъ, почему нашъ законъ долженъ быть въ данномъ случаѣ менѣе щепетильнымъ, нежели его прототипъ. Правда, въ ст. 266 проекта сказано, что въ отношеніи *отмѣны* [2]) мировой сдѣлки въ предотвращеніе открытія несостоятельности примѣняются правила, постановленныя по сему предмету относительно мировой сдѣлки, состоявшейся послѣ открытія несостоятельности должника, въ *утвержденіи* же сей послѣдней, по 217 ст., гл. 16, должно быть отказано, между прочимъ, вслѣдствіе употребленія *неблиговидныхъ средствъ* для ея достиженія. Ясно, что въ обѣихъ статьяхъ предусматриваются различные моменты мировой сдѣлки: въ одной — утвержденіе, въ другой—отмѣна; въ виду же неупоминанія въ 251 ст., 20 главы, о «неблаговидныхъ средствахъ» при утвержденіи предлагаемой должникомъ мировой сдѣлки въ предотвращеніе открытія несостоятельности, можетъ возникнуть сомнѣніе относительно того, въ правѣ ли судъ отказать въ ея утвержденіи при наличности неблаговидныхъ средствъ, какія могутъ быть пущены въ ходъ со стороны должника или сочувствующихъ ему кредиторовъ. Между тѣмъ, уже проектъ 1869 г. (стр. 63) считалъ, что мировыя сдѣлки «не должны быть допускаемы при существованіи признаковъ недобросовѣстности должника». Съ этимъ соглашалось и московское купечество (стр. 103, 104, п. 6), которое полагало, что мировая сдѣлка безъ объявленія несостоятельности не можетъ быть допускаема, если въ представленномъ должникомъ балансѣ или торговыхъ книгахъ окажутся неправильности при показаніи его долговъ или имущества, или же вообще въ дѣйствіяхъ его будутъ обнаружены *злоупотребленія*, клонящіяся ко вреду кредиторовъ». Подкрѣпленный мнѣніемъ такого компетентнаго эксперта, каково московское купечество, я позволяю себѣ подобнаго же рода возраженіе сдѣлать проекту и по поводу ст. 300, согласно которой должникъ-торговецъ, при заявленіи просьбы объ утвержденіи мировой сдѣлки въ предотвращеніе открытія несостоятельности, «долженъ представить суду балансъ, выведенный изъ торговыхъ его книгъ». Но

---

[2]) По ст. 224 гл. 16 проекта 1888 г., мировая сдѣлка отмѣняется по иску...; если послѣ утвержденія ея обнаружится, что она состоялась вслѣдствіе обмана.

книги книгамъ рознь. Торговыя книги—это самое больное мѣсто нашей торговой жизни. Московское купечество, на указанной сейчасъ страницѣ своихъ замѣчаній, условіемъ допущенія администраціи безъ объявленія несостоятельности и сопряженныхъ съ ними мировыхъ сдѣлокъ ставитъ между прочимъ то, чтобы «торговыя книги должника были настолько *исправны*, что изъ нихъ можно ясно видѣть положеніе его дѣлъ». Нерѣдко у насъ бываетъ такъ, что благія намѣренія правительства встрѣчаютъ въ средѣ нашего купеческаго сословія болѣе или менѣе сильный отпоръ. Примѣры тому представляютъ: торговая регистрація, фабричные законы. Здѣсь же санкція ст. 300 слабѣе того требованія, которому согласно подчиниться само купечество. По этому ст. 300 проекта должна заключать въ себѣ положеніе, что мировая сдѣлка въ предотвращеніе открытія несостоятельности допускается только при наличности у купца надлежащихъ, правильно веденныхъ торговыхъ книгъ.

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, глава 20 проекта 1888 г. представляетъ, по моему мнѣнію, одну изъ лучшихъ его главъ, такъ какъ она регулируетъ предварительную стадію конкурснаго производства, указываетъ честному должнику законный путь избѣжать несостоятельности. Я думаю только, что обиліе этихъ путей нисколько не повредитъ дѣлу. Мировая сдѣлка, какъ таковая, можетъ представить иной разъ болѣе затрудненія для ея заключенія, чѣмъ простая отсрочка въ платежахъ. Мировая сдѣлка должна заключать въ себѣ, между прочимъ, обозначеніе способа и размѣра удовлетворенія; въ простой отсрочкѣ такого обозначенія можетъ и не потребоваться. Поэтому отсрочка можетъ показаться не только должнику, но и его кредиторамъ средствомъ для разсчета удобнымъ, легкимъ и внушающимъ довѣріе. Кромѣ того, при мировой сдѣлкѣ (предварительной), кредиторы, заключивъ сдѣлку, теряютъ должника изъ виду, между тѣмъ, обезпеченіе исполненія должникомъ его обязательствъ можетъ заключаться въ томъ, если кредиторы будутъ имѣть вліяніе на управленіе его дѣлами, а это условіе можетъ быть удобнѣе координировано съ отсрочкой, но не съ мировой сдѣлкой. Принципъ вступленія кредиторовъ въ завѣдываніе имуществомъ должника нынѣ осуществляется въ формѣ администраціи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что дѣйствующія теперь администраціи, учреждаемыя безъ судебной повѣрки баланса съ торговыми книгами должника, а также безъ судебнаго изслѣдованія простираемыхъ къ нему требованій, должны быть, согласно предположенію составителя проекта, упразднены. Хотя съ этимъ несогласны отзывы с.-петербургскаго, московскаго и одесскаго купечествъ (проектъ 1869 г., стр. 89, 103, 157, 158), но послѣдніе два отзыва признаютъ необходимымъ учрежденіе администраціи подчинить вѣдомству судебной власти. При такой постановкѣ вопроса, дѣло уже идетъ о названіи, а не о сущности предмета. Сущность же его заключается въ томъ, что принципъ участія кредиторовъ въ управленіи дѣлами должника, выработанный нашей общегражданской и торговой юридической практикой, долженъ быть

сохраненъ въ законѣ, съ соотвѣтствующими, конечно, духу новаго законопроекта постановленіями. По этому вопросу въ проектѣ 1888 г. есть двѣ статьи: 265 и 220. По ст. 265 (гл. 20) должникъ сохраняетъ право свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, если только мировая сдѣлка (предварительная) не содержитъ въ себѣ какого либо ограниченія въ семъ отношеніи. По ст. 220 несостоятельному должнику возвращается право свободно распоряжаться конкурсною массою, если только мировая сдѣлка не содержитъ въ себѣ какого либо ограниченія въ семъ отношеніи. Очевидно, проектъ предоставляетъ усмотрѣнію кредиторовъ опредѣлить «ограниченія», налагаемыя на должника въ распоряженіи его имуществомъ. При такомъ порядкѣ можно ожидать, что эти ограниченія обратятся въ то безконтрольное веденіе предпріятія должника, какимъ представляется оно въ нынѣшнихъ администраціяхъ. Словомъ сказать, участіе кредиторовъ въ завѣдываніи имуществомъ должника въ проектѣ 1888 г. ближайшимъ образомъ не опредѣлено; между тѣмъ это кредиторское содѣйствіе въ управленіи дѣлами должника, не объявленнаго несостоятельнымъ, но временно пошатнувшагося въ своемъ положеніи, можетъ оказаться существенно необходимымъ, ибо въ немъ заключается самая серьезная гарантія ихъ требованій; безъ вмѣшательства въ дѣло кредиторы находились бы въ полной власти должника; а съ другой стороны и самъ онъ можетъ счесть подобное вмѣшательство почему-либо для себя полезнымъ. Само собою разумѣется, вопросъ, о томъ—быть этому участію или нѣтъ, должно рѣшать общее собраніе кредиторовъ. Но тотъ или другой исходъ вопроса долженъ быть предусмотрѣнъ въ законѣ и имъ разграниченъ. Если кредиторы довѣряютъ должнику, то они не станутъ вмѣшиваться въ его дѣла, они войдутъ съ нимъ, съ утвержденія суда, въ соглашеніе, которое оставитъ за должникомъ всѣ его права, съ нѣкоторыми, быть можетъ, изъятіями. Если же кредиторы не пойдутъ на мировую сдѣлку (предварительную) и признаютъ въ то же время нужнымъ установить надъ должникомъ ближайшее наблюденіе, то условія и послѣдствія его необходимо въ точности опредѣлить постановленіями конкурснаго устава на базисѣ отсрочки въ платежахъ, подобной той, какая установлена въ голландскомъ проектѣ, или въ бельгійско-итальянскомъ уложеніи. Мнѣ кажется, что отсрочка въ платежахъ, обставленная надлежащими гарантіями въ общемъ интересѣ кредиторовъ, могла бы съ успѣхомъ замѣнить нынѣшнія администраціи, съ примѣненіемъ ихъ нетолько къ крупнымъ, но и къ мелкимъ дѣламъ, торговымъ и неторговымъ,—администраціи, вовсе отмѣнять коихъ не слѣдуетъ, но кореннымъ образомъ измѣнить порядокъ ихъ учрежденія, а также и дѣятельности необходимо. Желанія купечества по этому предмету представляются мнѣ заслуживающими удовлетворенія, съ тѣмъ дополненіемъ, что надзоръ судебной власти долженъ простираться нетолько на допущеніе администрацій, но и на ихъ послѣдующую дѣятельность. Самое участіе кредиторовъ въ завѣдываніи имуществомъ должника должно, мнѣ кажется, быть наблюдатель-

нымъ, контролирующимъ, не стирающимъ личность должника съ арены его привычной дѣятельности. Не надо забывать, что дѣло идетъ о благопріятномъ, сравнительно, имущественномъ положеніи лица, о временной, вслѣдствіе какихъ нибудь чрезвычайныхъ финансовыхъ и политическихъ обстоятельствъ, пріостановкѣ платежей должникомъ, который заслуживаетъ пока довѣрія. Кромѣ того, съ фактомъ устраненія должника отъ его предпріятія связанъ довольно острый—какъ въ конкурсномъ, такъ и въ администраціонномъ производствѣ — вопросъ о вознагражденіи за труды. Я удерживаюсь высказывать собственное мнѣніе по этому вопросу. Замѣчу только, что по бельгійскому закону объ отсрочкахъ *кредиторы* должника, назначаемые судомъ коммиссарами для наблюденія за его распоряженіями, не имѣютъ права на вознагражденіе—ст. 602, 595. Напротивъ, по голландскому проекту 1887 г., ликвидаторы, которые (по назначенію суда) управляютъ имуществомъ должника *вмѣстѣ съ нимъ*— ст. 225, получаютъ вознагражденіе, но оно, какъ и вознагражденіе коммиссаровъ—не кредиторовъ по бельгійскому уставу, опредѣляется судомъ—ст. 243.

Участіе кредиторовъ въ дѣлахъ должника, наряду съ его индивидуальною дѣятельностію суть, такимъ образомъ, два элемента учрежденія отсрочки въ платежахъ. Третій элементъ — надзоръ суда здѣсь также безусловно необходимъ, ибо отъ суда нетолько зависитъ допущеніе отсрочки и разрѣшеніе могущихъ встрѣтиться при исполненіи ея судебныхъ вопросовъ, но и немедленное объявленіе несостоятельности должника, который или нарушилъ правила отсрочки, или оказался недобросовѣстнымъ. Этотъ надзоръ будетъ, несомнѣнно, побуждать лицо, временно пріостановившее платежи, къ точному исполненію условія отсрочки. Словомъ, вліяніе судебной власти въ дѣлѣ отсрочки и въ дѣлѣ мировой сдѣлки необходимо въ интересахъ всѣхъ кредиторовъ, въ интересахъ всего общественнаго кредита; см. ст. 82, 217 проекта 88 г. То же самое слѣдуетъ сказать обо всѣхъ фазисахъ конкурснаго производства вообще, ибо какъ всѣ иностранныя конкурсныя законодательства, такъ и проектъ 1888 г., совершенно справедливо устраняютъ изъ будущаго закона какъ администраціи и посредническія коммиссіи, такъ и конкурсныя управленія, которымъ дѣйствующій обветшалый уставъ производства дѣлъ о торговой несостоятельности присвоиваетъ неподобающія имъ судебныя функціи. Между тѣмъ надо сознаться, эта идея судебнаго контроля въ дѣлахъ о несостоятельности еще не получила права гражданства въ средѣ нашего купечества. Такъ мы видѣли уже, по поводу обязанности заявлять о прекращеніи платежей, что московское купечество желало бы установленія обязанности заявлять объ этомъ кредиторамъ, но не суду. Можно считать вѣроятнымъ, что и московское купечество не представитъ возраженій противъ обязанности заявлять суду о пріостановленіи (или прекращеніи) платежей, если фактъ такого заявленія будетъ, по закону, имѣть послѣдствіемъ не обязательное, роковое объявленіе несостоятель-

ности, а отсрочку въ платежахъ или мировую сдѣлку въ предотвращеніе открытія несостоятельности.

Итакъ, если принять за образецъ французскій проектъ 1882 г., то схема нашего будущаго конкурснаго устава могла бы, мнѣ кажется, быть разработана по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) пріостановленіе платежей, съ обязанностью доводить о немъ до свѣдѣнія суда; 2) при извѣстныхъ условіяхъ и при благопріятномъ имущественномъ положеніи должника — отсрочка въ платежахъ съ участіемъ кредиторовъ въ завѣдываніи дѣлами пріостановившаго платежи лица и подъ контролемъ суда; 3) предварительная, безъ объявленія несостоятельности, мировая сдѣлка—подъ соотвѣтствующими условіями и гарантіями; 4) прекращеніе платежей, несостоятельность, мировая сдѣлка, ликвидація массы.

Упомянутая выше тенденція, по возможности, уходить отъ вліянія суда, имѣющая, быть можетъ, свое историческое оправданіе, сказалась еще въ одномъ случаѣ, изложеніемъ котораго я подхожу къ концу моего посильнаго разбора проекта 1888 г. Еще проектъ 1869 г. (стр. 15) указывалъ на ненормальность того порядка, по которому преслѣдованіе простаго и злостнаго банкротства поставлено у насъ въ зависимость отъ усмотрѣнія заимодавцевъ, въ лицѣ конкурснаго управленія и общаго собранія, составленныхъ предъ предварительной судебной провѣркой долговыхъ требованій и не имѣющихъ никакой матеріальной пользы отъ преслѣдованія злостнаго должника; поэтому «не должно, говоритъ объяснительная записка къ проекту, удивляться тому, что несостоятельные довольно рѣдко подвергаются у насъ наказанію за злостное банкротство, тогда какъ извѣстно, что злонамѣренные банкроты весьма нерѣдки, и что встрѣчаются торговцы, промышляющіе банкротствомъ»; нечего удивляться, «что у насъ смотрятъ вообще довольно снисходительно на такія по торговлѣ дѣйствія, которыя въ другихъ странахъ считаются уголовными преступленіями, и что конкурсное производство у насъ не содѣйствуетъ упроченію торговаго кредита, а, напротивъ, въ настоящемъ его положеніи считается едва ли не главнѣйшею причиною совершеннаго упадка онаго. Можно положительно сказать, продолжаетъ записка, что есть люди во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполнѣ добросовѣстные, которые считаютъ самые предосудительные и даже безчестные въ конкурсныхъ дѣлахъ поступки дозволенными, когда, такимъ образомъ, возможно получить болѣе значительное, противъ другихъ кредиторовъ, удовлетвореніе по вполнѣ правильнымъ, впрочемъ, претензіямъ, или же просто угодить знакомому должнику и его доброжелателямъ». Въ виду такихъ соображеній въ проектъ 1869 г. было внесено правило (ст. 2), что судъ о каждомъ случаѣ несостоятельности сообщаетъ прокурору. По этому вопросу высказало свое замѣчаніе лишь одно петербургское купечество (стр. 81). Возраженія его сводятся къ тому, что, молъ, при коммерческихъ судахъ прокуроровъ не имѣется, и что въ случаѣ перехода дѣлъ торговыхъ въ окружные суды «нѣтъ основанія дѣлать предположенное во 2 ст. проекта изъятіе для дѣлъ о торговой

несостоятельности, тѣмъ болѣе, что дѣла эти весьма часто оканчиваются миролюбивымъ соглашеніемъ [3]) кредиторовъ съ несостоятельнымъ; поэтому, какъ характерно выражаются выборные С.-Петербургской купеческой управы, въ пользахъ торговаго сословія было бы установить для нихъ порядокъ болѣе частнаго, чѣмъ формальнаго производства, съ устраненіемъ, по возможности, особаго еще судебнаго надзора». Проектъ 1869 г. постановлялъ (ст. 18), что при наличности, между прочимъ, поводовъ подозрѣвать должника въ предосудительныхъ во вредъ кредиторовъ дѣйствіяхъ, должникъ не можетъ быть оставленъ на свободѣ безъ согласія прокурора. По мнѣнію петербургскихъ выборныхъ, вопросъ этотъ подлежитъ рѣшенію большинства кредиторовъ и согласіе прокурора здѣсь «представляется вовсе излишнимъ»—мнѣніе, которому нельзя отказать въ категоричности. Что касается объяснительной записки 1888 г., то она находитъ (стр. 144), что конкурсный судъ не имѣетъ возможности выяснить посредствомъ предварительнаго слѣдствія улики, а съ другой стороны предварительное уголовное слѣдствіе не можетъ быть произведено, при нынѣшнемъ порядкѣ, по свѣжимъ слѣдамъ, вслѣдствіе чего должники нерѣдко избѣгаютъ заслуженной кары. Поэтому проектъ 1888 г. выдѣляетъ вопросъ о свойствѣ несостоятельности—простой и злостной—изъ конкурснаго производства и относитъ его всецѣло къ уголовному судопроизводству, съ чѣмъ, по словамъ автора проекта, согласна и редакціонная коммиссія по составленію проекта новаго уголовнаго уложенія.

Трудно, кажется, что либо возразить противъ предположеннаго въ данномъ случаѣ порядка—ст. 51, 268. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего проще и разумнѣе, какъ предоставить вопросы уголовные вѣдѣнію органовъ уголовнаго правосудія, которымъ всѣ должностныя лица и учрежденія, не исключая и конкурсныхъ, а также кредиторы должника обязаны дать съ своей стороны возможность рѣшить вопросъ о наличности признаковъ уголовнаго дѣянія въ данномъ дѣлѣ или объ отсутствіи его.

Послѣдній вопросъ, которымъ я желалъ бы занять вниманіе Юридическаго Общества, есть вопросъ о повѣркѣ кредиторскихъ требованій. Сущность проектированнаго порядка повѣрки ихъ—ст. 46, п. 5, 159—183, заключается въ томъ, что въ назначенномъ для повѣрки общемъ собраніи кредиторовъ каждое требованіе повѣряется, подъ руководствомъ судьи—наблюдателя, всѣми конкурсными кредиторами, при участіи должника и конкурснаго попечителя. Послѣдній, по проекту, назначается преимущественно изъ присяжныхъ повѣренныхъ, присяжныхъ стряпчихъ и частныхъ повѣренныхъ. Авторъ проекта совершенно вѣрно замѣчаетъ (об. зап.,

---

3) По ст. 217 проекта 88 г., въ утвержденіи мировой сдѣлки *должно быть отказано* по просьбѣ кого либо изъ конкурсныхъ кредиторовъ,... 1, когда мировая сдѣлка состоялась вслѣдствіе предоставленія одному или нѣкоторымъ кредиторамъ какого либо преимущества по удовлетворенію предъ остальными, или вслѣдствіе употребленія иныхъ *неблаговидныхъ средствъ*.

415), что «каждый отдѣльный кредиторъ, безъ сомнѣнія, заинтересованъ въ правильной повѣркѣ не только заявленнаго имъ долга, но и долговъ заявленныхъ всѣми остальными кредиторами». По этому проектъ установляетъ такое правило, что въ случаѣ заявленія кѣмъ либо въ общемъ собраніи спора противъ данной претензіи, собственнику ея предоставляется вчинить искъ о присужденіи долга къ тѣмъ лицамъ, кои при повѣркѣ оспорили долгъ (об. зап., стр. 421). Если же спорный долгъ основанъ на судебномъ рѣшеніи, то искъ къ кредитору должны предъявить лица, оспорившія долгъ, именно искъ объ отказѣ въ удовлетвореніи долга—ст. 176. Авторъ проекта говоритъ, что въ сущности такой же порядокъ соблюдается и теперь, съ тою разницею, что искъ предъявляется къ конкурсному управленію. Противъ указаннаго порядка выставляется такое возраженіе, что при немъ будутъ возбуждаться неосновательные споры съ цѣлію или навязать кредитору искъ, или заставить его дать отступное. На это возраженіе можно отвѣтить одно, а именно, что лучшей гарантіей правильности повѣрки по системѣ проекта будетъ то, что она происходитъ въ общемъ собраніи кредиторовъ, при участіи конкурснаго попечителя—юриста и подъ руководствомъ судьи—наблюдателя, тоже юриста, тогда какъ въ настоящее время повѣрка производится въ ограниченномъ, иногда тенденціозно подобранномъ составѣ конкурсной коллегіи, притомъ съ примѣненіемъ того бумажно-канцелярскаго порядка, всѣ прелести и малоподвижность котораго достаточно всѣмъ извѣстны. Если дѣйствительно конкурсныя управленія, эта «нижняя степень коммерческаго суда», отжили свой вѣкъ, а въ этомъ трудно было бы сомнѣваться, то едва ли можно изобрѣсти какой либо другой, простой и быстрый, способъ повѣрки требованій кредиторовъ. По крайней мѣрѣ такой порядокъ существуетъ въ современныхъ иностранныхъ законодательствахъ. И въ самомъ дѣлѣ, доказательства правильности претензіи могутъ быть представлены только собственникомъ ея,—пусть онъ ихъ и обнаружитъ. Иное дѣло, если оспаривается требованіе, освященное судебнымъ рѣшеніемъ; тогда обязанность предъявить искъ и тяжесть доказыванія должна переходить на спорщика.

Въ заключеніе настоящаго очерка нельзя не выразить пожеланія, чтобы проектъ устава о несостоятельности 1888 года, въ томъ или другомъ видѣ, съ измѣненіями или безъ измѣненій, но поскорѣе сталъ у насъ дѣйствующимъ закономъ.

Н. И. Ржондковскій.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОХРАНА ДѢТЕЙ, РАБОТАЮЩИХЪ ВЪ МАСТЕРСКИХЪ, И ВОПРОСЫ ЕЯ БЛИЖАЙШАГО БУДУЩАГО.

Въ періодическую печать проникъ рядъ слуховъ о готовящихся мѣрахъ къ учрежденію правительственнаго контроля надъ трудомъ малолѣтнихъ, эксплоатируемомъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Слухи эти носятъ на себѣ отпечатокъ несомнѣнной достовѣрности и обѣщаютъ въ близкомъ будущемъ распространеніе фабричнаго законодательства, нормирующаго дѣтскую работу на фабрикахъ, на всѣ, пока изъятыя отъ благодѣтельной охраны его, ремесленныя заведенія и мастерскія съ подчиненіемъ ихъ тому же контролю фабричной инспекціи, который существуетъ теперь для фабрикъ и заводовъ.

Отсюда естественно возникаетъ вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи станетъ предпринятая и уже организованная Московскимъ Обществомъ защиты дѣтей, работающихъ и обучающихся въ мастерскихъ, къ правительственной охранѣ ихъ интересовъ, разъ таковая будетъ учреждена. Возникаетъ не вопросъ, а, вѣрнѣе, цѣлый рядъ вопросовъ, и нѣкоторыми изъ нихъ, наиболѣе существенными, мы и намѣрены заняться теперь.

Всѣ эти вопросы, конечно,—пока касаются *будущаго*; но *настоящее* тогда только жизнеспособно, тогда только можетъ идти впередъ, если оно смотритъ въ это будущее, стремится къ нему и вѣрно его угадываетъ. Въ особенности приложимо такое требованіе къ начинаніямъ, предпринимаемымъ ко благу дѣтства, которое само составляетъ залогъ этого будущаго, готовится къ нему, чтобы въ свою очередь создать въ немъ свое настоящее. Слѣдовательно, все значеніе, вся цѣль, вся сила названнаго Общества—всецѣло въ этомъ будущемъ, и говорить о немъ—никогда не будетъ дѣломъ преждевременнымъ, праздным, мечтою; эта мечта, *въ данномъ случаѣ*, пріобрѣтаетъ значеніе самой насущнѣйшей реальности. Да и самъ вопросъ охраны трудящагося дѣтства, у насъ, по крайней мѣрѣ,

не имѣя ни прошедшаго, ни настоящаго, весь живетъ пока въ этомъ будущемъ; въ этомъ его свойствѣ коренится, быть можетъ, значительная доля той глубокой и всеобщей симпатіи, которая окружаетъ теперь явившагося на свѣтъ «новорожденнаго», незнакомаго ни съ прошлымъ горемъ, ни съ настоящею бѣдою и лишь довѣрчиво улыбающагося и тянущагося къ этому будущему, свѣтлому, радостному и ничѣмъ пока не омрачаемому; въ заботѣ о немъ отдыхаетъ ошалѣвшая въ сутолокѣ современнаго мысль человѣческая и, уносясь мечтою впередъ, не рискуетъ лишиться своей реальной основы.

Вопросы, поднимаемые ближайшимъ будущимъ о дѣятельности Общества по его попеченію о дѣтяхъ, находящихся въ ремесленныхъ заведеніяхъ, могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ.

1) Сохранится ли за Обществомъ разумная цѣль защиты этихъ дѣтей, разъ эта защита будетъ поставлена подъ охрану закона, имѣющаго ограничить существующіе произволъ и злоупотребленія?

2) Понадобится ли надзоръ Общества за положеніемъ юныхъ ремесленниковъ, разъ надзоръ этотъ будетъ возложенъ на правительственныхъ агентовъ?

3) Не встрѣтится ли какихъ либо нежелательныхъ столкновеній при совпаденіи частной благотворительной дѣятельности съ оффиціальною функціею чиновъ правительственной инспекціи? и

4) При сохраненіи и совмѣстной дѣятельности этихъ обоихъ органовъ въ одной и той же цѣли явится ли необходимою особая нормировка ихъ взаимныхъ отношеній и точное разграниченіе предѣловъ вѣдомствъ?

Вопросы эти очень важны, очень существенны; но ими во всякомъ случаѣ не создается еще новый и уже общій вопросъ о томъ—«*быть, или не быть*» Обществу, задачи котораго окажутся совпадающими съ задачами правительства, а потому и дальнѣйшее существованіе котораго теряетъ свою разумную почву,—не создается этотъ общій вопросъ уже потому, что у Общества, и помимо попеченія о дѣтяхъ, работающихъ въ мастерскихъ, масса заботъ и обязанностей, возложенныхъ уставомъ, о дѣтяхъ вообще и гдѣ бы то ни было сдѣлавшихся жертвами преступленія и нуждающихся въ защитѣ. Остается, такимъ образомъ, нерѣшеннымъ лишь частный вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли Обществу сложить съ себя заботу о защитѣ дѣтей ремесленниковъ, принимаемыхъ нынѣ подъ охрану закона и особо назначаемыхъ для этой цѣли правительственныхъ агентовъ? Этотъ частный, но столь же важный и существенный вопросъ, распадается, главнымъ образомъ, на вышеизложенные четыре пункта, къ рѣшенію которыхъ мы и приступаемъ теперь, установивъ общую точку зрѣнія и намѣтивъ руководящіе предѣлы для послѣдующаго изложенія.

I.

Первый и второй изъ намѣченныхъ выше вопросовъ уже разъ подвергались отчасти обсужденію въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ при разсмотрѣніи имъ составленнаго нами проекта инструкціи по отдѣлу защиты. Было при этомъ высказано не мало противоположныхъ мнѣній, но безъ общаго итога, такъ какъ въ то время правительственное вмѣшательство въ сферу интересовъ дѣтскаго ремесленнаго труда представлялось дѣломъ, хотя и крайне желательнаго, но отдаленнаго и совершенно неизвѣстнаго будущаго. Изъ заявленныхъ тогда мнѣній нѣкоторыя отрицали цѣлесообразность дѣятельности Общества, признавая таковую лишь за органами правительственной власти, единственно, якобы, способной водворить право и порядокъ тамъ, гдѣ издавна царили безправіе и произволъ, нѣкоторыя, напротивъ того, съ обстоятельною основательностью доказывали, что даже и при правительственной охранѣ дѣтскихъ интересовъ въ данной сферѣ содѣйствіе Общества окажется не только крайне желательнымъ, но и необходимымъ въ виду того, что при многочисленности ремесленныхъ заведеній и невозможности учредить соотвѣтствующій ей надзоръ, послѣдній подобно фабричной инспекціи никогда не будетъ въ состояніи осуществлять его въ необходимомъ размѣрѣ. Были затѣмъ и частичные варіанты, приводить которые теперь не предстоитъ особенной надобности.

Каждый законъ, имѣющій цѣлью хроническую и коллективную охрану чьихъ либо интересовъ, какъ бы совершененъ и предусмотрителенъ онъ ни былъ, сохраняетъ свое значеніе *ровно на столько, на сколько онъ исполняется въ дѣйствительности;* внѣ этого послѣдняго условія онъ обращается въ мертвую, никому не нужную букву. И современный нашъ Ремесленный Уставъ, какъ на то мы имѣли случай неоднократно указывать въ статьяхъ своихъ, посвященныхъ вопросамъ о защитѣ дѣтства, содержитъ въ себѣ не мало постановленій, ограждающихъ его насущнѣйшіе интересы, но эти постановленія никогда не исполняются и постоянно нарушаются, а отчего?—*только отъ того, что смотрѣть за этимъ дѣломъ некому.* Такая же судьба грозитъ и обѣщанному новому законодательству объ охранѣ ремесленнаго дѣтскаго труда, если за исполненіемъ этого законодательства не будетъ учреждено достаточно наблюденія.

Итакъ, новый законъ, каковъ бы онъ ни былъ, *самъ по себѣ* отнюдь не упраздняетъ разумности цѣли, преслѣдуемой Уставомъ Общества по защитѣ тѣхъ изъ состоящихъ подъ его попеченіемъ дѣтей, которыя покинуты родителями на произволъ хозяевъ-ремесленниковъ. Совершенно напротивъ того, онъ даетъ лишь этой защитѣ новую опору, плодотворитъ ея дѣло и раздвигаетъ шире прежняго ея задачи.

II.

Мы только что высказали, что въ данномъ случаѣ законъ мыслимъ лишь по стольку, по скольку онъ исполняется. Взглянувъ на дѣло съ этой стороны, невозможно не признать съ перваго же раза, что это исполненіе, порученное однимъ правительственнымъ агентамъ, въ наилучшемъ случаѣ окажется тою «ложкою меда въ бочкѣ дегтя», о которой говоритъ извѣстная пословица. Достаточно вспомнить, что въ районѣ одной Москвы 8,000 ремесленныхъ заведеній, эксплоатирующихъ трудъ 80,000 дѣтей. Изъ опубликованныхъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ мы знаемъ, что при самой энергической работѣ они едва успѣваютъ посѣтить, сравнительно, ничтожную долю состоящихъ въ завѣдуемыхъ ими районахъ фабрикъ и заводовъ; но, кромѣ этого, по отношенію къ удобству контроля ремесленныя заведенія представляютъ собою массу трудностей, несвойственныхъ фабричному или заводскому быту. Первыя необычайно разнообразны, разнообразны и по видамъ производства, и по личности хозяина, и по контингенту его учениковъ, и по многимъ инымъ бытовымъ условіямъ; между тѣмъ какъ послѣднія, превосходя первыхъ размѣрами эксплоатаціи, представляютъ, однако, собою гораздо болѣе объединенныя группы и поэтому могутъ легче подчиняться огульному и поверхностному надзору; землемѣру, напримѣръ, гораздо легче измѣрить обширную площадь однообразной и ровной степи, нежели снять на планъ небольшой участокъ, изрытый оврагами, пересѣченный рѣчками, холмами и поросшій лѣсомъ и кустарниками. Наконецъ, ознакомиться съ положеніемъ и нуждами взрослыхъ работниковъ, сознающихъ свои права и умѣющихъ постоять за себя, несравненно легче, чѣмъ обслѣдовать нужды забитыхъ и беззащитныхъ дѣтей, при чемъ необходимъ извѣстный тактъ, извѣстная осмотрительность, а, стало быть, и извѣстное время. Если эти общія условія мы сопоставимъ съ вышеприведенными цифровыми данными, если допустимъ, что для Москвы будетъ учреждено 8 ремесленныхъ инспекторовъ, что каждый изъ нихъ будетъ ежедневно осматривать по 3 заведенія, то и при такихъ *до невозможности идеальныхъ* [1]) условіяхъ осматриваться будетъ каждое изъ этихъ заведеній *всего 1 разъ въ годъ!* При почти ежедневныхъ въ нихъ нарушеніяхъ, на первомъ планѣ которыхъ фигурируютъ избіенія, непосильный трудъ, пьянство, развратъ и губительная санитарная обстановка, понятно, что эти бѣдствія, разрушающія дѣтскую душу и дѣтское тѣло, не прекратятся, не убавятся отъ того, что изъ 360 случаевъ этого угнетенія будетъ обнаруживаться по одному и одинъ разъ въ годъ. Это будетъ не кон-

---

1) Всего вѣроятнѣе, что существующій составъ фабричной инспекціи будетъ для этого усиленъ 2—3 лицами, не болѣе.

троль, а совершенно безплодная трата времени, силъ и государственныхъ средствъ.

Совсѣмъ иначе окажется поставленнымъ дѣло, когда правительственная ремесленная инспекція заручится возможностью получать свѣдѣнія, какъ о томъ, какія именно изъ состоящихъ въ районахъ ея заведеній представляютъ собою уклоненія отъ законодательной нормы и потому наиболѣе нуждаются въ осмотрѣ, такъ и о томъ, какія именно замѣчены въ нихъ нарушенія. Тогда инспекція эта можетъ экономизировать свою дѣятельность, направляя ее туда только, гдѣ въ ней наиболѣе нуждаются, а свѣдѣнія эти могутъ ей сообщиться лишь участковыми членами общества порядкомъ, опредѣленнымъ въ инструкціи.

III.

Третій изъ разсматриваемыхъ вопросовъ отчасти возникалъ уже при обсужденіи въ правительственныхъ сферахъ тѣхъ измѣненій и дополненій въ уставѣ Общества, которыя вызваны были организаціею новаго отдѣла его — защиты дѣтей, сдѣлавшихся жертвами преступной эксплоатаціи. Было именно обращено вниманіе на нежелательность столкновеній, могущихъ послѣдовать между участковыми членами Общества и чинами фабричной инспекціи *по общему надзору* ихъ за положеніемъ малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и въ тѣхъ немногихъ ремесленныхъ заведеніяхъ, которыя подчинены дѣйствующимъ правиламъ контроля фабрикъ — инспекціи. Возникавшій вопросъ устранялся изъятіемъ этихъ заведеній изъ вѣдомства участковаго надзора Общества; поэтому въ существѣ своемъ онъ разрѣшенъ не былъ.

Каждому, знакомому съ инструкціей по отдѣлу защиты, хорошо извѣстно, что въ разрѣшеніи этого вопроса не явится никакой надобности даже и тогда, когда будетъ организована правительственная инспекція надо всѣми ремесленными заведеніями и мастерскими. Въ этой инструкціи общій типъ дѣятельности Общества по защитѣ дѣтей въ данномъ вопросѣ обусловленъ строго разграниченнымъ кругомъ обязанностей, возлагаемыхъ на членовъ Общества, отъ обязанностей, составляющихъ функціи государственной власти; первыя поставлены въ исключительно служебное отношеніе ко второй и опредѣляются главнымъ образомъ узаконенными въ судебныхъ уставахъ Императора Александра II-го правами «объявителя очевидца преступленія» и общей для каждаго обязанности (за неисполненіе которой уложеніемъ о наказаніяхъ назначается даже кара)—доводить до свѣдѣнія подлежащей власти о всякомъ, сдѣлавшемся ему извѣстнымъ, преступномъ нарушеніи. Эта узаконенная у насъ функція частной инціативы, содѣйствующей государственной задачѣ, и составляетъ отправную точку зрѣнія во всѣхъ трактующихъ о дѣятельности участковыхъ членовъ статьяхъ инструкціи. Отсюда ясно, что въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ, изъ которыхъ одна сторона лишь вызываетъ дѣятельность дру-

гой, участвуя въ послѣдней лишь въ качествѣ узаконеннаго опять таки свидѣтеля, или ходатая, не можетъ быть мыслимымъ какое бы то ни было «столкновеніе», возможное тамъ только, гдѣ функціонируютъ въ одной и той же цѣли два *дѣйствія* и невозможное тамъ, гдѣ одна изъ послѣднихъ является не дѣйствіемъ, а лишь *содѣйствіемъ*, и, вслѣдствіе того, образуетъ вмѣстѣ съ первымъ не «столкновеніе», а, напротивъ того, полную, естественную и благотворную гармонію.

IV.

Этимъ основнымъ характеромъ взаимныхъ отношеній между членами Общества и представителями правительственой власти опредѣляется и нормировка этихъ отношеній, составляющая задачу четвертаго и послѣдняго изъ поставленныхъ выше вопросовъ.

Число участковыхъ членовъ Общества за послѣднее время колебалось отъ 20 до 30. Нынѣ состоитъ ихъ на лицо 22. Принявъ за постоянную норму даже 25 и за возможную для Москвы—5 правительственныхъ ремесленныхъ инспекторовъ, каждый изъ послѣднихъ получитъ все таки до 5—7 даровыхъ сотрудниковъ, а это будетъ уже очень важнымъ результатомъ для успѣшной дѣятельности какъ первыхъ, такъ и вторыхъ. Участковые члены, ограничивъ по дѣламъ, подвѣдомымъ ремесленной инспекціи, дѣятельность свою лишь *сообщеніемъ* ей о замѣченныхъ ими въ заведеніяхъ своего участка нарушеніяхъ, могутъ вторую свою задачу—преслѣдованіе виновныхъ въ подлежащихъ судебныхъ и административныхъ установленіяхъ всецѣло передать органамъ правительственной инспекціи и тѣмъ значительно облегчить свой трудъ, а чины этой инспекціи получатъ возможность проявлять свой надзоръ во всемъ его объемѣ, слѣдуя лишь уже сообщеннымъ и подготовленнымъ указаніямъ и не нуждаясь въ ихъ обнаруженіи путемъ самостоятельныхъ изысканій; обѣ стороны, такимъ образомъ, выигрываютъ и въ трудѣ, и во времени, и въ конечномъ исходѣ надзора: такъ какъ число участковыхъ членовъ Общества всегда будетъ въ нѣсколько разъ превышать число правительственныхъ инспекторовъ, то наблюденіе за исполненіемъ предписанныхъ уже судомъ или администраціею мѣръ къ устраненію въ будущемъ констатированнаго нарушенія получитъ не фиктивную, а реальную почву, и надзоръ будетъ дѣйствительнымъ и угрожающимъ средствомъ въ борьбѣ съ замѣченнымъ злоупотребленіемъ.

Всѣ эти отношенія уже намѣчены и предусмотрѣны инструкціею; если же организація правительственной ремесленной инспекціи потребуетъ какихъ-либо измѣненій или дополненій, то таковыя уже не будутъ имѣть какого-либо общаго, принципіальнаго значенія и всегда могутъ быть введены въ инструкцію постановленіемъ общаго собранія.

Слѣдовательно, *естественнымъ* путемъ, намѣченнымъ отчасти законами, отчасти инструкціей и обусловленнымъ *практическою* цѣлесообраз-

ностью, между чинами правительственной инспекціи и благотворительными органами Общества установится живая, органическая связь, возникнутъ нормальныя, желательныя и дружественныя отношенія, а новый законъ пріобрѣтетъ прочныя гарантіи исполненія, и никогда не обратится, подобно современному намъ ремесленному уставу, въ мертвую, никому не нужную, ничего не обезпечивающую букву. Порукою въ томъ, что эти отношенія примутъ *именно такой, а не иной* характеръ, служитъ намъ то, что глава московской фабричной инспекціи, глубоко уважаемый нами Н. Я. Никитинскій, состоитъ дѣйствительнымъ членамъ Общества со времени открытія въ немъ отдѣла защиты дѣтей и уже не разъ принималъ живое и дѣятельное участіе какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и въ практическомъ осуществленіи задачъ, составляющихъ указанную инструкціею цѣль Общества по упомянутому отдѣлу его. Эти уже народившіяся отношенія разовьются и упрочатся еще болѣе съ той поры, когда нашему почтенному сочлену придется руководить дѣйствіями не только фабричной, но и ремесленной инспекціи, а затѣмъ создастся и традиція для будущаго.

Разрѣшивши такимъ образомъ вопросы ближайшаго будущаго охраны дѣтей, работающихъ въ мастерскихъ, и убѣдившись, что на это будущее можно взирать не иначе, какъ съ отрадною надеждою и спокойнымъ упованіемъ, взглянемъ на дѣло и съ другой стороны.

Нѣтъ сомнѣнія, что чины будущей ремесленной инспекціи, составляющей лишь развитіе существующаго нынѣ фабричнаго надзора,—инспекціи, основанной на тѣхъ же началахъ, комплектуемой тѣмъ же порядкомъ, окажутся настолько же соотвѣтствующими своему призванію, насколько соотвѣтствуетъ ему и фабричная инспекція, успѣвшая въ короткое время достигнуть самыхъ блестящихъ результатовъ,—привлечь къ себѣ всеобщія симпатіи, и заставившая, наконецъ, смолкнуть всѣ нареканія, такъ щедро сыпавшіяся на нее изъ области того произвола и безначалія, въ которой она такъ скоро сумѣла водворить законъ, права и порядокъ. Все это несомнѣнно; но и при всемъ томъ слѣдуетъ признать, что никогда оффиціальная сфера общественной дѣятельности не будетъ въ состояніи коснуться тѣхъ сторонъ ея, какія доступны частной благотворительной иниціативѣ: путь борьбы со зломъ, указанный Евангельскимъ ученіемъ и выражающійся въ нравственномъ воздѣйствіи, совѣтѣ, утѣшеніи, матерьяльной помощи, устройствѣ судьбы страдающаго ребенка, переводомъ его въ другую мастерскую, или въ пріютъ, въ достиженіи цѣли миролюбивымъ соглашеніемъ помимо судебныхъ репрессалій и т. п. до безконечности разнообразные пріемы и способы представляютъ благонадежнѣйшія средства къ осуществленію законодательныхъ предначертаній и правительственныхъ заботъ въ гуманномъ направленіи, и, между тѣмъ, этими средствами, этими пріемами можетъ свободно располагать одна только частная дѣятельная благотворительность. Въ этомъ отношеніи образованный при Обществѣ участковый надзоръ окажется уже ничѣмъ и никогда незамѣнимымъ.

Предоставленное обществу право посѣщенія участковыми его членами ремесленныхъ заведеній и мастерскихъ, въ которыхъ работаютъ и обучаются дѣти, въ особенности дорого *широтою своего воздѣйствія*, «возможностью устранять неблагопріятныя въ этой средѣ явленія не только путемъ оповѣщенія подлежащей власти объ обнаруженномъ нарушеніи закона, но и путемъ нравственнаго вліянія и охраны, составляющаго сущность дѣятельной благотворительности въ данной задачѣ ея.

Сфера этихъ неблагопріятныхъ явленій многостороння до необъятности, и вотъ, между прочимъ, одно изъ нихъ. Въ майской книгѣ «Юридическаго Вѣстника, 1889 г. Д. А. Дриль (податной инспекторъ) въ статьѣ своей «Психофизическіе типы» говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «въ моей повседневной дѣятельности мнѣ приходится сталкиваться и наблюдать явленія ужаснаго пьянства въ средѣ московскихъ ремесленныхъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходится присматриваться и къ непривлекательнымъ типамъ, вырабатывающимся подъ его вліяніемъ. Часто пьютъ до полнаго озвѣренія, и притомъ пьютъ и загуливаютъ не только отдѣльныя лица, а и цѣлыя мастерскія и иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Жалобы на это ужасное пьянство слышатся почти ото всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ «народомъ». Значительное огрубѣніе, отупѣніе, упадокъ работоспособности, лѣность, замираніе нравственнаго чувства и раздоры и развращенія въ семьяхъ — вотъ что получается въ результатѣ этого пьянства. Цѣлесообразныя, разумныя мѣры противъ развивающагося зла являются, поистинѣ, настоятельной общественной нуждой. Пьянство есть болѣзнь, говоритъ наука; но эта болѣзнь, во первыхъ, имѣетъ свои производящія причины, а во вторыхъ, она предшествуется здоровымъ состояніемъ, затѣмъ наклонностью къ заболѣванію, потомъ его легкими степенями и, наконецъ, полнымъ развитіемъ болѣзни. Вслѣдствіе этого и мѣры противъ пьянства должны быть различны. На первомъ планѣ должны стоять мѣры широкаго предупрежденія»...

Въ средѣ этихъ мѣръ общество можетъ принять спасительное участіе.

Въ ремесленныхъ заведеніяхъ, по компетентному свидѣтельству г. Дриля, «*пьютъ до озвѣренія, пьютъ цѣлыя мастерскія, пьютъ по цѣлымъ недѣлямъ*».—И въ этихъ то «заведеніяхъ» работаютъ преимущественно *дѣти!* Большинство ихъ выбрасывается нищетою и малоземельемъ изъ деревень, а столица систематически и поголовно отравляетъ ихъ алкоголемъ съ самаго нѣжнаго возраста! Но, кромѣ этого алкоголя, ихъ бьютъ, этихъ выброшенныхъ дѣтей, держатъ взаперти, въ самой убійственной санитарной обстановкѣ, ихъ развращаютъ примѣромъ!... Они не слышатъ ласковаго слова, не видятъ ласковаго взора, не имѣютъ понятія о какомъ либо развлеченіи, о какомъ либо заступничествѣ; тѣло ноетъ и болитъ отъ ежедневныхъ потасовокъ, истощенный желудокъ проситъ пищи, и весь дѣтскій, подвергаемый такому искусу, организмъ естественно ищетъ какой бы то ни было перемѣны, выхода, забвенія и... находитъ его въ легкодоступномъ, всегда сподручномъ средствѣ—винѣ. Первый глотокъ

его вливаютъ въ горло ребенка насильно пьяные подмастерья ради потѣхи; скоро за первымъ отвратительнымъ впечатлѣніемъ наступаетъ благодарное забытье: исчезаетъ боль, исчезаетъ мрачная и душная мастерская, вмѣсто нея затуманенному взору мерещатся широкіе, зеленые, благоухающіе луга, веселая рѣчка съ купающимися въ ней сверстниками; встаютъ милыя картины безмятежнаго дѣтства... Затрещина по головѣ пробуждаетъ ребенка. Но онъ уже отвѣдалъ сладость забытья; ему скоро самому захочется повторить впечатлѣніе—и вотъ мало по малу онъ становится пьяницею, не довольствуется угощеніемъ, а уже самъ тащитъ въ кабакъ хозяйское добро.

Не будь этого принужденія, этого заразительнаго примѣра, найдись хоть какое нибудь сподручное средство удовлетворенія естественнаго стремленія къ перемѣнѣ окружающей адской обстановки, будь эта обстановка мало мальски сносна, — и сколько дѣтей могло бы спастись отъ отравы алкоголемъ!... И вотъ въ этомъ то именно отношеніи позволительно ждать самыхъ благихъ послѣдствій отъ посѣщенія участковыми членами мастерскихъ: путемъ уголовной репрессіи возможно улучшить до извѣстной степени эту адскую обстановку, путемъ перемѣщенія дѣтей изъ мастерскихъ, пьянствующихъ «огульно, до озвѣренія и по цѣлымъ недѣлямъ», въ мастерскія болѣе въ этомъ отношеніи сносныя, путемъ нравственнаго воздѣйствія и на хозяевъ и на учениковъ и т. п. мѣрами можно сократить колоссальность размѣровъ зла. Надо полагать, что и ремесленная управа по сдѣланнымъ ей указаніямъ не оставитъ общество своимъ содѣйствіемъ; того же позволительно ждать и отъ общества взаимопомощи ремесленниковъ. Но для всего этого должны являться эти «указанія», должны производиться частыя посѣщенія этихъ поголовно пирующихъ «мастерскихъ»—и то и другое мыслимо лишь при организаціи достаточнаго надзора, при благожелательно свободномъ отношеніи къ дѣлу, при нравственномъ воздѣйствіи, при затратахъ и т. п. средствахъ, недостижимыхъ для правительственной охраны, и доступныхъ лишь частной благотворительной иниціативѣ, проявленіе которой можетъ обусловливаться опять таки не иначе, какъ при дѣятельномъ участіи и соотвѣтствующемъ комплектѣ участковыхъ членовъ общества, незамѣнимыхъ и въ этомъ отношеніи никакими правительственными агентами.

Резюмируя все вышеизложенное, мы, съ одной стороны, приходимъ къ убѣжденію, что предполагаемый правительственный надзоръ окажется на высотѣ своей задачи лишь при содѣйствіи участковыхъ членовъ общества по отдѣлу защиты, а съ другой—видимъ, что за послѣдними имѣются функціи, несовмѣстимыя и несвойственныя съ обязанностями чиновъ этого надзора. Слѣдовательно, ни объ упраздненіи, ни о коренной реорганизаціи основаннаго обществомъ института, являющагося теперь предтечею правительственнаго вмѣшательства, не можетъ быть и рѣчи.

Въ такомъ, *и только въ такомъ* смыслѣ мыслимо разрѣшеніе возникающихъ вопросовъ. Мы сочли долгомъ теперь же выдти на встрѣчу

имъ, такъ какъ отъ того или инаго ихъ рѣшенія неминуемо будемъ зависѣть характеръ и направленіе только что начинающейся дѣятельности участковыхъ членовъ по надзору за мастерскими, эксплоатирующими трудъ малолѣтнихъ. Пусть продолжаютъ они свое благое дѣло при твердомъ и сознательномъ убѣжденіи въ необходимости и насущности его, какова бы ни была предстоящая правительственная охрана этого труда, такъ какъ фактъ подобной охраны въ данномъ случаѣ можетъ указывать только на одно:—на то именно, что предпринятое обществомъ дѣло совпадаетъ съ правительственными цѣлями, что санкціонируется разумность почина и обезпечивается ему несомнѣнный дальнѣйшій успѣхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ значительно облегчается и многотрудная пока задача его.

П. Н. Обнинскій.

АРТЕЛИ ОЛОНЕЦКИХЪ РЫБАКОВЪ.

Одинъ и у каши не споръ и къ полосѣ придетъ — не много наработаетъ (мѣстная пословица).

Свободная заимка озерной поверхности и очередное пользованіе рѣчною поверхностью.—«Неводъ», «керегодь», «складникъ», «мѣстовщина» и «сябра».—Частные, семейные, «сложные» и общинные невода. — «Большакъ» или «староста».—Величина сѣтей и артелей. — Уменьшеніе и увеличеніе артелей. — Взносы деньгами и продуктами.—Сѣти, веревки, лодка, избушки, сушилки. — Артельная сушка и соленіе рыбы.—Лошадь.—Очередная спеціализація.—Привилегированный «жердогонъ».—Количество тонь лѣтомъ и зимою.—Дѣлежъ рыбою; разрѣзаніе рыбы. — Жеребьевка. — Продажа рыбы.—«Лаза».—Дѣленіе улова не по количеству участниковъ, а по паямъ.—Время дѣлежа.—Пай на церковь.—«Бранники».—Отношеніе Каргопольскихъ нищихъ къ артели.—Артельныя пирушки.—Правила пріема въ артель.—Отсутствіе племеннаго, общиннаго и кастоваго антагонизма.—Контроль артели по отношенію къ непосѣщающимъ ловли.—Штрафы.—Наемъ работника.—Пай за трудъ и пай за капиталъ.—Отношеніе артелей къ участію въ ловлѣ женщинъ. — Странствующія артели и причины къ тому.—Выгоды рыбной ловли и артельный заработокъ.—Кабала, truck-system и пониженіе цѣнъ на рыбу.—Задолженность отдѣльныхъ лицъ и артелей.—Наемная рыболовная артель.—Староста—кулакъ. — Что поддерживаетъ кабалу?—Недостатокъ кредита. — Непостоянство артелей. — Отсутствіе фонда.—Обѣдненіе края рыбою. — Борьба съ «мутникомъ» и его распространеніе.—Упадокъ промысла усиливаетъ кабалу.—Трудность доставки рыбы на рынки и неумѣніе заготовлять ее въ прокъ. — Цѣны мѣстныя и рыночныя.—Мѣры артелей противъ безрыбицы и кабалы. — Общинное рыборазведеніе.—Соединеніе нѣсколькихъ артелей для очередной доставки рыбы на рынки. — Сбытъ на Петербургскій рынокъ. — Круговая порука и кредитъ со стороны артели.

Самыя разнообразныя артели Олонецкаго края—артели рыболовныя; организація артелей разнится не только въ артеляхъ одного уѣзда, одной волости, одного озера, но иногда, какъ, напр., на озерѣ Лачъ, организація артелей одного берега существенно разнится отъ организаціи ар-

телей другаго берега; на озерѣ Лачъ артели западнаго берега—артели кабальныя и имѣютъ «старосту», который подобно десятнику набираетъ себѣ артель изъ должниковъ; на восточномъ берегу артельщики сходятся по взаимному соглашенію и ни «старостъ», ни «большаковъ» между ними нѣтъ, всѣ дѣла артель рѣшаетъ общимъ совѣтомъ.

Обликъ артели, величина ея, ея особенности зависятъ какъ отъ рода сѣтей, такъ отъ времени ловли, близости тракта, отъ того—на озерѣ ли или на рѣкѣ производится ловля, отъ степени предпріимчивости рыболововъ и проч., благодаря этому наблюдается большая разница въ отношеніяхъ артелей къ своимъ членамъ, къ ихъ отсутствію при ловлѣ, по отношенію къ найму рабочихъ, къ женскому участію въ ловлѣ и т. д.; такъ, напр., на однихъ озерахъ женщина не допускается къ участію въ артели ни подъ какимъ видомъ, на другихъ можетъ лишь замѣнить больнаго мужа, брата, въ третьихъ, наконецъ, можетъ быть равноправнымъ съ мужчиною членомъ артели; таково отношеніе артелей къ женскому участію, всѣ прочія сходства и различія будутъ ясны изъ послѣдующаго изложенія.

Мы не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что дѣленіе озерныхъ водъ на сгодія не имѣетъ мѣста въ обычномъ правѣ олончанъ. Единственный случай дѣленія на сгодія на Выгозерѣ Повѣнецкаго уѣзда представляютъ не больше, какъ исключеніе: озеро Выгъ подѣлено прежде всего на два сгодья между Выгозерскимъ и Койкинскимъ обществами; въ свою очередь эти большія сгодья для погоднаго пользованія подѣлены на «трети» или «ловища»; каждое «ловище», кромѣ того, дѣлится еще на тони; по ловищамъ распредѣляются деревни (каждое общество въ своемъ лишь сгодьи), а по тонямъ распредѣляются группы обывателей этихъ деревень; такимъ образомъ, напр., д. Корельскій островъ на 70 душъ обывателей имѣетъ 5 тонь: 1) Калма островъ, 2) Заячій островъ, 3 и 4) два берега острова Янь и 5) «лѣтній», т. е., южный берегъ самаго Корельскаго острова. Тонями этими пользуются группы по очередно, перемѣщаясь съ одной тони на другую съ нею сосѣднюю; обмѣнъ ловищами и тонями внѣ очереди, когда, напр., одна группа или деревня хочетъ продолжить или укоротить свое пребываніе на извѣстномъ «ловищѣ» или тонѣ, допускается по взаимному соглашенію, и дозволеніе ловить оплачивается деньгами; кромѣ того, не могущіе или не желающіе участвовать въ ловлѣ могутъ передать свое право кому угодно за деньги или за снасти.

Сколько мнѣ извѣстно, въ районѣ, занимаемомъ великоруссами Олонецкаго края, это единственный примѣръ дѣленія озерной поверхности на сгодья и при томъ съ такимъ сложнымъ способомъ пользованія, что онъ можетъ быть поставленъ наряду съ пользованіемъ рѣчными сгодьями. Кромѣ Выгозера дѣленіе на сгодья встрѣчается еще на Логмозерѣ Петрозаводскаго уѣзда, но мотивы дѣленія на сгодья представляютъ здѣсь уже нѣчто иное: во первыхъ, нужно замѣтить, что Логмозеро, пожалуй, и не озеро, а та же рѣка Шуя, давшая разливъ по низинѣ; поэтому въ Лог-

мозерѣ замѣчается глубокое русло, гдѣ слышно теченіе, и мелкій разливъ, мелкій до того, что не рѣдко рыбацкія лодки садятся на мель; конечно, по отношенію къ рыболовству есть разница между русломъ рѣки и ея разливомъ. Мало того, озеро не все цѣликомъ принадлежитъ прибрежнымъ деревнямъ, а лишь частью, все же остальное составляетъ собственность монастыря, у котораго крестьяне и арендуютъ эту водную поверхность, внося ежегодно по 150 руб. Такъ какъ не всѣ крестьяне могутъ платить поровну, то арендуемая часть озера на общемъ «скопѣ» [1]) дѣлится на отдѣльныя площади-сгодья различной цѣнности такимъ образомъ, что общая сумма этихъ цѣнностей какъ разъ составляетъ арендную плату; эти то сгодья, смотря по степени состоятельности, берутъ на себя артели, составляющіяся изъ обывателей прибрежныхъ деревень; такимъ образомъ одна артель (изъ 5, 8, 12 участниковъ) [2]) беретъ одно сгодье (за 50, 20, 30 рублей), другая—другое, третья—третье и т. д. и въ продолженіе всего года ловятъ на своемъ участкѣ. На площади не арендуемой дѣленія на сгодья уже нѣтъ, дѣленіе же, какъ видно изъ самого дѣла, вызвано совсѣмъ особыми обстоятельствами.

Если на озерахъ отсутствуетъ дѣленіе на сгодья, то на рѣкахъ оно является болѣе или менѣе необходимымъ, потому что иначе при движеніи рыбы по рѣкѣ (особенно во время нереста) львиную долю будетъ получать тотъ, кто помѣстится ближе къ устью рѣки, всѣ же рыбаки, имѣющіе несчастіе быть обитателями верховій и средняго теченія рѣки, получатъ одни очень мало, а другіе при усердномъ ловѣ нижнихъ рыбаковъ будутъ вытаскивать сѣть изъ воды, пожалуй, и совсѣмъ пустою. Такое неудобство обходится на рѣкахъ чередованіемъ нижнихъ рыбаковъ съ верхними, дѣленіемъ на тони, сгодья и «трети»; особеннаго интереса въ этомъ отношеніи заслуживаютъ порядки, имѣющіе мѣсто на рѣкахъ Водлѣ Пудожскаго уѣзда и Сунѣ Петрозаводскаго уѣзда. «При устьѣ рѣки Водлы, передаетъ И. С. Поляковъ [3]), волость, состоящая изъ 400 душъ мужскаго пола, подѣлила все протяженіе рѣки, отъ устья верстъ на 6 вверхъ по теченію, на 4 участка, или тони; на этихъ тоняхъ ежедневно присутствуютъ представители сотенъ; на каждую тоню приходится по одной сотнѣ. Въ свою очередь каждая изъ сотенъ распадается на части, посуточно чередующіяся между собою въ ловлѣ. Въ то же время всѣ четыре сотни ежедневно мѣняются мѣстами такъ, что первая сотня, промышляющая рыбу на самомъ устьѣ, на другой день уступаетъ свое мѣсто второй, на мѣсто второй идетъ третья, уступая свое мѣсто, второе,—четвертой, и первая, такимъ образомъ, становится послѣднею, восходя на четвертый день опять на самое устье и т. д. Это чередованіе основано на томъ, что первая отъ озера тоня даетъ самый обильный уловъ, и пропорціонально отдаленію отъ тони онъ становится все меньше и меньше, чему причина сейчасъ будетъ очевидна. Всего неводовъ дѣйствуетъ на тоняхъ и немного ниже по рѣкѣ до 15 и всѣ они содержатся на артельномъ началѣ. На каждую тоню приходится по нѣсколько неводовъ. Не-

водъ обыкновенно перекидывается чрезъ всю рѣку и въ такомъ положеніи держится нѣсколько времени, минутъ 10 и болѣе; затѣмъ онъ заворачивается однимъ концомъ и подводится къ другому, на одинъ и тотъ же берегъ. Лишь только онъ начинаетъ свой заворотъ, на то же мѣсто опускается постепенно другой неводъ; въ то время какъ первый вытягиваютъ и начинаютъ вынимать изъ него добычу, второй уже раскидывается чрезъ всю рѣку; поэтому едва-едва выпадаютъ моменты, когда рыба можетъ идти вверхъ по рѣкѣ, не встрѣчая на пути ловушки; вотъ почему на нижней тонѣ уловъ изобиленъ, а вверху становится все меньше и скуднѣе; изъ всего сказаннаго видно, до какой степени равномѣрно распредѣлены шансы на уловъ между всѣми членами большой общины. Первое мѣсто отъ озера даетъ изрѣдка на одну тоню по 100 и 150 сиговъ, какъ это передаютъ сами крестьяне».

Нѣсколько выше по той же рѣкѣ «близь д. Падунъ [4]), среди гнейсовыхъ воротъ (порога), пробитыхъ быстрымъ теченіемъ рѣки, устроены заѣздки съ ловушками, и въ нихъ жители деревни ловятъ рыбу, чередуясь поденно».

На рѣкѣ Сунѣ [5]) «основнымъ правиломъ пользованія служитъ то, что каждый крестьянинъ изъ 274 жителей прирѣчныхъ деревень имѣетъ право на занятіе своими снастями $^1/_{274}$ части ширины рѣки, въ обѣихъ линіяхъ мережъ. Но такъ какъ каждый свои снасти выставить не можетъ, а также мѣста по степени улова различны и, наконецъ, не всѣ имѣютъ средства и желаніе ловить, то, во первыхъ, многіе продаютъ свое право лова [6]); во вторыхъ, дѣйствительно ловящіе соединяются въ артели и такъ называемыя «трети». Покупаютъ мѣста самые богатые крестьяне. Настоящая покупка бываетъ весною предъ началомъ лова, и не желающіе ловить продаютъ свою часть по 12 р. на душу, что и считается нормальною цѣною. Бѣдные же и нерадивые продаютъ свое право за 3—4 рубля и на нѣсколько лѣтъ впередъ. Есть покупатели, скупающіе права на ловъ душъ у 60-ти и болѣе, рублей на 800. Дѣйствительные ловцы съ своими и покупными душами распредѣляются по числу душъ на части—«трети», между коими раздѣляется рѣка на 3 части: правую, среднюю и лѣвую. Всякая неравномѣрность уничтожается тѣмъ, что трети недѣльно между собою чередуются, для чего рѣка и раздѣляется на трети. Сверхъ этого дѣленія на трети существуетъ еще дѣленіе на артели. Большею частью артель совпадаетъ съ третью, но иногда одинъ большемочный ловецъ выдѣляется и ловитъ на себя особо, тогда отводятъ ему въ трети такое пространство, какое ему приходится по числу душъ, коими онъ располагаетъ, и связь его съ третью состоитъ только въ томъ, что онъ чередуется съ ними мѣстомъ въ рѣкѣ; артельные ловцы дѣлятъ между собою добычу на равныя части по числу душъ».

Такимъ образомъ, на рѣкахъ или всѣ пускаютъ поочередно свои сѣти на одномъ мѣстѣ (рѣка Сойда Вытегорскаго уѣзда) или же поочередно ставятъ сѣти на различныхъ мѣстахъ; въ то время, какъ, напримѣръ,

на рѣкѣ Сунѣ каждый имѣетъ право на занятіе $^1/_{274}$ ширины рѣки, и рыбаки, соблюдая очередь, движутся поперекъ рѣки; на рѣкѣ Водлѣ каждый имѣетъ право на занятіе $^1/_{400}$ длины рѣки, и артели, соблюдая очередь, двигаются вдоль рѣки; такъ или иначе, но сложность этихъ организацій доказываетъ стремленіе крестьянъ къ возможно болѣе справедливому пользованію рѣкою, къ возможно равномѣрному распредѣленію выгодъ отъ рыболовства. Такую же организацію пользованія или вообще что либо похожее думалъ я встрѣтить и на рѣкѣ Свири, но ожиданія оказались совершенно напрасными: невода рѣки Свири, какъ оказалось, состоятъ изъ рабочихъ, работающихъ по найму, при чемъ, какъ разсказываютъ крестьяне, чуть ли не всѣ ловли, начиная съ верховья рѣки Свири и до ея устья включительно, принадлежатъ одному сильному капиталисту; капиталъ такимъ образомъ является здѣсь ферментомъ, до того упрощающимъ организацію пользованія рѣкою, что она сводится къ одному найму рабочихъ.

На озерахъ, гдѣ рыба гуляетъ на просторѣ и не связана такими строгими правилами передвиженія, какъ въ рѣкѣ, какъ я уже сказалъ, нѣтъ раздѣленія на сегодья, здѣсь господствуетъ право свободной заимки: «кто гдѣ хочетъ, тамъ и волочитъ!» говорятъ крестьяне. «Кто попалъ, тотъ и панъ!» Исключеніе изъ этого правила дѣлается лишь на Ковжозерѣ Вытегорскаго уѣзда для «сябры», которая раньше выѣзда изъ дому назначаетъ мѣсто своей ловли, и туда уже никто не поѣдетъ. «Сяброю» въ Олонецкой губерніи зовется артель вообще, но среди рыбаковъ «сяброю» зовется лишь такая артель, въ которую вошло нѣсколько небольшихъ артелей со своими, напримѣръ, неводами; солидарность такихъ артелей выражается тѣмъ, что, ловя не рѣдко въ различныхъ мѣстахъ отдѣльными артелями, выручку онѣ все же дѣлятъ поровну сначала по числу участвовавшихъ неводовъ, а затѣмъ уже въ каждомъ неводѣ дѣлежъ производится между членами особо.

Такія соединенія, практикуемыя повсемѣстно, между неводами, имѣютъ мѣсто, сравнительно впрочемъ рѣже, и между другими сѣтями; такъ, напримѣръ, на Ковжозерѣ, Вытегорскаго уѣзда, кромѣ «неводныхъ сябръ», бываютъ еще сябры при ловлѣ «курмами» [7]); каждая отдѣльная курма, принадлежащая обыкновенно отдѣльному хозяину, ловитъ отдѣльно, но разъ рѣшено «ловить въ сябру», по окончаніи ловли всѣ курмы съѣзжаются въ одно мѣсто, и уловъ дѣлятъ между собою поровну: «разъ одному попадетъ плохо, комментируютъ это обыкновенно рыбаки, такъ другому попадетъ хорошо». Такимъ-то образомъ каждая артель получаетъ въ сябрѣ уловъ средней величины, тогда какъ при одиночномъ ловѣ разъ словила бы много, а другой разъ, пожалуй, и на уху не наловила бы.

На Водлозерѣ [8]) бываетъ сябра при ловлѣ «цапами» и даже «мутниками» [9]). Въ Вытегорскомъ уѣздѣ обыватели рѣки Сойды ѣздятъ для ловли рыбы на озерѣ Кемскомъ, при этомъ каждый рыбакъ ѣдетъ на

своемъ собственномъ, осиновомъ, одновесельномъ челнѣ и со своею «сѣткою». Сѣтки ставятся одна за другою вдоль берега такъ, чтобы онѣ образовали одну длинную стѣну; придвигая эту стѣну, выгнутую дугою, къ берегу, рыбаки разъѣзжаютъ на своихъ легкихъ челнахъ съ озерной стороны сѣтокъ и пугаютъ рыбу, стуча особаго рода палками—«торбалами» по водѣ. Испуганная рыба, окруженная съ однихъ сторонъ дугообразною сѣтью съ другихъ—берегомъ, бросается на стѣну и застрѣваетъ въ ячеяхъ сѣтокъ; дѣлежъ производится поровну между всѣми участниками. Количество участвующихъ въ такой сябрѣ неопредѣленное: «собралось три—хорошо, собралось пять—еще лучше, собралось 12 — подавай Богъ!»

Благодаря подобнаго рода соединеніямъ, получаются «сябры», напримѣръ, изъ 3-хъ рыбаковъ съ тремя «мережами» (Логмозеро Петр. у.), изъ 3 или даже 12 рыбаковъ съ 3 и до 12 «сѣтокъ» (рѣка Сойда), изъ 5 и 12 рыбаковъ съ 5 и 12 «гарвами» [10]) (Логмозеро), изъ 4—6 рыбаковъ при 2 и 3 лѣтнихъ малыхъ неводахъ (Заонежье), изъ 8—12 рыбаковъ при 2 и 3 лѣтнихъ неводахъ и изъ 16 при 4 лѣтнихъ неводахъ (Логмозеро), изъ 24 при 2 зимнихъ неводахъ (Лачозеро) изъ 24—30 съ тремя зимними неводами (Ковжозеро Вытегорскаго уѣзда), изъ 30 съ 10 «керегодами» [11]) (Лачъ) изъ 36 съ 9 неводами (Лачъ), изъ 30 и до 40 рыбаковъ съ 5 зимними неводами, какъ это имѣетъ мѣсто на Воезерѣ Каргопольскаго уѣзда. Участіе въ ловлѣ на Воезерѣ принимаютъ въ каждую зиму однѣ и тѣ же деревни цѣликомъ.

Въ то время какъ рыболовные снаряды бываютъ частные, семейные и «сложные» («слога»—работа сообща усиліями нѣсколькихъ семействъ), встрѣчающіеся повсемѣстно и принадлежащіе обывателямъ часто различныхъ общинъ, бываютъ также снаряды, принадлежащіе одной или нѣсколькимъ деревнямъ или общинамъ цѣликомъ, но послѣднее случается сравнительно рѣже; «намъ, пишетъ Майновъ [12]), случилось видѣть такой неводъ только одинъ разъ: онъ принадлежалъ цѣлой деревнѣ, расположенной на берегу Выгозера».

Въ Кондужахъ Вытегорскаго уѣзда также наблюдается рыболовство сообща у всей деревни. «Такой промыселъ, сообщаетъ П. Минорскій [13]), имѣетъ каждая деревня сообща, и рѣдкое семейство не имѣетъ пая въ неводу, и тогда почти съ каждаго пая приходится отправлять на ночь человѣка на устье рѣки Мегры, гдѣ производится ловля». Чаще встрѣчаются общинные невода въ восточной части Олонецкой губерніи, гдѣ община сохранилась до нашихъ дней въ сравнительно болѣе цѣломъ видѣ, чѣмъ въ западной; на Мошинскомъ озерѣ, напр., соединяются въ артель иногда 2, 3 общины цѣликомъ, на Воезерѣ Каргопольскаго уѣзда и на Айнозерѣ Вытегорскаго—4 общины, а на Лекмозерѣ Каргопольскаго уѣзда даже 5 общинъ; иногда такія артели имѣютъ одинъ большой неводъ, иногда же нѣсколько неводовъ; такъ на Воезерѣ 4 общины имѣютъ 5 неводовъ, ловятъ ежегодно сообща, хотя и въ различныхъ мѣстахъ.

Такія-то артели, владѣющія нѣсколькими неводами или другими какими либо ловушками, въ отличіе отъ артелей, составляющихся для созданія одной какой либо ловушки изъ отдѣльныхъ взносовъ части сѣтки, веревокъ и проч., зовутся повсемѣстно, исключая озеро Лачъ («цѣпа») и оз. Кемскаго («мѣстовщина»)—«сяброю»; отдѣльныя же артели при одной какой либо сѣткѣ зовутся по имени этой сѣтки; такъ, напр., артель съ однимъ неводомъ зовется «неводъ», съ однимъ «керегодомъ»—керегодъ и т. д., нерѣдко такую неводную артель зовутъ еще «складникомъ», или «складомъ» (Выгозеро, Кенозеро, Ковжозеро, Укшозеро, оз. Кемское, Мошинское и Онежское); при этомъ всѣ отдѣльные участники также зовутся не иначе, какъ «складникъ», т. е. участвующій въ складникѣ, лишь на Лекмозерѣ участвующіе зовутся «попайщиками», да въ артеляхъ с. Косельги «мальчиками», откуда и становится понятнымъ выраженіе: «по три рубли на мальчика». Мнѣ лишь на Айнозерѣ привелось услышать названіе такой артели «сяброю» [14]), да на Тудозерѣ, какъ сообщаетъ Г—ій [15]), такая артель зовется «себрою». Что оттѣняется этими терминами—трудно сказать окончательно; быть можетъ, этимъ олончанинъ отличаетъ артель, составляющуюся по волѣ, отъ артели, составляющейся въ силу необходимости, въ силу экономической и физической невозможности распоряжаться большою сѣтью въ одиночку: иная сѣть, во первыхъ, стоитъ десятки рублей; а во вторыхъ, не можетъ быть ни опущена въ воду, ни вытащена однимъ человѣкомъ; то и другое можетъ сдѣлать или большая семья или иногда и очень не большая артель.

Какъ на «неводъ», такъ на «керегодъ» и «сябру» олончанинъ смотритъ какъ на юридическую единицу, въ которой всѣ ингредіенты какъ бы растворились, давъ однородную реакцію. Вглядываясь въ организацію артели, мы видимъ, что это дѣйствительно нѣчто одно цѣлое, однородное; мы увидимъ, что чаще дѣла артели рѣшаются всею артелью; выборъ мѣста для ловли, напр., хотя и исходитъ отъ ловца болѣе опытнаго, но зависитъ цѣликомъ отъ всей артели. Такимъ образомъ, «большаки» представляютъ собою функцію, регулируемую всею ассоціаціею; онъ такой расплывающійся ингредіентъ, какъ и всѣ прочіе артельщики, и оцѣнивается съ ними наравнѣ, не получая ни лишняго пая, ни «матицы» по расшивкѣ невода, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ русскихъ рыболовныхъ артеляхъ другихъ губерній; словомъ, «большакъ» этотъ имѣетъ ни больше, ни меньше правъ сравнительно съ прочими; при предложеніи имъ какого либо мѣста для ловли, любой изъ участниковъ можетъ остановить его, сказавъ одно лишь слово: «зацѣпитъ»; слово, равносильное veto, и развѣ только на Тудозерѣ возраженія не допускаются [16]).

Часто бываетъ, что большаковъ въ артели совсѣмъ нѣтъ и всѣ дѣла рѣшаетъ общій совѣтъ артели, все равно—касается ли дѣло выбора мѣста для рыбной ловли, назначенія дня общей починки сѣтей (бывающей 2—3 раза въ зиму), а также прочихъ нуждъ. Бываетъ въ артели и два большака: одинъ на одномъ крылѣ невода, другой на другомъ; они смотрятъ,

чтобы то и другое крыло равномѣрно подвигалось впередъ, и на дѣлѣ заправляетъ все же одинъ изъ нихъ, болѣе опытный; чаще это старикъ-рыбакъ, но бываетъ «и молодой да понятливой».

Кромѣ того, что большакъ выбираетъ мѣсто, онъ является еще и довѣреннымъ лицомъ отъ артели: у него хранятся до дѣлежа деньги, а зимой и рыба на погребу; онъ «ходатель» по дѣламъ артели, высоко держащій свое знамя, не позволяющій себѣ надуть ни покупателя, ни кого-либо изъ своей артели; иначе, какъ говорятъ рыбаки, рыба «перестане попадать».

Большакъ не избѣгаетъ и очередной спеціализаціи, хотя однако же преимущественно идетъ въ качествѣ «пешальника»; одни только лачозерскіе старосты ограничиваютъ роль свою тѣмъ, что «торбаютъ», т. е. стучатъ особо устроенною палкою по водѣ въ то время, когда неводъ вытягивается изъ-подо льда; но о нихъ поговоримъ особо, коснувшись закабаленности артелей.

Всѣ сѣти въ родѣ «калеги», «керегода», «верши», «бродца», «мережи», приблизительно, одинаковы по величинѣ по всѣмъ озерамъ губерніи; такъ, напр., «керегодъ» почти одинаковой величины и на озерѣ Лачъ, и на Онежскомъ озерѣ и на другихъ; совсѣмъ другое дѣло неводъ. Величина невода, количество въ немъ участвующихъ, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ соотношеніе съ глубиною или вообще величиною озера, исключеніемъ представляются лишь невода Онежскаго озера, которые не только не больше, но еравнительно съ неводами нѣкоторыхъ озеръ средней величины, напр., Лекшмозера, даже меньше величиною.

Лѣтніе невода, имѣющіе отъ 40 до 60 саж. длины, на Колодозерѣ Пудожскаго уѣзда управляются 4 человѣками; на Айнозерѣ Вытегорскаго уѣзда неводя въ 60 саж. имѣютъ 4 участниковъ; на озерѣ Нименскомъ невода въ 70 с. имѣютъ 4 участниковъ; онежскій неводъ до 120 с.— 5 участниковъ; зимніе невода Укшозера Петрозаводскаго уѣзда имѣютъ при 100 саж. длины 8 участниковъ; такіе же невода Колодозера имѣютъ столько же участниковъ; нименскіе зимніе невода при 150 саж. длины— 12 участниковъ и т. д.; «керегодъ» не имѣющій болѣе 90 саж. длины, повсемѣстно управляется тремя человѣками (Ялгуба, Вознесенской прист., Кижи, Лачъ озеро, Ковжозеро); «боталки» [17]) на Воезерѣ управляются 4—6 человѣками, изъ нихъ 2 человѣка стоятъ, одинъ на одномъ, другой на другомъ берегу и держатъ за канаты сѣть, перетянутую чрезъ рѣку, придавая ей по возможности вертикальное положеніе, а 2 или 4 человѣка, хлопая по водѣ «ботками» [18]), загоняютъ «гельця» [19]) въ сѣти; «курма», «мерда» и др. мелкія сѣти могутъ быть поставлены однимъ человѣкомъ.

Величина сѣти, не соотвѣтствующая ни глубинѣ, ни величинѣ озера, встрѣчающаяся въ силу традиціи, въ послѣднее время начинаетъ уступать мѣсто величинѣ большей; такъ, напр., прежде на Машинскомъ озерѣ рыболовная артель съ маленькимъ зимнимъ неводомъ состояла изъ

8 человѣкъ, затѣмъ изъ 12 человѣкъ, а три года тому назадъ появилась артель уже изъ 16 человѣкъ съ неводомъ въ 240 саж. длины и до 7—8 саж. вышиною; пока такихъ большихъ артелей на Мошинскомъ озерѣ одна, но ея удачныя ловли на мѣстахъ глубокихъ ручаются за то, что это общество пуститъ здѣсь свои корни и глубже.

Экспедиція Данилевскаго констатируетъ на Лекшмозерѣ Каргопольскаго уѣзда невода съ артелями въ 20 участниковъ, и дѣйствительно такія артели тогда здѣсь и были, но съ недавняго времени здѣсь возникли артели въ 24—28 человѣкъ съ неводомъ въ 300 сажень длиною и до 7 — 8 сажень вышиною, съ неводомъ, которому нѣтъ равнаго по величинѣ ни на одномъ изъ озеръ Олонецкаго края.

Единственнымъ примѣромъ уменьшенія количества участвующихъ въ въ артели до сихъ поръ является артель Ежесельги Петрозаводскаго уѣзда: эта лѣтняя неводная артель состояла прежде изъ 6 человѣкъ, теперь же, благодаря несогласіямъ, артель сократилась до 3, и умудренные опытомъ артельщики говорятъ: «артель поменьше — не хуже: несогласій меньше; а какъ много—одинъ другаго укоряетъ, что мало работаетъ, и ссорятся».

Взносъ при вступленіи въ артель деньгами производится лишь одною неводною артелью Ежесельги, при чемъ соблюдается такое правило: положимъ, что артель, состоящая изъ 3-хъ человѣкъ, имѣетъ избушку для сушки сѣтей и прочихъ снарядовъ въ общей сложности на 200 р.; въ такомъ случаѣ вступающій 4-ый артельщикъ взноситъ деньгами столько, сколько приходилось бы на его пай, если бы онъ уже былъ членомъ этой артели, движимаго имущества, и недвижимаго, то есть, $^{200}/_{4}$ или 50 рублей; деньги эти согласно уговору могутъ быть внесены или заразъ или въ разсрочку; во всѣхъ послѣдующихъ пріобрѣтеніяхъ вступившій участвуетъ наравнѣ съ прочими. Во всѣхъ прочихъ артеляхъ края деньги взносятся лишь на покупку веревокъ, весь же остальной взносъ производится прямо принадлежностями лова, напр., сѣтями; при этомъ каждый обязанъ на своей паевой части нацѣпить необходимые грузы, поплавки и проч., а также, въ случаѣ если его часть порвется во время лова, онъ обязанъ чинить ее единолично, потому общая починка невода производится лишь 2—3 раза въ зиму, тогда артель или отдаетъ неводъ въ починку на сторону какому либо мастеру и раскладываетъ расходъ по паямъ, или чинитъ его сама въ полномъ своемъ составѣ. Если случится, что чей либо паевой кусокъ невода оторвется совсѣмъ или изорвется такъ, что станетъ уже негоднымъ къ лову, то, напр., въ Ялгубѣ Петрозаводскаго уѣзда (керегодныя артели) хозяинъ ея лишается пая и можетъ быть принятымъ въ артель лишь въ томъ случаѣ, если онъ замѣнитъ утерянную сѣть новою; въ другихъ мѣстахъ артельщикъ, несмотря на отсутствіе сѣти, продолжаетъ посѣщать ловлю и, участвуя въ артели уже однимъ трудомъ, получаетъ равный съ прочими пай; срокъ такого положенія въ артели опредѣляется обыкновенно въ нѣсколько дней; въ артеляхъ озера Лачъ на обзаведеніе сѣтью дается по

уговору одна или двѣ недѣли; въ артеляхъ Лекшмозера дается срокъ въ 2 недѣли, при этомъ говорятъ, что «въ неводѣ въ 300 саж. одного пая и не знать!», т. е., не замѣтно, есть ли онъ или нѣтъ. По окончаніи даннаго срока артельщикъ или вноситъ сѣть, или замѣняется другимъ лицомъ; однѣ только артели Логмозера при «гарвахъ» въ такихъ случаяхъ не требуютъ новаго взноса и продолжаютъ давать потерпѣвшему полный пай до окончанія сезона. Такимъ образомъ артель Логмозера за одно уже участіе трудомъ беретъ на себя ущербъ своего товарища.

Взносъ сѣтей въ общій неводъ въ различныхъ мѣстахъ дѣлается различно, при этомъ въ большинствѣ случаевъ какъ самую матицу, такъ и крылья плететъ сама артель, распредѣляя по паямъ, такъ что, напр., одни плетутъ матицу, другіе крылья къ ней, или всѣ вяжутъ по части матицы и по части крыла, или всѣ вяжутъ по части крыла, а матицу пріобрѣтаютъ на общій счетъ.

На Выгозерѣ, напр., 2 участника въ лѣтнемъ неводѣ—«складникѣ» взносъ сѣтей распредѣляютъ такимъ образомъ: одинъ плететъ одно крыло невода, другой—другое, кромѣ того каждый запасается своею собственною матицею; благодаря этому на первую половину осени къ однимъ и тѣмъ же крыльямъ пришивается одна, на вторую половину—другая; если же который либо изъ участниковъ не имѣетъ матицы, то онъ или доставляетъ для ловли лодку [20]) или, если лодка общая, ловля всю осень производится одною и тою же матицею, не имѣющій же матицы платитъ своему товарищу по 60 коп. за каждую недѣлю своей очереди.

На Укшозерѣ, Кончозерѣ, Пертозерѣ Петрозаводскаго уѣзда какъ требуемыя снасти, такъ и все прочее для невода взносится поровну по предварительному уговору, кому что вязать: кому «окнейки» (частая сѣть, прикрѣпляющаяся непосредственно къ матицѣ), кому «заринья» (болѣе рѣдкая сѣть, слѣдующая за «окнейкомъ»), кому «рѣдкія» (самая рѣдкая крайняя сѣть), кому матицу или, какъ тамъ ее зовутъ, «кнею». При этомъ бываетъ много варіацій, одна изъ которыхъ состоитъ въ томъ, что 4 человѣка вяжутъ «кнею», два остальные клинья къ ней, затѣмъ всѣ, какъ вязавшіе клинья, такъ и вязавшіе кнею, вносятъ еще по куску крыла.

Въ лѣтнемъ неводѣ на Ковжозерѣ Вытегорскаго уѣзда, состоящемъ изъ 4-хъ человѣкъ, изъ коихъ обыкновенно два хозяина и два работника, хозяева плетутъ по половинѣ матицы и по одному крылу.

Въ лѣтнемъ неводѣ на Айнозерѣ того же уѣзда 4 участника плетутъ по 10 саж. крыла, затѣмъ изъ 4-хъ клиньевъ, связанныхъ отдѣльными участниками, составляется матица.

Въ осеннихъ артеляхъ с. Ошты Ладейнопольскаго уѣзда и с. Косельги Петрозаводскаго, состоящихъ изъ 18 человѣкъ, 10 плетутъ кнею, остальные же по десяти сажень крыла, кромѣ того всѣ вносятъ еще по 10 сажень крыла; такимъ образомъ артельщики дѣлятся на внесшихъ по 20 саженей крыла и на внесшихъ только 10 сажень крыла, но вязав-

шихъ кромѣ того еще матицу; одно считается приблизительно равнымъ другому.

Въ зимнихъ неводныхъ артеляхъ Айнозера четверо изъ 8 участниковъ плетутъ кнею, кромѣ того всѣ вносятъ по 10 сажень крыла; вносъ 10 сажень для лицъ, вязавшихъ кнею, не обязателенъ, но разрѣшается, и тогда они получаютъ уже не одинъ пай, а два: пай на часть кнеи и пай на часть крыла.

Въ керегодныхъ артеляхъ Косельги и Кижъ (Петрозаводскаго уѣзда) двое участниковъ плетутъ по одному крылу, а третій плететъ кнею, и такое распредѣленіе считается справедливымъ.

Нѣкоторыя изъ артелей не плетутъ матицу сами, но или берутъ ее на прокатъ, или покупаютъ, или отдаютъ кому нибудь вязать, распредѣляя между собою какъ денежные, такъ нитяные или пеньковые взносы попайно; такъ, напр., въ лѣтнемъ неводѣ на озерѣ Лачъ 4 участника вносятъ по 5 «рѣдкихъ» и по 2 «частыхъ» сѣти, а матицу покупаютъ сообща за 17 р., 20 р., 25 р.; по окончаніи ловли матица эта продается, и деньги дѣлятся между пайщиками.

На Мошинскомъ озерѣ и на Лекшмозерѣ матицу отдаютъ кому либо вязать [21]), представляя извѣстное количество пряжи попайно. По окончаніи сезона матица или продается, или оставляется до слѣдующей ловли или въ случаѣ нужды закладывается кулаку; на Лекшмозерѣ, гдѣ артель очень постоянна, матица сохраняется до тѣхъ поръ, пока ею еще можно ловить; случается иногда, что нуженъ хлѣбъ, и вотъ матицу отдаютъ «за хлѣбъ», но непремѣнно кому либо изъ артельщиковъ же своихъ побогаче; онъ осенью, возвращая артели сѣть, «столько же, сколько далъ, вычтетъ *побратски*»; вычетъ при этомъ производится не заразъ, а сообразно съ уловомъ.

На Ковжозерѣ или сами вяжутъ матицу, или берутъ ее на пользованіе, платя за осень по 25—50 коп. съ человѣка.

Кромѣ взноса сѣтей, необходима еще, напримѣръ, для лѣтней ловли лодка, а также избушка для просушиванія сѣтей; лодка обыкновенно общая; но если, напримѣръ, одинъ имѣетъ лодку, а другой сѣть, все равно будетъ ли это «мутникъ», «керегодъ», «калега» или что другое, то добычу дѣлятъ поровну; избушка строится часто цѣлою артелью на берегу близъ излюбленныхъ мѣстъ ловли [22]); въ ней не рѣдко устраивается печь съ большимъ подомъ, на которомъ сушатъ рыбу. На восточномъ берегу оз. Лачъ считается до 60 избушекъ, какъ принадлежащихъ артелямъ, такъ и частнымъ лицамъ; не доѣхавшій до своей собственной избушки можетъ остановиться въ любой изъ чужихъ избушекъ, топить печь и сушить рыбу. Такимъ образомъ онъ распоряжается всякой избушкой, если знаетъ, что хозяинъ ея не выѣзжалъ въ этотъ день, но только на своемъ берегу; на чужомъ берегу нужно испросить на то позволеніе хозяина избушки. Сушка рыбы производится не рѣдко безъ предварительнаго дѣлежа улова, дѣлежъ же производится послѣ сушеною

рыбою; не менѣе интересно также артельное приготовленіе въ прокъ рыбы, производимое рыбаками Заонежья: при богатыхъ уловахъ, чтобы рыба не испортилась, рыбаки покупаютъ артелью ушаты, шайки, боченки, соль и солятъ уловъ; до копченія еще не додумались.

При зимней ловлѣ необходимы лошади для перевозки сѣтей и другихъ орудій ловли отъ одной тони къ другой; лошади рѣдко употребляется при рыбной ловлѣ для чего либо другаго, кромѣ этой перевозки, развѣ впрягутъ иногда въ стоячій воротъ, чтобы помочь рыбакамъ тащить изъ воды неводъ, какъ это практикуется на р. Свири и Ковжозерѣ. Лошади со всею сбруею, санями представляются поочередно то тѣми, то другими пайщиками, въ однихъ мѣстахъ по 2 лошади въ день (оз. Лачъ, Заонежье, Укшозеро и многія другія озера), по 3 (Ковжозеро), а на Лекшмозерѣ, благодаря громадности невода—6 лошадей въ день. По отношенію къ этой повинности пайщики дѣлятся попарно, по тройкамъ или шестеркамъ. Безлошадные обыватели на малорыбныхъ озерахъ, считая для себя невыгоднымъ наемъ лошадей, въ артель не вступаютъ; поденная плата за лошадь простирается отъ 15—20 к. (восточный берегъ озера Лачъ) до 30, 40, 50 к. (Айнозеро, Выгозеро, Мошинское оз. и другія) и 60 к. (западный берегъ озеро Лачъ) [23]) и можетъ колебаться «по погодѣ и по ѣздѣ глядя».

Изо всѣхъ видовъ рыбной ловли большаго вниманія заслуживаетъ ловля неводомъ въ зимнее время; она ведется на большинствѣ озеръ; исключеніе представляютъ Ухтозеро Вытегорскаго уѣзда, Айнозеро, отчасти Онежское и нѣкоторыя другія: въ однихъ мѣстахъ трудная зимняя ловля замѣняется извозомъ, вывозкою бревенъ, отхожими промыслами, въ другихъ вину сваливаютъ на слишкомъ толстый ледъ. Зимній способъ ловли представляетъ собою сложнѣйшую организацію сравнительно со всѣми прочими способами ловли. Кромѣ взноса сѣтями и снастями здѣсь требуются жерди, вилы, доставка лошадей и проч.

Если въ лѣтнемъ неводѣ нѣтъ спеціализаціи, кромѣ развѣ раздѣленія на гребцовъ и «тяглецовъ» [24]), такъ въ зимнемъ необходимо раздѣленіе на «пешальниковъ» (рубящихъ во льду проруби), на «жердогоновъ» (прогоняющихъ отъ проруби къ проруби шестъ съ привязанной къ концу его снатью невода), «лямочниковъ» и т. д. Спеціальности эти не одинаково легки; поэтому, если бы спеціализацію провести до конца, т. е. оставить ее положимъ на всю зиму, то неравномѣрный трудъ отдѣльныхъ артельщиковъ потребовалъ бы распредѣленія артельнаго заработка сообразно съ количествомъ энергіи, затраченной каждымъ отдѣльнымъ лицомъ; артель попала бы въ темную область опредѣленія величины мускульной затраты каждаго изъ участниковъ; это постоянно вызывало бы пререканія между спеціалистами, явилась бы масса недовольныхъ. Всѣ эти могущіе возникнуть безпорядки по возможности предупреждены въ артеляхъ очередною спеціализаціею, дѣлающею то, что вчерашній «жердогонъ» дѣлается сегодня «пешальникомъ», вчерашній «пешальникъ»—

«лямочникомъ»[25]) и т. д. Этотъ переходъ отъ одной спеціальности къ другой дѣлается съ тѣмъ большею легкостью, что всѣ спеціальности не требуютъ большой эрудиціи и понятны каждому артельщику, чуть не «съ измальства»; мало того, очередь вовсе не строга, допускаетъ соглашенія, слѣдовательно жалоба о томъ, что одинъ мало дѣлалъ, а другой много, не могутъ быть основательными.

Очереди не избѣгаютъ и «большаки», но они идутъ больше въ качествѣ «пешальника». Интересно, что на озерѣ Лачъ «при ловлѣ рыбы предъ праздниками Введенія, Николая Чудотворца, Рождества Христова и Новаго года, ловецъ, прогнавшій первымъ жердь подъ льдомъ, считается въ артели первымъ и въ праздникъ занимаетъ между товарищами самое почетное мѣсто; съ него и угощеніе начинается»[26]).

Зимняя неводная ловля бываетъ днемъ, тогда какъ лѣтняя больше ночью; при этомъ, напримѣръ, Ялгубскія керегодныя артели успѣваютъ вытаскивать до 20 тонь въ одну ночь; такое большое количество тонь объясняется тѣмъ, что лѣтніе невода керегоды не велики, значитъ не требуютъ большаго количества времени на закидываніе и вытягиваніе; зимній же неводъ, требующій кромѣ очень медленнаго и труднаго опусканія сѣтей въ воду, вытягиванія, еще рубку прорубей, требуетъ на одну тоню отъ 4-хъ часовъ и болѣе, смотря по величинѣ невода, количеству участвующихъ и толщинѣ льда; поэтому зимній неводъ, начиная отъ 4 ч. утра (оз. Лачъ) или 6 (Ковжозеро) или отъ разсвѣта и до темнаго времени, позволяетъ сдѣлать не болѣе 2 (Ковжозеро, оз. Лачъ при толстомъ льду), 3, 4 (Лачъ при тонкомъ льду, Заонежье и многія другія озера), 5 тонь (артели Ошты и Косельги, ловящія пока ледъ тонокъ) въ одинъ зимній день.

Наловленная артелью рыба дѣлится чаще не деньгами, а рыбою, даже при дѣлежѣ деньгами часть улова дѣлится между участниками, какъ говорятъ, «на варю», т. е. чтобы хватило сварить на семью; для этого назначается обыкновенно рыба мелкая, и лишь одни рыбаки оз. Лачъ берутъ себѣ «на варю», какъ пишетъ Карачевъ[27]), лучшую рыбу; но во-первыхъ это дѣлается ими лишь во время пребыванія въ избушкахъ на берегу озера, во-вторыхъ вся артель беретъ въ этомъ случаѣ лишь одну «варю»; для «варки» домой дается рыба мелкая, кромѣ того еще налимы, которые не продаются, а дѣлятся по рукамъ.

По отношенію къ способу дѣлежа всѣ артели можно подѣлить вообще на три категоріи: 1) на дѣлящихъ исключительно рыбою, 2) на дѣлящихъ и рыбою и деньгами, смотря по уговору между собою, 3) на дѣлящихъ исключительно деньгами («не рыбу ловятъ, а деньги ловятъ» говорятъ о рыбакахъ оз. Лачъ); вторая и третья форма, а иногда и всѣ три вмѣстѣ встрѣчаются на одномъ и томъ же озерѣ.

При дѣлежѣ рыбою каждый пайщикъ или съѣдаетъ со своею семьею доставшійся ему пай, или продаетъ его, или отдаетъ своему кредитору въ уплату долга; при дѣлежѣ деньгами рыбу продаютъ сообща кому угодно

изъ покупателей, лишь бы продать повыгоднѣе; исключеніе представляютъ лишь артели Укшозера и оз. Лачъ: на первомъ предпочитаютъ продавать рыбу своимъ «маркитанамъ» [28]), на второмъ по установившемуся коренному обычаю продажа не допускается не только по отношенію къ постороннимъ общимъ лицамъ, но даже и къ своимъ однообщинникамъ; продается рыба лишь кому либо изъ рыбаковъ же, а тотъ уже перепродаетъ рыбу скупщикамъ большею частью Кириловскаго уѣзда.

Дѣлежъ рыбы не рѣдко производится на глазомѣръ, и несмотря на то, что рыба, особенно мелкая, привозится оледенѣвшею, комками какими то, какъ артельщики такъ и покупатели рѣдко ошибутся въ вѣсѣ; приступая къ дѣлежу, артельщики раскладываютъ рыбу на отдѣльныя кучки и производятъ жеребьевку; такъ на Мошинскомъ озерѣ вся рыба раскладывается первоначально на 2 большія кучи, затѣмъ вырѣзаются двѣ щепочки, одна нѣсколько длиннѣе другой, и ихъ берутъ не глядя два представителя, одинъ одного, другой другого крыла невода, такимъ образомъ одно крыло получаетъ одну кучу, другое другую; участники каждаго крыла въ свою очередь дѣлятъ доставшуюся имъ кучу пополамъ, сами дѣлятся на двѣ группы и бросаютъ опять жребій; эти кучки, представляющія въ отдѣльности $^1/_4$ улова, дѣлятся опять пополамъ, опять бросается жребій и т. д. Количество жеребьевыхъ щепочекъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія количества кучъ и рѣшаетъ въ концѣ концовъ величину паевыхъ получекъ. Г-нъ Г—ій сообщаетъ [29]), что на Тудозерѣ практикуется раскладываніе рыбы на кучи и производится жеребьевка, но какъ все это производится, г. Г—ій къ сожалѣнію не сообщаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно при лѣтней ловлѣ, дѣлежъ производится ковшами, иногда корзинами (Заонежье, Лекмозеро), а на Водлозерѣ Пудожскаго уѣзда, пишетъ П. П. Петровъ [30]), рыбу дѣлятъ особо имѣемою для этого мѣркою, которая и зовется «дѣловухою». Крупную, цѣнную рыбу дѣлятъ вѣсомъ, а при маломъ уловѣ и счетомъ; при этомъ на Выгозерѣ и въ Заонежьѣ практикуется даже разрѣзаніе рыбы на части въ томъ случаѣ, если количество рыбъ не дѣлится безъ остатка на количество участвующихъ въ ловлѣ; на другихъ озерахъ разрѣзаніе обходятъ тѣмъ, что получающій пай соглашается вмѣсто одной большой рыбы взять нѣсколько рыбокъ меньшей величины; при этомъ если попадетъ одна особенно крупная рыба, то беретъ ее одинъ кто либо, въ слѣдующихъ же уловахъ берутъ другіе поочередно. Дѣлежъ рыбы никогда не производится по количеству участвующихъ въ неводѣ, а по количеству внесенныхъ паевъ, 1) потому что иногда одинъ участникъ вноситъ 2 пая; 2) потому что не рѣдко одинъ пай вносится нѣсколькими «маломощными»; взносъ одного пая двумя очень распространенъ по Олонецкому краю, взносъ одного пая тремя практикуется на Лекмозерѣ, Ковжозерѣ, Логмозерѣ (Петроз. уѣзда), Кончозерѣ и оз. Лачъ (на восточномъ берегу), четверо одинъ пай вносятъ на Тудозерѣ; внесшіе такой артельный пай посѣщаютъ ловлю поочередно; при этомъ на Лекмозерѣ, гдѣ иногда 3 ры-

бака вносятъ лишь 2 пая, соблюдается чередованіе такого рода: въ первую смѣну идутъ на озеро первый и второй, во вторую смѣну—второй и третій, въ третью—третій и первый, такимъ образомъ въ каждыхъ трехъ смѣнахъ каждый участникъ отбываетъ 2 очереди.

Дѣлежъ рыбою производится ежедневно, а въ Заонежьѣ даже 2 раза въ день, т. е. при каждомъ перерывѣ ловли, только зимою или при малыхъ лѣтнихъ ловляхъ рыба нѣсколько дней сохраняется на погребу; дѣлежъ денегъ бываетъ всегда чрезъ недѣлю и лишь при неудачныхъ ловахъ, давшихъ малую выручку, дѣлежъ откладывается до слѣдующаго раза; деньги въ такихъ случаяхъ хранятся обыкновенно у «большака» или вообще у кого либо изъ артели, у человѣка болѣе честнаго и трезваго.

Кромѣ паевъ, распредѣленныхъ между участниками по паевымъ взносамъ, въ нѣкоторыхъ артеляхъ выдѣляется еще цѣлый пай или извѣстная часть добычи, употребляемые артелью на особый случай, такъ напримѣръ, на оз. Лачъ зимніе невода дѣлятъ добычу постоянно не по одному количеству внесенныхъ паевъ, а выдѣляютъ еще одинъ пай на церковь, «Николѣ угоднику», за храненіе артели на водахъ; пай этотъ послѣ каждаго дѣлежа сдается въ церковь и доходитъ до 150—400 р. въ годъ [31]); остатки той же древней церковной десятины сохранились также и на Лекшмозерѣ: тамъ пай откладывается точно также, но до Пасхи хранится у «большака» артели, на Пасхѣ вся артель собирается въ церковь Петра и Павла, служитъ молебенъ и сдаетъ «церковный пай» по принадлежности; на оз. Лачъ также сдаются въ церковь и тѣ остатки при дѣлежѣ денегъ, которые нельзя подѣлить между всѣми поровну; такъ напримѣръ, 10, 15, 20 коп., въ Ольскомъ обществѣ, что на восточномъ берегу того же озера; въ церковь же поступаютъ всѣ штрафы, налагаемые за неявку на ловлю.

Ни одна артель не откажетъ дать бѣднякамъ «на варю» мелкой рыбы, но выдѣленія пая «на бѣдныхъ», встрѣтить которыя ожидалъ еще до пріѣзда моего на озерѣ Лачъ по разсказамъ ямщиковъ и содержателей станціи Вытегорско-Каргопольскаго тракта, не существуетъ. Пріѣхавъ на оз. Лачъ, я тщетно искалъ этотъ пай и въ неводахъ и въ керегодахъ, но за то натолкнулся на такъ называемыхъ «бранниковъ», представляющихъ аналогію съ «кошевщиками», озера Пейпусъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь берутъ рыбу со всего крыла, не останавливаясь тогда, когда остается только 20 саж. до матицы, какъ дѣлаютъ нищіе на оз. Пейпусъ. Кромѣ этого интересно также отношеніе нищихъ г. Каргополя къ керегоднымъ артелямъ озера Лачъ: рыбаки оз. Лачъ, пріѣзжая въ г. Каргополь для продажи рыбы, всегда останавливаются въ извѣстныхъ мѣстахъ; нищіе прекрасно знаютъ эти мѣста, а также приблизительно и время пріѣзда рыбаковъ; поэтому лишь только лодка рыбаковъ подойдетъ къ берегу, какъ толпа давно уже поджидавшихъ ее нищихъ бросается къ лодкѣ, хватаетъ за что кому придется и, хлопая

своими опорками по водѣ, дружно вытаскиваетъ на берегъ, часто съ рыбаками, не успѣвшими заблаговременно выскочить изъ лодки.

Существованіе этого обычая обусловливается тѣмъ, что пріѣхавшимъ рыбакамъ, коихъ обыкновенно 3 человѣка, не подъ силу вытащить на берегъ лодку, нагруженную рыбою; между тѣмъ, прежде чѣмъ приступить къ продажѣ, ради удобствъ какъ покупателей, такъ и самихъ торгующихъ, необходимо вытащить на берегъ лодку цѣликомъ; не помоги нищіе, рыбакамъ каждый разъ приходилось бы тратить время на подысканіе помощи. Такимъ образомъ, обычай этотъ на руку какъ нищимъ, такъ и рыбакамъ и публикѣ каргопольской: первые за доставленіе удобствъ тѣмъ и другимъ получаютъ возможность полакомиться ухою изъ свѣжей рыбы, рыбакамъ не приходится опасаться быть опрокинутыми торопливою публикою въ р. Онегу, какъ это могло бы случиться, если бы распродажа производилась не на берегу, а на водѣ; публика въ свою очередь избѣгаетъ всѣхъ непріятностей, могущихъ случиться при переходахъ съ пристани въ лодку и обратно.

Въ нѣкоторыхъ артеляхъ часть добычи при особенно богатомъ уловѣ идетъ на общую пирушку, при чемъ покупается и водка (артели Ошты Ладейнопольскаго уѣзда и Укшозера); на оз. Лачъ при каждомъ дѣлежѣ денегъ, бывающемъ обыкновенно въ воскресенье, изъ общей суммы выдѣляется отъ 50 к. до 1 р. на калачи, которые тутъ же и съѣдаются [32]). Угощеній, устраиваемыхъ по поводу какого либо праздника, исключая оз. Лачъ, нигдѣ, насколько мнѣ пришлось убѣдиться, не бываетъ. На оз. Лачъ, передаетъ Карачевъ [33]), «Новый годъ празднуется выпивкою и обѣдомъ. Для этой цѣли ловецкому старостѣ отдается изъ улова значительное количество самой хорошей рыбы на пироги (рыбники) и уху. Кромѣ того артель—«цѣпа» съ 24 человѣками покупаетъ ведро или два водки. Напившись и наѣвшись, ловцы отправляются на средину волости (погоста) поразгуляться и, столкнувшись съ артелью другою «цѣпа», начинаютъ судить да рядить выгоды рыбной ловли въ той и другой артели, хвастаютъ другъ предъ другомъ и хулятъ неудачу ловцовъ другого «цѣпа». Нерѣдко такія сходки и пересуды оканчиваются бранью, потасовкою или дракою, но съ обиженной стороны никогда не вчинается за это судебныхъ дѣлъ». Вообще тихманьгскія артели не отказываютъ себѣ въ удовольствіи: «ловцы, возвращаясь съ озера, читаемъ мы у того же Карачева [34]), варятъ для себя лучшую рыбу и при томъ въ такомъ количествѣ, что кормятъ и посторонникъ. Свареная рыба вываливается изъ котла на «кару», т. е. большую четыреугольную, деревянную доску въ родѣ противня; четверо ловцовъ, поднимая кару вверхъ троекратно, приговариваютъ: «пошли, Господи! пошли, Господи! пошли, Господи!»

На другихъ озерахъ рыбаки варятъ себѣ мелкую рыбу, пирушекъ періодическихъ не устраиваютъ, экстренныя пирушки тоже рѣдки; празднуется лишь начало ловли; при этомъ рыбаки служатъ молебенъ,

молятся, «чтобы не измѣнить неводу»; затѣмъ собираются въ какой либо хатѣ для «свёрыванія невода», т. е. сшиванія отдѣльныхъ паевыхъ кусковъ. При «свёрываніи», напримѣръ, на Укшозерѣ, покупаютъ рыбы, варятъ уху и пьютъ водку; на озерѣ Лачъ водки не пьютъ, но варятъ кашу и ѣдятъ пряники; та-же артель изъ обывателей озера Лачъ, странствующая по Вытегорскому уѣзду, наступленіе ловли также празднуетъ кашею, но вмѣсто того, чтобы лакомиться пряниками, пьетъ уже чай и водку.—Кромѣ пира при сшиваніи сѣтей, артели озера Лачъ празднуютъ еще пиръ близъ Лебяжьей пустыни, куда артели Тихманги ежегодно ѣздятъ предъ тѣмъ, какъ начать ловлю; изъ дому каждый беретъ съ собою съѣстнаго, а, кромѣ того, складываются еще по 30 коп. на водку. На Айнозерѣ при сшиваніи сѣтей никакого пира не бываетъ, но соберутся, сошьютъ неводъ, перекрестятся и вынесутъ его на улицу; выносятъ всѣ присутствующіе безъ исключенія; для того же, «чтобы злые люди не испортили дѣла», неводъ переносятъ и сами стараются шагать чрезъ горшки, наполненные тлѣющими угольями; на угли положены «призорныя травы»; окуренный дымомъ отъ этихъ травъ неводъ считается застрахованнымъ отъ вліянія всякаго рода недоброжелательствъ, и въ артель послѣ этого никто уже не принимается.

При расшивкѣ невода лишь на Ковжозерѣ выпивается полведра водки, во всѣхъ прочихъ артеляхъ расшивка не празднуется.

Замѣтимъ въ заключеніе, что всѣ описанныя празднованія пріурочиваются къ зимней ловлѣ, при лѣтней ловлѣ пирушекъ не бываетъ.

Во всѣ рыболовныя артели Олонецкаго края пайщики входятъ съ общаго согласія артели; исключеніе представляютъ лишь артели озера Лачъ (Тихманги), гдѣ староста-кулакъ набираетъ себѣ артель изъ своихъ должниковъ. Артель принимаетъ въ свою среду всякаго, лишь-бы онъ не былъ буяномъ, горькимъ пьяницею, лѣнтяемъ или воромъ; при этомъ артель чужда всякаго племеннаго, общиннаго, кастоваго антагонизма; она приметъ въ свою среду и Чудина, и Корела (артели озера Укшозера) [35]), и члена чужой общины, и сельскаго учителя, и дьячка и т. п., лишь бы онъ удовлетворялъ требованіямъ артели. Такого принципа артель держится теперь, да, повидимому, держалась и прежде, «Акты историческіе» [36]) передаютъ намъ, что на рѣкѣ Водлѣ (Пудожскаго уѣзда) въ Меневскомъ порогѣ ловили вмѣстѣ крестьяне Пудожскаго погоста и Юрьевъ монастырь; по писцовой книгѣ Сабурова 7004 года крестьяне имѣли $43^1/_2$ «мерды», а монастырь $21^1/_2$. Артельщики, по большей части, принадлежатъ къ различнымъ общинамъ, и постановленія продавать уловъ непремѣнно кому либо изъ однообщинниковъ, какъ это встрѣчается въ другихъ уголкахъ нашей имперіи, здѣсь мы не встрѣчаемъ; артели озера Лачъ продаютъ свой уловъ не однообщиннику непремѣнно, а кому либо изъ рыбаковъ же, а тотъ уже продаетъ рыбу обыкновенно скупщикамъ Кириловскаго уѣзда, артели Укшозера продаютъ «маркитанамъ», но скорѣе потому,

что берутъ у нихъ въ долгъ; всѣ прочія артели продаютъ кому угодно, лишь бы продать повыгоднѣе.

Артельщики не связываются никакими письменными обязательствами; связь чисто нравственная; нѣкоторыя артели предъ началомъ ловли служатъ молебенъ и молятся, «чтобы не измѣнить неводу»; артельщикъ можетъ уйти изъ артели, продавъ, передавъ кому либо или отшивши свой паевой кусокъ сѣти, или поставивъ вмѣсто себя работника. Каждый артельщикъ обязанъ блюсти интересы артели и потому доводить до свѣдѣнія всей артели о дѣйствіяхъ товарищей, направленныхъ такъ или иначе во вредъ артели; провинившагося иногда поколотятъ, «да онъ и въ люди не сказываетъ»; артель же миритъ поссорившагося и только въ крайнемъ случаѣ обращается къ сходу. Вообще для артели нуженъ народъ «умильной»: «съ неумильнымъ бѣда! пойдутъ упреки, брань, а тутъ недалече и до драки». Если въ артель и придется взять человѣка не совсѣмъ добросовѣстнаго, не чистаго на руку, то надъ нимъ устанавливается строжайшій контроль; только такіе случаи рѣдки, потому что обыкновенно «ужъ воръ къ вору и копится». Дискредитировавшемуся артельщику или отшиваютъ его паевой кусокъ сѣти, или покупаютъ его у него и исключаютъ сейчасъ же; лишь въ артеляхъ озера Лачъ даютъ ему доловить до конца сезона.

Каждый артельщикъ обязанъ являться на ловлю или самъ лично, или ставить вмѣсто себя лицо, вполнѣ его замѣняющее; впрочемъ артель, въ случаѣ крайности, снисходительно смотритъ на замѣну артельщика его сыномъ-подросткомъ, женою или дочерью (Укшозеро, Выгозеро, озеро Лачъ, Ковжозеро и др.); на Тудозерѣ по этому поводу замѣчаютъ, что «на водѣ у всѣхъ ноги жидки; да и рыба идетъ не на сильнаго, а на счастливаго, а счастье вѣдь кому Богъ дастъ... изъ одной счастливой всѣмъ себрянамъ можетъ быть хорошо» [37]). Всѣ ли артели такъ вѣрятъ въ счастіе, будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Артель, слѣдя за исправнымъ посѣщеніемъ артельщиками ловли, въ то же время контролируетъ ихъ безъ канцелярской неумолимости, и если, напримѣръ, артельщикъ недолго отсутствуетъ въ силу какой либо крайней нужды: требованія въ правленіе, посылки нарочнымъ, свадьбы, похоронъ, крестинъ и тому подобное, то онъ даже не лишается пая изъ улововъ, въ добываніи которыхъ онъ собственно и не участвовалъ; получавшій таковые паи «развѣ водочки поставитъ въ благодарность». Артели Логмозера даютъ такой пай не болѣе недѣли, и лишь артели Тудозера, Косельги и Заонежья пая въ такомъ даже случаѣ не даютъ, но требуютъ замѣны отсутствующаго.

Если артельщикъ запьянствовалъ и въ то же время вмѣсто себя никого не представилъ, то, напримѣръ, на Ковжозерѣ онъ получаетъ уже не полный пай, а половинный, другая же половина дѣлится на весь неводъ; неводъ не нанимаетъ работника вмѣсто отсутствующаго и ловитъ въ такомъ случаѣ какъ бы «въ половину» съ отсутствующимъ, т. е. даетъ

ему половину пая за снасть, которая не отшита и на которую идетъ, значитъ, полный пай, другую же половину беретъ за тотъ излишекъ усилій, который, благодаря отсутствовавшему члену, пришлось приложить къ работѣ.

На Укшозерѣ въ такихъ обстоятельствахъ артель сама, не испрашивая согласія кутилы, нанимаетъ работника, даетъ ему «передницу» [38]), кормитъ и расплачивается съ нимъ сама, отдавая пропьянствовавшему члену столько, сколько останется по вычетѣ изъ его пая денегъ, расходованныхъ на наймъ и содержаніе работника. На Мошинскомъ озерѣ артель точно также нанимаетъ, вмѣсто пьянствующаго, работника, но отдаетъ ему цѣликомъ пай, слѣдующій отсутствующему.

На озерѣ Лачъ отсутствующій, несмотря ни на какія обстоятельства, (случай въ своемъ родѣ единственный), штрафуется на 25 коп., которыя и вычитаются изъ его пая; такимъ образомъ, вмѣсто рубля, напримѣръ, получаетъ онъ уже 75 к., вмѣсто 75 к.—50 к. и т. д. На Лекшмозерѣ штрафъ простирается до 30 копѣекъ; какъ на Лекшмозерѣ, такъ и на озерѣ Лачъ штрафъ дѣлится между пайщиками (въ Лекшмозерѣ между 28 человѣками, а на озерѣ Лачъ между 23) по копейкѣ, а остальныя одна, двѣ или болѣе копеекъ отдаются въ церковь; на озерѣ же Лачъ, но на восточномъ берегу, въ Ольскомъ обществѣ, всѣ штрафы цѣликомъ поступаютъ въ церковь.

При долгомъ отсутствіи отсутствующій нанимаетъ кого либо вмѣсто себя или за деньги, или «съ половины», «съ трети» пая (Ялгуба, озеро Лачъ, Лекшмозеро, озеро Котечное); въ большинствѣ случаевъ имѣетъ мѣсто принципъ: «пай за капиталъ, пай за трудъ»; такъ, напримѣръ, на озерѣ Лачъ полученный «керегодомъ» уловъ не рѣдко дѣлится на 4 и даже 5 паевъ, тогда какъ участвующихъ въ «керегодѣ» только 3 человѣка. Дѣленіе это объясняется тѣмъ, что участвующіе въ «керегодѣ» дѣлятся, съ одной стороны, на участвующихъ и трудомъ и взносомъ сѣтей, съ другой стороны на участвующихъ лишь однимъ трудомъ; благодаря этому, при дѣлежѣ выручки первые получаютъ два пая, т. е. пай за трудъ и пай за капиталъ, а вторые—лишь одинъ пай за трудъ; такимъ образомъ, если участвующихъ капиталомъ въ «керегодѣ» одинъ, то добыча дѣлится на 4 части, если 2—на 5 частей, т. е. въ первомъ случаѣ капиталъ получаетъ $^2/_4$, а во второмъ—по $^2/_5$ добычи [39]).

На озерѣ Нименскомъ Каргопольскаго уѣзда, если ловящіе берутъ неводъ у кого либо для пользованія, то отдаютъ хозяину $^1/_2$ улова.

На Сарозерѣ, Пудожскаго уѣзда, если рыбаки берутъ у кого либо на прокатъ «калегу» и лодку, то отдаютъ владѣльцу ихъ $^2/_3$ улова, а $^1/_3$ оставляютъ себѣ за трудъ [40]). На Ковжозеро, Вытегорскаго уѣзда, «съ половины» нанимаютъ ловить лишь однообщинника; членъ другой общины, «чужестранный» какъ здѣсь говорятъ, никогда не приглашается на такомъ условіи, ему платятъ обыкновенно отъ 1 р. до 1 р. 50 к. въ недѣлю; здѣсь, такимъ образомъ, на скалу труда кладется еще нѣкоторая

доля общинныхъ симпатій: уловы здѣсь богаты и участіе въ ловлѣ «съ половины» значительно выгоднѣе получки платы работника.

Работникъ нанимается обыкновенно отдѣльнымъ артельщикомъ, и наемъ работника цѣлою артелью для усиленія ея комплекта мнѣ пришлось наблюдать лишь въ ежесельгскихъ рыболовныхъ артеляхъ, ловящихъ при верховьяхъ рѣки Свири; въ осеннее время артель эта нанимаетъ одного рабочаго за 25 р. въ осень.

Рабочіе нанимаются обыкновенно лишь отсутствующими почему либо членами на одинъ день, на 2, на 3 и болѣе; по отношенію къ рабочимъ, нанимаемымъ для рыбной ловли, до того сильна традиція, до того крѣпокъ взглядъ на него, какъ на явленіе скоропреходящее, что даже въ томъ случаѣ, когда онъ нанимается на мѣсяцъ и болѣе, плата ему производится не помѣсячно, а понедѣльно. На Айнозерѣ нанимается иногда рабочій на все лѣто, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ недѣлю будетъ ловить, другую же проводить дома за своими работами, и хозяину приходится на это время подыскивать подставнаго. Дневная плата рабочему простирается отъ 15 до 25 к., недѣльная отъ 50 к. (Укшозеро) до 1 руб. 50 коп., сравнительно рѣдкій наемъ на цѣлую зиму отъ 10 до 30 р. [41]), и чуть ли не единственный наемъ на цѣлый годъ отъ 20 до 60 р. (Укшозеро).

Рабочій пользуется хозяйскимъ хлѣбомъ, «передницею», квартирою (при продолжительномъ срокѣ и платьемъ); иногда, впрочемъ, онъ живетъ въ своей семьѣ и, являясь лишь на ловлю, получаетъ отъ хозяина пищу, передницу, иногда катанки и подкову, «чтобы нога на яркомъ льду не зглездѣла».—Живя у лица нанявшаго, работникъ по приходѣ домой не рѣдко исправляетъ и домашнія работы, какъ-то: колетъ дрова, носитъ кормъ скоту и пр.; на эту помощь со стороны работника смотрятъ какъ на услугу, а не какъ на нѣчто обязательное.

Наемъ работника имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ производится продажа улова; но если артель ловитъ лишь для собственнаго потребленія, да «работника нанять», то, какъ говорятъ зимнія неводныя артели Косельги, «надо изъ деревни прибавлять».

Къ участію женскаго пола въ рыбной ловлѣ различныя артели относятся различно: есть, напримѣръ, артели, которыя, не говоря уже о томъ, что не берутъ женщину въ качествѣ пайщика, не берутъ ее даже на одинъ день вмѣсто мужа или брата (керегодныя артели Ялгубы, артели Логмозера при «гарвахъ», артели Тихманги); артели озера Купецкаго, Пудожскаго уѣзда, хотя и принимаютъ къ себѣ пайщиками бездѣтныхъ вдовъ, но участіе ихъ выражается лишь дачею части невода: сама вдова на ловлѣ работать не имѣетъ права, а должна представить вмѣсто себя работника, которому и платитъ $^1/_3$ своей добычи [42]).

Во многихъ артеляхъ женщина допускается къ участію въ ловлѣ лишь въ томъ случаѣ, если мужу или брату некѣмъ больше замѣнить себя, какъ женою или сестрою (Айнозеро, Косельга, Кижи, Ошта, Мошинское

озеро, Ежеселька, Лешмозеро и многіе другіе), «и баба за то же прошатается» говорятъ въ такомъ случаѣ. На Выгозерѣ и на Ковжозерѣ вдовы допускаются наравнѣ съ мужчинами къ участію въ артельныхъ работахъ какъ при зимней, такъ и въ особенности при лѣтней ловлѣ; на Кенозерѣ же лѣтняя рыбная ловля (зимней совсѣмъ не бываетъ) считается прямо женскимъ дѣломъ.

Разъ женщина допущена къ участію въ ловлѣ, она является равноправнымъ съ мужчинами пайщикомъ, и вотъ, запасшись изъ дому «подковами», одѣвъ суконные брюки, она фигурируетъ и въ качествѣ «жердогона» и «лямочника» и т. д. «Иногда, говорила мнѣ на Укшозерѣ жена рыбака Дондыря, мятель, морозъ, перезябнутъ мужики, устанутъ, а и на варю не добудутъ; холодные, голодные придутъ мужики домой да и корзины объ зень! мужики-то, мужики, а и мы бабы тоже: порки на ноги да и маршъ! подолы эдакъ замерзнутъ, какъ иногди барыни обручи [43]) носили».

Рыболовныя артели Олонецкой губерніи ни въ теперешнее время, ни въ прежнее не отличались осѣдлостью, ловлею лишь въ своемъ заливѣ, лишь въ своемъ озерѣ, лишь въ своей рѣкѣ; артели дѣлали не рѣдко переѣзды въ нѣсколько сотъ верстъ; такъ, напримѣръ, «Акты историческіе» [14]) передаютъ, что съ верховій рѣки Свири пріѣзжало въ Ладожское озеро по 100 лодокъ и больше и ловили рыбу въ озерѣ близь Олонца; Н. Озерецковскій [45]) передаетъ, что каждую весну артели села Щелейки лавливали рыбу даже въ Финскомъ заливѣ, ловили недѣль пять и возвращались къ началу полевыхъ работъ домой. Самые большіе переѣзды по водѣ въ наше время дѣлаютъ артели Кижской волости, переѣзжаютъ изъ сѣверо-западнаго конца Онежскаго озера въ югозападный къ верховьямъ рѣки Свири, и посѣтившій село Вознесенскую пристань безъ труда найдетъ ихъ тамъ по развѣшаннымъ предъ ихъ квартирами сѣтямъ. Ялгудскія «керегодныя» артели, ловящіе все лѣто въ Пинь-губѣ и Онежской-губѣ, на осень переѣзжаютъ Онежскимъ озеромъ къ Шокшинскому берегу: здѣсь онѣ ловятъ «керегодомъ» ряпушку, насаживаютъ ее на крючки «маселги» [46]) или «продольника» и забрасываютъ въ Онежское озеро [47]). Артели Укшозера по рѣкѣ Шуѣ и Логмозеромъ проѣзжаютъ въ Онежскую губу, къ мѣстности «зимнякъ», для ловли ряпушки.

Кромѣ артелей, совершающихъ свои переѣзды по водѣ, не мало также артелей, передвигающихся сухимъ путемъ ради ловли на лѣсныхъ, иногда арендованныхъ [48]) озерахъ, верстъ за 20—30 отъ дому; о нихъ мы говорить много не будемъ въ виду ихъ незначительности, и перейдемъ прямо къ переѣздамъ, совершаемымъ артелями озера Лачь. Въ 1887 г. во время экскурсій по Вытегорскому уѣзду, и на Айнозерѣ, и на озерѣ Кемскомъ, и въ другихъ мѣстахъ Вытегорскаго уѣзда я постоянно слышалъ о переѣздахъ этихъ артелей. Оказывается, что вотъ уже въ продолженіе чуть не 8 лѣтъ ежегодно, зимою, на Кемское озеро пріѣзжаютъ

Тихменжане по одной артели въ 12 человѣкъ; пріѣзжаютъ со своимъ неводомъ, на своихъ лошадяхъ и, уплативъ купцу Громову арендныя деньги (12 р.), ловятъ здѣсь рыбу въ продолженіе всей зимы, уѣзжая домой лишь на Рождество и Масляницу. Переѣзды эти совершаются, какъ говорятъ, въ томъ случаѣ, если, напримѣръ, озеро Лачъ занесетъ сильно мусоромъ и ломомъ, если ледъ слишкомъ бугристъ или если артель не подыщетъ себѣ достаточнаго количества участниковъ. Такая артель, а иногда и двѣ артели берутъ одинъ или два невода и, смотря по тому, 2 или 4 лошади; хлѣбъ изъ дому въ дорогу беретъ каждый для себя, но на мѣстѣ стоянки живутъ на общихъ квартирахъ, платя за постой и прокормленіе сообща. Во время пути артель пѣшкомъ сопровождаетъ нагруженныя сѣтями сани и присядетъ развѣ заболѣвшій только. «Какъ на парѣ да за прогоны ѣхать, подсмѣиваются рыбаки надъ своею не особенно добычливою поѣздкою, дакъ только кататься, да корову еще продашь!».

Такъ какъ пріѣхавшая артель озера Кемскаго въ достаточной степени не знаетъ, то приглашаетъ къ себѣ ради указаній кого либо изъ рыбаковъ - обывателей озера Кемскаго. Приглашенные, поступая въ артель, вносятъ по 1 р. 50 к. или по 2 р. за имѣющійся на ихъ най кусокъ сѣти; по окончаніи зимней ловли сѣть эта обыкновенно отшивается взнесшему за нее деньги и употребляется этимъ послѣднимъ при ловлѣ лѣтнимъ неводомъ.

Кромѣ того, вступающій въ артель у нихъ же нанимаетъ на свой очередной день лошадь по 30, 40 и 50 к. за день (12 очередныхъ конскихъ дней зовутся «путиною»); во взносѣ арендной платы Кемскіе обыватели не участвуютъ, но за то должны показывать мѣста ловли, участвовать въ артельномъ трудѣ, помогая тащить сѣти, чередуясь въ должностяхъ «лямочника», «жердогона» и пр. Одна изъ такихъ артелей Тихманги въ 1886 году предприняла цѣлое путешествіе по озерамъ Вытегорскаго уѣзда. Около Рождества, какъ узналъ я отъ обывателей Айнозера, артель изъ 8 человѣкъ пріѣхала сюда, взяла «ставельщиковъ», т. е. рыбаковъ, указывающихъ мѣста ловли, и ловила рыбу въ большомъ количествѣ; бѣда была лишь въ томъ, что рѣка Андома, втекающая и вытекающая изъ Айнозера, заноситъ туда массу мусора, обломковъ бревенъ, жердей и т. п., благодаря этому большой лагозерскій неводъ нѣсколько разъ рисковалъ навсегда остаться въ водахъ Айнозера, рвался и терпѣлъ сильную порчу.

Половивъ безвозмездно на Айнозерѣ и починивъ сѣти, артель двинулась на сосѣднее озеро Лебяжье, но здѣсь ее встрѣтили уже не такъ дружелюбно: обыватели озера Лебяжьяго дозволили ловить у себя лишь подъ тѣмъ условіемъ, что они возьмутъ съ собою на ловлю по одному человѣку съ каждаго дома; такимъ образомъ, артели предстояло дѣлить добычу уже не на 8 частей, не на 12, а на двадцать, потому что на озерѣ Лебяжьемъ имѣется 12 дворовъ. Артель, наслышавшаяся о бога-

тыхъ уловахъ на этомъ озерѣ, согласилась и на это условіе, обѣщавшее $^3/_4$ улова обывателямъ озера Лебяжьяго за одно предоставленіе права ловли и только $^1/_4$ улова рыбакамъ озера Лачъ. Послѣдствія показали впрочемъ, что предъявленіе такого условія со стороны обывателей озера Лебяжьяго было не болѣе, не менѣе какъ маневромъ для отдаленія Лачозерскихъ рыбаковъ отъ ихъ озера. Когда рыбаки согласились на условіе, то на ловлю явилось не 12, а только 4 домохозяина озера Лебяжьяго, которые подобно «ставельщикамъ» Айнозера получили по одному паю за указаніе мѣстъ и посильную помощь при ловлѣ; артель раздѣлила такимъ образомъ уловъ не на 20 паевъ, а на 12.

Къ сожалѣнію, эта смѣлая, предпріимчивая артель почти постоянно терпѣла неудачи: въ самомъ дѣлѣ, на Айнозерѣ хоть и сильно порвала неводъ, но наловила все же порядочно, на Ладвозерѣ она лишь рвала неводъ, но почти ничего не ловила, на Куржинскомъ же озерѣ неводъ такъ зацѣпился, что, порвавъ его окончательно и не вытащивъ даже изъ воды, несчастная артель должна была вернуться домой ни съ чѣмъ, питаясь въ дорогѣ не рѣдко Христовымъ именемъ.

Причинами, толкающими артели въ путь, служатъ или временныя неудобства ловли въ своемъ озерѣ, какъ, напримѣръ, бугристый ледъ на озерѣ Лачъ, или желаніе быть поближе къ самому покупателю, или рынку [49]), или же чаще всего недостатокъ въ рыбѣ, ощущаемый на извѣстномъ озерѣ, рѣкѣ; такъ, напримѣръ, артели Укшозера и Кончозера прежде ловили ряпушку у себя дома, но такъ какъ теперь тамъ ея не стало, то рыбаки ѣздятъ ловить ее въ Онежскомъ озерѣ, близъ мѣстности «Зимнякъ» [50]); на Ковжозерѣ, благодаря тому же обстоятельству, артели ѣздятъ ловить рыбу на 2 близъ лежащія озера, платя за нихъ купцу Громову 45 р. арендныхъ денегъ; по всей вѣроятности, и въ странствованіи артелей озера Лачъ эта же причина играетъ не послѣднюю роль. Догадку эту подтвердила бы, по всей вѣроятности, и статистика олонецкаго рыболовства, но, къ сожалѣнію, эта статистика можетъ отвѣтить лишь рядомъ оффиціальныхъ данныхъ; зная степень компетентности оффиціальной статистики, вѣрить ей не приходится.

Собрать же статистическія данныя о рыболовствѣ, т. е. опредѣлить количество вылова, производимаго той или другой ловушкою въ различныя времена года, перечислить всѣ ловушки, находящіяся десятками и сотнями на отдѣльныхъ озерахъ, наконецъ, объѣхать всѣ эти озера, надо сознаться, для одного какого либо лица совершенно невозможно; тѣмъ болѣе, если это лицо, хотя бы оно было и изслѣдователемъ, пріѣзжаетъ лишь лѣтомъ, пріѣзжаетъ не для изслѣдованія рыболовства спеціально, а лишь въ связи его съ другими явленіями народной жизни. Поэтому въ ожиданіи того блаженнаго времени, когда статистическія изслѣдованія, охватившія уже значительный рядъ губерній, коснутся наконецъ и Олонецкаго края, я сообщу рядъ цифръ, лишь приблизительно говорящихъ о выгодахъ рыболовства, цифръ, частью выбранныхъ изъ литературы

Олонецкаго края, частью собранныхъ мною лично, касающихся нѣсколькихъ большихъ озеръ и двухъ рѣкъ Водлы и Суны.

«Выгозерскій ловъ, говоритъ Данилевскій, нельзя оцѣнить ниже 5½ тысячъ рублей», и дѣйствительно, какъ передавали мнѣ рыбаки и скупщики этой мѣстности, цифра эта едва ли будетъ преувеличенною, если вѣрить словамъ тѣхъ же лицъ о томъ, что одной икры здѣсь ежегодно продается около 170 пудовъ цѣною отъ 5 р. 50 к. до 6 р. за пудъ, т. е. на 1,000 руб. приблизительно. Водлозерскій уловъ И. С. Поляковъ [51]) считаетъ доходящимъ до 15,000 пудовъ, по цѣнѣ не ниже одного рубля, т. е. до 15,000 рублей; по разсказамъ крестьянъ, на ярмаркахъ Ивановской и Троицкой продается сухой и соленой рыбы, привезенной съ Водлозера, на 6,000 р.; отъ весенняго улова въ село Ошту, Лодейнопольскаго уѣзда, и въ Каргопольскій уѣздъ сбывается 1,400—1,600 пуд. корюшки, на сумму отъ 5,000 до 7,000 р.; въ осень ловится ряпушки до 1,000 пуд., дающей 3,000—4,000 рублей.

На Лекмозерѣ, по вычисленіямъ Данилевскаго, было 6 артелей съ 120 рыбаками, на пай приходилось до 40 рублей; такимъ образомъ уловъ однихъ неводовъ простирался на сумму до 4,000—5,000 р.; теперь на этомъ озерѣ 4 большихъ невода (по 28 ч. въ каждомъ) и 4 малыхъ (по 12—14 участниковъ); въ большихъ неводахъ участники получаютъ отъ 40 до 90 р. на пай, а въ малыхъ около 10 р., значитъ, уловъ однихъ этихъ зимнихъ неводовъ придется оцѣнить въ 6,000—7,000 р., а ловятъ тамъ не только зимою и не только одними неводами.

На озерѣ Лачъ считается до 300 «мутниковъ» [52]), не считая «мутниковъ» Лекморѣцкаго и Ноккольскаго обществъ, до 50 «керегодовъ»; кромѣ того, какъ мнѣ извѣстно, въ Тихмангѣ и Ольскомъ обществѣ имѣется 24 лѣтнихъ невода и 16 зимнихъ. «Мутникъ», по разсчету И. С. Полякова [53]), заработываетъ въ лѣто и осень вмѣстѣ до 100 руб., лѣтній неводъ, какъ и «керегодъ» въ 2 мѣсяца до 50—60 р. [54]), зимній неводъ въ 12 участниковъ до 500 рублей; слѣдовательно, на ловлѣ «мутникомъ» получается до 30,000 р., на ловлю лѣтнимъ неводомъ и «керегодомъ» до 4,000 р., на ловлю зимнимъ неводомъ до 8,000 р., въ общей сложности до 40,000 рублей.

При устьи рѣки Суны, особенно когда вѣтеръ «съ моря» [55]), попадается до 1,000 сиговъ въ день; въ Петрозаводскѣ цѣна сига 15—25 коп., а въ Петербургѣ промышленники продаютъ каждаго сига по 30 коп., что и составитъ до 6,000 р. за 22,000 сиговъ [56]). Вся рыба, ежедневно вылавливаемая въ устьѣ рѣки Водлы во второй половинѣ августа и частью въ сентябрѣ, по словамъ Полякова [57]), даетъ крестьянамъ 42 р. 50 к.

Всѣ вышеприведенныя цифры, представляющія нерѣдко значительный валовой доходъ, въ дѣйствительности несравненно меньше, потому что рыбакъ олонецкій принужденъ брать въ долгъ у прасола, кулака не только деньгами, но и вообще жизненными припасами, которые, будучи

сравнительно плохими, оцѣниваются дающимъ лицомъ очень высоко; въ то же время кредиторъ требуетъ, чтобы вылавливаемая рыба никому, кромѣ него, не была продаваема, и, пользуясь задолженностью рыбака, его безвыходнымъ положеніемъ, даетъ ему за рыбу цѣну очень пониженную. «Водлозерскіе скупщики, сообщаетъ П. П. Петровъ [38]), закупаютъ на Весьегонской ярмаркѣ пеньку, пряжу и веревки для неводовъ, на сумму до 600 рублей, отдавая таковыя крестьянамъ за 1,000 рублей въ счетъ будущаго улова». «На Выгозерѣ богатые закупщики, передаетъ И. С. Поляковъ [39]), даютъ хлѣбъ подъ рыбу копѣекъ на 10—20 дороже цѣнъ, существующихъ на озерѣ, а рыбу ставятъ на такое же количество денегъ копѣекъ на 10 или 20 дешевле; или же задаютъ пряжей для неводовъ, ставя фунтъ вмѣсто 10—15 коп. за 25—30 к.—Въ случаѣ повышенія цѣнъ на рыбу уплата производится рыбою по старой же цѣнѣ. Спускъ въ цѣнѣ дѣлается только для неблагонадежныхъ плательщиковъ, которые потомъ лишаются кредита». На Выгозерѣ же за икру кредитора платятъ вмѣсто 6 р. или 5 р. 50 к. за пудъ лишь по 4 рубля; на Ковжозерѣ цѣна судаку 3 р. 20 к. за пудъ, между тѣмъ кредиторы даютъ лишь 1 р. 80 к., на Логмозерѣ вмѣсто 12 р. за пудъ рыбы лишь 7 рублей и т. д.; такой задолженности подвержены какъ отдѣльныя лица, такъ нерѣдко и цѣлыя артели при какой либо сѣткѣ, благодаря этому существуютъ «заборные невода», «заборные керегоды» и т. п.; «заборные невода» и «заборные керегоды» обязаны продавать весь свой уловъ кредитору, между тѣмъ какъ «не заборные» невода, имѣющіе въ своей средѣ лицъ, попавшихъ въ сѣти кредитора, даже при дѣлежѣ улова деньгами, обыкновенно выдѣляютъ артельный пай рыбою лицамъ, имѣвшимъ случай задолжать, сами же продаютъ затѣмъ остальное и дѣлятъ деньги на оставшееся количество артельщиковъ. Цѣна, назначаемая кредиторомъ всякому отдѣльному должнику, обязательна также и «заборному неводу», точно также обязательно для него и забирать товаромъ; такъ какъ все забираемое, несмотря на свою высокую цѣну, плохо въ то же время качественно, то скорѣе, конечно, портится, изнашивается, скорѣе приходится замѣнять его, а тутъ вновь является на сцѣну повышенная цѣна и вновь не долго заставляющая себя ожидать необходимость замѣны; у попавшаго въ такой circulus vitiosus долгъ растетъ и растетъ, расплатиться становится все труднѣе и труднѣе, а продать «потайно» рисковано: кредиторъ лишитъ кредита, подастъ ко взысканію; такимъ образомъ, не рѣдко по окончаніи ловли становится яснымъ, что рыбакъ не только не свелъ концы съ концами, а оказался еще должнымъ кредитору за доставку лошадей или за коноплю, потому что, какъ сообщалъ мнѣ одинъ изъ старостъ озера Лачъ, «если артельщикъ ничѣмъ другимъ не возьметъ, такъ ужъ коноплей-то безпремѣнно возьметъ».

Получая громадный процентъ, кредиторъ или отчасти помогаетъ артели, или цѣликомъ даетъ ей все необходимое и требуетъ себѣ за это часть улова (такъ, напримѣръ, на озерѣ Ниженскомъ дающій неводъ требуетъ

себѣ половину улова) или же просто нанимаетъ извѣстное количество рабочей силы и приставляетъ ее къ неводу; послѣдній способъ эксплоатаціи все болѣе начинаетъ завоевывать себѣ мѣсто; такъ, напримѣръ, на рѣкѣ Свири, начиная чуть не съ самого верховья и вплоть до озера Ладожскаго, невода принадлежатъ одному мѣстному богачу и управляются наемными рабочими, нерѣдко уроженцами различныхъ губерній [60]). Изъ двухъ неводовъ, ловящихъ на Вытегорскомъ устьѣ, по сообщенію И. С. Полякова [61]), ни одинъ не принадлежитъ крестьянамъ; оба эти невода, говоритъ онъ, купеческіе, дѣйствующіе силою тѣхъ же наемныхъ крестьянъ изъ окрестностей. Первый неводъ обошелся хозяину въ 1,000 р. При немъ работаютъ 7 человѣкъ крестьянъ на слѣдующихъ условіяхъ: въ продолженіе всего періода неводьбы, отъ мая до половины или даже до конца октября, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ крестьяне должны ежедневно дѣлать не менѣе 7 тонь «хоть есть рыба, хоть ея нѣтъ», какъ они выражаются; въ случаѣ же успѣшнаго лова и болѣе; при этомъ каждая тоня требуетъ до 1 часа 15 минутъ времени; слѣдовательно, только на одно закидываніе тонь они должны употребить около 9 часовъ; на самомъ же дѣлѣ времени уходитъ несравненно болѣе; вытягиванію невода препятствуютъ вѣтры, особенно сѣверные, производящіе нижніе токи воды, противоположные тому направленію, по которому съ помощью воротовъ вытягивается неводъ; затѣмъ переѣзды отъ рыбацкаго стана къ мѣстамъ лова отнимаютъ иногда цѣлые часы; я часто видалъ, говоритъ Поляковъ, лѣтомъ рабочихъ, отправляющихся на ловлю послѣ 4 часовъ вечера и возвращающихся обратно около пяти или шести часовъ утра, т. е. проводящихъ въ работѣ 13—14 часовъ, кромѣ того, что потомъ по пріѣздѣ, они должны были привести въ порядокъ неводъ. Въ томъ случаѣ, когда число тонь сокращается, именно во время бурь и проливныхъ дождей, ловцы возвращаются домой мокрые не только снизу, какъ это бываетъ обыкновенно, но и сверху: тогда на нихъ не остается сухой нитки, хотя бы это случилось глубокою осенью. — Пища рабочимъ полагается хозяйская; она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ чернаго хлѣба, просовой каши съ конопляннымъ масломъ и сущика, т. е. изъ сушеной корюшки,— пища при подобной тяжелой работѣ вообще не питательная, такъ какъ мясо допускается въ крайнихъ случаяхъ, а налавливаемая рыба—никогда. Рабочіе увольняются отъ работъ только въ большіе праздники. При такомъ порядкѣ работъ они получаютъ за весь рабочій періодъ въ пять съ половиною мѣсяцевъ по 40 р. сер. жалованія или по 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, почти по 25 коп. въ день; значительная часть этой платы забирается обыкновенно впередъ или идетъ на уплату податей чрезъ хозяина. Вмѣстѣ съ деньгами даются каждому изъ рабочихъ непромокаемые сапоги; полученіемъ ихъ рабочій обязуется быть всегда на работѣ въ хорошей обуви, но въ случаѣ ея отсутствія онъ долженъ выносить всѣ неудобства, безъ какихъ бы то ни было упрековъ хозяину. И при-

знаться, дѣло такъ и случается, что чрезъ недѣлю послѣ полученія сапоги уже снашиваются, сквозь нихъ течетъ, какъ сквозь рѣшето, и тогда рабочему приходится поправлять обувь на свои средства, или онъ обираетъ все лучшее изъ дома, предоставляя часто беременной женѣ, сестрѣ или братьямъ ловить рыбу въ дырявой обуви или и совсѣмъ безъ нея, такъ какъ это происходитъ около дома. Мнѣ самому приходилось видѣть рабочихъ, стоявшихъ въ водѣ и тянувшихъ неводъ въ то время, когда на ногахъ ихъ была какая-то пародія на обувь; по выходѣ изъ воды сапоги ихъ представлялись на носкахъ въ видѣ пасти сирены съ завороченной кверху губою. Видалъ я также, передаетъ Поляковъ, какъ по праздникамъ являлись иногда жены рыбаковъ и штопали ихъ платья съ одного края до другого; и все это за тѣ же 40 рублей. Старичекъ управляющій ходомъ промысла неводчиковъ, строго ихъ контролировавшій и оживлявшій Вытегорское устье своею разнообразною, настойчивою и часто безпричинною бранью, передавалъ, что при всемъ томъ содержаніе невода и рабочихъ не окупается уловомъ, съ чѣмъ однако я, говоритъ Поляковъ, не могъ вполнѣ согласиться, тѣмъ болѣе, что на рабочихъ лежитъ обязанность ставить еще крючки и осматривать ихъ; они же обязаны возить рыбу въ городъ, такъ что расходъ на жалованье имъ около 300 рублей, вмѣстѣ съ кухаркою, получающею до 2 р. жалованья въ мѣсяцъ, есть главный и, сравнительно, ничтожный; капиталистъ же, не удрученный нуждою, всегда сбываетъ рыбу дороже, чѣмъ безденежный крестьянинъ; кромѣ того, по словамъ старичка, въ лѣто вылавливается до 8 штукъ стерлядей; нѣсколько лѣтъ назадъ была изловлена одна, вѣсомъ въ 18 фунтовъ, которая стоила до 40 или 50 рублей.

Другой неводъ принадлежалъ также Вытегорскому купцу, но обладавшему, повидимому, большею долею гуманности. Этотъ неводъ меньше перваго; рабочіе въ числѣ 4 хъ человѣкъ находились подъ управленіемъ своего же крестьянина; и хотя они получали не больше жалованья, чѣмъ въ первомъ случаѣ, но за то не мучились по пустому на безрыбьи при озерѣ, и возвращались съ первыми признаками наступленія мокрой и бурной погоды. Хозяинъ этого невода не былъ въ претензіи, если его рабочіе позволяли себѣ воспользоваться наименѣе цѣнною изъ улова рыбою— мелкими сигами, окунями или налимчиками. Здѣсь отношенія между рабочими были гораздо свободнѣе, тогда какъ члены первой артели держались всегда подъ дисциплиною, ибо управляющій ими состоялъ нѣкогда въ нижнихъ чинахъ военнаго сословія; и при всемъ томъ, несмотря на всю невыгоду условій, рыбаки какъ бы гордились предъ другими своимъ управителемъ, извѣстнымъ по своему экономическому вліянію на всю окрестность, и въ рукахъ котораго не одно дѣло могло принять иной оборотъ, такъ какъ рыбы всегда вылавливалось всетаки вполнѣ достаточно для того, чтобы поколебать равновѣсіе и на вѣсахъ правосудія.

Такъ или иначе, но кулакъ постоянно старается поставить крестьянъ

въ зависимость отъ себя, и если этого нельзя сдѣлать прямо, то дѣлаетъ косвенно, такъ, напримѣръ, на Лужандозерѣ Вытегорскаго уѣзда кулакъ арендуетъ у монастыря озеро и беретъ съ рыбаковъ за право ловли на озерѣ одну треть улова [61]).

Крупный ли кулакъ или мелкій, но, ссужая артель и вообще ставя отъ себя въ зависимость, онъ самъ никогда не принимаетъ участія въ рыбной ловлѣ; на одномъ лишь озерѣ Лачъ кулакъ является не рѣдко «старостою», большакомъ артели, подбирая въ эту артель своихъ должниковъ, идущихъ изъ боязни лишиться кредита. Артель у него кредитуется, онъ даетъ ей и сѣтьми, и другими продуктами, у него безлошадные артельщики должны брать по найму лошадей въ свои очередные дни, и за все это онъ, конечно, не преминетъ взять красненькую цѣну. Въ довершеніе всего онъ же продаетъ рыбу, у него хранятся до дѣлежа деньги, а, значитъ, изъ нихъ онъ можетъ дѣлать вычеты по своему личному разсмотрѣнію. Въ такой артели личность артельщиковъ окончательно стирается кулакомъ: участіе его непріятно уже тѣмъ, что не его выбрала артель, а онъ составилъ ее, составилъ насильно и заставилъ признать себя «старостою»; мало того, онъ участвуетъ въ ловлѣ съ полученіемъ пая, но такъ какъ сдѣлался старостою не благодаря своимъ знаніямъ, а благодаря своему кошельку, то въ силу этого незнанія онъ нерѣдко ставитъ неводъ на такомъ мѣстѣ, что неводъ рвется; между тѣмъ, по правиламъ артели, сѣть долженъ чинить тотъ, у кого она порвалась, староста, такимъ образомъ, остается въ сторонѣ, не платится за причиненный артели ущербъ.

Гдѣ же причины всего этого, что даетъ такую силу, мощь кулаку и ведетъ крестьянина въ его сѣти? Причинъ тутъ не одна, тутъ цѣлая сумма причинъ, и тѣмъ то онѣ и неотразимѣе! Такими причинами являются: недостатокъ кредита, непостоянство артели, общее уменьшеніе рыбы въ водахъ Олонецкаго края, трудность доставки рыбы на рынки, несовершенство способовъ заготовленія рыбы въ прокъ.

Недостатокъ кредита даетъ себя чувствовать какъ при требованіи податей, такъ и вообще при всякихъ экстраординарныхъ случаяхъ, гдѣ сразу нужна болѣе или менѣе значительная сумма денегъ, такъ и при необходимости дѣлать какое нибудь обзаведеніе, напримѣръ, сельско-хозяйственными орудіями и принадлежностями и т. д., и между тѣмъ все это тутъ же услужливо предлагается мѣстнымъ или заѣзжимъ купцомъ, предлагается въ долгъ крестьянину, страдающему отсутствіемъ денегъ, не могущему такимъ образомъ противустоять соблазну. Кулакъ это прекрасно знаетъ и дѣйствуетъ навѣрняка. Въ 1886 г. экскурсируя по Повѣнецкому уѣзду, я самъ нечаянно попалъ въ поѣздъ одного изъ мѣстныхъ скупщиковъ. Когда на Выгозерѣ, пріѣхавъ вечеромъ, я просилъ хозяина достать лодку съ гребцами для дальнѣйшаго пути, то онъ попросилъ меня обождать до утра, говоря, что утромъ ѣдетъ на Корельскій островъ, куда я и направлялся, какой то купецъ и я могу съ нимъ отправиться. Я со-

гласился. Пріѣхали мы на Корельскій островъ вечеромъ, и мнѣ на время пришлось поселиться съ купцомъ въ одной комнатѣ. Тюки и ящики съ товаромъ помѣщались тутъ же, и не успѣлъ еще вскипѣть самоваръ, какъ все было развязано, распаковано и на воронцѣ повисли ржавленыя вѣсы. Лавочка была открыта. Предъ являющимися покупателями заманчиво лежали серпы, косы, сахаръ, чай, всевозможные ситцы и многое другое, не исключая конфектъ и пряниковъ или по мѣстному «закусокъ». На деньги покупала лишь молодежь и то въ крайне незначительныхъ размѣрахъ: то дѣвушка купитъ на пятакъ «закусокъ», то какой либо мальчуганъ пару кренделей или конфектъ; всѣ же, дѣлавшіе болѣе или менѣе значительныя пріобрѣтенія, платили сушеною рыбой; они являлись обыкновенно попарно, неся большія корзины съ «сущемъ» и оказывалось, что приносимая рыба отдается ими не за получаемый товаръ, а въ уплату долга. Рыба большинства приносившихъ молча взвѣшивалась и ссыпалась въ кучу въ уголъ избы, заявлялось только о величинѣ долга вмѣстѣ съ отмѣреннымъ и отвѣшеннымъ крестьянину товаромъ; нѣкоторымъ (вѣроятно еще не состоящимъ должниками) заявлялось, что требуемой цѣны они не получатъ, «потому что рыба плоха». Начинали торговаться; рыба нѣсколько разъ выносилась изъ избы и вносилась снова; въ концѣ концовъ рыба, признанная прежде худою, ссыпалась въ общую кучу; если кто нибудь, видя это, выражалъ сомнѣніе въ недоброкачественности рыбы имъ уже проданной, купецъ отвѣчалъ улыбкою, изобличавшею мастера своего дѣла. Вскорѣ значительная часть товара была обмѣнена на рыбу, и оказывалось, что большинство лишь увеличило свой долгъ.

Непостоянство артелей, отсутствіе обыкновенія откладывать часть выручки въ фондъ артели, подобно тому какъ артели озеръ Лачъ и Лекшмозера откладываютъ пай на церковь, ведетъ къ тому, что артель не имѣетъ запаснаго капитала, а слѣдовательно и не въ состояніи давать ссуды. Составъ артели часто мѣняется ежегодно; «въ этомъ году, говоритъ Г—ій [63]), неводъ можетъ принадлежать 6—7 дворамъ, въ слѣдующемъ году даже артели можетъ не быть, а неводъ либо продадутъ въ другую деревню, либо раздѣлятъ и перешьютъ на простыя сѣти. Число членовъ артели также не постоянно: въ этомъ году неводъ имѣлъ, напримѣръ, 10 себрянъ, а въ слѣдующемъ году ихъ будетъ можетъ быть только 3»

Такъ же непостоянны артели и другихъ мѣстъ, и случаи, гдѣ бы артель въ одномъ и томъ же составѣ ловила нѣсколько лѣтъ сряду, сравнительно рѣдки; объясняется это какъ раздорами, несогласіями между артельщиками, такъ и тѣмъ, что артельщикъ не связанъ съ данною артелью никакими традиціями, ни общностью имущества и капитала; самый взносъ сѣтей производится такъ, что каждый артельщикъ является хозяиномъ лишь своего куска сѣти, рѣдко бываетъ, чтобы матица была общая, т. е. купленная и заказанная на общій счетъ, съ общимъ взносомъ пряжи; постройка избушки—сушилки стоитъ развѣ только 2 рабочихъ дня; благо-

даря этому нѣтъ почти никакой разницы въ томъ, ловитъ ли Иванъ съ Петромъ и съ Федоромъ или съ кѣмъ другимъ. Артели болѣе постояннаго характера мнѣ пришлось встрѣтить лишь на Лекмозерѣ, Мошинскомъ озерѣ, на Воезерѣ и Укшозерѣ, на послѣднемъ передаютъ о рѣдкомъ случаѣ ловли одною артелью въ одномъ и томъ же составѣ въ продолженіи 7 лѣтъ; но и здѣсь, какъ повсемѣстно, откладыванія денегъ въ фондъ артели не существуетъ.

Надо сознаться къ тому же, что при общемъ обѣднѣніи Олонецкаго края рыбою, откладываніе такое является дѣломъ не легкимъ; фактъ же обѣднѣнія озеръ рыбою годъ отъ году становится очевиднѣе, такъ, напримѣръ, при верховьѣ рѣки Свири прежде ловилось до 40,000 сиговъ въ осень, теперь же не вылавливается и 20,000; на островахъ насупротивъ с. Толвуй на озерѣ Онежскомъ въ былое время была такая масса рыбацкихъ избушекъ, что издали можно было принять всю сумму этихъ избушекъ за громадную деревню, но вотъ рыбы стало мало и отъ избушекъ не осталось почти никакого слѣда. Жалобы на обѣднѣніе повсемѣстны и указываютъ на повсемѣстную нераціональность способовъ рыбной ловли; въ самомъ дѣлѣ масса рыбы вылавливается во время икромета, масса молоди ловится такими мелкими сѣтями какъ «мутникъ», «бродецъ», сакъ и т. п. Еще въ 1802 г. одинъ іеромонахъ Спасскаго монастыря Каргопольскаго уѣзда описывалъ этотъ губительный способъ ловли и посылалъ прошеніе Императору Александру I о запрещеніи мутниковъ [64]); въ 1858 г. были посланы на заключеніе начальниковъ губерній правила, выработанныя экспедиціею Бера; они гласили, что ячеи невода и другихъ сѣтей не должны безъ особаго на то разрѣшенія имѣть менѣе полувершка въ квадратѣ; несмотря на то мутникъ, давно признанный бичемъ рыбы, мутникъ, имѣющій ячеи не въ полвершка въ квадратѣ, а до 100 ячей въ квадратномъ вершкѣ, до сихъ поръ существуетъ въ Олонецкой губерніи и распространяется все болѣе и болѣе; такъ, напримѣръ, на Ковжозерѣ зимними неводами ловятъ около 100 лѣтъ, лѣтними около 150 лѣтъ, а мутникъ появился лишь 70 лѣтъ тому назадъ, будучи принесенъ съ Новозерской ярмарки крестьяниномъ Доронею, и съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе распространяется; на Укшозерѣ мутниками недавно еще ловило одно Корельское населеніе, а теперь начинаетъ ловить и русское. На Водлозерѣ уже въ 1872 г. [65]) насчитывалось до 70 штукъ мутниковъ, вылавливающихъ до 1000 четвериковъ ершей на сумму до 300—400 руб. На озерѣ Лачъ при одномъ устьѣ рѣки Ольги И. С. Поляковъ [66]) насчиталъ до 60 мутниковъ, тогда какъ за 50 лѣтъ до его изслѣдованія ихъ было только 2; на всемъ озерѣ Лачъ насчитывали въ 1865 г. до 300 мутниковъ [67]). Нежели хоть на одинъ этотъ снарядъ не будетъ наложено запрещеніе? тѣмъ болѣе, что, по словамъ Полякова, рыбаки сами сознаютъ пользу запрещенія этой сѣти.

Упадокъ промысла между тѣмъ только усиливаетъ кабалу; мы видимъ, напримѣръ, что въ Челмужахъ, а точно также и въ с. Вознесенская

пристань, благодаря хорошимъ уловамъ, является много желающихъ купить рыбу, а потому рыбакъ всегда можетъ перейти къ тому, кто дороже даетъ; мало того, если онъ даже и находится въ кабалѣ, то кредиторъ изъ опасенія перехода его къ другому лицу поостережется давать ему плохой товаръ изъ лавки или уменьшить произвольно цѣну на рыбу; совсѣмъ другое дѣло, если уловы плохи; желающихъ покупать тогда уже становится меньше, потому что рыба не обѣщаетъ хорошаго торговаго оборота, часть богачей переходитъ или къ скупанію продуктовъ другаго сорта или вообще берется за другія предпріятія, оставшееся же на долю рыбаковъ меньшинство начинаетъ жесточе, безжалостнѣе эксплуатировать рыбаковъ; тѣмъ страшнѣе эта эксплуатація, если рыбаки живутъ вдали отъ рынка. Доставка рыбы изъ такихъ мѣстностей сопряжена со страшными затрудненіями и убытками, требуетъ массу времени, и тѣмъ легче конечно попасть рыбѣ къ скупщику; по выкладкамъ, напримѣръ, свѣдущихъ туземцевъ доставка рыбы съ Водлозера въ Каргопольскій уѣздъ вмѣстѣ съ переѣздомъ туда и обратно отнимаетъ у жителей до 400—600 р. ежегодно, что, какъ говоритъ Поляковъ [68]), сравнительно вѣроятно: «они должны спустить лодки съ грузомъ по рѣкѣ Водлѣ чрезъ 17 главныхъ пороговъ! затѣмъ въ вершинахъ рѣки Черевы, поднявшись противъ теченія, около деревни Заволочье, они оставляютъ свои лодки и ѣдутъ на чужихъ за плату или перевозятъ кладъ на наемныхъ лошадяхъ на протяженіи 5 верстъ по волоку и заготовляютъ на рѣкѣ Волошкѣ свои собственныя лодки. Назадъ, обмѣнявъ рыбу по большей части на хлѣбъ, они возвращаются еще съ большими трудностями, перевозятъ хлѣбъ на наемныхъ лошадяхъ чрезъ волокъ, поднимаются вверхъ по рѣкѣ Валеѣ чрезъ ея пороги».

О такой же дорогѣ П. П. Петровъ разсказываетъ такъ [69]): «съ Водлозера скупщики собираютъ частью сушеную, частью соленую рыбу и везутъ въ Каргопольскій уѣздъ на Троицкую и Ивановскую ярмарку на лодкахъ, вмѣщающихъ по 50 пудовъ [70]) рѣкою Черевою до Малаго волока; сдѣсь лодки и грузъ перевозятъ горою 4 версты, затѣмъ сплавляютъ озеромъ Воложевымъ, рѣкою Понею, Конозеромъ, рѣками Кеною и Онегою до Троицкаго погоста Каргопольскаго уѣзда и здѣсь уже продаютъ барышникамъ. Такой путь крайне затруднителенъ и значительно понижаетъ цѣну рыбы на мѣстѣ вылова». Не мало мѣстъ въ Олонецкой губерніи по отношенію къ доставкѣ рыбы на рынокъ, стоящихъ въ такомъ же положеніи, какъ Водлозеро; найдутся даже такія, положеніе которыхъ и еще того безотраднѣе; между тѣмъ, разница между цѣнами рынковъ и цѣнами на мѣстѣ заслуживаетъ того, чтобы рыбаки сами, устранивъ посредство скупщиковъ, устроили артельную доставку рыбы прямо на рынки. Соотношеніе цѣнъ рыночныхъ съ цѣнами на мѣстѣ таково [71]):

	Рыба свѣжая.				Рыба соленая.				Рыба вяленая.				Рыба сушеная.			
	На мѣстѣ.		На рынкѣ.		На мѣстѣ.		На рынкѣ.		На мѣстѣ.		На рынкѣ.		На мѣстѣ.		На рынкѣ.	
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р.
Мелочь .	— 20	— 50	— 40	1 25	— 25	— 30	— 50	— 60	1 —	1 20	1 20	1 50	1 —	1 50	1 50	2
Сигъ . .	1 —	2 —	2 —	3 —	1 20	1 80	1 80	3 —	— —	— —	— —	— —	1 50	2 50	2 50	3
Щука . .	— 30	— 75	1 —	1 25	— 40	— 50	— 60	1 20	1 10	1 30	1 30	1 60	— —	— —	— —	—
Судакъ . .	1 —	1 75	1 40	2 —	1 10	1 75	1 50	2 —	1 20	1 75	1 50	2 —	— —	— —	— —	—
Лещъ . . .	— 60	1 —	— 80	1 20	— 80	1 20	1 —	1 50	1 —	1 50	1 25	1 75	— —	— —	— —	—
Палья . .	1 10	1 50	1 50	2 —	1 25	1 60	1 60	2 30	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	—
Лосось . .	3 —	— —	5 —	6 —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	—

Мы видимъ такимъ образомъ, что высшія цѣны рынка нерѣдко превосходятъ мѣстныя цѣны въ $1^1/_2$ и 2 раза, низшія цѣны рынка превосходятъ таковыя же на мѣстѣ въ $1^1/_2$, 2 раза и даже втрое (щука свѣжая 30 к. и 1 р.), слѣдовательно и отношеніе среднихъ цѣнъ на мѣстѣ къ среднимъ цѣнамъ на рынкѣ будетъ приблизительно тоже самое, т. е. какъ 1 къ $1^1/_2$—2; высшія цѣны на мѣстѣ равны приблизительно низшимъ на рынкѣ.—Помня задолженность рыбака, помня, что кулакъ понижаетъ цѣну рыбы, дѣлая ее иногда ниже низшей изъ существующихъ въ томъ же районѣ, мы должны признать, что если и случается иногда скупщику продать привезенную имъ рыбу по низшей цѣнѣ, то покупка рыбы на мѣстѣ по высшей мѣстной цѣнѣ крайне рѣдка; напротивъ въ силу той же задолженности рыбака онъ покупаетъ всегда по низшей; значитъ при продажѣ той же рыбы по низшей рыночной онъ выручитъ больше въ $1^1/_2$ раза, а изрѣдка даже въ 2 раза; при продажѣ той же рыбы по высшей рыночной — а это можетъ имѣть мѣсто, благодаря тому, что цѣнности на рынкѣ и цѣнности на мѣстѣ обусловливаются причинами различными какъ количественно, такъ и качественно— скупщикъ выручитъ всегда вдвое, втрое (щука соленая 30 коп. 1 р.), иногда въ 4 раза (щука свѣжая 30 коп. и 1 р. 25 к.) и даже въ 6 разъ (мелочь свѣжая 20 к. и 1 р. 25 к.); но выгода скупщика будетъ намъ представляться еще болѣе грандіозною, если мы вспомнимъ, что, напримѣръ, на Выгозерѣ при низшей цѣнѣ на икру въ 5 р. 50 к. за пудъ, кулакъ платитъ лишь 4 р., что на Ковжозерѣ при цѣнѣ на судака въ 3 р. 20 к. онъ платитъ лишь 1 р. 80 к., что, наконецъ, на Логмозерѣ вмѣсто 12 рублей лишь 7 рублей! «Но выгоды, говоритъ И. С. Поляковъ [72]), возросли бы до громадныхъ размѣровъ, если бы скупщики рыбы, напримѣръ, съ Водлы нашли возможность доставлять рыбу живою въ садкахъ, о которыхъ здѣсь почти не имѣютъ понятія, въ С.-Петербургъ, гдѣ стоимость живаго сига отъ 40 коп. до 75, а здѣшніе сиги могли бы безъ исключенія разсчитывать на болѣе высокую цѣну, такъ какъ величина ихъ колеблется отъ $1^1/_2$ ф. до 5 ф. Итакъ, заключаетъ Поляковъ, если шальскіе скупщики рыбы довольствуются меньшимъ процентомъ сравнительно съ тѣмъ, который могъ бы существовать, то это только по ихъ же недальновидности и невѣжеству».

Посмотримъ въ заключеніе, въ чемъ выразилась борьба крестьянина-артельщика съ безрыбицею, а также и съ посредниками между нимъ и рынкомъ? Важно знать, стоитъ ли артельщикъ, покорно принимая удары капитализма, безпомощно опустивъ руки и голову и не двигаясь ни на пядь дальше? такъ ли это? не дѣлаетъ ли онъ попытки къ движенію? Если это есть, то важенъ малѣйшій фактъ въ этомъ родѣ; начавшееся движеніе не должно остановиться, оно должно идти дальше, расти, крѣпнуть!

Въ Олонецкой губерніи найдется не одно озеро, гдѣ постепенное обѣднѣніе озера рыбою закончилось наконецъ полнымъ безрыбьемъ; но не

вездѣ крестьяне мирились съ этимъ обѣдненіемъ; такъ, напримѣръ, «изъ большого озера Пудозера въ давнія времена, сообщаетъ Г — ій, прокопана крестьянами неширокая канавка въ озеро Онего, сажень въ 300 длины. Сдѣланъ этотъ каналъ для того, чтобы увеличить выгоды рыболововъ. И дѣйствительно, чрезъ эту канаву изъ Онежскаго озера въ Тудозеро во время весенняго половодья, говорятъ, въ иные годы приходятъ сига, окуня, щуки и проч. видимо-невидимо. Эта канавка сообща закрыта крестьянами деревень: Устья, Щокиной, Насоновой и др. селъ, расположенныхъ вокругъ озера, въ общемъ называющихся Тудозерскимъ приходомъ». Точно такія же канавки, и съ той же цѣлью прорытыя изъ Онежскаго озера въ рѣку Вытегру, мнѣ приходилось видѣть неоднократно. Какъ на Тудозерѣ, такъ и здѣсь рыба по проложенному человѣческими руками пути входила и наполняла озеро, но въ Заонежьѣ обыватели Вирозера устроили то же почти, но уже иначе: рыбаки Вирозера, принужденные безрыбьемъ ихъ озера странствовать по окрестнымъ озерамъ, лѣтъ 10 тому назадъ собрались въ одно изъ воскресеній всѣ вмѣстѣ, захватили съ собою сѣти и отправились на Корасъ-озеро, наловили около $^1/_2$ пуда рыбы, пронесли ее живую въ корзинахъ разстояніе около 20 верстъ и всю спустили въ свое озеро; послѣ этого дали зарокъ не ловить этой рыбы въ Вирозерѣ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, дали ей расплодиться, и Вирозеро опять стало рыбнымъ озеромъ; по примѣру обывателей Вирозера, обыватели села Толвуй точно также развели рыбу въ небольшомъ озерѣ, находящемся насупротивъ деревни Погоста, на другой сторонѣ залива.

«О нѣкоторыхъ озерахъ близь Святозера, въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, пишетъ Георгіевскій [73]), извѣстно, что рыба въ нихъ разведена искусственно, т. е. живою принесена изъ большихъ озеръ». Такимъ образомъ оказывается, что искусственное разведеніе рыбы въ озерахъ, страдающихъ безрыбьемъ, является фактомъ не единичнымъ, и притомъ совершившимся не благодаря постороннему внушенію и велѣнію, а по личной иниціативѣ крестьянъ-рыбаковъ. Возить рыбу ежедневно на рынокъ, хотя бы даже на разстояніи десяти верстъ отъ мѣста ловли, затруднительно какъ отдѣльной семьѣ, такъ и отдѣльной артели, въ родѣ, напримѣръ, «невода», «керегода» и т. п.; на дорогу туда и обратно нагруженной лодкѣ необходимо около 5 часовъ; при большемъ разстояніи дѣло доходитъ до того, что такіе переѣзды являются уже прямо невозможными ни для семьи, ни для «невода», ни для «керегода», и вотъ артели озера Лачъ, какъ «керегодныя», такъ и лѣтнія неводныя соединяются по нѣсколько артелей вмѣстѣ; ежедневно одна изъ нихъ по очереди везетъ словленную рыбу прямо на Каргопольскій рынокъ: для этого все количество «керегодовъ», ловящихъ на озерѣ Лачъ, дѣлится на десятки, и отъ каждаго десятка (а прежде отъ 12) керегодовъ точно такъ же, какъ и отъ каждыхъ 4-хъ лѣтнихъ неводовъ, ѣдетъ въ г. Каргополь ежедневно одна лодка (съ 3-мя человѣками), везя общую добычу 10 керегодовъ или 4

неводовъ, и распродаетъ ее тамъ; благодаря тому, что ежедневно одна лодка отсутствуетъ въ качествѣ коммиссіонера отъ артели; ловитъ, собственно говоря, уже не десять керегодовъ, а 9, не 4 невода, а три; за то рыбаки имѣютъ возможность продать рыбу по настоящей рыночной цѣнѣ, обходятся безъ невыгоднаго посредства «маркитановъ» - прасоловъ; такой способъ доставки настолько выгоднѣе посредства маркитановъ, что артель, ловя постоянно въ количествѣ 9 керегодовъ вмѣсто 10, производитъ между тѣмъ дѣлежъ не на 9, а на 10 керегодовъ; значитъ, отсутствующій керегодъ получаетъ пай за коммиссію, получаетъ, хотя бы ему пришлось пробыть въ г. Каргополѣ день и два; въ томъ случаѣ, если коммиссіонеры закутятъ и пробудутъ лишнее только благодаря этой причинѣ, то пая уже не получатъ; однажды дескредитировавшаяся лодка другой разъ въ Каргополь уже не посылается.

Логмозерская (Петрозаводскаго уѣзда) артель при «гарвахъ» и Сулашгорская неводная артель пошли еще дальше: они устроили доставку хотя и не живой рыбы въ садкахъ, но все же свѣжей рыбы, уложенной въ ящики со льдомъ, прямо къ петербургкимъ рыботорговцамъ; сдавъ рыбу на пароходъ [74]) въ видѣ посылки, рыбаки получаютъ отъ петербургскихъ рыботорговцевъ деньги, съ вычетомъ денегъ за провозъ съ пуда (около 40 к.), а также 10% за коммиссію; рыботорговцы сообщаютъ при этомъ счетъ, съ указаніемъ, за сколько продана рыба, и на какіе случаи сдѣланы вычеты. Рыбу въ г. Петрозаводскъ для сдачи на пароходъ везетъ обыкновенно одна лодка съ 2-мя человѣками, тогда какъ количество участвующихъ въ артели простирается отъ 5 до 12 человѣкъ; отсутствующіе замѣщаются обыкновенно кѣмъ либо изъ домашнихъ или же, если въ число очередныхъ входятъ «полупайки», т. е. внесшіе вдвоемъ одинъ пай, то одинъ ѣдетъ въ городъ, другой же заступаетъ его мѣсто въ ловлѣ.

Попытки противостоять посредству скупщиковъ и кабалѣ, этимъ, однако, не исчерпываются; артель старается оградить себя отъ кулака и въ отношеніи кредита; такъ, напримѣръ, артели Лекшмозера иногда, окончивъ зимнюю ловлю, иногда бываютъ принуждены заложить неводъ для обзаведенія сѣменами хлѣба; артель при этомъ никогда не отдастъ невода кулаку; она отдастъ его или кому либо изъ своихъ артельщиковъ побогаче, или вообще рыбаку какой либо рыболовной артели того же озера, и тотъ, возвращая осенью сѣть обратно, «столько же, сколько далъ, вычтетъ *по братски*»; вычетъ при этомъ производится не заразъ, а сообразно съ уловомъ.

Во многихъ артеляхъ, дѣлящихъ уловъ не рыбою, а деньгами, дается артельщику при нуждѣ, напримѣръ, «если прижмутъ за подати», 3, 4, 5 рублей въ долгъ изъ тѣхъ денегъ, которыя лежатъ у большака въ ожиданіи дѣлежа, т. е. изъ денегъ, накопляющихся въ продолженіе одной недѣли; дать больше артель обыкновенно не можетъ и, въ случаѣ, если кулакъ не соглашается дать находящемуся въ нуждѣ артельщику денегъ,

то она ручается за него круговою порукою, иногда приглашая кулака на дѣлежъ добычи (Ковжозеро, озеро Лачъ).

Круговой поруки нѣтъ, обыкновенно, въ артеляхъ, ловящихъ рыбу лишь для собственнаго потребленія, изъ артелей же, ловящихъ для продажи, единственнымъ исключеніемъ является артель Лекшмозера; артель эта ни за что не позволяетъ, ни сама себѣ отдать неводъ въ закладъ, ни отдѣльному члену взять въ долгъ у кулака: артель какъ нибудь переможется, соберетъ денегъ и выручитъ товарища; послѣ этого долго, но немного вычитается изъ пая, идущаго на задолжавшаго артели артельщика, и деньги возвращаются лицамъ, ихъ давшимъ.

Вотъ извѣстныя мнѣ мѣры артелей къ улучшенію своего положенія; до чего артель додумается, что будетъ дальше, покажетъ намъ время.

---

1) Сходкѣ.

2) Берутъ и отдѣльныя лица съ платою въ 2 р., 5 р., 25 р. и болѣе.

3) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. III, стр. 425—426.

4) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этн., т. III, стр. 432.

5) Данилевскій «Отчетъ экспедиціи», Сельское хозяйство. 1873 г., т. 113.

6) Продажа права на ловлю обозначается мѣстными жителями выраженіемъ «продать душу».

7) Тоже, что и «мерёжа»; описаніе—у Майнова: «Поѣздка въ Обонежье и Корелу», стр. 88.

8) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41. П. П. Петровъ, ст. «Рыбная ловля на Водлозерѣ», стр. 455.

9) Майновъ, описаніе мутника, стр. 84.

10) Описаніе у Майнова, стр. 86.

11) «Поѣздка въ Обонежье и Корелу», стр. 82.

12) Тамъ-же, стр. 77.

13) «Вытегорскія Кондужи», стр. 19.

14) «Сяброю» тамъ зовется и артель съ однимъ неводомъ, а также и то, что обыкновенно зовется рыбаками «сяброю».

15) «Рыболовныя артели на Вытегорскомъ устьи Онежскаго озера. «Живописн. Обозр.» 1877 г., № 45.

16) «Живоп. Обозр.» 1877 г., № 45.

17) Тоже что и «калега»; опис. у Майнова, стр. 86.

18) Палка съ утолщеннымъ концемъ.

19) Головень—елецъ.

20) На Ходкозерѣ, Пудожскаго уѣзда, какъ сообщилъ мнѣ лично Н. Н. Харузинъ, точно также одинъ доставляетъ лодку, другой матицу, и уловъ дѣлится поровну.

21) Въ Олонецкой губерніи встрѣчаются люди, спеціально занимающіеся плетеніемъ сѣтей; они обыкновенно совершаютъ переходы изъ одной мѣстности въ другую, подобно кирпичникамъ, сапожникамъ, портнымъ и прочему странствующему ремесленному люду; случается, что найдя мѣсто побогаче работою,

они переселяются туда со своей родины, подобно тому какъ, напр, старикъ Семенъ Боталинъ переселился съ Лекшмозера на оз. Нименское; раньше онъ лишь заходилъ туда, а теперь живетъ постоянно и занятъ плетеніемъ сѣтей какъ для обывателей озера Нименскаго, такъ и прочихъ сосѣднихъ съ нимъ озеръ.

22) Въ избушкахъ часто сушатся сѣти и артель спокойно уходитъ домой; лишь въ мѣстахъ, гдѣ много народу пришлаго, нанимается какой либо караульный—старикъ за 3—5 руб. въ мѣсяцъ.

23) Разницу въ цѣнѣ, наблюдаемую между восточнымъ и западнымъ берегомъ озера Лачъ, крестьяне объясняютъ тѣмъ, что «Тихманга стоитъ на почтовухѣ, а Ольга въ усторонкѣ».

24) Лицо, которое, сидя на кормѣ, тянетъ неводъ изъ воды.

25) Обязательно являться съ необходимыми орудіями.

26) Олон. Губ. Вѣд. 1869 г., № 92. Карачевъ, «Рыбная ловля на озерѣ Лачъ», стр. 977.

27) Тамъ-же.

28) Скупщики рыбы; при покупкѣ рыбы, напр., на Лекшмозерѣ рыба продается кому либо одному, а тотъ уже платитъ отъ себя всѣмъ пріѣхавшимъ для закупки же рыбы по 10 или по 20, т. н. «лаза».

29) «Живописное Обозр.» 1877 г., № 45.

30) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41.

31) По словамъ Карачева отъ 150 до 300 р. Олонецкія Губ. Вѣд. 1869 г., № 92.

32) Олон. Губ. Вѣд. 1869 г., № 92, стр. 977.

33) Тамъ-же.

34) Тамъ-же, стр. 978.

35) См. мою статью: «Поѣздка на Укшозеро». Ол. Губ. Вѣд. 1888 г., № 7.

36) Акты Историч., т. III, № 75.

37) «Живописн. Обозр.» 1877 г., № 45.

38) Кожаный фартукъ.

39) Въ зимнихъ неводахъ такого дѣлежа не бываетъ: 24 пая дѣлятся не между 12 человѣками, какъ пишетъ Данилевскій, а между 24 человѣками: «цѣна» состоитъ всегда изъ 24 лицъ.

40) Сообщено Н. Н. Харузинымъ.

41) На оз. Лачъ староста—кулакъ даетъ своему работнику должнику лишь 7 руб. за всю зиму.

42) Сообщено Н. Н. Харузинымъ.

43) Кринолинъ.

44) Акты Историч., т. V, № 5.

45) Озерецковскій: «Путешествіе по Ладожскому и Онежскому озерамъ въ 1792 г.».

46) То же, что и «продольникъ»; описаніе—у Майнова, стр. 90.

47) Распорядки артелей приблизительно таковы-же, какъ распорядки, описанные мною въ статьѣ «Артели Олонецкихъ чиновниковъ—рыболововъ», Новое Время 1888 г., № 4463.

48) Такъ, напр., артели озера Кемскаго арендуютъ у купца Громова два лѣсныхъ озера за 25 р.

49) «Путешествіе по Ладожскому и Онежскому озерамъ». Озерецковскій самъ

слышалъ такого рода объясненіе отъ артелей с. Ежесельги, ѣздившихъ въ Финскій заливъ для производства рыбной ловли.

50) Зимняя дорога въ с. Ялгубу.

51) Зап Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. III, стр. 435.

52) Олон. Губ. Вѣд. 1865 г., № 11, стр. 167.

53) Ялгубскій керегодъ до 100 р., а Косельгскій до 150.

54) Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. этн., т. IX, стр. 22—23.

55) Съ Онежскаго озера.

56) Олон. Губ. Вѣд. 1858 г., № 44.

57) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн., т. III, стр. 427.

58) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41, стр. 455.

59) Зап. Имп. Русск. Общ. по отд. этн., т. III, стр. 436.

60) Дейтеръ, «Изъ лѣтнихъ экскурсій въ Онежское озеро», стр 17.

61) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн., т. III, стр. 421.

62) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ , т. III, стр. 431.

63) «Живописное Обозр.» 1877 г., № 45.

64) Просьба напечатана въ Олон. Губ. Вѣд. 1862 г., №№ 12—13.

65) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41, стр. 455.

66) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. IX, стр. 22—23.

67) Олон. Губ. Вѣд. 1865 г., № 11, стр. 167.

68) Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. III, стр. 438.

69) Олон. Губ. Вѣд. 1872 г., № 41.

70) Такихъ лодокъ ежегодно проходитъ до 40 штукъ.

71) Пам. книжка Ол. Губ. 1866 г., «Матеріалы для изученія рыболовства и охоты», стр. 54—55.

72) Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., т. III, стр. 431.

73) Олон. Губ. Вѣд. 1888 г., № 17. «Святозеро», стр. 156.

74) 3 раза въ недѣлю.

Г. И. Куликовскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Е. Якушкинъ. *Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX в.* Выпускъ первый. XVIII вѣкъ. Москва, 1890, стр. VIII + 204 + 150. Ц. 2 руб.

Предметъ изслѣдованія расположилъ автора коснуться тѣхъ попытокъ, которыя дѣлаются въ наше время съ цѣлью утилизаціи явленій историческаго прошлаго для нѣкоторыхъ практическихъ цѣлей. Во вступленіи В. Е. Якушкинъ занимается разборомъ извѣстнаго петровскаго указа о единонаслѣдіи отъ 23 марта 1714 г. Извѣстно прежнее нападеніе на этотъ законъ, который будто бы «лишилъ государство важныхъ преимуществъ, съузилъ, умалилъ поземельныя права его». Въ противоположность прежнимъ нападкамъ въ настоящее время стали относиться сочувственно къ пунктамъ 1714 г., но сильно злоупотребляя въ его толкованіи. Начинаютъ восхвалять эти пункты за то, что они яко-бы имѣли цѣлью создать у насъ крупную поземельную аристократію. В. Е. Якушкинъ, слѣдуя Неволину и совершенно убѣдительно доказавъ, что пункты 1714 г. вовсе не преслѣдуютъ такой цѣли, прибавляетъ (стр. 7): «характерная черта нашей внутренней жизни за послѣдніе годы, это—замѣтное оживленіе дворянскихъ стремленій; между прочимъ, вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оффиціальные представители дворянства и добровольные защитники его интересовъ выступаютъ съ проектами объ установленіи заповѣдныхъ имѣній, при чемъ много говорится о благихъ достоинствахъ петровскихъ пунктовъ и о томъ, что современные проекты о маіоратныхъ или заповѣдныхъ имѣніяхъ очень близки, будто бы, къ закону Петра,—«возстановляютъ его принципы». Интересъ изслѣдованія сосредоточивается впрочемъ на чисто-научномъ его элементѣ. Первая часть сочиненія г. Якушкина, «ограниченія землевладѣльцевъ въ пользованіи», вся основана на К. А. Неволинѣ, и самъ авторъ называетъ эту первую часть «новымъ пересказомъ интересной исторіи нашей поземельной политики». Хотя авторъ вполнѣ самостоятельно изучилъ Полное Собраніе Законовъ, однако основная мысль, проходящая чрезъ всю эту

первую часть, взята у К. А. Неволина и только болѣе рѣзко выставлена на первый планъ: «право государства ограничивать частное землевладѣніе ради государственныхъ и общественныхъ цѣлей», какъ общій принципъ, «широко и разнообразно примѣнялось въ XVIII в., особенно же при Петрѣ Великомъ» (стр. 45. Ср. сочин. К. А. Неволина, т. IV, стр. 323). Параллельное изученіе первой части сочиненія В. Е. Якушкина и нѣкоторыхъ главъ IV тома собранія сочиненій К. А. Неволина показываетъ, что авторъ съ одной стороны нѣсколько отступилъ отъ плана К. А. Неволина, а съ другой кое-что опустилъ изъ этого плана. Чтобы не расширять предѣловъ нашей рецензіи, укажемъ только, что справедливость нашего замѣчанія легко провѣрить простымъ бѣглымъ просмотромъ оглавленія къ 1 части (т. е., стр. 16 — 78) сочиненія В. Е. Якушкина и оглавленія къ IV тому собранія сочиненій К. А. Неволина (Спб. 1857, главнымъ образомъ, стр. XI и XII) [1]).

Вторая часть (стр. 79 — 204), занимающая главное мѣсто въ сочиненіи, посвящена *поземельному надѣлу*, ради изслѣдованія вопросовъ о которомъ собственно и написано все сочиненіе. Вопросъ о поземельномъ надѣлѣ, по мнѣнію В. Е. Якушкина, долженъ занимать совершенно самостоятельное мѣсто въ исторіи нашей аграрной политики. Его не стоитъ приводить въ прямую связь ни съ вопросомъ о положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, ни съ вопросомъ объ ихъ освобожденіи. «Мы имѣемъ дѣло, говоритъ авторъ, не съ поземельнымъ надѣломъ крестьянъ, а съ поземельнымъ надѣломъ вообще, какъ основнымъ факторомъ всей нашей экономической и финансовой политики въ XVIII и въ XIX в.» (стр. 80). Историко-юридическій процессъ, изучаемый въ настоящемъ сочиненіи, представляется въ видѣ непосредственной смѣны (конечно, съ промежуточными звеньями) *помѣстнаго надѣла* древне-русскаго дворянства и низшихъ служилыхъ людей *поземельнымъ надѣломъ крестьянина-плательщика*. Благодаря этому процессу, русское правительство «вмѣсто помѣстнаго служилаго надѣла стало заботиться о надѣлѣ земледѣльческомъ, перенеся на него всѣ выработанные пріемы, всѣ установившіяся требованія» (стр. 182). Указанный процессъ завершился въ XVIII в., когда систематическая охрана помѣстнаго служилаго надѣла смѣнилась заботой объ обезпеченіи извѣстнаго поземельнаго надѣла крѣпостному крестьянству, которая перешла въ нѣсколько новомъ одѣяніи и въ XIX вѣкъ. Отсюда несомнѣнная преемственная связь нашей поземельной политики XIX в. съ политикой XVIII в., унаслѣдовавшей отъ XVII в. и въ свою очередь усилившей, особливо при Петрѣ I, обширныя госу-

---

1) Авторъ совершенно основательно выдѣлилъ въ особую рубрику условія, при которыхъ государство XVIII вѣка пользовалось частно-владѣльческимъ лѣсомъ. О первой части нельзя еще не замѣтить, что авторъ не скупится на выписки изъ П. С. З.: см. стр. 34, 35, 39, 42; см. также, стр. 113, 116, 117, 118, 123, 129 и др.

дарственныя права въ области поземельныхъ отношеній. Въ нашемъ вѣкѣ дѣйствуютъ элементы, которые въ основаніи своемъ сложились и дѣйствовали уже въ XVIII в. (стр. 202). Крестьянскій поземельный надѣлъ былъ связанъ съ финансовыми интересами государства; онъ опредѣлялся цѣлями обезпеченія быта и податей. Такъ ясно было сознано значеніе крестьянскаго надѣла и опредѣлена его цѣль. Таковы основныя положенія новаго сочиненія В. Е. Якушкина, интереснаго по затронутому въ немъ вопросу и снабженнаго 150 страницами приложеній документовъ изъ архива министерства юстиціи. Но нигдѣ авторъ не дѣлаетъ точнаго опредѣленія того, что онъ разумѣетъ подъ терминомъ «*поземельный надѣлъ*». Предполагая лишнимъ дать формулу «поземельнаго надѣла», авторъ дѣлитъ это понятіе на два основныхъ: надѣлъ служилый (помѣстный, дворянскій) и надѣлъ крестьянскій. Что такое помѣстный надѣлъ? Авторъ находитъ его въ помѣстной системѣ, говоря, что «существенною чертою помѣстной системы является забота о равномѣрномъ и соотвѣтственномъ распредѣленіи этого (т. е. земельнаго) вознагражденія, т. е. другими словами, о равномѣрномъ *помѣстномъ надѣлѣ*» (стр. 81). Этимъ ограничивается въ книгѣ опредѣленіе помѣстнаго надѣла. На слѣдующей страницѣ, однако, читаемъ слѣдующія строки: «каждому разряду служилыхъ людей соотвѣтствовалъ опредѣленный размѣръ *помѣстнаго оклада*. Такъ Уложеніе прямо указываетъ размѣръ *помѣстныхъ дачъ*», и далѣе (на 83 стр.) «но этого еще мало было опредѣлить размѣръ помѣстной дачи», и еще далѣе (на стр. 95) «помѣстная система... вызывала въ правительствѣ постоянную и внимательную заботливость о соразмѣрности и справедливости помѣстныхъ дачъ, о равномѣрности служилаго поземельнаго надѣла». Приведенныя мѣста не разъясняютъ дѣла, не даютъ формулы «помѣстнаго надѣла» и смущаютъ читателя. Изъ указанныхъ мѣстъ прямо слѣдуетъ, что «помѣстный окладъ»=«помѣстная дача»=«помѣстный надѣлъ». Но отождествлять «дачу» и «окладъ» отнюдь нельзя. Это—весьма крупная юридическая ошибка. Дача и окладъ—двѣ величины порою совершенно несоизмѣримыя. Можно было имѣть очень большой *окладъ*, но не имѣть въ пользованіи ни одного клочка земли. Если помѣстный окладъ и представлялъ нѣчто самостоятельное (я сравнилъ бы его съ чиномъ по табели о рангахъ), то помѣстная дача—полная раба цѣлаго ряда условій и прежде всего, конечно, оклада. Помѣстная дача—нѣчто до того разнообразное, до того неуловимое, что о какой либо равномѣрности не можетъ быть и рѣчи. Въ противность словамъ В. Е. Якушкина, мы утверждаемъ, что въ московскомъ законодательствѣ *никогда не было опредѣленія помѣстныхъ дачъ*. Признавать помѣстную дачу за надѣлъ (понимая послѣдній въ смыслѣ опредѣленнаго нормальнаго участка) невозможно, потому что она никогда не опредѣлялась въ законѣ, всегда была случайностью, большею частью не зависѣла отъ воли правительства. Можетъ быть за помѣстный надѣлъ можно признать помѣстный окладъ?

Но 1) помѣстный окладъ—нѣчто отвлеченное, и 2) весьма неустойчивое для одного и того же лица одной и той же группы. Въ одномъ и томъ же служиломъ разрядѣ, испомѣщенномъ въ одной и той же мѣстности, могло быть безконечное разнообразіе въ окладахъ [2]) (и въ дачахъ, можемъ кстати прибавить). Окладъ могъ и повышаться, и понижаться для отдѣльныхъ лицъ одной и той же группы. Недоросль, поверстанный въ службу, получалъ новичный помѣстный окладъ; послуживъ нѣсколько лѣтъ, онъ получалъ прибавку; удачно ходилъ въ походъ — еще прибавка; бѣжалъ со службы—въ окладѣ убавка. Таковы ли свойства земельнаго надѣла? Думаемъ, что нѣтъ. Думаемъ, что отождествленіе помѣстнаго оклада съ земельнымъ надѣломъ невозможно. Если дача стояла въ зависимости отъ вотчины, а окладъ отъ чина и личныхъ качествъ служилаго человѣка, то объ отождествленіи съ надѣломъ не можетъ быть и рѣчи. Это—три понятія несоизмѣримыя. В. Е. Якушкинъ, смѣшавъ дачу и окладъ, игнорировалъ также отношеніе помѣстья къ вотчинѣ. О надѣлѣ скорѣе еще можно говорить по отношенію къ служилымъ людямъ «по прибору». Если В. Е. Якушкинъ смѣшалъ «окладъ» и «дачу», то, повидимому, мы будемъ правы, говоря, что онъ смѣшалъ «кормовыя деньги» съ «денежнымъ окладомъ» (см. стр. 89) [3]), да и вообще не совсѣмъ точно представилъ роль денежнаго жалованья (денежную дачу и денежный окладъ также слѣдуетъ различать). Точно также смѣшалъ В. Е. Якушкинъ (стр. 99) низшихъ служилыхъ людей «по прибору» съ однодворцами, которые, по нашему мнѣнію, были обычными провинціальными дворянами [4]), жившими «однодворкомъ» (въ первой половинѣ XVII вѣка въ Бѣлгородѣ, Ельцѣ, Черни, Тулѣ) и имѣвшими помѣстныя дачи (не оклады) нерѣдко болѣе 100 четвертей въ полѣ. Что касается засѣчныхъ сторожей, о которыхъ говоритъ В. Е. Якушкинъ (стр. 115), то о нихъ можно замѣтить, что въ XVII в. то были мелкіе помѣщики, имѣвшіе право владѣть крестьянами. Изъ просмотрѣнныхъ нами нѣсколькихъ *неизданныхъ* еще отказныхъ грамотъ помѣстнымъ засѣчнымъ сторожамъ видно, что помѣстныя дачи ихъ большею частію состояли изъ 5 — 25 четвертей въ полѣ (въ нынѣшнихъ Калужской, Тульской, Рязанской губерніяхъ), что у нихъ были и помѣстные оклады [5]), что у нихъ было и нераздѣльное владѣніе землей и владѣніе въ одной круглой межѣ.

Не станемъ останавливаться еще на нѣкоторыхъ подробностяхъ, тре-

---

2) Объ окладахъ см. еще въ моемъ изслѣдованіи объ «Указной книгѣ пом. приказа». М. 1889.

3) О денежномъ жалованьѣ см. мою статью о десятняхъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1890 г. № 3.

4) См. нашу замѣтку въ «Юридич. Вѣстникѣ» 1889 г., № 12.

5) Это видно изъ слѣдующаго текста (М. А. М. Ю. III Писцов. № 416 л. 809): «за засѣчную сторожевую службу въ государево жалованье противъ ево братьи засѣчныхъ сторожей въ *помѣсной окладъ* вмѣсто четвертной пашни» мельницу.

бующихъ, по нашему мнѣнію, разъясненій. На стр. 4, напримѣръ, авторъ говоритъ, что вотчины *нерѣдко* давались въ извѣстномъ отношеніи къ помѣстному окладу. Намъ кажется, что правильнѣе было бы сказать *всегда* жаловались въ извѣстномъ къ нему отношеніи.

Двѣ, три опечатки требуютъ исправленія. Такъ на стр. 3 вмѣсто «отношеніяхъ» надо читать, конечно, «ограниченіяхъ»; на стр. 9 строка 16 сверху неизвѣстно къ чему относится слово «дѣйствительными»; на стр. 57 въ двухъ случаяхъ стоитъ XVII вѣкъ вмѣсто XVIII в. Первая и послѣдняя опечатки легко введутъ въ заблужденіе читателя не спеціалиста.

Въ заключеніе мы замѣтимъ, что въ крайне любопытномъ сочиненіи В. Е. Якушкина, которое прочтется публикою съ большимъ интересомъ, мы *безусловно несогласны* съ основною мыслью автора объ отождествленіи «помѣстнаго надѣла» съ окладомъ или дачей; авторъ не далъ намъ юридическаго опредѣленія этихъ трехъ понятій, но смѣшалъ ихъ вмѣстѣ, отнесся неосторожно къ нѣкоторымъ юридическимъ терминамъ и понятіямъ, и наконецъ, слишкомъ слабо и неумѣло коснулся политики XVII вѣка. Все это въ сущности произошло отъ методологической ошибки: авторъ *не* исходитъ изъ точныхъ опредѣленій, а это невозможно въ историко-юридическомъ трактатѣ.

В. Н. Сг—въ.

А. А. Кауфманъ. *Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Ишимскаго округа, Тобольской губерніи. Изданіе министерства государственныхъ имуществъ, вып. 3 и 5*, С.-Пб., 1889 г.

Послѣ блѣдныхъ и неполныхъ работъ гг. Патканова и Пчелина по девяти волостямъ Тюменскаго округа, составляющихъ первые два выпуска названнаго изданія, трудъ г. Кауфмана производитъ, по своей обстоятельности и глубинѣ, особо пріятное впечатлѣніе. Какъ извѣстно, изслѣдователи хозяйственнаго положенія населенія Тобольской губерніи раздѣлили ее на раіоны, при чемъ каждый изъ изслѣдователей дѣйствовалъ въ своемъ раіонѣ совершенно независимо отъ прочихъ своихъ товарищей; бо́льшая или меньшая обстоятельность работъ зависѣла, въ данномъ случаѣ, конечно, только отъ личныхъ качествъ изслѣдователя, и эта децентрализація статистическихъ операцій какъ нельзя лучше выказываетъ свои дурныя стороны въ коллекціи изданныхъ уже трудовъ.

Сплошной подворной переписи въ Тобольской губерніи не производилось. Изслѣдователи намѣчали себѣ по нѣсколько пунктовъ въ различныхъ раіонахъ уѣзда (раіоны предполагались существующими со словъ знающихъ людей и нѣсколькихъ крестьянъ, которые созывались изъ разныхъ селеній волости въ одинъ пунктъ), и въ нихъ производили перепись по программамъ, остающимся читателямъ названныхъ трудовъ неизвѣстными; поскольку можно судить изъ изложенія предмета, эти программы очень не-

полны, такъ какъ многіе вопросы остаются безъ освѣщенія ихъ цифровыми данными даже по тѣмъ небольшимъ группамъ селеній, въ коихъ была произведена подворная перепись. Такъ, характеризуя распредѣленіе душевыхъ надѣловъ среди домохозяевъ, г. Кауфманъ вынужденъ дѣлать свои заключенія на основаніи данныхъ только по 73 селеніямъ, въ коихъ имѣется не болѣе 35 т. душъ об. п., тогда какъ во всемъ округѣ—около 250 т. душъ; кромѣ того, представляя табличку, относящуюся къ *наличному* населенію этихъ 73 пунктовъ (безземельныхъ и на пропитанномъ надѣлѣ—$9,_2{}^0/_0$ дворовъ, однодушныхъ и двудушныхъ—$66,_9{}^0/_0$, 3, 4 душныхъ—$21,_3{}^0/_0$, 5 и болѣе душныхъ—$2,_6{}^0/_0$), изслѣдователь совсѣмъ обходитъ вопросъ о землевладѣніи *отсутствующаго* населенія, нужно полагать—почти сплошь безземельнаго. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, трудъ г. Кауфмана выполненъ, въ предѣлахъ возможнаго, весьма удовлетворительно и заключаетъ въ себѣ массу интереснѣйшихъ данныхъ, особенно—описательнаго характера. Нѣкоторыми изъ нихъ, преимущественно правоваго и бытоваго порядка, наиболѣе соотвѣтствующими характеру нашего журнала, мы подѣлимся съ читателями настоящей библіографической замѣтки.

Населеніе Ишимскаго округа—почти сплошь русское; небольшія группки инородцевъ (татаръ, бухарцевъ и киргизовъ) совершенно теряются въ массѣ русско-сибирскаго крестьянства. Среди этого послѣдняго, особенно—южной части округа, встрѣчается довольно много переселенцевъ изъ Россіи, осѣвшихъ здѣсь еще на памяти нынѣшняго поколѣнія; особенно замѣчательны поселенія «бывшихъ панцырныхъ бояръ», пришедшихъ сюда изъ Витебской губерніи, лѣтъ сорокъ назадъ, и тѣмъ не менѣе хорошо сохранившихъ свои бытовыя особенности; также отстояли свой типъ, одежду, систему земледѣлія и прочіе малороссы, образовавшіе одну деревню; всѣ же прочіе переселенцы изъ Воронежской, Курской, Рязанской, Орловской и другихъ губерній—совершенно слились въ бытовомъ отношеніи съ старожилами, заимствовали у нихъ всѣ пріемы земледѣльческаго хозяйства, и очень мало, или вѣрнѣе—ничего не привнесли своего. Переселенцы, вообще, сильно бѣдствовали первое время по приходѣ на новыя мѣста; многія партіи первые годы «поддерживали свое существованіе хожденіемъ по міру». Отношеніе старожиловъ къ новоселамъ было далеко не радушно; земельные споры между этими двумя группами не прекращались до послѣдняго времени. Къ сожалѣнію, никакихъ цифровыхъ данныхъ по переселенческому вопросу мы у г. Кауфмана не находимъ.

Оффиціальныя данныя о числѣ ссыльныхъ по 25 волостямъ округа (по 9 волостямъ нѣтъ данныхъ) представляютъ этотъ вопросъ въ слѣдующемъ видѣ. На 58,769 душъ ревизскихъ крестьянскихъ состоитъ на причисленіи ссыльныхъ 17,147 д., т. е. на 100 д. крестьянскихъ приходится ссыльныхъ 29; но по отдѣльнымъ волостямъ процентное отношеніе причисленныхъ ссыльныхъ колеблется очень значительно, отъ 4 до

61%, при чемъ «распредѣленіе ссыльныхъ между волостями не находится ни въ какомъ соотношеніи съ качествомъ угодій той или другой волости, со способностью этихъ угодій обезпечить существованіе бо́льшаго или меньшаго населенія». Между отдѣльными селеніями каждой данной волости, говоритъ авторъ, замѣчается столь же неравномѣрное распредѣленіе ссыльныхъ, ибо «оно предоставляется усмотрѣнію волостной администраціи, которая въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ совершенно произвольно и чаще всего руководится корыстными соображеніями». Какъ и слѣдуетъ ожидать, въ результатѣ отъ такой постановки дѣла оказывается, что 8,564 души ссыльныхъ, или 50% общаго ихъ числа, находится въ безвѣстной отлучкѣ, т. е. въ бѣгахъ; изъ остальныхъ 50%—около 20% находится въ отлучкѣ по паспортамъ, и только процентовъ тридцать общаго числа ссыльныхъ состоитъ на лицо. Далѣе, изъ этихъ тридцати процентовъ—менѣе половины сѣятъ хлѣбъ, хотя бы въ размѣрѣ до одной десятины; вообще же, говоритъ авторъ, едва ли болѣе сотни изъ всѣхъ зарегистрованныхъ на лицо поселенцевъ (1,085 душъ въ 87 селеніяхъ) могутъ быть признаны за настоящихъ хлѣбопашцевъ; столь же ничтожно колонизаціонное значеніе ссыльныхъ: въ этихъ 87 селеніяхъ оказалось только 123 хозяйства, принадлежащія второму отъ ссыльныхъ поколѣнію. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что источникомъ существованія ссыльныхъ оказывается, главнымъ образомъ, поденная и срочная работа по найму у крестьянъ, которые не упускаютъ случая поприжать голодный людъ и часто платятъ ему «вполовину дешевле противъ работниковъ изъ крестьянъ одного съ ними возраста и силы».

Весьма цѣнны данныя, характеризующія формы землевладѣнія въ этой мѣстности. Общинныя начала пользованія сказываются, и довольно рельефно, на всемъ протяженіи Ишимскаго округа. Въ нѣсколькихъ волостяхъ наблюдаются еще волостныя земельныя общины, главнымъ образомъ—по отношенію къ угодьямъ не пахотнымъ и не усадебнымъ; но вообще, волостныя общины находятся нынѣ въ періодѣ своего разложенія, и только въ одной Абатской волости происходилъ волостной передѣлъ пашни въ послѣдніе годы (1887—88 гг.). Главнымъ центромъ общинной жизни, говоритъ г. Кауфманъ, является селеніе; проявленія же волостнаго единства въ поземельныхъ отношеніяхъ «могутъ считаться лишь остатками существовавшаго когда-то полнаго единства въ правѣ на захватъ входящихъ въ черту волости угодій», а немногія, наблюдавшіяся въ послѣднее время проявленія этого единства были результатомъ *административной инициативы*. Способъ надѣленія цѣлыхъ волостей или большихъ группъ селеній общими земельными дачами ведетъ, какъ показалъ опытъ, лишь къ нескончаемымъ спорамъ и раздорамъ между отдѣльными селеніями, все яснѣе выказывающихъ стремленіе къ своему обособленію, при полномъ отсутствіи солидарности крестьянъ внѣ предѣловъ своего селенія. Въ меньшинствѣ мѣстностей округа, въ коихъ еще не совершился переходъ къ душевому пользованію съ передѣлами угодій, наблюдается воль-

ное пользованіе этими послѣдними, но уже съ извѣстными ограниченіями; такъ, права захвата участковъ, безъ фактическаго пользованія ими, уже не существуетъ: «всякому общиннику предоставляется распахивать пашню на любомъ мѣстѣ общинной территоріи, но эта пашня продолжаетъ состоять въ пользованіи распахавшаго ее лишь до тѣхъ поръ, пока онъ вкладываетъ въ нее свой трудъ; разъ же она пролежала въ залежи три года, разъ, слѣдовательно, распахавшій пересталъ вкладывать въ нее свой трудъ, она дѣлается общественнымъ достояніемъ и можетъ быть захвачена и распахана всякимъ». Переходъ отъ подобныхъ формъ землевладѣнія къ душевому уравнительному произошелъ уже, какъ сказано, въ большинствѣ мѣстностей Ишимскаго округа; поводомъ къ такому переходу служили: ревизіи, внутренній приростъ населенія, искусственный приростъ его, чрезъ приселеніе ссыльно-каторжныхъ и новоселовъ, а также правительственныя мѣропріятія по размежеванію земель между населеніемъ и казною. Въ прежнія времена не назначалось *сроковъ* передѣла; наоборотъ, почти всѣ передѣлы, происшедшіе въ 80 годахъ, были произведены на опредѣленный срокъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ на 10—15 лѣтъ. При передѣлахъ стали уравнивать угодья,—главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ *ссыльныхъ и новоселовъ*, перенесшихъ, слѣдовательно, россійскіе общинные принципы на сибирскую почву,—не только по количеству, но и по качеству земли, при чемъ, обыкновенно, всѣ пашни распредѣляются на три сорта, рѣже—на два, на четыре или на пять сортовъ. Благодаря этому небольшому числу сортовъ, дѣлянки оказываются довольно крупными, не менѣе $^1/_2$ десятины, а часто по десятинѣ и болѣе въ каждой; узкихъ полосъ, вродѣ тѣхъ, которыя наблюдаются въ какой нибудь Московской губерніи (2—3 аршина ширины), здѣсь совершенно нѣтъ; поэтому дальность разстояній пашни отъ села не играетъ важной роли, ибо частыхъ переѣздовъ съ полосы на полосу для производства работъ не требуется (къ тому же, сибирякъ *ѣздитъ* изъ дому на поле, а *не ходитъ*, такъ какъ держитъ много лошадей). Передѣлы и перемѣрки земель производятся, обыкновенно, довѣренными и выборными, при добровольномъ участіи въ работахъ всѣхъ или нѣсколькихъ членовъ общины; только въ трехъ—четырехъ сѣверо-западныхъ волостяхъ, въ коихъ передѣлы начаты были *по иниціативѣ администраціи*, наблюдалось производство обмѣра земли наемными мѣрщиками, орудовавшими при помощи упрощенныхъ астролябій и желѣзныхъ цѣпей; такимъ образомъ, въ этихъ послѣднихъ волостяхъ населеніе какъ будто мало оказалось подготовленнымъ, да и заинтересованнымъ въ дѣлѣ личной перемѣрки угодій. Тенденція — чтобы «старыя души съ мѣстъ не сживать», «со старинки не шевелить»—сказывается довольно опредѣленно во многихъ общественныхъ приговорахъ о передѣлахъ; результатомъ такого признанія правъ прежнихъ владѣльцевъ является разбросанность участковъ вновь образованныхъ надѣловъ, поступающихъ въ пользованіе «малолѣтнимъ», «прибылымъ» душамъ. Са-

мымъ распространеннымъ способомъ передѣла является аукціонный, при которомъ достигается *субъективное*, а не объективное равенство участковъ; этотъ аукціонный способъ имѣетъ нѣсколько разновидностей, а именно: 1) Передѣлъ «въ надорѣжку», т. е. путемъ повышенія оцѣнки сорта почвы, при чемъ данная полоса поступаетъ тому домохозяину, который зачтетъ ее въ наиболѣе высокій сортъ; если явится нѣсколько конкуррентовъ на одну полосу, сходящихся между собой въ дѣлѣ оцѣнки качества почвы, и въ числѣ ихъ оказывается прежній владѣлецъ пашни, то обыкновенно предпочтеніе отдается именно ему; въ противномъ случаѣ, если владѣльца въ числѣ претендентовъ нѣтъ, дѣло рѣшается жребіемъ (который, надо замѣтить, вообще, не въ почетѣ у сибиряковъ, въ противность россійскимъ выходцамъ), или употребленіемъ слѣдующаго пріема,—2) «на сбавокъ»,—когда претендентъ соглашается взять часть полосы вмѣсто цѣлой, напримѣръ, $^1/_2$, $^3/_4$, $^7/_8$ десятины изъ этого участка за цѣлую десятину; кто изъ претендентовъ согласится на минимальную долю, т. е. на максимальную уступку въ пользу общества, тотъ становится хозяиномъ участка, а отрѣзанная доля этого послѣдняго присоединяется къ сосѣднему участку, который своимъ чередомъ идетъ въ аукціонъ, 3) способъ передѣла «спаренныхъ» участковъ, «любыхъ» и «нелюбыхъ»; каждому домохозяину предоставляется право выбрать себѣ изъ лучшихъ сортовъ пашни любой участокъ; изъ другихъ же, соотвѣтствующихъ этому по заранѣе составленному въ обществѣ уговору, худшаго сорта участковъ ему прирѣзывается обществомъ или повѣренными большее или меньшее количество земли, смотря по тому, какой именно участокъ хорошей земли онъ себѣ взялъ. Передѣлы покосовъ производятся исключительно аукціоннымъ способомъ, при чемъ или отдѣльные домохозяева торгуются между собой на сбавокъ, или они соединяются по группамъ, при чемъ каждая изъ нихъ вступаетъ въ состязаніе съ прочими, давая большее или меньше количество душъ за извѣстный участокъ,—и ужъ потомъ тѣмъ или инымъ способомъ распредѣляютъ доставшуюся имъ падь или островъ между собою. Во многихъ общинахъ передѣляются также и лѣса, при чемъ особенно рѣзко сталкиваются интересы зажиточныхъ и недостаточныхъ крестьянъ: первымъ выгодны охранительные порядки владѣнія лѣсами, чтобы сберегшій лѣсъ до передѣла и оставался владѣльцемъ его, за отрѣзкой только той части, которая слѣдуетъ въ надѣлъ «новымъ душамъ»; вторымъ, наоборотъ, желательны прирѣзки сохранившагося лѣса къ ихъ вырубленнымъ по нуждѣ участкамъ. Усадьбы почти нигдѣ не передѣлялись, находясь какъ бы въ потомственномъ владѣніи; выгона состоятъ въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи, но съ нѣкоторымъ уравненіемъ фактическаго пользованія ими, о чемъ сейчасъ будетъ сказано нѣсколько словъ.

До 1884 г., когда тобольскій губернскій совѣтъ разъяснилъ сельскимъ обществамъ ихъ право «самимъ производить раскладку всѣхъ лежащихъ на крестьянахъ податей и повинностей на наличныя души», повсемѣстно

господствовалъ принципъ разверстки податной тягости по ревизскимъ душамъ, что влекло за собой чрезвычайно неуравнительное обложеніе отдѣльно взятыхъ домохозяевъ. Крестьяне поняли это разъясненіе, какъ приказаніе, и—несмотря на протесты и жалобы нѣкоторыхъ плательщиковъ, которымъ старые порядки разверстки были выгоднѣе,—повсемѣстно перешли къ новымъ принципамъ обложенія, въ сѣверной части округа введя въ окладъ малолѣтнія души, а въ южной, болѣе достаточной, въ значительной мѣрѣ осуществивъ принципъ разверстки по состоятельности плательщиковъ. Этотъ послѣдній порядокъ настолько любопытенъ и такъ рѣдко встрѣчается, напримѣръ, въ Россіи, что на немъ слѣдуетъ остановиться съ большимъ вниманіемъ.

Во многихъ общинахъ встрѣчается два разряда платежныхъ единицъ: большія, луковыя или рабочія, и малыя души; первыя—это крестьяне, находящіеся въ извѣстномъ возрастѣ (преимущественно отъ 15—18 до 60 лѣтъ), способные къ труду и не «зорёные», т. е. въ семьѣ которыхъ нѣтъ члена, состоящаго на военной службѣ или на общественной должности; вторые — это подростки съ 10—12 лѣтняго возраста и до вступленія въ полный окладъ, т. е. до 15—18 л., затѣмъ—всѣ зорёные домохозяева и старики, перешедшіе извѣстный возрастъ. Малыя души несутъ только казенный окладъ, именно съ каждой окладной души причитающійся; большія же—оклады *плюсъ* платежъ за мертвыя, міроплатимыя души (напримѣръ, первыя платятъ 5 р. 19½ к., вторыя—6 р. 15 к., 7 р. 60 к., 7 р. 74 к. по отдѣльнымъ общинамъ); кромѣ того, обыкновенно однѣ только большія души платятъ всѣ сельскіе, мірскіе и волостные сборы и отбываютъ также всѣ натуральныя повинности.—Сборъ со скота, обыкновенно только съ крупнаго, старѣе 1 года, съ лошадей и иногда съ овецъ, но съ этихъ послѣднихъ безъ различія возраста,—встрѣчается въ двухъ формахъ, если не считать разнообразныхъ комбинацій этого сбора съ душевымъ обложеніемъ: «иногда облагается весь имѣющійся у крестьянъ скотъ, иногда же на каждую платежную душу назначается опредѣленное количество головъ (2—5), которое освобождается отъ обложенія, сборъ же взимается только съ того числа головъ, которое превышаетъ опредѣленную льготную норму». За рѣдкими исключеніями, облагается только тотъ скотъ, который пасется на общественномъ «выпуску», а который ходитъ на дальнихъ заимкахъ или на арендованныхъ земляхъ, къ этому обложенію не привлекается, вслѣдствіе противодѣйствія въ этомъ направленіи богачей-крестьянъ. Такъ какъ многіе домохозяева не имѣютъ скота даже до предѣльной нормы, то нѣкоторыя общины установили (съ 1884 г.) еще слѣдующую поправку, напоминающую обычаи почти исчезнувшихъ швейцарскихъ общинъ: бѣдный хозяинъ, у котораго совсѣмъ нѣтъ скота, или имѣетъ его меньшее количество, нежели обусловлено обществомъ, продаетъ свое право пасти на даровомъ общественномъ выпуску нѣсколько головъ скота богатому крестьянину, у котораго имѣется скота выше нормы; деньги, получен-

ныя за продажу этого права на пай въ общественномъ выпуску, поступаютъ въ нѣкоторыхъ общинахъ прямо на руки продавцу, а въ другихъ засчитываются ему въ подати. Размѣръ обложенія головы крупнаго скота — отъ 5 к. до 30 к., чаще всего 10—20 к. въ годъ; овецъ—отъ 1 к. до 10 к., чаще всего 5 к. въ годъ. Нѣкоторыя общины освобождаютъ отъ обложенія весь *домашній* скотъ, содержащійся въ селѣ, но значительно облагаютъ весь *отгонный* скотъ, находящійся у богатыхъ крестьянъ на заимкахъ. Вообще, теперь идетъ сильная борьба между «малоскотными» и «многоскотными» хозяевами изъ за принциповъ обложенія: первые хотятъ свести это дѣло къ обложенію общей состоятельности хозяина, вторые утверждаютъ, что разъ скотъ ихъ не пользуется общественнымъ выгономъ, то онъ и обложенію не подлежитъ, т. е. сводятъ новый принципъ только къ обложенію выгоновъ, наравнѣ съ другими земельными угодьями. Сборъ со скота въ нѣкоторыхъ общинахъ настолько великъ, что душевые платежи сокращаются до minimum'a; въ другихъ дѣлается такъ, что одна половина оклада сбирается со скота, а другая съ душъ, и т. п. Еще болѣе достойна вниманія система «накладокъ», практикуемыхъ въ нѣкоторыхъ общинахъ на состоятельныхъ домохозяевъ, при чемъ принимается во вниманіе весь ихъ «заворотъ», т. е. и доходы отъ промысла, торговли и т. п.; «накладки» дѣлаются или опредѣленной цифрой, въ 1—10 и болѣе рублей, или же въ формѣ присчитыванія одной или нѣсколькихъ окладныхъ душъ къ душамъ состоятельнаго плательщика. Само собой разумѣется, что благодаря «накладкамъ» на богачей, значительно уменьшается сумма платежей, идущихъ въ общую душевую разверстку.

Дѣйствительный размѣръ казенныхъ платежей, падающихъ на десятину удобной земли, по отдѣльнымъ волостямъ, составляетъ отъ 17 до 30 к. съ дес.; съ десятины передѣляемой пашни—отъ 60 к. до 1 р. 32 к.; «колебанія подесятинныхъ цифръ», говоритъ авторъ, «не представляютъ почти никакого соотвѣтствія съ различіями въ качествѣ и цѣнности состоящихъ въ пользованіи крестьянъ угодій. Предметы волостныхъ и мірскихъ расходовъ весьма тщательно выяснены авторомъ въ особой главѣ, подробно описанъ также способъ разверстки, какъ ихъ, такъ и натуральныхъ повинностей; но—къ сожалѣнію—точныя цифры о размѣрахъ этихъ расходовъ и о стоимости повинностей не могли быть добыты авторомъ въ достаточномъ количествѣ, а сообщенныя ему волостными правленіями свѣдѣнія этого рода оказались ниже всякой критики. По замѣчанію автора, мірскія дѣлишки вообще, а разные хозяйственныя операціи въ особенности—даютъ не мало поводовъ для злоупотребленій; такъ, въ видѣ примѣра, имъ сообщается, что нѣкое общество, подрядивъ одного изъ своихъ членовъ на починку небольшаго мостика за 4 р. 50 к., выговорило себѣ въ угощеніе $^1/_2$ ведра вина, цѣною въ 2 р. 60 к.; другое—въ счетъ условленной за поправку магазина суммы въ 20 руб. выговорило себѣ $1^1/_2$ ведра, цѣною въ 7 р. 80 к., и т. п.

Мы коснулись лишь небольшаго количества разработанныхъ въ этомъ трудѣ г. Кауфмана вопросовъ хозяйственнаго положенія и правовыхъ отношеній крестьянъ Ишимскаго округа, но и то вышли изъ предѣловъ обычной библіографической замѣтки; усердно рекомендуемъ лицамъ, интересующимся вопросами этихъ категорій, обратиться непосредственно къ цитированнымъ изданіямъ; къ сожалѣнію, ихъ въ «кольной» продажѣ, кажется, не имѣется, и поэтому достать ихъ не каждому удастся.

Н. А.

Сборникъ законоположеній и распоряженій правительства о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ и мировыхъ судебныхъ учрежденій въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, съ присоединеніемъ всѣхъ относящихся къ нимъ статей свода законовъ. Составленъ **Е. П. Щировскимъ** (управляющимъ канцеляріею харьковскаго губернатора) и **І. Н. Епанчинымъ** (помощникомъ правителя канцеляріи харьковскаго губернатора). Харьковъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 70 коп.

Какъ извѣстно, законъ 12 іюля 1889 года изложенъ со множествомъ ссылокъ на статьи свода законовъ, полнаго собранія законовъ и собранія узаконеній; и обстоятельство это побудило разныхъ лицъ къ изданію сборниковъ, дабы облегчить трудъ ознакомленія съ содержаніемъ его. Подобный же сборникъ составленъ гг. Щировскимъ и Епанчинымъ, служебное положеніе которыхъ ими же въ заглавіи обозначено. Сборникъ содержитъ въ себѣ текстъ закона 12 іюля 1889 года, двадцать приложеній, обширный алфавитный указатель, отпечатанный мелкимъ шрифтомъ и въ два столбца, небольшой систематическій указатель и сравнительную таблицу подсудности уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Длинное заглавіе, придуманное составителями, мало понятно. Какъ извѣстно, законъ 12 іюля 1889 года состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ первенствующее мѣсто занимаетъ (по своему объему и содержанію) положеніе о земскимъ участковыхъ начальникахъ. Изъ содержанія заглавія сборника видно, что это сборникъ законоположеній и распоряженій правительства о преобразованіи... (общее названіе закона 12 іюля 1889 г.) «*въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ*», т. е. одна часть того же самаго закона. Говоря иначе: сборникъ извѣстныхъ законовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится одна часть этого закона,—какъ будто есть мѣстности, гдѣ не весь законъ 12 іюля 1889 года будетъ введенъ, а только положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ. Составители, очевидно, не гонятся за точностью обозначенія и тогда, когда говорятъ, что именной Высочайшій указъ, данный въ Петергофѣ 12 іюля 1889 года, Высочайше «утвержденъ» 12 іюля 1889 года (смотр. 5 строка 5 стр. въ скобкахъ). Изъ предисловія (стр. II) читатель узнаетъ, что алфавитный

указатель, кромѣ ссылокъ на отдѣльныя названія, заключаетъ въ себѣ перечисленіе предметовъ вѣдомства каждой должности или учрежденія по закону 12 іюля 1889 года, и далѣе говорится, что по крайнему разнообразію ссылокъ въ законѣ 12 іюля 1889 года—не всѣ названія введены въ алфавитный указатель, и взамѣнъ его, для желающихъ, составленъ систематическій указатель. Относительно этого послѣдняго приходится отмѣтить слѣдующее. Третья графа его «краткое содержаніе статей» невсегда согласуется съ содержаніемъ той же статьи, указанной во второй графѣ. Такъ, напримѣръ: на стр. 253 Сборника въ 3-ей графѣ «приглашеніе въ Пермское и Вятское губернскія присутствія депутата отъ горнаго вѣдомства», а изъ остальныхъ соотвѣтствующихъ графъ видно, что вышеизложенное заимствовано изъ статьи 5, примѣчаніе 3, по продолженію 1886 г. уст. горн. т. VII, и помѣщено подъ 105 ст. пол. земск. нач. (стр. 64). Провѣряя эту ссылку по сборнику, увидимъ, что выписанная составителями статья горнаго устава ни слова не говоритъ о горномъ депутатѣ, и содержаніе ея касается основаній, по которымъ могли быть освобождаемы горные заводы отъ посессіонныхъ условій. Изъ текста же закона 12 іюля 1889 года, именно изъ примѣчанія къ 105 ст. полож. земск. нач. явствуетъ, что ссылка на статью горнаго устава касается не депутата отъ горнаго вѣдомства, а непремѣннаго члена министерства финансовъ. Другой, замѣченный нами недостатокъ систематическаго указателя состоитъ въ томъ, что при помѣщеніи тѣхъ или другихъ узаконеній въ приложеніяхъ не указано, къ какой именно статьѣ закона 12 іюля 1889 года тѣ приложенія относятся, что и не отвѣчаетъ заглавію четвертой графы указателя.—Въ самомъ сборникѣ тоже слѣдуетъ указать на нѣкоторые неправильности и недостатки. Дѣлая выписки по ссылкамъ статей закона 12 іюля 1889 года составители исполняютъ это дѣло довольно механически, почему и впадаютъ иногда въ ошибки. Такъ, въ примѣчаніи къ 105 ст. пол. земск. нач. сдѣлана ссылка на 5 ст. 3 примѣчанія по прод. 1886 г. уст. горн., при чемъ указано, что въ ней говорится о непремѣнномъ членѣ отъ министерства финансовъ. Составители съ буквальною точностью и выписали означенное примѣчаніе, но, къ сожалѣнію, не вникли въ содержаніе его, гдѣ ни слова не говорится о членѣ отъ министерства финансовъ. Произошло же это отъ того, что въ примѣчаніи къ 105 ст. пол. земск. нач. ссылка опредѣлена не совсѣмъ точно, можетъ быть здѣсь и опечатка;—слѣдовало вмѣсто горнаго устава сказать дополнительныя горныя правила (особ. прилож. къ IX т.—X), гдѣ 3 примѣчаніе къ 5 ст. по прод. 1886 г. вполнѣ оправдываетъ содержаніе сдѣланной ссылки. Далѣе, въ статьяхъ 47 и 88 полож. земск. нач. есть ссылки на X и III ст. Выс. утв. 12 декабря 1889 г. мнѣнія госуд. сов. (31 и 59 стр. сбор.),—которыя по продолженію 1889 г. вошли въ примѣч. къ 1726 и во второе примѣчаніе къ 1721 ст. т. II ч. I. Общ. губ. учр.,—что въ сборникѣ гг. Щировскаго и Епанчина не указано, хотя въ предисловіи къ сборнику они заявляютъ, что всѣ статьи провѣрены и измѣнены по про-

долженію свода законовъ 1889 года.—Въ ст. 66 пол. земск. нач. есть ссылка на 64 ст. мѣст. великор. пол. и 57 ст. мѣст. малорос. пол. Эти статьи по содержанію своему тождественны, а потому печатать ихъ обѣ, да еще подъ рядъ намъ казалось бы излишнимъ (стр. 46 и 47). Нѣкоторыя подстрочныя примѣчанія, которыми составители снабдили Сборникъ, лишь поясняютъ очевидное, а другія неправильны. Къ первымъ относится примѣчаніе къ ст. 413 и 508 уст. гражд. суд. (стр. 88) о томъ, что дознаніе производится чрезъ окольныхъ людей и что уѣздному члену суда осмотры поручаются производить на мѣстѣ: въ 34 ст. прав. устр. суд. час., въ которой упомянуты тѣ статьи, прямо сказано, что дознаніе бываетъ чрезъ окольныхъ людей, и что осмотры производятся на мѣстѣ. Ко вторымъ слѣдуетъ отнести примѣчаніе къ 1342 ст. уст. гражд. суд. (стр. 88), которымъ содержаніе статьи неправильно съужено, ибо надобность въ сличеніи документовъ съ метрическими книгами можетъ возникнуть не только по однимъ брачнымъ дѣламъ (какъ полагаютъ составители), но и по дѣламъ о законности рожденія и по многимъ другимъ гражданскимъ дѣламъ исковымъ и охранительнаго производства. Въ сравнительной таблицѣ подсудности гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ по закону 12 іюля 1889 года составители пропустили цѣлый отдѣлъ или разрядъ дѣлъ, подлежащихъ примирительному разбирательству (35 ст. уст. угол. суд.), о чемъ ничего не сказано и въ текстѣ Сборника; а между тѣмъ подобнаго рода дѣлъ, начинающихся не иначе, какъ по жалобѣ, очень много и подсудность ихъ точно опредѣлена закономъ 12 іюля 1889 года (срав. 1 п. 29 ст., 5 п. 14 ст. прав. устр. суд. час. и 1 п. 49 ст. полож. земск. нач.). Что касается до приложеній, которыхъ двадцать, то составители совершенно неправильно одну часть закона 12 іюля 1889 года, а именно росписаніе должностей, отнесли къ числу своихъ приложеній (прил. № 1); даже болѣе, въ «способѣ пользованія Сборникомъ» означенное росписаніе совсѣмъ выбросили изъ закона 12 іюля 1889 года, и вмѣсто него совершенно напрасно включили въ составъ закона Именной Высочайшій Указъ, не составляющій части закона и изъ содержанія котораго ясно видно, что всѣхъ частей закона только пять и въ числѣ ихъ четвертою значится росписаніе должностей. Пожалуй, было бы болѣе послѣдовательности въ отнесеніи правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положенія о земск. участк. нач. къ числу приложеній; но почему то этого составители не сдѣлали. Другой недостатокъ приложеній состоитъ въ томъ, что въ заглавіяхъ не указано, къ какой именно статьѣ закона 12 іюля 1889 года относится то или другое приложеніе, и потому пользоваться отдѣльно приложеніями очень не удобно. Недостатокъ этотъ не восполняется ни алфавитомъ, ни систематическимъ указателемъ; такъ какъ и въ нихъ имѣются указанія только на нумера приложеній. Указанія на то или другое приложеніе разбросаны въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ сборника, но XX приложеніе пропущено и нѣтъ никакой возможности опредѣлить, почему именно правила о семейныхъ раздѣлахъ попали въ Сборникъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О „земцахъ“. Въ любопытной книгѣ *Н. Д. Чечулина* «Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ» (Спб. 1889), именно въ I главѣ, настойчиво выдвинутъ вопросъ о земцахъ или «своеземцахъ». Этотъ разрядъ лицъ встрѣчается исключительно въ *новгородской* области. Въ началѣ XVI вѣка въ г. *Корелѣ* было 17 дворовъ земцевъ, во второй половинѣ XVI вѣка—уже только 7 дворовъ и 2 мѣста дворовыхъ земцевъ. Въ г. *Ямѣ* въ началѣ XVI вѣка было 149 дворовъ земцевъ, которые и составляли господствующее населеніе города (на долю городчанъ приходилось только 85 дворовъ). Въ г. *Орѣшкѣ* въ ту же пору насчитывалось 29 дворовъ земцевъ; сколько земцевыхъ дворовъ было въ Орѣшкѣ во вторую половину XVI вѣка—изъ данныхъ, приводимыхъ Н. Д. Чечулинымъ, не видно. Въ г. *Ладогѣ* въ началѣ XVI вѣка *особо* упоминается только одинъ осадный дворъ земца [1]). Въ *Иванѣ-городѣ* и *Копорьѣ* земцевыхъ дворовъ по писцовымъ книгамъ XVI вѣка особо не значится. Давая перечисленіе земцевыхъ дворовъ въ городѣ и посадѣ, писцовая книга вводитъ въ недоумѣніе изслѣдователя, такъ какъ замѣчаетъ о нѣкоторыхъ земцахъ, что они «живутъ на городскихъ мѣстахъ на тяглыхъ, а въ оброкъ съ городчаны тянутъ» и при перечисленіи тяглыхъ дворовъ иногда не отдѣляетъ дворовъ городчанъ отъ дворовъ земцевыхъ [2]). Что же такое представляютъ изъ себя земцы, дворы которыхъ входятъ въ итогъ черныхъ тяглыхъ дворовъ, которые, подобно тяглымъ людямъ, дѣлятся на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, но которые въ то же время бываютъ городовыми прикащиками, имѣютъ нетяглые дворы съ дворниками, получаютъ съ своихъ крестьянъ оброкъ и явно отличаются отъ дѣтей боярскихъ и крестьянъ («за дѣтьми бо-

1) *Н. Д. Чечулинъ*, стр. 35, 37, 39, 40; на стр. 37 у Н. Д. Чечулина ошибочно перечислено 133 земцевыхъ двора на посадѣ Ямы; ихъ было 136.

2) Н. Д. Чечулинъ, судя по его замѣчанію на стр. 42, не потрудился тщательно выдѣлить дворы земцевъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не выдѣлены особо самою писцовою книгой.

ярскими и за земцы и за ихъ крестьяны», стр. 43)? Не имѣя подъ руками достаточнаго количества данныхъ, Н. Д. Чечулинъ рѣшился выступить съ гипотезой, что «земцы были дѣтьми боярскими, быть можетъ, нѣсколько низшими, чѣмъ дѣти боярскіе остальныхъ областей, но все же какими то служилыми людьми». Такая несовсѣмъ удачно скомпонованная фраза, сопоставленная съ тѣмъ, что говоритъ Н. Д. Чечулинъ далѣе (на 46 стр.), именно, что между лучшими рядовыми людьми «и земцами» по крайней мѣрѣ по ихъ отношенію къ городу рѣзкаго различія не было. невольно заставляетъ заподозрить основательность его вывода [3]). Это дѣйствительно и случилось. Въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (1890 г. № 2, стр. 374) г. *В. М.* напалъ на основное положеніе г. Чечулина о земцахъ, примкнувъ къ мнѣнію гг. *Соколовскаго и Владимірскаго-Буданова*. Г. В. М. не приводитъ въ пользу мнѣнія гг. Соколовскаго и Владимірскаго-Буданова никакихъ новыхъ аргументовъ, ибо пользуется данными, которыхъ не скрываетъ въ своей книгѣ и самъ г. Чечулинъ. Было бы любопытно выяснить это недоразумѣніе, и это тѣмъ болѣе, что зерно указанной гипотезы вовсе *не* принадлежитъ Н. Д. Чечулину.

Н. Д. Чечулинъ, пытаясь рѣшить вопросъ о земцахъ, погрѣшилъ тѣмъ, что игнорировалъ изученіе писцовыхъ книгъ новгородскихъ вообще, игнорировалъ вопросъ объ отношеніи города къ уѣзду. Предоставляя исправить эту методическую ошибку или самому г. Чечулину, или кому-либо другому, я рѣшаюсь выступить съ утвержденіемъ, что Н. Д. Чечулинъ въ основаніи своей гипотезы о земцахъ былъ *совершенно правъ*, примыкая къ мнѣнію С. М. Соловьева, и, наоборотъ, мнѣнія гг. Соколовскаго, Блюменфельда, Владимірскаго-Буданова и г. В. М. не выдерживаютъ критики. Это утвержденіе я высказываю на основаніи изученія одного еще *не тронутаго* документа, именно новгородскихъ десятенъ, хранящихся въ моск. архивѣ мин. юстиціи. Новгородскія десятни, правда, не даютъ намъ всѣхъ подробностей о земцахъ, какія намъ были бы желательны, но за то ставятъ вопросъ на совершенно твердую почву.

Земцы въ извѣстныхъ до сихъ поръ нашей историко-юридической литературѣ источникахъ являются въ близкомъ общеніи то съ «дѣтьми боярскими», то съ «помѣщиками». Царь Иванъ IV посылаетъ въ Новгородъ, во всѣ пятины грамоты на имя «помѣщиковъ и земцевъ», призы-

---

[3]) Указывая также на стр. 45, что землями въ уѣздѣ владѣли своеземцы и городчане (земецъ одного города могъ имѣть землю въ уѣздѣ другаго), Н. Д. Чечулинъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи между ними было развѣ только *количественное*, но не *качественное* различіе.

Въ моей бѣглой замѣткѣ о книгѣ г. Чечулина (см. Книж. Вѣст. 1889 г., № 11, стр. 591) отчасти уже указано на необоснованность гипотезы автора. Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ до нѣкоторой степени ясно, что зерно его гипотезы вполнѣ справедливо, но за то голословное и потому слишкомъ неосторожное положеніе автора: «несомнѣненъ (?!) фактъ, что къ концу вѣка (т. е. XVI в.) земцы исчезли» разсыпется въ прахъ.

вая и тѣхъ, и другихъ отбывать *ратную* службу. Писцовая книга г. Корелы времени того же царя Ивана свидѣтельствуетъ, что «за дѣтьми боярскими и за *земцы*» [4]) могли числиться крестьяне. Первое впечатлѣніе такое, что земцы—дѣти боярскіе, новгородскіе помѣщики, служившіе по припискѣ къ извѣстнымъ новгородскимъ пригородамъ. Будучи землевладѣльцами *исключительно* на помѣстномъ правѣ, они могли быть и земледѣльцами (дворяне землевладѣльцы-земледѣльцы были далеко не рѣдкостью въ московскомъ государствѣ XVII в. и помимо новгородской области). Раскрываемъ десятни по Новгороду и находимъ полное подтвержденіе нашему первому впечатлѣнію.

Земцы оказываются записанными въ десятню наравнѣ съ дворянами и дѣтьми боярскими; десятня говоритъ намъ, что наравнѣ съ ними земцы владѣли населенными или ненаселенными помѣстьями, что они верстались помѣстными и денежными окладами, получали жалованье по указнымъ статьямъ, отбывали «пятинную» службу (т. е. служили въ качествѣ ратныхъ людей съ пятиною, какъ дѣти боярскіе внѣ новгородской области служили съ городомъ) или городовую осадную. Земцы въ десятнѣ постоянно фигурируютъ подъ особой, никогда неизмѣнной рубрикой «земцы» и не смѣшиваются съ обычными помѣщиками-дворянами и дѣтьми боярскими. Терминъ «земецъ» при встрѣчѣ съ собственнымъ именемъ всегда ему предшествуетъ, при встрѣчѣ съ терминомъ «сынъ боярскій» всегда ему послѣдствуетъ. Во введеніи къ десятнѣ земцы никогда особо не упоминаются. Это прямо говоритъ за тождество дѣтей боярскихъ и земцевъ. Всѣ приведенныя наблюденія (и это очень любопытно) сдѣланы по десятнямъ новгородскимъ первой половины XVII в. [5]). Послѣ сейчасъ сказаннаго намъ представляются очень комическими мнѣнія, что въ XVII вѣкѣ земцевъ уже не было, что земцы были крестьянами-собственниками «вотчинниками» (какъ у г. *Блюменфельда*, О формахъ землевладѣнія въ древней Руси, стр. 143). Одна изъ новгородскихъ десятенъ къ тому же прямо заявляетъ, что въ новгородской области

[4]) Ср. также любопытный примѣръ изъ А. И., I, № 140: «два сына боярскіе земцы».

[5]) Здѣсь любопытна параллель съ однодворцами, являющимися типомъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ. Однодворцы въ десятнѣ никогда не фигурируютъ подъ особой рубрикой, а являются перемѣшанными среди дѣтей боярскихъ. Самый терминъ «однодворецъ» обыкновенно не ставится рядомъ съ собственнымъ именемъ, а лишь послѣ указанія, что за такимъ-то крестьянъ и бобылей нѣтъ. Терминъ «однодворецъ» всегда послѣдствуетъ термину «сынъ боярскій». Во введеніи къ десятнѣ однодворцы особо *не* упоминаются. По отношенію къ земцамъ и однодворцамъ это очень характерно, ибо новокрещены, иноземцы, казаки всегда особо отмѣчаются во введеніи къ десятнѣ. Нельзя также не замѣтить, что поставленные рядомъ термины «сынъ боярскій» и «однодворецъ» никогда не соединяются союзомъ «и», что бываетъ большею частію при сопоставленіи терминовъ «помѣщикъ» и «земецъ» или «сынъ боярскій» и «земецъ».

нѣтъ вотчинъ, а только помѣстья; и это въ первой четверти XVII вѣка. Именно, новгородская верстальная и денежной раздачи десятня Деревской пятины 1606 года (№ 121, л. 3), во введеніи говоритъ: «*а вотчинъ за дворяны и за дѣтьми боярскими въ Новѣгородѣ нѣтъ*». Это отсутствіе вотчинъ въ Новгородѣ безусловно распространяется и на земцевъ, ибо они, какъ я уже замѣтилъ, въ заглавіяхъ и введеніяхъ къ десятнямъ никогда (по крайней мѣрѣ во всѣхъ дошедшихъ до насъ десятняхъ) *не* упоминаются.

Земцы, какъ сказано, служили обычную пятинную службу (л. 30 об. въ № 123 отъ сентября 1605 «и служити имъ съ пятиною вмѣстѣ» или л. 33 «охудали, съ пятинную службу ихъ не будетъ»; пятинная служба не есть новгородская служба, послѣдняя есть осадная служба въ Новгородѣ). Если земецъ по своему матеріальному благосостоянію или физическимъ качествамъ не могъ служить съ пятиною, онъ служилъ въ городѣ одной изъ пятинъ осадную службу съ 50 четв. въ полѣ помѣстной земли, иногда съ 20 четв. въ полѣ «земецкой земли» [6]). Эту осадную службу съ 50 четв. въ полѣ помѣстной земли служили и обычные дѣти боярскіе. Въ десятнѣ Деревской пятины 1606 г. (№ 121, л. 193 об.) читаемъ такую рубрику: «дѣти боярскіе деревскіе жъ пятины служити имъ ноугородцкая осадная служба, а помѣстные имъ оклады учинены по 50 четвертей человѣку». Отбывая пятинную, ближнюю и городовую службу наравнѣ съ мѣстнымъ дворянствомъ, земцы такъ же, какъ и послѣдніе, служили такъ называемую береговую службу. Изъ десятни 1638 г. видно, что велѣно было «дворянъ и дѣтей боярскихъ новгородцевъ для своей государевы службы выбрати изъ всѣхъ пятинъ 1,000 человѣкъ добрыхъ, помѣстныхъ и прожиточныхъ людей, чтобъ они... вы лошади кормили и запасы бъ свои отпускали къ Москвѣ нынѣ по зимнему пути съ людьми своими, а на Москвѣ людемъ ихъ и гдѣ запасы держать велѣно дать дворы» (№ 140) [7]). Просматривая списокъ выбранныхъ къ отправкѣ въ Москву для береговой службы, встрѣчаемъ въ немъ земцевъ: такъ, въ Вотьской пятинѣ для береговой службы взято было восемь земцевъ, въ Шелонской пятинѣ—14, въ Деревской—4, въ Обонежской—11 человѣкъ земцевъ.

Изъ изложеннаго уже достаточно замѣтно, насколько основательны предположенія гг. ученыхъ юристовъ, склоняющихся къ мнѣнію, что нѣкоторые изъ земледѣльцевъ новгородской области были землевладѣльцами, скрывающимися подъ терминомъ земцевъ, и насколько выдерживаетъ кри-

---

6) 2—2, № 123, л. 37 «ямогородскіе земцы служатъ ямогородскую осадную службу съ земецкихъ же земель по 20 чет.».

7) Эта же десятня свидѣтельствуетъ о томъ, что до 1638 г. «*выбора*» въ Новгородѣ не было. На л. 4 оговорено, что впервые государь пожаловалъ «по родству и за смоленскую службу, что были подъ Смоленскомъ съ пріѣзду до отходу, велѣно написать по выбору» (нѣсколько дворянъ изъ каждой пятины).

тику голословное утвержденіе г. Чечулина, что въ XVII вѣкѣ земцевъ уже *не* было. Приводя основательное предположеніе С. М. Соловьева о дворянствѣ земцевъ, Н Д. Чечулинъ не потрудился навести справки у такого столпа русской юридической науки, какъ К. А. Неволинъ, на основаніи котораго еще до сихъ поръ пишутся даже цѣлыя диссертаціи. Въ IV томѣ (стр. 133, прим. 82) К. А. Неволинъ обронилъ замѣчаніе, что деревни своеземцевъ суть деревни мелкихъ владѣльцевъ поземельной собственности, которые иногда сами лично воздѣлывали свою землю.

Не желая растягивать нашей замѣтки, сдѣлаемъ нѣсколько дополнительныхъ оговорокъ.

Земцы встрѣчаются во всѣхъ новгородскихъ пятинахъ, при чемъ въ Вотьской пятинѣ въ началѣ XVII вѣка различаются земцы ивангородскіе, ямогородскіе, орѣшковскіе и копорскіе; послѣдніе служили *морскую сторожу* (№ 123, л. л. 31 об. и л. 40 «служить имъ впередъ въ Копорьѣ же морскія сторожи по прежнему»; объ одномъ ивангородскомъ земцѣ замѣчено на л. 38, «а нынѣ ему служити *земецкая* служба по прежнему»). Подобно дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ земцы получали нѣкоторыя выборныя и приказныя должности. Такъ при именахъ нѣкоторыхъ земцевъ встрѣчаемъ такія отмѣтки: «ходитъ въ Новгородѣ въ Съѣзжей Избѣ въ приставѣхъ» (№ 140), были «на межевальной службѣ съ межевальными послы съ Микитою Вышеславцевымъ съ товарищи на Корельской межѣ» (№ 131), «въ городовыхъ прикащикѣхъ» (№ 123, л. 31), «нарядчикъ» (№ 138, л. 259; № 133, л. 63 и др.), «у епископа у корельскаго въ дѣтяхъ боярскихъ» (№ 123, л. 53 об.). Что земцы владѣли крестьянами, видно изъ отмѣтокъ, что у такого то земца столько то непашенныхъ бобылей (№ 133, л. 63 об. и л. 64). Просматривая отмѣтки при именахъ земцевъ, не трудно замѣтить, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ то были люди бѣдные и въ очень незначительномъ во второй четверти XVII вѣка числѣ среди помѣщичьяго новгородскаго класса, не имѣвшаго въ Новгородѣ вотчинъ, и дворянъ «по выбору» (послѣдніе впервые появляются въ 1638 году). Въ число 1000 новгородцевъ, выбранныхъ для береговой службы, вошло только 37 земцевъ.

Итакъ, земцы были дворянами новгородской области, вносившимися въ десятни, служившими наравнѣ съ пятиною и владѣвшими населенными или ненаселенными помѣстьями (послѣднее, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ). Съ начала XVII вѣка они представляются явленіемъ *вырождающимся*, въ противоположность однодворцамъ явленію *нарождающемуся*. Нѣкоторые изъ этихъ землепользователей, даже большинство, были и земледѣльцами.

Такъ долженъ быть въ общихъ чертахъ поставленъ вопросъ о земцахъ въ исторіи нашего права.

В. Н. Сторожевъ.

Публичность въ новыхъ административно-судебныхъ законахъ. Еще до изданія Положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ мы имѣли случай высказать мнѣніе, что вновь создаваемому институту будетъ весьма трудно удовлетворить насущныя и назрѣвшія нужды русской деревни, неурядицы которой требуютъ несравненно болѣе всесторонняго и кореннаго врачеванія [1]). Теперь, когда этотъ законодательный памятникъ сталъ уже совершившимся фактомъ и получаетъ осуществленіе въ дѣйствительности, мы полагаемъ, что настало время для изученія и анализа тѣхъ началъ, которыя легли въ основу новаго института, а также для указанія практическаго смысла и недостатковъ, которые, встрѣчаясь въ текстѣ и подробностяхъ закона, могутъ быть до нѣкоторой степени устранены цѣлесообразною и осторожною дѣятельностью его исполнителей. На этотъ разъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ о началѣ публичности судопроизводства, твердо установленномъ судебными уставами Императора Александра II, и объ относящихся къ этому вопросу статьяхъ, изданныхъ для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей правилъ судопроизводства, Высочайше утвержденныхъ 29 декабря 1889 г.

Изъ основныхъ началъ судопроизводства публичность засѣданій является первѣйшимъ условіемъ правильнаго отправленія правосудія. Для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ публичность является надежнымъ обезпеченіемъ равнаго для всѣхъ и нелицепріятнаго отношенія суда. Самихъ же судей она побуждаетъ серьезнѣе и строже относиться къ своимъ обязанностямъ и создаетъ для нихъ то высокое гражданское настроеніе, которое соотвѣтствуетъ высокому положенію, занимаемому ими. Въ отношеніи справедливости судебныхъ рѣшеній и приговоровъ публичность представляется намъ атмосферою, безъ которой не можетъ проявляться и господствовать надъ противорѣчащими ей стремленіями судебная правда. Кромѣ того, публичность вмѣстѣ съ гласностью служитъ средствомъ распространенія и утвержденія въ публикѣ истинныхъ правовыхъ знаній и воззрѣній. Съ другой стороны она, открывая народу храмъ правосудія и указывая тѣмъ, что въ дѣятельности жрецовъ его нѣтъ ничего постыднаго и предосудительнаго, требующаго тайны, возбуждаетъ и поддерживаетъ довѣріе и уваженіе населенія къ судебнымъ органамъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что публичность имѣетъ за себя историческія преданія и вѣковый опытъ. Начало ея мы можемъ видѣть въ римскомъ судѣ на форумѣ, предъ всѣмъ народомъ, и въ старо-русскомъ судѣ князей, производившемся на площадяхъ, подъ открытымъ небомъ. Въ средніе вѣка, во времена наибольшаго господства письменности и канцелярской тайны, правосудіе и его органы не только не пользовались довѣріемъ и симпатіями населенія, но, наоборотъ, внушали всѣмъ ненависть и отвращеніе. Канцелярской тайнѣ и непубличности засѣданій въ значительной степени обязаны своей дурной репутаціей и наши старые дореформенные суда. За постоянно и крѣпко

---

[1]) См. нашу статью «Юридич. Вѣстникъ», № 6—7, 1889 г.

закрытыми дверьми старыхъ судовъ русской публикѣ неизмѣнно мерещились мздоимство и подкупность судьи, хитроумное крючкотворство закупленнаго всесильнаго секретаря и безконечныя судебныя волокиты даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сравнительно безупречно и правильно работала ржавая и несмазанная старая судебная машина.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года вполнѣ оцѣнили значеніе начала публичности. Они признали его основнымъ, незыблемымъ началомъ, отступленія отъ котораго разрѣшались въ виду важныхъ и серьезныхъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Такъ 153 статья учрежденія судебныхъ установленій, говоритъ: «Судебныя засѣданія для рѣшенія уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ происходятъ публично. Случаи, въ которыхъ не должны быть къ симъ засѣданіямъ допускаемы постороннія лица, опредѣляются въ уставахъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства». Допускаемыя судебными уставами Императора Александра II-го исключенія публичности двоякаго рода: факультативныя и обязательныя. Первыя допускаются какъ уставомъ гражданскаго судопроизводства (68 и 326 ст.), такъ и по частнымъ преступленіямъ и проступкамъ уставомъ уголовнаго судопроизводства (89 ст.), когда обѣ стороны ходатайствуютъ о негласномъ разсмотрѣніи дѣла и судъ признаетъ ихъ просьбу уважительною. Эти исключенія, допускаемыя въ дѣлахъ не первостепенной важности и кончающихся примиреніемъ, въ достаточной степени объясняются отказомъ самихъ сторонъ отъ предоставляемой имъ закономъ гарантіи ради другаго, болѣе ими цѣнимаго интереса: сохраненія семейной тайны, нежеланія товарищей общаго предпріятія обнаруживать предъ публикою своихъ торговыхъ разсчетовъ и т. п. Обязательныя же исключенія публичности опредѣляются 89 и 620 ст. устава уголовнаго судопроизводства и 325 ст. устава гражданскаго судопроизводства. По ст. 89 у мироваго судьи при закрытыхъ дверяхъ разбираются дѣла о проступкахъ противъ правъ семейственныхъ, объ оскорбленіи женской чести и прочихъ безстыдныхъ или соединенныхъ съ соблазномъ дѣйствіяхъ. 620 ст. устава уголовнаго судопроизводства распространяетъ негласность разбирательства только на дѣла о богохуленіи, оскорбленіи святыни, порицаніи вѣры, о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ, противъ чести и цѣломудрія женщинъ, и о развратномъ поведеніи и проч. Основательность этихъ исключеній слѣдующимъ образомъ объясняется въ мотивахъ, приведенныхъ подъ 620 ст.: «Публичность судебныхъ засѣданій есть одна изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и одно изъ главныхъ условій довѣрія общества къ суду; тѣмъ не менѣе публичность не должна быть распространяема на такія дѣла, содержаніе коихъ оскорбляетъ самыя святыя чувствованія, служащія основаніемъ нравственности» [2]).

---

2) Судебные уставы 20 ноября 1864 г., издан. государственной канцеляріею. Изданіе 2, 1867 года, стр. 229 и 230.

Законъ, установляя обязательную непубличность по означеннымъ выше дѣламъ, налагаетъ на судъ обязанность допускать ее только при явной въ томъ необходимости съ точнымъ обозначеніемъ причинъ примѣненія [3]), разрѣшаетъ подсудимому и потерпѣвшему оставлять въ залѣ засѣданія родственниковъ и знакомыхъ, по три лица съ каждой стороны [4]), допускаетъ присутствіе въ судѣ съ разрѣшенія предсѣдателя лицъ судебнаго вѣдомства, присяжныхъ повѣренныхъ и очередныхъ присяжныхъ засѣдателей [5]) и до 1887 г. обязывалъ открывать для публики двери засѣданія по прекращеніи преній сторонъ [6]). Изъ этихъ обстоятельствъ является вполнѣ очевиднымъ, какъ ревниво и послѣдовательно охраняютъ публичность судебные уставы 20 ноября 1864 года. 325 статья устава гражданскаго судопроизводства ограничиваетъ обязательное примѣненіе непубличности тѣми случаями, когда «по особому свойству дѣла, публичность засѣданія можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности».

Мы считаемъ полезнымъ привести здѣсь два вопроса, которые особенно оттѣняютъ и характеризуютъ точку зрѣнія составителей судебныхъ уставовъ. Первый вопросъ былъ возбужденъ при первоначальномъ обсужденіи основныхъ положеній судоустройства и касался формы судопроизводства въ правительствующемъ сенатѣ. При этомъ высказано было мнѣніе, что засѣданія этого высшаго судебнаго учрежденія должны быть непубличными, но мнѣніе это было не принято, и по этому поводу подъ 153 статьей учрежденія судебныхъ установленій мы читаемъ слѣдующее разъясненіе: «Признавая основнымъ началомъ судопроизводства гласность его, невозможно изъять отъ дѣйствія сего общаго начала никакого судебнаго мѣста, какъ бы оно высоко поставлено ни было, тѣмъ болѣе, что публичность засѣданій не только не можетъ унизить достоинство или уменьшить значеніе судебнаго мѣста, но непремѣнно еще болѣе возвыситъ его въ общественномъ мнѣніи; а какъ, напротивъ, устраненіе публичности въ засѣданіяхъ сената можетъ уронить достоинство этого высшаго въ Имперіи судебнаго мѣста, возбудивъ въ обществѣ недовѣріе къ тому, что совершается за закрытыми для всѣхъ дверями одного только этого присутствія, то въ этомъ отношеніи не сдѣлано никакого исключенія для сената» [7]). Вторымъ вопросомъ, касающимся начала публичности, является обсужденіе обстоятельства, должны ли дѣла о распространеніи вредныхъ ученій слушаться въ публичномъ или закрытомъ засѣданіи. При этомъ противники гласности утверждали, что публичное разсмотрѣніе этихъ дѣлъ будетъ содѣйствовать распространенію вредныхъ ученій въ обществѣ, а по-

---

3) Уставъ уголовнаго судопроизводства, ст. 621.

4) Тамъ же, ст. 622.

5) Тамъ же, ст. 623.

6) Тамъ же, ст. 624.

7) Судебные уставы, 2 изданіе госуд. канцеляріи 1867 г., ч 3, стр. 108.

тому и не можетъ быть допущено. Государственный совѣтъ принялъ противоположное мнѣніе; принявъ за основаніе его, что «въ открытомъ обсужденіи этихъ преступленій нельзя видѣть способъ ихъ распространенія. Не тщательное сокрытіе вредныхъ ученій въ тайнѣ, а обличеніе ихъ здравою критикою есть самое дѣйствительное противъ нихъ оружіе [8]). Таковы были воззрѣнія русскаго законодательства на публичность засѣданій въ эпоху созданія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года.

Высочайше утвержденныя 29 декабря 1889 года правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, признаютъ такъ же публичность общимъ правиломъ судопроизводства, но значительно расширяютъ область исключеній. Правда, значительная доля ограниченій гласности и публичности введена была еще въ судебные уставы закономъ 1887 года. По этому закону публика допускается въ судебныя засѣданія въ числѣ, соотвѣтствующемъ помѣщенію суда и не препятствующемъ ходу судебныхъ дѣйствій, малолѣтніе и учащіеся вовсе не допускаются въ засѣданіе; несовершеннолѣтніе и женщины могутъ быть не допускаемы предсѣдателемъ суда. Кромѣ расширенія власти суда и предсѣдателя въ этомъ отношеніи, законъ 1887 года разрѣшаетъ министру юстиціи сообщать предсѣдателю суда о разсмотрѣніи дѣла при закрытыхъ дверяхъ, если усмотритъ, что публичность оскорбляетъ религіозное чувство, или нарушаетъ требованія нравственности, или угрожаетъ общественному порядку. Точно также измѣнена редакція 624 ст. устава уголовнаго судопроизводства: по дѣламъ, разсматриваемымъ непублично, двери судебнаго засѣданія могутъ быть не открыты по прекращеніи преній сторонъ, только объявленіе приговора во всякомъ случаѣ происходитъ публично.

Относящіяся до публичности засѣданій постановленія правилъ 29 декабря 1889 года заключаются во 2, 3 и 135 статьяхъ. На основаніи 2 статьи правилъ «разбирательство (у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей) происходитъ публично и на словахъ. Постороннія лица допускаются къ присутствованію при разбирательствѣ въ числѣ, не препятствующемъ правильному ходу онаго. Доступъ въ засѣданіе малолѣтнимъ и учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ воспрещается». Очевидно, публичность засѣданій новымъ закономъ признается, но что это за неопредѣленное и общее выраженіе «постороннія лица допускаются въ числѣ, не препятствующемъ правильному ходу» засѣданія? Здѣсь предоставляется полный просторъ толкованію ad libitum и личному усмотрѣнію земскаго начальника, особенно если принять во вниманіе, что никакими правилами не установлены размѣръ и устройство камеры земскихъ начальниковъ. Если въ просторномъ помѣщеніи могутъ безпрепятственно находиться пятьдесятъ или сто человѣкъ публики, то въ тѣсной комнатѣ будутъ препятствовать ходу судебнаго засѣданія какіе нибудь два слушателя. Не зна-

8) Судебные уставы 20 ноября 1864 г., изд. госуд. канцел., ч. 2, стр. 230.

читъ ли такими широко растяжимыми выраженіями отдавать публичность на произволъ самого участковаго начальника? Публичность примѣняется въ мировомъ судѣ 25 лѣтъ и безъ подобнаго ограниченія и едва ли гдѣ либо вызывала противъ себя нареканія. Для гарантіи публичности отъ возможнаго посягательства на нее исполнителей новаго закона необходимо дополнительными правилами обусловить размѣръ судебной камеры и устройство извѣстнаго числа мѣстъ для «посторонннихъ лицъ». Далѣе, недопущеніе въ засѣданіе малолѣтнихъ въ достаточной мѣрѣ объясняется ихъ возрастомъ, въ которомъ судебное разбирательство останется непонятнымъ или можетъ произвести дурное вліяніе на ихъ нравственное воспитаніе. Нельзя того же сказать относительно цѣлесообразности устраненія изъ суда всѣхъ учащихся, такъ какъ воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній какъ по своему возрасту, такъ и по умственному развитію могутъ безъ вреда быть сознательными слушателями въ залѣ суда, которая для студентовъ-юристовъ можетъ, между прочимъ, давать уроки практическаго примѣненія закона. Въ Россіи такъ скудно распространеніе самыхъ элементарныхъ законовъ и понятій о правѣ, и такая необъятная масса юридическаго невѣжества и судебныхъ предразсудковъ, что было бы неразсчетливо и несправедливо не пользоваться публичнымъ судомъ, какъ средствомъ распространенія знаній о законахъ, столь цѣнныхъ и необходимыхъ въ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, нельзя одобрить ограниченія въ отношеніи лицъ, установленныя 2 статьей. Въ статьѣ 3 опредѣляются ограниченія публичности по роду дѣлъ. Ограниченія эти цѣликомъ взяты изъ судебныхъ уставовъ. Такъ обязательная непубличность установлена по дѣламъ о проступкахъ противъ правъ семейственныхъ, объ оскорбленіи женской чести и о безстыдныхъ или соединенныхъ съ соблазномъ дѣйствіяхъ, и факультативная—по отношенію, во 1-хъ, дѣлъ, въ коихъ будетъ признано, что публичность оскорбляетъ религіозное чувство или нарушаетъ требованія нравственности и т. д., и во 2-хъ, по гражданскимъ и частно-уголовнымъ дѣламъ, если обѣ стороны просятъ о негласномъ разбирательствѣ и просьба ихъ будетъ признана уважительною.

Статья 135 правилъ 29 декабря 1889 года, вводитъ совершенно новое и чуждое судебнымъ уставамъ Императора Александра II исключеніе публичности по мѣсту. На основаніи этой статьи «постороннія лица въ засѣданія губернскихъ присутствій не допускаются». Что признавалось 25 лѣтъ назадъ неудобнымъ и несоотвѣтствующимъ достоинству высшаго въ имперіи судебнаго мѣста—правительствующаго сената, то теперь безъ всякаго, повидимому, серьезнаго основанія допущено по отношенію смѣшанныхъ губернскихъ судебно-административныхъ коллегій. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать серьезными предположенія, что это исключеніе допущено потому, что вновь учреждаемыя губернскія присутствія дѣйствуютъ по образцу всѣхъ прочихъ губернскихъ учрежденій, имѣющихъ, какъ извѣстно, не публичныя засѣданія, или, что власть губернатора, предсѣ-

дательствующаго въ губернскомъ присутствіи, способна умаляться единственно по причинѣ публичности засѣданій. Послѣ сказаннаго нами ранѣе, едва ли нужно опровергать неосновательность этихъ предположеній. Такимъ образомъ, по вопросу о публичности правила 29 декабря 1889 года составляютъ замѣтный шагъ назадъ, сравнительно съ судебными уставами Императора Александра II.

А. Тютрюмовъ.

Интересы землевладѣльческаго и крестьянскаго населенія предъ судомъ орловскаго земства. Въ орловскомъ земствѣ въ теченіе двухъ лѣтъ обсуждался вопросъ, который очень характерно показываетъ, какую осторожность слѣдуетъ имѣть, когда желаютъ регламентировать явленія нашей сельско-хозяйственной жизни. Именно, дмитровское уѣздное земское собраніе, въ засѣданіи своемъ отъ 18 октября 1888 года, обсуждало вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти для земледѣлія въ уѣздѣ отъ чрезмѣрнаго вывоза за границу конопляныхъ жмыховъ, *служившихъ однимъ изъ главныхъ кормовъ для скота зимою*. Принимая во вниманіе стремленіе правительства—поднять земледѣліе путемъ поддержанія тѣхъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, производство которыхъ имѣетъ сельско-хозяйственное значеніе; что многочисленные масляные заводы въ уѣздѣ до сего времени жмыхами снабжали сельскихъ хозяевъ, въ настоящее же время появились скупщики, которые предлагаютъ заводчикамъ закупать все производство для вывоза за границу, пользуясь тѣмъ, что на жмыхъ нѣтъ вывозной пошлины; что подобный вывозъ наноситъ существенный вредъ нашему земледѣлію, *понижая плодородіе почвы* и *лишая населеніе возможности увеличивать скотоводство*, имѣющее важное значеніе для земледѣльческой Россіи;—и въ то же время вывозъ этотъ служитъ на пользу сосѣдняго съ нами государства, возвышая плодородіе ихъ земли,—дмитровское земское собраніе, на основаніи всего вышеизложеннаго и руководствуясь 12 ст. 12 § «полож. о земск. учрежд.», постановило: *ходатайствовать предъ правительствомъ* о принятіи мѣръ къ огражденію и поддержанію земледѣлія, путемъ устраненія одной изъ причинъ, подрывающихъ его благосостояніе; при этомъ дмитровское собраніе постановило: обратиться въ орловское губернское земское собраніе съ просьбою поддержать настоящее постановленіе.—Повидимому, при всей рѣшительности такого постановленія, отъ вниманія его составителей ускользнула полная голословность приведенныхъ въ немъ утвержденій. Начнемъ съ того, что приведемъ фактическія свѣдѣнія о состояніи крестьянскаго скотоводства въ одномъ изъ конопляныхъ уѣздовъ губерніи [1]), именно въ Мценскомъ уѣздѣ. Прежде всего разсмотримъ таблицу,

---

1) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губ. Мценскій уѣздъ. Выпускъ 1. Москва. 1886 г., стр. 75—78.

въ которой сопоставляется размѣръ крестьянскаго скотоводства въ связи съ величиною душеваго надѣла каждой семьи.

РАЗМѢРЪ НАДѢЛА НА СЕМЬЮ.	На 10 дворовъ.		% къ общему числу дворовъ.		Общее число семей.
	Лошадей.	Коровъ.	Безлошад. ныхъ.	Безкоровныхъ.	
До $2_{,16}$ десятинъ.	$4_{,3}$	$1_{,16}$	79	$74_{,4}$	62
» $3_{,9}$ »	$10_{,7}$	$3_{,9}$	$39_{,7}$	$29_{,9}$	921
» $6_{,2}$ »	$13_{,4}$	$6_{,2}$	$28_{,4}$	$19_{,8}$	5,621
» $7_{,1}$ »	14	$6_{,8}$	$25_{,1}$	$19_{,1}$	5,355
» $10_{,9}$ »	15	$7_{,6}$	$21_{,7}$	$16_{,2}$	764
» $12_{,9}$ »	$16_{,6}$	$9_{,2}$	$20_{,8}$	15	419
» 14 »	$13_{,3}$	$8_{,5}$	$25_{,7}$	$12_{,8}$	123
» $18_{,3}$ »	23	$11_{,3}$	$16_{,4}$	$11_{,9}$	67

«Изъ этой интересной таблицы видно прежде всего, съ какой поразительной правильностью ростетъ количество скота по мѣрѣ увеличенія надѣла, съ одной стороны, и понижается % хозяйствъ, не имѣющихъ лошадей и никакого скота — съ другой. *Ясно, что между величиной надѣла и количествомъ скота существуетъ тѣсная причинная связь:* чѣмъ лучше крестьянинъ обезпеченъ землею, тѣмъ большимъ количествомъ скота владѣетъ онъ и тѣмъ, значитъ, степень благосостоянія его выше, и—наоборотъ.... Посмотримъ теперь, насколько крестьянское хозяйство обезпечено тѣми угодьями, которыя составляютъ необходимое условіе правильнаго веденія скотоводства, т. е. достаточно ли въ ихъ распоряженіи находится выгоновъ и вообще пастбищъ для скота? Наиболѣе обезпечены этими угодьями лишь разрядъ государственныхъ душевыхъ, *всѣ же остальные терпятъ нужду, и тѣмъ стѣсняютъ развитіе у себя скотоводства до крайней степени.* Недостатокъ собственныхъ выгоновъ заставляетъ крестьянъ прибѣгать къ найму мѣстъ для выпаса скота на сторонѣ. Такъ, изъ 509 обществъ въ уѣздѣ 124, или $24_{,13}$%, кое-какъ обходятся своими выгонами, кромѣ того—13 обществъ пасутъ свой скотъ на заарендованныхъ ими земляхъ и *303 общества, или 60%, обыкновенно за пользованіе пастбищемъ по паровому полю, жнивью и отавѣ отрабатываютъ частнымъ владѣльцамъ*, такъ какъ за деньги почти никто изъ частныхъ владѣльцевъ не отдаетъ этихъ угодій, а съ другой стороны — и крестьяне, при наймѣ пастбищъ, сами вызываются на отработки, въ виду недостатка въ деньгахъ.... Тѣмъ же характеромъ скудости отличается у крестьянъ и *зимнее содержаніе скота.* Въ виду крайней недостаточности сѣнокосныхъ угодій, для зимняго продовольствія скота *употребляется исключительно солома озимая и яровая—овсяная и чечевичная*, такъ что въ громадномъ большинствѣ случаевъ *крестьяне обходятся совсѣмъ*

безъ сѣна, а если и получается немного съ своихъ луговъ, то его изрѣдка даютъ весною коровамъ и овцамъ, *лошадей же рабочихъ почти въ теченіе круглаго года кормятъ рѣзкою изъ соломы, посыпанною ржаною или чечевичною мукою....* Благодаря плохимъ урожаямъ за послѣдніе годы, очень многіе хозяева вынуждены покупать кормъ для скота, за недостаткомъ своего, почему и цѣны на солому значительно поднялись. Въ виду этого, многіе хозяева къ веснѣ, обыкновенно, распродаютъ лишній скотъ, какъ по недостатку корма, такъ и на покупку хлѣба для собственнаго продовольствія, а также — на обсѣмененіе полей и прочее».

Изъ этихъ точныхъ данныхъ не усматривается рѣшительно никакого соотношенія между скотоводствомъ и жмыхами, да и можетъ ли быть рѣчь о значеніи жмыховъ, когда крестьянину просто выгнать некуда скотину, когда и земли мало, и луговъ нѣтъ, и денегъ нѣтъ; мы видимъ также, что о жмыхахъ, какъ о кормѣ для крестьянскаго скота, даже и не упоминается: солома озимая и яровая, рѣзка изъ соломы, иногда — картофель — вотъ и вся пища деревенской скотины; о чьемъ же скотѣ идетъ рѣчь? Несомнѣнно—о владѣльческомъ; и, стало быть, незачѣмъ было говорить «о населеніи» вообще и мотивировать частный интересъ общимъ благомъ.

Будетъ ли выгодна для крестьянъ пошлина на конопляные жмыхи?

Припомнимъ относительно экономическаго благосостоянія крестьянъ Орловской губерніи, что количество запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ за истекшее двѣнадцатилѣтіе понизилось съ 3,311, какое было въ 1876 г., до 2,560, т. е. уменьшеніе произошло на 551 магазинъ; что хлѣбные запасы въ магазинахъ за тотъ же періодъ никогда не доходили до требуемой нормы; что за все 12-лѣтіе не было ни одного года, когда бы населеніе удовлетворилось собственными запасами, не обращаясь за хлѣбными ссудами; что хлѣбныя недоимки ежегодно возрастаютъ и что помимо хлѣбныхъ ссудъ весьма часто требуются значительныя денежныя ссуды [2]), что, какъ справедливо было сказано въ докладѣ орловской губернской земской управы за 1867 годъ «единственный получаемый крестьянами доходъ отъ земли недостаточенъ на покрытіе его расходовъ», и что, наконецъ, отхожій промыселъ (на югъ въ лѣтнее время) съ каждымъ годомъ сокращается все болѣе и болѣе вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ, постигающихъ южныя губерніи. При такомъ положеніи дѣла крестьянинъ остановился на *конопли*, какъ на продуктѣ, который, при упадкахъ цѣнъ на всѣ полевыя произведенія, всегда имѣетъ цѣнность, именно *благодаря конкурренціи вслѣдствіе спроса за границу*, что весьма часто даетъ возможность кое какъ извернуться, т. е. главнымъ образомъ, покрыть хотя часть платежей и недоимокъ.

---

[2]) См. Сельско-хозяйственный обзоръ Орловской губерніи за 1888 годъ, стр. 71—75.

И вотъ крестьянинъ свозитъ весь свой навозъ на конопляники, удобряетъ ихъ, холитъ положительно въ ущербъ пашни, потому что видитъ въ коноплѣ единственное свое спасеніе. Весь сборъ съ этихъ коноплянниковъ идетъ въ руки кулаковъ. Въ Орловской губ. существуетъ конопляное рабство, если можно такъ выразиться. За самыми ничтожными исключеніями, нѣтъ ни одного крестьянина въ губерніи, который бы имѣлъ право на собственную коноплю. Ему предоставляется только унавозить своимъ навозомъ усадьбу, вспахать ее, вообще обработать, засѣять собственными сѣменами, а затѣмъ роль этого несчастнаго хозяина окончена: плоды его трудовъ ему уже не принадлежатъ; мало этого—онъ долженъ ихъ свезти самъ своему кредитору; онъ не имѣетъ права руководствоваться рыночными цѣнами и продать кому либо по собственному усмотрѣнію ни единаго зерна, ни одного волокна. Въ большинствѣ конопляныхъ уѣздовъ населеніе до того задолжало кулакамъ, что эти послѣдніе теперь уже сами поддерживаютъ крестьянъ, потому что дальнѣйшее разореніе поведетъ къ тому, что кулаки вовсе не получатъ своихъ долговъ. Кредиторъ старается поддерживать находящійся въ его, съ экономической точки зрѣнія, вѣдѣніи районъ настолько, чтобы населеніе не умирало съ голоду и могло работать; все же сверхъ этого идетъ кредитору на уплату капитала, процентовъ, процентовъ на проценты и т. д. Во многихъ мѣстахъ Сѣвскаго, Трубчевскаго и Брянскаго уѣздовъ по одному мановенію кредитора цѣлыя селенія выѣзжаютъ работать на него. У кулаковъ имѣются списки всѣхъ крестьянъ, и сборщики податей прямо идутъ къ нимъ, берутъ за всѣхъ подати, а потомъ къ кулаку свозится вся конопля, вся пенька безъ исключенія. Само общество, все задолженное, строго слѣдитъ, чтобы члены его не везли куда либо въ другое мѣсто конопли и пеньки; если за этимъ не услѣдятъ, кулакъ кладетъ опалу на все общество, и плохо ему тогда придется. Крестьяне такъ привыкли къ этой кабалѣ, что не могутъ даже представить себѣ иного положенія и очень довольны, что у нихъ есть по крайней мѣрѣ конопляники, которые дозволяютъ имъ занимать безъ конца, въ то время какъ пашня не представляетъ такого залога. (Рус. Вѣд. 1888 г., № 167).

Но какъ ни печально такое положеніе—кулакъ все же является единственнымъ кредиторомъ и спасителемъ крестьянина при сборѣ платежей и недоимокъ; но и кулакъ потому только открываетъ кредитъ, что навѣрное знаетъ, куда сбыть коноплю: если не продастъ на мѣстѣ, онъ отправитъ ее—въ Ригу, Либаву, Кенигсбергъ и тамъ получитъ барыши; онъ получитъ солидный % и на конопляномъ сѣмени, и на пенькѣ, и на маслѣ, а разъ цѣны на эти предметы не высоки—у него есть *конопляные жмыхи*, весьма бойко идущіе за границу и почти не падающіе въ цѣнѣ (27—29 к. пуд. въ Орлѣ, 45—53—въ Ригѣ); насколько великъ на нихъ спросъ, можно отчасти судить потому, что, какъ сообщалось въ «Вѣстникѣ финансовъ, торговли и промышленности», за время съ 15 октября по 15 ноября 88 г., т. е. за одинъ только мѣсяцъ, изъ

Орла было отправлено конопляныхъ жмыховъ: въ Ригу—35,670 пудовъ, въ Либаву—16,400 пудовъ и въ Кенгисбергъ—6000 пудовъ, а всего 58,070 пудовъ. А не будь этого «вѣрнаго продукта», какъ называютъ коноплю крестьяне, кулакъ, понятно, не снабжалъ бы деревенское населеніе деньгами, не взносилъ бы платежей. При обложеніи жмыховъ пошлиною, прежде всего уничтожается главный покупатель—«сосѣднее государство», цѣна на жмыхъ падетъ до minimum'а, и крестьянскому населенію закроется еще одинъ источникъ дохода.

На Орловскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 1888 года, по предложенію губернской управы, была избрана коммиссія, по одному изъ гласныхъ отъ каждаго уѣзда, которая высказалась въ пользу проекта Дмитровскаго земства. Но губернское земское собраніе не согласилось и съ мнѣніемъ коммиссіи. Поднялись горячія пренія, въ результатѣ которыхъ губернское собраніе передало вопросъ на предварительное обсужденіе уѣздныхъ собраній. Изъ 12 уѣздныхъ земскихъ собраній: Орловское, Малоархангельское, Кромское, Карачевское, Трубчевское, Ливенское и Брянское отвергли предложеніе обложить жмыхи вывозною пошлиною, при чемъ нѣкоторыя высказали, что конопля производится почти исключительно крестьянами, что пошлина на жмыхи при вывозѣ ихъ за границу неминуемымъ послѣдствіемъ будетъ имѣть уменьшеніе спроса и слѣдовательно пониженіе на нихъ цѣны, что если жмыхъ, въ особенности конопляный, составляетъ хорошій кормъ для скота, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы продуктъ этотъ не могъ быть замѣненъ другими кормовыми средствами и растеніями, и опасеніе, выраженное Дмитровскимъ собраніемъ, что чрезмѣрный вывозъ за границу конопляныхъ жмыховъ нанесетъ существенный вредъ земледѣлію и явится одною изъ причинъ, подрывающихъ благосостояніе Россіи, едва ли имѣетъ серьезное значеніе.

«Вѣскія данныя», какъ показано въ настоящей замѣткѣ, совершенно отрицаютъ возможность обложенія конопляныхъ жмыховъ пошлиною, такъ какъ это будетъ равносильно полному раззоренію крестьянъ всѣхъ губерній, гдѣ конопля составляетъ фундаментъ существованія.

Не объ обложеніи должны заботится дѣятели, заботящіеся объ интересахъ населенія, а, наоборотъ, о возможно успѣшномъ сбытѣ крестьянскихъ продуктовъ, деньгами за которые они покрываютъ свои нужды; нужно бы избавить населеніе отъ посредничества кулаковъ и сдѣлать такъ, чтобы крестьянинъ *самъ* былъ хозяиномъ плодовъ своихъ трудовъ, чтобы *самъ* онъ, безъ посредниковъ, могъ сбывать свои произведенія, а не былъ бы въ рукахъ міроѣдовъ, какъ въ настоящее время.

И. П. Бѣлоконскій.